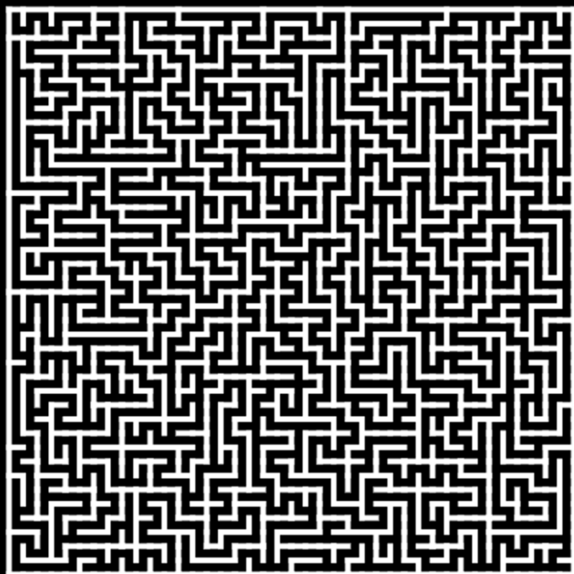
18+

ШРАЙ



КАРТИНЫ ИЗ ЛАБИРИНТА

ШРАЙ

Картины из лабиринта

Издательские решения
По лицензии Ridero
2021

УДК 82-3
ББК 84-4
Ш85

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

ШРАЙ
Ш85 Картины из лабиринта / ШРАЙ. — [б. м.] : Издательские решения, 2021. — 474 с.
ISBN 978-5-0053-0169-7

Безымянная девочка, бредущая сквозь зыбкие миры, пытается вспомнить цель своего путешествия.

Богиня, обречённая раз за разом проходить через душераздирающий ритуал, теряется в мире-фотокарточке.

Сн приходит в себя в подземной пещере, где неосознанные рабочие исполняют механические процедуры на конвейере таинственной Машины.

Цветные камешки персонажей складываются в фрактальную мозаику в зеркальных стенках повествования, в лабиринт, из которого тебе предстоит найти выход.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0053-0169-7

Оглавление

посвящается тебе

Книга I

— Направления —

~слепой путник~

Казалось, что подъем никогда не закончится. Я то и дело поднимала взгляд вверх и оценивала, сколько еще до вершины. Я устала от этого тусклого мира и спешила выбраться прочь, благо оставалось совсем немного; я уже различала детали двери: серое покрытие, алмазную ручку. Дверь была вонзена в грунт на вершине холма, и до нее было еще двадцать… двадцать пять шагов?

— Скорее двадцать пять, — сказала Фая бестелесным голосом. — Ты посмотри, как красиво.

Я оглянулась. С вершины открывался панорамный вид на мир: отстраненные скалы Минарелей, напоминающие потемневшую от задумчивости фольгу, периодически мерцающую бирюзовыми вспышками обитателей. Двадцать пять шагов. Двадцать четыре. Двадцать три.

— Постой! — раздался густой голос за спиной.

— Кто это? — я вздрогнула и обернулась.

Передо мной на кривом, будто наспех нарисованном коне с высоченными паучьими ногами восседал старик. Худощавый, завернутый в ниспадающий кусок материи неопределенного цвета.

— Прошу простить мою бестактность, — сказал он и сделал плавный жест рукой.

— х~~~>>! — выразилась я, заодно проверяя, понимает ли он грани.

— <>, — кивнул он в ответ и отплыл немного назад. Оказалось, что конь не стоял, а парил в воздухе на незаметной высоте.

— Меня зовут Путник, — сказал он.

— Не обозначена, — представилась я.

— Прошу прощения, — поклонился он. — Ни в коем случае не хотел вас испугать.

— Ничего, — сказала я.

Обращаясь ко мне, Путник смотрел куда-то вдаль:

— Хоть мне и не рассмотреть вашу, без сомнения, прекрасную форму, мне видно, что вас двое и что идете вы в неверном направлении. Не будь так, я бы ни за что не потревожил вас, но любовь к порядку просто не позволяет мне пройти мимо подобного недоразумения.

— О чем это вы? — спросила я.

— Видите ли, я слеп. Возможность смотреть мешала мне видеть, так что я отказался от зрения давным-давно. У этого, конечно, есть свои неудобства, но они ничто по сравнению с преимуществами. — Он провел перед глазами своей по-детски растопыренной ладонью и улыбнулся. — Вы, верно, полагаете, что эта дверь — выход наружу, что, конечно, очень логично, но, как зачастую бывает с логичностями, неверно. На самом деле это переход на Негатив Минарелей — своего рода обратную сторону мира, предназначенную для вечного хранения. Кроме того, что там нечем дышать от скоплений древностей, я вижу, что оттуда еще и нельзя выбраться. Не самое подходящее для вас место. Идущему не место там, откуда нельзя уйти, так ведь? Я знаю, где находится выход, но прежде чем направить вас туда, молю, не откажите мне в любезности, небольшой разговор — все что мне нужно. Вот уже с десяток миров не встречал я никого, способного поддержать беседу.

Конь шумно выдохнул, будто ставя точку. Я покосилась на дверь. Она, конечно, никуда не денется. К тому же старик был определенно интересен.

— Отчего нет? Беседа не повредит, — согласилась я, невольно подражая его манере выражаться.

Путник улыбнулся и воздел ладонь к небу. Из нее вырвалась спица и раскрылась широким зонтиком, образуя вокруг нас беседку. Старик спешился, и конь тут же стал почти невидимым. Затем он шевельнул мыслями, и из земли сплелись два кресла и столик. Я села и осторожно откинулась на спинку. На внутренней стороне купола беседки морфились причудливые орнаменты, создавая атмосферу уютной карусели.

— Хорошо, да? — сказал он, ощупывая кресло руками, прежде чем расположиться. — Не припомню, когда последний раз разворачивал эту выдумку.

— Мне нравится, — сказала я.

— Видите эти узоры? Они из необозначенного места. В каком-то смысле этот орнамент оно и есть.

— Как это?

Путник сделал жест рукой.

— В этих узорах заключена история мира, в котором, кроме истории, больше ничего нет. Он завершен. Так решили обитатели. Они настолько увлеклись прошлым, что в итоге полностью потеряли интерес ко всему новому. То, что ты видишь, — великий труд лучших художников, запечатлевших все когда-либо произошедшее в том мире в мельчайших деталях. Картина была признана абсолютом, к которому ничего нельзя добавить, не испортив, и было принято решение отказаться от любого рода деятельности. Мне довелось быть свидетелем этой остановки. Эмоциональный фон выдался просто невероятный. Вообразите себе миллионы созданий, осознанно избирающих смерть в пользу одного-единственного творения. Естественно, я запомнил его с собой. До сих пор чувствуется исходящий оттуда импульс. Выглядит, должно быть, восхитительно.

— Да, — сказала я, взглянув на орнамент по-новому. Его любопытная замысловатость казалась теперь исполненной фатальным величием.

— Это интересно, — нарушил возникшую паузу Путник. — Вас двое, но выглядишь только ты одна. Я, конечно, не знаю, как именно, но могу предположить. Позволишь?

— Пожалуйста, — кивнула я, примиряясь с тем фактом, что говоря «Вы», всадник не галантничал, а подразумевал присутствие Фаи.

— Ты выглядишь как девочка в темно-синем платье и туфельках. У тебя длинные черные волосы и большие глаза… карие?

— Синие, — сказала я и задумалась о значении слова «слепота».

Путник смотрел сквозь меня не моргая.

— Все, что выглядит, выражается так потому, что хочет казаться тем, что выглядит, — сказал он.

Я склонила голову набок. Это была любопытная мысль. И совершенно непонятная.

— Но нельзя забывать, что это лишь мелкая часть огромного целого. Притом наиболее обманчивая. Иллюз… — добавил он задумчиво.

— Я выгляжу, потому что хочу казаться тем, что выглядит как я?

— Определенно, — кивнул он.

— А если я захочу выглядеть как вы?

— В таком случае ничто не в силах тебе помешать. Ты будешь выглядеть в точности как я.

Фая улыбнулась с уголка ума. Она явно наслаждалась беседой.

— Ты выглядишь так для себя и других, — сказал старик. — Это красивая картинка; абсолютная в некотором роде, но, внутренне подражая тому, как ты выглядишь, и приравнивая себя к этому, ты теряешь из виду остальные части своего великолепия, которые продолжают существовать вне зависимости от того, осознаешь ты их наличие или нет. Выглядеть — это

выбор, который должен быть сделан осознанно, а не от боязни не выглядеть. Иначе это потеря, а не обретение. <xI.

Из центра столика взъехал винтовой лесенкой кран, из которого полилась прозрачная жидкость с пузырьками.

— Это Таннос. Попробуй, рекомендую.

Я приблизилась к крану и сделала глоток. Напиток был чистый на вкус. Его пузыристость будоражила кровь. Думать стало яснее, цвета взыграли, а орнамент высвободился из-под купола и забегал по воздуху витиеватой змейкой, очаровывая. Вдали бирюзово вспыхнули три минарельца подряд.

— Нравится?

Я засмеялась в ответ, не в силах сдержаться. В груди тепло заискрилась детская жизнерадостность. Прежде она будто была заперта внутри, а теперь вырвалась на волю. Таннос освободил ее. Путник сделал глоток и замер, глядя белыми глазами прямо перед собой и загадочно улыбаясь.

— Мы похожи с тобой, — сказал он наконец.

— Чем? — спросила я, не в силах оторваться от орнамента, который становился все интереснее.

— Мы идем. Проходим насквозь, не задерживаясь дольше, чем нужно, чтобы перевести дух. Цели, которые возникают по дороге, непостоянны — и чем дальше мы идем, тем меньше придаем им значения. В конце концов, ты отбросишь их все и будешь просто идти, безо всяких причин. Потому что так оно и было всегда, — он замолчал и сделал движение губами. Это показалось мне крайне забавным. Голос его завкрадывался: — Конечно, это пугает нечто в тебе. Что-то, что боится не выглядеть, не быть, не значить. У тебя уже нет имени, тебе оно ни к чему. Имя сковывает, обязывает быть тем, что названо. Но фор-

ма — это то же самое. Однажды тебе станет очевидно, что нечего бояться. Вообще нечего. Особенно тебе, с твоими способностями.

— Мне далеко до вас, — скромно сказала я, втайне польщенная комплиментом.

— Ближе, чем ему до тебя, — ответил он, имея в виду коня, который еле заметным контуром скучал неподалеку.

— Но его же нет самого по себе, он — ваша выдумка, разве нет?

— А что есть само по себе? — спросил Путник, наклонившись вперед. — Все мы выдумки друг друга, да и вообще — все это сон, помнишь?

То ли от особого тона вопроса, то ли от Танноса по телу прошла прохладная волна чего-то смутного.

— Воображение — единственное, что имеет значение, — сказал он. — Если не умеешь придумать — нету. А ты многое можешь придумать. У тебя широкое воображение. Здесь это главное. А здесь — оно везде. И чем ты сложнее, тем богаче мир вокруг. И запутаннее, конечно. Но разве это не прекрасно?

С этими словами он вдруг выпрямился и взмыл с кресла одним движением.

— Благодарю за разговор. Я перевел дух, а значит, нужно идти. Да и тебе пора. Дорога не ждет.

Я встала и оправила платье. От Танноса все еще покачивалось и вибрировало, но уже не так сильно.

— Вам спасибо, пусть я и не понимаю многое, но все же, — сказала я.

— Поймешь, — ответил он, складывая беседку в ладонь. — Садись на коня, он отведет тебя к поезду. Только не слезай с него до самого конца, а то потеряешься.

Я подошла к коню и дотронулась до него. Он оказался вязкий на ощупь, как плазма.

— Не бойся начинать — все начатое завершается. А книга начал не имеет конца, — сказал путник полуулыбкой и перестал выглядеть.

~станция~

Тоннель расширился, развораживая прозрачные стеки вниз. Ниспадая водопадами, они тут же обрастали магнитным инеем, принимая причудливые формы. Через мгновение капсула состава, перехваченная невидимыми креплениями, пулей вырвалась из горизонтального тоннеля и понеслась по воздуху. Небо стремилось мимо с умопомрачительной скоростью.

Внутренние стенки вагона переливались цветами; царила абсолютная тишина. Выемка сидения, на котором я разместилась, выглядела стеклянно, но была мягкой и согласной с любым положением тела. Других пассажиров не было. Атмосфера сжалась мягкой пружиной в предчувствии приближающейся станции; туманная вдохновленность окутала меня шероховато.

«Каково это там? — думала я. Неизвестность.»

На этот раз направляющий сон, один из тех, что указывают, куда дальше, выдался мутный. Я помнила лишь опадающие в бездну алые лепестки, ветер и отражающие плоскости. Ничего больше.

Ртутный шар под потолком прошелся рябью, и из него прошуршал неуловимо знакомый голос: «Осталось два с половиной оборота». Остаток пути я воображала вариации грядущих просторов, закусив губу.

Наконец каскад едва ощутимых иголочек промчался по спине электрическими мурашками. Скорость плавленно обнулилась, и шар точечно мигнул. Поезд

прибыл. Двери трамвайно разъехались. Я выглянула в окно.

Станция представляла собой серебристый цилиндр, не больше двадцати шагов в диаметре, обрывающийся со всех сторон в никуда. Цвет этого «никуда» плавно перетекал от пепельно-серого до ослепительной белизны. Вдали, у линии горизонта, грациозно завивались лазурные лошадки облаков. Я подошла к дверям вагона и осторожно вдохнула. Воздух снаружи пах озоном и еще чем-то неизвестным, но приятным.

Одним движением мысли я спрыгнула с поезда, и он тут же исчез, как и не было.

Я двинулась к краю платформы. Здесь, так же как и в поезде, было тихо; только мои туфельки грифельно стучали о поверхность.

Гладкая игла станции уходила в бесконечный низ, без намеков на входы или выходы. По крайней мере, физически. Я села на край, свесила ноги в пропасть и сосредоточилась.

Контуры треугольников.
Зеленые контуры.
Они вращались.
Их углы находили друг на друга.
Проекция.
Фрагменты.
Луч на центр лба.
Сложила пальцы в форму фазы и
синхронизировалась.
Окружение превратилось в меня,
И наоборот.
Я понимала символы потока.
Они дарили подарки себя.
Шептала им: «Я принимаю вас!»
И все улыбалось в ответ,
Будто распознавая пароль.

Теперь «Здесь» любило меня
и распахивало ворота.

~улей~

Я оказалась внутри станции. Место напоминало массивную лифтовую шахту. Я сидела на узком бордюре у самого потолка. Большую часть пространства занимала неказистая органическая башня, вздымающаяся в шахте как цветок в перевернутом стакане. Тысячи пчелинозанятых существ копошились в ней: вытянутые тела и быстрые выгибы конечностей. На лицах — выпуклые шары глаз. У каждого на спине было вроде обтекаемого рюкзака, или баллона. Детальнее разглядеть я не могла — слишком шустрые.

Внизу панорама разворачивалась сумрачно-утробным многоугольником: ульем, винтом, уходящим в темноту. Я перевела взгляд на потолок. На нем была нарисована белая спираль, которая слегка фосфоресцировала. Поверхность Станции-шпиля, на которую я прибыла, находилась по ту сторону спирали.

Пути наверх не было. Только вниз. Я могла бы спуститься по каскадным уровням улья, но зачем идти пешком, если можно полететь? Моргнув, я сходу придумала себе крылья: они выглядели как плотная бумага с высеченными капиллярными узорами. Под каждым крылом было вроде керосиновой лампы, подогревающей снизу. Они выглядели как стратосферные шары, сконструированные мухами. Я подвигала лопатками вверх-вниз: крылья послушно шуршали в такт моим желаниям. Я заметила, что улей гудит; причем гул нарастал как в громкости, так и в тональности: от железного «м-м-м-м-м» до «у-у-у-у-у-у».

— Успей до яркости, — сказала Фая.

Ее интуиция еще ни разу не подвела. Что бы ни происходило, она будто все знала наперед. Это было ее таинственным свойством, что не давало мне покоя.

— Это ты все рисуешь? — спросила я ее, но она, по обыкновению, промолчала. И пусть.

Между бордюром, на котором я сидела, и ульем зиял промежуток расстоянием в длинный прыжок. При помощи крыльев я могла бы нырнуть в пропасть и проскользить по воздуху вниз, между стеной и ульем, не касаясь этой чужеродной органики. Я примерилась. Это было возможно.

— Амая, — сказала я и затяжной осой метнулась в пропасть.

Вблизи проносящаяся мимо материя улья выглядела ребристо, сотами, складками. Пламя керосинок под крыльями сглаживало повороты, оборачивая меня вокруг, снижаясь. Спуск шел плавно. Копошащиеся силуэты были поглощены своей непонятной работой и не обращали внимания на падающего пришельца. «Наверное, для них меня не существует, — подумала я. — Как для многих многие».

Чем ниже, тем сумеречнее, и конца этому видно не было, а неясная звуковая тревога уже сбивала воздух. Гомон закладывал уши, как под водой. Вместе с тем все вокруг стало набирать яркости, и вскоре стенки подземелья стали различимы, будто внутренний костер отбрасывал судорожное пламя, расширяясь.

«У-у-у-у-у-у-а-а-а-а-а-а», — взгудел звук, и крылья мои задрожали. Было слишком поздно. Словно достигнув границы, что-то лопнуло, и пространство озарилось белым светом.

Мои крылья столкнулись. Я ослепла, упруго врезалась в вертикальную материю улья и впилась в нее

пальцами. Несколько мгновений я широко моргала глазами, пока картинка не стабилизировалась.

Существа заняли позиции по краям улья и богомольно тряслись, обращенные вовне. В новом освещении место походило на внутренности исполинского алого цветка с ульем-тычинкой.

Его стенки, испещренные туннелями кровеносных сосудов, медово вспыхивали в такт происходящему. Все это, несомненно, было древним ритуалом. Баллоны на спинах насекомых один за другим раскрывались хлопками, высвобождая танцующие искры, которые тут же влеклись к стенам и впитывались в них. Аура места переполнялась благоговейной радостью, смешанной со страхом; мне хотелось смеяться и кричать от ужаса, настолько это было эпично.

«Держись. Слышишь меня? Слушай мой голос. Я здесь. Держи себя в руках. Не поддавайся, или сольешься. Тебе нужно вниз. Оторвись от этого. Ты слышишь меня? Это Фая. Это Фая, а тебе нужно вниз. Прямо сейчас», — звучал голос в моей голове.

Рваным движением я подорвалась с места и тут же упала. Колени дрожали. Правое крыло разорвалось пополам, на левом сломалась керосинка и обвисла бессмысленным грузом. С хрустом оторвав крылья от лопаток, я покатилась вниз, цепляясь за поверхность улья руками, пальцами, ногтями. Гул вышел за диапазон и перестал быть слышен, но я чувствовала его всем телом. Он проникал внутрь, стремясь к сердцу. Я знала, что, доберись он туда, меня больше не будет. По крайней мере, отдельно от гула.

По мере продвижения вниз поверхность улья выровнялась и не была более отвесной. Теперь я не катилась, а бежала, наклонившись вперед. С четверть оборота я прорывалась сквозь арки и выщербленные ступеньки, подальше от гула, когда от стен с космиче-

ской простотой начали отпадать лепестки. Они внушительно скользили в бездну, тончайшие. Гигантские падающие лепестки из направляющего сна. Вместе с тем гул иссяк.

«Значит, все происходит как должно быть», — подумала я. От этого стало спокойней. Дрожь утихла, и я перешла на шаг, шумно дыша.

— Молодец, девочка, — раздался взволнованный тон Фаи.

— А ты во мне сомневалась? — задорно ответила я, но голос все-таки дрогнул.

~бутылочное дно~

Пейзаж переходил в изумрудный и шел уже не ребрами, а скатами, отчего иногда приходилось скользить боком, чтобы не упасть. Скоро мои ноги устали, и я присела, прислонившись спиной к прохладной стене улья-тычинки. Лепестки продолжали падать, плавно сворачиваясь на лету в оригамные лодочки. Это завораживало.

«А ты кто?» — внезапно раздалась мысль с детским оттенком «ня», вроде апострофа на конце смысла.

Я ответила локаторным интересом, пытаясь определить направление источника.

«О, прости'ня, лепесток смотри на».

На одном из снижающихся лепестков замерцал силуэт мальчика с внимательными глазами и правильными чертами лица. Он сидел, скрестив ноги, естественный и светлый.

— Я Сн из Стен. А ты не похожа на рабочего. Кто ты?

— Не обозначена, — сказала я, с интересом глядя на Сн. Вокруг него лодочка лепестка продолжала

усложняться, и вот уже намечался алый корабль. Взбухала, потрескивая, мачта; из тонкого податливого материала вырезалось рулевое колесо.

— Никогда не встречал необозначенных. Ты мне нравишься'ня, — улыбнулся он, ускользая вниз. Когда лепесток почти ушел из поля зрения, Сн исчез и тут же возник на другом, повыше.

— А что ты тут делаешь? Ты видела Обнадежду? Страшно, ня?

— Да, — ответила я и вздрогнула от воспоминания.

— Мне не нравится тоже. Тут только и говорят, что о вспышках да лепестках. Хотя лепестки мне нравятся: на них можно кататься, но никто не знает как. Да и не хотят. А я знаю, — гордо сказал он. И немного помедлив, добавил: — И хочу. Ня.

— А как кататься на лепестках? — Мне стало любопытно.

— Ну у тебя не получится, это нужно из Стен быть'ня. Когда ложишься спать... — тут он моргнул на верхний лепесток, — ...иногда говоришь во сне. Многие в Стенах говорят во сне. Даже сами стены говорят, но очень тихо. И я научился так говорить, чтобы вместе со стенами. И знаешь что? Они начали мне отвечать! Я никому ничего не рассказываю, но тебе скажу, — заговорщески зашептал он и подался вперед. Судя по всему, он уже целую вечность хранил секрет и жаждал поделиться.

— Ведь на самом деле, пока лепестки не отпадают, — они же и есть Стены'ня. И если их хорошо попросить, то можно выйти наружу. И каждый раз перед Обнадеждой я ложусь спать. Никто в Стенах не спит тогда, кроме меня. Все смотрят. Многие говорят, я странный, потому что пропускаю Обнадежду. Наверное, так и есть'ня. Ты думаешь, я странный?

— Я думаю, да, — честно ответила я.

Мальчик нахмурился.

— Но это же хорошо — быть странным, — добавила я. — Я вот тоже странная. Наверное.

«Наверное», — эхом отозвалась Фая.

— Правда? А что там, внизу? Совсем ничего нет? Темно? Так в Стенах говорят. Но ведь они же говорят, что нельзя наружу выйти, а я выхожу — врут ведь'ня. Скажи мне. Что там? Я не могу до самого дна упасть, просыпаюсь.

— Не знаю, я там еще не была.

Мой ответ явно поставил мальчика в тупик, и он сменил пару скользящих кораблей в молчании.

— Как? — выпалил он наконец, уже без детской ноты в тоне. — Откуда ты тогда?

— Я пришла сверху. Точнее, приехала. На поезде.

— Но ведь я сверху. Там нету никаких на поезде.

— И не пытайся объяснить, — тихо сказала Фая. — Ему только хуже станет.

— Знаю, — подумала я в ее сторону.

— Забудь об этом, Сн. Это глупости. Мне нужно спешить. Было приятно познакомиться, пусть я и не могу представиться как следует. — Я встала и пошла, осторожно выбирая шаги.

Сн выглядел неважно и часто мерцал.

— Постой! Пожалуйста! Если вдруг вернешься сюда, можешь рассказать что там, внизу'ня? Ладно?

— Хорошо, — сказала я, улыбаясь мыслями. — Сладких снов, Сн! — Но он уже вышел за радиус своих способностей и проснулся.

Наверное, я задумалась в пути, а когда очнулась, все вокруг изменилось. Охитинилось. Окружение не имело ничего общего с ульем наверху. Все стало бутылочно-зеленым и кристально отражало само себя, создавая бесконечные зеркальные коридоры. Когда в отражения попадали яркие отсветы алых, изящно

сконструированных падающих фрегатов-лепестков, мурмурная нега сюрреально проскальзывала, и было в этом что-то шкатулочное. От фрегатов исходил звук трепещущих на ветру флагов, хотя самих флагов на мачтах видно не было.

Здесь было так спокойно… хотелось лечь и смотреть, как падают корабли. Один, другой, третий… убаюкивая вдаль… я тепло зевнула, прикрывая рот рукой. А почему бы и не отдохнуть?

— Не сейчас, — сказала Фая. — Когда лепестки перестанут падать, мы потеряем направление.

— Но я же увижу новый сон, — возразила я. — И путь будет видно снова.

— Не сейчас, — повторила Фая и отстранилась.

Во мне встрепенулось негодование. Ну конечно, ей лучше знать; а вот не послушаю ее, и что тогда? Я твердо решила так и сделать, но пройти хотя бы еще немного.

Между тем склон становился все круче. Кое-где попадались выбитые неведомым инструментом ступеньки, но чем глубже, тем реже, и наступил момент, когда я достигла отвесного плато без признаков спуска, совсем как на станции.

Концентрироваться таянием или придумывать крылья сил уже не было. Внимание мыльно маятнилось от одного к другому, без моего контроля. В конце концов я села, обняла колени и закрыла глаза. На внутренней стороне век царапно-фотопленочно проявились грани: « <_^|_| <~» Интересно…

«<<<<|», — выгравировала я в ответ.

«>», — возникло, и темнота экранов век отщепилась сбоку уголком страницы.

Я вспомнила. Такое случалось со мной прежде. Много оборотов назад, когда я проходила через деревню шерстяных клубков. Я тогда отстранилась всего

на мгновение, привести мысли в порядок. И было так же, как сейчас: грани в темноте, и уголок закрытого зрения, чуть чернее, чем темнота. Только грани тогда проявились другие. Фая тогда назвала это «смена век» и объяснила как процесс, ведущий к чужому взгляду, на другой сцене. Отчего такое бывает, неясно. Просто случается. Находясь там, отпускаешь внимание от своего тела, и это опасно: никогда не знаешь, куда попадешь и через сколько оборотов вернешься; ведь в разных мечтах вращения идут по-разному.

Но тогда все было иначе. Деревня шерстяных клубков была населена шерстью, задумчивой и сплоченной формой жизни, которая не причиняла зла. Зло их не интересовало. Их вообще ничего не интересовало, кроме самих себя, и единственное, что мне довелось от них услышать, было «ты не шерсть». В той реплике не было ни агрессии, ни обвинения, ни даже удивления — это звучало как сухой факт. И не поспоришь ведь. В общем, в той деревне было безопасно оставить тело.

В тот раз, когда я сменила веки, я посетила мир, где все заворачивалось в самое себя, и каждый миг уже почти что ввернулось до конца: «Вот оно! Сейчас! Сейчас!» Но в самый последний закуток изподпереворачивалось и оказывалось, что есть еще масса вариантов перевывернуться и заперевернуться, и все начиналось по новой. Это продолжалось, головокружительно и бесконечно. Обладатель глаз, с которым я тогда обменялась веками, был чрезвычайно увлечен происходящим. И не только увлечен, но и вовлечен буквально. С пружинистым энтузиазмом он швырял себя в самую глубь событий и вертелся, всасывался, разбивался на фрагменты, которые вращались в разные стороны, и собирался снова в другом месте, готовый ворваться в новый поток. Он обожал жизнь и был переполнен ей.

Глазные нервы его шли прямо в эмоции, и я смогла разделить его восторг сполна, глядя сквозь его глаза. Когда все закончилось, я очнулась в том же месте, где оставила свое тело. Волосы мои были переплетены шерстяными нитями.

Теперь же окружение, где я находилась, не внушало такой уверенности. Зеленое стекло холодно поблескивало.

— Фая? Ты здесь? — позвала я. Нет ответа.

«X->.~ <», — выгранила я ей записку в междупространстве.

Несмотря на опасность, во мне все еще горело желание ослушаться Фаю и посмотреть, что из этого выйдет. Это было вроде проверки тоже. Если это она рисует все происходящее со мной, то точно что-нибудь придумает, окажись я в беде. А если не она, то откуда ей знать, что правильно, а что нет?

Слегка приоткрыв левый глаз и крепко зажмурив правый, чтобы не потерять из виду уголок закрытого зрения, я осмотрелась в поисках укромного места. Такового не оказалось. Голая бутылочность была покатой и открытой, за исключением редких выемок ступенек.

«Ничего не остается, — подумала я. — Придется рискнуть». Ощупав ногой ступеньку, я уперлась понадежней, легла на спину и закрыла глаза. Сквозь веки виднелись розоватые отсветы кораблей. Они плыли в пропасть этажами, будто я ехала на лифте вниз.

Я решительно потянула за уголок, и страница век перелистнулась. Был даже характерный бумажный звук, только более глубокий, с поддоном. В момент перемены меня кольнуло странное чувство, будто мои собственные веки — такая же страница, что перед этими веками у меня были другие, что они сменились уже много раз, но я не помнила тех смен. Словно перед этим телом, я была в других, но не смогла или не захо-

тела вернуться, и они лежат теперь где-то брошенные и забытые, а может, и занятые, но уже не мной. И все эти страницы, одна за другой, составляют книгу. И все каждый раз начинается сначала. Это ли имел в виду Путник, когда сказал, что книга начал не имеет конца?

Темнота закрытого зрения пришла в движение, и постепенно стали проступать смутные очертания…

~амфитеатр~

Архитектура:
Перехваты-крепления-основания.
Готика.
Сложный многоарочный амфитеатр,
Уходящий ввысь.
Неба не видно.
Перипетии арок перекрывают друг друга,
Создавая путаную перспективу.

Эмоция — взволнованная, как перед выступлением. Это место чего-то ждет, и от меня многое зависит. Точнее, от обладательницы взгляда, за которым я оказалась.

Я увидела ее бледные ладони на хрупких запястьях. Они были усыпаны множеством аритмично подрагивающих пальцев. Увидела ее мысли, проносящиеся мимо: сумбурный, будто зашифрованный поток. Они были не на языках и не на гранях. Стук ее сердца — ритм — бился чуть ниже глаз клокотным механичным бумом.

Я чувствовала, как все в этом мире завязано незримой сетью. Движения ее пальцев были не случайны: они влияли на положения готичных арок вокруг. Она

складывала сложную многомерную фреску, а эти арки, эти колизейные римские постройки были как бы тенями от составляющих эту фреску стеклышек. Кроме того, каждое «стеклышко» было настроением и хотело выразиться, но некоторые постройки не сочетались друг с другом и их нужно было переставлять, поворачивать надлежащими боками, пока композиция не сложится идеально. Работа была эмоциональная и сосредоточенная, но было похоже, что это лишь подготовка к чему-то. Будто плелся батут, а прыжок еще предстоит. Что-то в этом такое было, что от одного предчувствия этого «прыжка» мне стало страшно и захотелось обратно. Но я не знала, как вернуться.

В какой-то момент взгляд отвлекся от шевелящихся пальцев, скользнул вниз, и я увидела тело, в котором я оказалась. Прозрачное и бесформенное, оно заключало в себе большое бьющееся сердце, из клапанов которого выходила кверху мягкая трубка. Трубка эта расширялась мегафонным конусом и придерживалась в вертикальном положении косыми стежками позвоночника, крест-накрест. Взгляд вновь вернулся к колышущимся фалангам пальцев. Откуда произрастали эти руки, я не успела разглядеть. Должно быть, из сердца.

Я ощущала блуждающее почесывание в мегафонной трубке. Вскоре оно заострилось, и пальцы задвигались быстрее. Это ощущение порождало тревогу, оно стремилось вырваться из трубки и расширялось, заполняя полость.

«Кашель, — подумала я. — Вот что это. А мягкая трубка — горло».

Но это был не просто кашель. Это была сжатая до предела, сконцентрированная музыка. Симфония, исполненная в один момент; так, что все ноты наслоились друг на друга, но не потеряли рисунка. Мне вообразились спрессованные вперемешку и запаянные

в кокон скрипачи в белых рубашках, начищенных до блеска туфлях и с грустными, скрипачными лицами. Им предстояло исполнить свои партии рывком, в тесноте, сталкиваясь локтями и ломая подбородки. И как только раскроется просвет кокона — рвануть оттуда звуковым выстрелом и погибнуть. Вот на что это было похоже.

Я попыталась отдалиться, но сознание существа, с которым я обменялась веками, казалось абсолютным хаосом. Отстраняться было просто некуда; не за что зацепиться. Идея отпустить себя здесь казалась ужасающей. Слиться с чем-то, что никак невозможно понять, навсегда — чистый ад для разума, жаждущего форм и стремящегося облокотиться на ассоциации.

Моя собственная мысль раскоблилась заусеницами. Я как бы не подумала ее, а пронаблюдала сбоку, непричастно и очень странно. Затем еще одна. Буквы в словах моих мыслей потрескались и стали рассыпаться на полубуквы: подковы, углы и полукруги. Было все труднее угадывать в них привычные значения и понимать саму себя.

Кашель колючей массой уже переполнял чашу горла, когда пальцы существа замерли и вдохновенно расправились. Подготовка была завершена: фреска сложилась идеально — арки-настроения радостно выражались, не мешая друг другу. Если бы у этого существа были легкие, оно бы, наверное, сейчас глубоко вздохнуло. Теперь начиналось самое главное. Массивное сердце замедлило бит, центруясь. Мир замер.

«Амая», — сказала я; будь что будет.

Все случилось молниеносно. Чудовищная энергия, клокоча, вырвалась из сердца. Оно, обронив свой стук, отпало высушенным цветком и повисло на позвоночнике. Вспышка пронеслась по трубке, врезалась в колючий комок кашля, и тот расступился

по стенкам, обволакивая пленкой. Раздался невероятный звук; ничего подобного я никогда не слышала.

Это был крик. Хрустальный, глубокий, искренний. В нем сочеталось все: сиреневая печаль и уверенная любовь; невыразимая тоска и абсолютное счастье; огненная ярость и эфемерная хрупкость. Мое сознание вырвалось из этого горла вместе с криком, а глаза лопнули где-то позади. Крик вобрал в себя расступившуюся симфонию кашля и взорвался невыносимой мощью, разбросав ошметки ненужного тела. Из эпицентра взрыва взмыла ледяная стрела чистой воли с моим взглядом на наконечнике. Она устремилась ввысь, сквозь выстроенные в туннель арки-эмоции, пока не достигла чистого синего неба — свободы.

И я была там, за взглядом,
На самом пике космической скорости.
И метались разбитые символы,
И слезы обжигали глаза,
И я вопила, вопила, вопила,
И электричество вопило вместе со мной,
А стрела все неслась и неслась:
Острая, безумная, вечная.

Что-то во мне накренилось и распоролось, выворачивая наизнанку. Лютые чувства завертелись, и я засмеялась визгом, сумасшедшая.

~пластилиновая река~

Мост наваждения раскрывался ракушечными створками. В прохладных красках неба парили снежные чайки.

Модель наваждения была треуголистая: бордюры нижних осадков формировали основание — диагональный рост сторон сходился к пику, на который, как на иглу, была нанизана рубиновая бусина дома. Чайки и небо отражались во внутренних стенках зеркальной пирамиды, в которой я оказалась.

Основание пирамиды пересекала натянутая до предела черная струна. Я зацепила ее пальцем и отпустила. Вибрации от струны, отталкиваясь эхом от зеркал, зарикошетили между стенками. Тут же запахло серой, а голубизна отраженного неба пошла лиловыми пятнами, будто кто-то тер ему, небу, кулаками глаза.

Все сдвинулось, и я увидела свои руки. Они действительно терли мне глаза, пытались вернуть к жизни. Они, не я. Я будто наблюдала за ними со стороны. Я словно свернулась калачиком в комнате своей головы и смотрела в окно на их приближения и отдаления.

Кроме рук, виднелся странный пейзаж, похожий на подземную пещеру, а я плыла в лодке по реке, и все вокруг было темно-зеленое. Это был другой мир, крайне настоящий. К тому же было неудобно. Кто-то уперто посылал одно и то же сообщение в междупространство, и оно тиклило обозрение, вроде занозно заевшей пластинки. Невыносимо. Как одеяло, натянула я треуголистое наваждение обратно, отрицая этот мир, возвращаясь к пирамидальному сну.

А там было неспокойно. Лиловые небеса багровели, вибрации колыхались неистово — снежные чайки

падали кнопками оземь и тут же восставали римскими легионерами в исключительно белой форме и с белыми же клинками. Те, быстро обсыхая от переходной гуаши, формировали военные построения, готовясь, видимо, атаковать дом, от которого веяло тревогой. Чувство его страшной незащищенности перед надвигающейся бедой, запах серы, а самое главное — что это все моя, моя вина и ничего теперь изменить нельзя, привело меня в отчаяние.

«Простите, простите; я не знала», — зашевелилась я внутри. С этими мыслями я шагнула вовне, прямо в консольный тамбур междупространства.

На месте привычной темноты междупространства пылал красный огонь. Я не сразу поняла, что красное — это послания, вырезанные на черном фоне. А точнее, послание. Одно и то же. Много, очень много раз. Порезы сообщений наслаивались друг на друга как почерк скоропишущего маньяка, кромсающего повесть на одной и той же строчке, поверх и поверх: снова, снова, снова. Маньяком, конечно, была Фая.

— Х <<[?]!!!, — вскричала я, и порезы перестали возникать. Елочными игрушками они растаяли, пока не остался только один: « [Ix>!~]»

«Проснись!»

Во мне будто что-то взметнулось наружу, и глаза открылись.

— Вернулась? Настройки есть? — спросил лодочник, стоящий напротив. Он напоминал елку, нарисованную художником-супрематистом: три треугольника — маленький, средний, большой, — стоящие друг на друге. На верхнем треугольнике пролегали борозды намеченного лица: два острых угла глаз и росчерк рта у основания. Лодочник стоял на самом краю лодки вполоборота и, судя по всему, мысленно управлял ее движением. Я же лежала на спине, на днище.

— Нет настроек? — спросил он риторическим тоном и вздохнул. Я приподнялась на руках и осмотрелась. Пространство вокруг походило на широко выщербленный подземный ход; реку, текущую внутри горы. Стены, природно неровные, перемеркивались яркими мушками. Сильно пахло пластилином. Все, включая лодку и лодочника, было темно-зеленого цвета. Только вода, дремучая синева, выделялась на пластилиновом фоне.

— О чем ты? — спросила я, обнаружив способность выражаться.

— Не знаешь? Ну и нету, значит, — обиженно кивнул лодочник. — А говорили, будут, — подныл он гнусаво. — Обратно теперь не плыть, высажу на Влаз, значит.

Лодка, прорезая диагональ в потоке, уверенно двинулась к стене.

— Скажи: огонь есть, — появилась Фая.

— Нету, — наивно подумала я в ее сторону, все еще плавая сознанием.

— Придумаешь. Не помнишь как? Нам не нужно на Влаз.

— Что такое Влаз? Где корабли? — память вворачивалась осьминожками, щупальце за щупальцем. — Корабли, красные, которые падали? Как я здесь оказалась? — пробормотала я.

— Влаз — это пластилиновая скала. Корабли уже далеко, это было много оборотов назад. Просто делай, что я говорю, не спорь, — сказала Фая.

Мы стремительно приближались к берегу. То, что издали искрилось мушками по стенам подземной реки, вблизи оказалось сотнями маленьких фигурок. Они походили на армию пиксельных солдатиков, абсолютно одинаковых: зеленых, лысых, длинноруких, мигающих изнутри, будто под кожей у них были сокрыты

желтые лампочки. На ум пришло слово «лазы». Уперто цепляясь пальчиками, лазы взбирались наверх.

— Есть огонь! — выпалила я, опасаясь столкновения.

— Огонь? Живой? — заинтересованно откликнулся треугольный. Лодка остановилась на самой границе. — Который танцует?

— Да.

— А я знал, что ты прикидываешься, когда сказала, что нет настроек. Зачем скрывать — не пойму. Я вот ничего не скрываю, все знаю наружу, — простодушно раздобрел он, возвращая лодку на курс.

Между тем я отметила еще одну деталь Влаза — лазы мерцали тем чаще, чем были выше, и не было ясно, где он заканчивался — куда они все так стремились. Никто из них, казалось, не достигал спокойного потолка, а толпы новоприбывших не иссякали. Должны же они были куда-то деваться?

«Возможно, там есть расщелина, которую отсюда не видно», — подумала я.

Лодочник шевельнулся, обращая на себя внимание. Из росчерка его рта многозначительно торчала самокрутка. Немногочисленные черты его выражали подчеркнутую пластилиновую грусть. Я осторожно встала. Идти по движущейся лодке оказалось легче, чем я думала. Отстранившись, я собрала кластер своего воспоминания и толкнула его в междупространство.

[/

Придумывать огонь легко, если знаешь принцип. Этому меня научил Рисовальщик, когда я, давным-давно, проходила через пелену отражений. Я помнила, как очарованно следила за его движениями, как под его руками окантованная немая плазма пускалась в пляс, теплея щеками.

— Суть в том, — сказал Рисовальщик тогда, не отрываясь от процесса, — что нужно сформулировать в уме первое па, вариации второго, третьего и четвертого. Четвертое па — блуждающее. После того как па готовы, нужно щелкнуть резким жестом сознания и всечь в плазму эту начальную программу. Оттуда огонь уже будет фигурировать себя сам. Это работает так: после первого движения огонь должен сделать второе, потом третье, вернуться к первому, выбрать вариацию второго, другую вариацию третьего, и так далее. Именно возможность выбирать между вариантами делает огонь разумным, и чем больше у него возможных путей, тем сложнее его структура. Неизменным остается только исходное па, у которого нет вариаций. К нему огонь возвращается снова и снова.

— А как же блуждающее па?

— Блуждающее, четвертое, па необходимо, когда огонь устает от цикличности танца. Оно может включиться в танец между любыми звеньями цепи, и эта непредсказуемость, отступление от геометричности — срыв линий — моментально трансформирует огонь, делает его бесформенным, живым и опасным. Лишь совершая четвертое па, огонь способен обжечь. Видишь? Когда он вспыхивает ярче, вырываясь за пределы — это оно, четвертое па. Только в четвертом па огонь может погаснуть.

— Зачем же тогда оно нужно?

— Видишь ли, на самом деле это не программа заставляет огонь танцевать, не хореографический алгоритм, а воля. Всекая в реальность комбинацию па, ты даришь огню часть своей воли к жизни, искру беспокойства, нестабильности...

Я помнила, как на этом месте голос Рисовальщика вспрыгнул, всперемариваясь — громче, звонче, ярче, а лицо его задрожало миражом.

— Это и есть то, ради чего я рисую. Творение — ничто без осколка, впаянного в сердце, что заставляет биться. Искра животворяща и смертоносна. Жизнь не выносит математики, понимаешь о чем я? Ты можешь написать десятки вариаций, но очень скоро цикличность станет очевидна, а следовательно, невыносима. — Он оборвался на пике и воодушевленно захмурил клочок проплывающей мимо плазмы. Его лицо сфокусировалось в алюминиевую ложку с темными пятнами глаз.

— А если его не включить в программу? Сделать три па и вдохнуть жизнь? — спросила я отраженным эхом.

Рисовальщик тогда гильотинно отпустил пальцы, обморачивая плазму на пол. Пятна глаз на ложке его лица потемнели еще сильнее, потекли тушью. Он нагнулся ко мне в упор:

— Огонь без четвертого па — это взрыв.

/]

— Взрыв... — эхом повторил лодочник последний фрейм моего кластера и пожал плечами. Это действие выглядело, будто средний треугольник въехал в верхний и тут же вернулся.

— А что такое взрыв? — спросил он, внимательно глядя в меня.

— Это когда то, что было одним, делится на кусочки и бежит. Точнее летит, — сказала я и придумала ему огонь.

Мой алгоритм был прост: первое па, второе па, первое па, третье па, первое па, второе па, первое па, четвертое па.

Лодочник сощурился и прикурил от огня самокрутку. Она затлела, выплетая кубастый серый дым. Ого-

нек, отыграв, искриво рассеялся. Треугольный восхищенно затянулся.

— Это очень… вещь. Поделишься — и довезу, куда захочешь, — сказал он двудонно, грозно, подразумевая, что если не поделюсь, то высадит на Влаз. Нужно было действовать. Я, скользнув, отстранилась умом, чтобы собрать ему кластер настроек, но обнаружила, что не знаю как. Неясно было, как впаять туда умение выдумывать.

— ->.xI, — вступила Фая, — [> ~]. x> _x>>] x>] [x] ~_ [x] _-> xI.

— Только не говори, как писать четвертое па, пока не доберемся, он мне не нравится, — добавила она на языках.

Я мысленно кивнула.

Действительно, лодочник не внушал доверия. Его простодушие, казалось, имело гнилую сердцевину. Там, за пластилиновой геометрией, похоже, скрывалась сильная обида. Я [> ~] x>, отпуская мысленную повозку. Лодочник принял кластер и замер, обрабатывая полученные данные. Оставалось лишь ждать.

Мимо скользил на ровной скорости однотонный пейзаж: Влаз с устремляющимися вверх фигурами. Шепот расстегиваемой лодкой воды перебивался клетами сотен впивающихся в пластилин пиксельных пальцев, создавая немую и чем-то птичью аудиокартину. Я стояла на коленях, подбородком на сгибе руки о бортик лодки, пока треугольник пропадал в трансе, а папироса его догорела и осыпалась. Едва слышно, на цыпочках сердца неладно царапало ногтем.

— Фай, мне странно, — прошептала я.

«…» — промолчала Фая.

— Скажи, отчего так странно? Как будто… (зашебуршило под ложечкой) … что-то случилось, а я не помню. Важное что-то.

— Не думай об этом.

— Я не могу не думать, Фай. Мне правда, очень странно. И тревожно… — к горлу подбиралось холодными паучками. — Как мы оказались здесь? Там были насекомые, а потом искры и лепестки падали, а я бежала вниз и там… да… там был мальчик!

Я вскочила на ноги, пронзительно глядя перед собой, и отчаянно цеплялась за ускользающую память, за эту леску со множеством крючков.

— Он просил рассказать ему, что там, на дне. Если я вернусь. И падали корабли из лепестков. Ты помнишь? Мы шли вниз, и пол стеклянный, бутылочный…

Тут вспомнилось еще. Нечто, от чего лифт в груди резко ушел вниз, немея и блокируясь. Еще чуть-чуть, и вынырнет страшное, нужное — вот оно. Вот.

Но тут лодка резко вильнула, и мир пошатнулся. Я чуть было не выпала за борт, ухватившись за борт в последний момент. Зигзагом сбросилось из моего сознания это почти пойманное что-то.

— Что такое взрыв? — пробасил лодочник.

Нижний треугольник его тела провернулся вокруг своей оси, снова вильнув лодку. От нужного и страшного воспоминания не осталось и следа. Нить была безвозвратно упущена. Я подошла к лодочнику в упор, глядя ему прямо в глаза. Кипяток негодования клокотал внутри. Он встретил мой гнев свысока, не колеблясь. Я была на его борту.

— Взрыв — это когда все бежит прочь, — выковала я раскаленными ставнями мыслей. В голосе моем прорезалась чистая жестокость. — Когда все бежит прочь, от начала в стороны. Взрыв — это сияющая свобода. Которой у тебя НЕТ.

Лодочник отвел взгляд в сторону, ментально кренясь от моих слов, как осенне-хрустящее дерево под порывом холодного ветра.

Мне стало легче. Месть остудила меня. Лодка продолжала двигаться, а лодочник все поглядывал краем глаза на мигающих солдат на Влазе, думая о чем-то трагичном. Сперва я ликовала. Однако, чем глубже мы продвигались в пещеру, тем больше я сожалела о сказанном. Оно того не стоило все же. Я потеряла контроль и причинила необязательную боль.

Вдруг с его стороны раздался выдавленный звук, всхлип, и дамба его пластилинового терпения пала, прорываясь капризными переклетами.

— Я плаваю здесь... туда и обратно. Снова и снова... до берега и... и обратно... и снова назад... и вперед и назад... — его голос усиливался с каждым словом, взбираясь по лестнице громкости — ...А они лезут! Они не плывут! Посмотри на них! Они ВЗБИРАЮТСЯ!

Лодка зашлась мелким тремором. Обиженное лицо его ребеночно исказилось, готовое расплакаться. Я стояла на коленях, держась за борта, глядя на треугольники, вдыхая пластилин мира под шлепы лазов, карабкающихся по отвесной стене.

— ОНИ МЕРЦАЮТ! Почему я не мерцаю? Я тоже хочу! Хочу, хочу, хочу! — слезы вырвались из прорезей его глаз — густые зеленые слезы. Он закашлялся, захлебываясь горем. Я не знала, что сказать, а потом было уже поздно, неловко. Он молчал, а в легких моих было непросто. Зачем я поступила так с ним? За что? Я подошла и положила ладонь на его треугольную голову, каясь.

Лодочник утих. Вязкие слезы достигли основания головы и капали с углов. У него не было рук, а без рук невозможно утереть слезы с треугольного лица. Покачнув плечами (кап-кап-кап), он серьезно нахмурился, выравнивая курс. В углу рта сформировалась новая папироса.

И вдруг я поняла. Увидела наперед. Сейчас он сфигурирует свой огонь, основываясь на моем кластере. Но мой кластер был неполный. В нем не хватало четвертого па.

— Нет, только не... — вскричала я, предупреждая, но...

Все случилось одновременно.

Фая взжалась иглами и столкнула меня с лодки.

Движение,

Крен,

Прыжок!

Вспышка — белая, горячая — слепит,

Разъедая кадр на сетчатке,

И сразу холодно,

Вода в уши — пломба,

С силой ударной волной в глубину,

Глаза открыты,

Все путано, холодно, давит на голову,

Вода в горло — внутрь —

— Холодно-Холодно-Холодно-

Поток реки пришиб меня к чему-то скользкому, стремящемуся вверх, я зацепилась за что-то, кого-то, и скоро — поверхность, кашель, выплевывать, вдыхая с болью и жаждой воздуха.

Мокрым хрустом оторвался лоскут платья, и я повалилась на пластилиновое плато Влаза.

~влаз~

Из пучин вырвался силуэт, моргнул всем телом и рьяно рванул вперед, уксусно наступив в шаге от меня. В уме все еще чехардилось от взрыва, меняясь. Я перевернулась на бок и выдумала наотмашь что-то приподнимающее. Получилось нечто вроде короткого шеста с платформой на конце — одноногое плато.

Выдвинувшись повыше, я увидела, как пиксельный лаз достиг отвесности стены и полез — уверенно и точно — вверх. За ним следом вышли еще два. Не обращая на меня внимания, они обогнули шест моей выдуманной платформы и продолжили свой путь. Я посмотрела на реку в поисках лодочника, но текущая гладь ничем не отличалась.

Несколько оборотов я лежала на платформе, прислонившись щекой, и дышала, опустошенно глядя на взбирающихся.

— Я думала, обойдется, но все же мы здесь; и теперь… — появилась Фая.

— -_| — металлически оборвала я ее. — _~>

— -_|.

— -~…

— -_|.

— Я никуда не пойду. Пока ты не скажешь. Если ты знала о взрыве. А ты знала. Ты столкнула меня в воду. Это была ты, я знаю. Если ты знала, что лодочник взорвется, то почему позволила этому случиться? Если ты знала это, то что ты еще знаешь? Как мы здесь оказались? Что это за место? Почему я ничего не помню? — острыми глайдами вонзала я слова, попеременно срываясь на хрусткий крик.

— Нам нельзя оставаться на Влазе, — умоляюще прошептала она.

— -_|.

— Пожалуйста.

— -_|. Ты мне все расскажешь.

И вдруг — тихо. Фая отдалилась. Я осталась одна. Все равно. Пусть будет так. Буду одна. Лучше одна, чем с ней. Зачем она передала мне огонь без четвертого па? Что за нелепый шаг? Да кто она вообще такая? В голове моей играли блики.

Вид карабкающихся по Влазу фигур осточертел. В глаза набилась грязная стужа отвращения, и я закрыла их, чтобы не видеть всего этого. Я ненавидела Фаю. И вместе с тем в соседней комнате моего сознания, в той, что обита бордовым бархатом, проснулось долготонное одиночество. И это чувство падения в груди, решительного отчаяния, вдруг распахнулось стегаными крыльями и хладно взвернулось. Да. Я одна. И это значит, что мне решать. Наивность — в грязь. Дальше я пойду сама.

Страшная улыбка промелькнула по моим губам. Взмахом рассеяв наваждение платформы, я упала вниз, прямо на одного из мерцающих. Он шебуршато засверебился подо мной, как перевернутый жук, но бесполезно. Во мне дрожала сила. Зажав коленом пересечение суставов его руки, я навалилась всем телом и прокричала в упор:

— Куда ты? Что наверху? Отвечай!

Он извивался в безмолвных порывах. Вместо ладоней у него были клешнеподобные отростки. Цапки.

Я повторила вопрос гранями; безрезультатно. Пиксельные лазы обходили нас по сторонам потоками.

Все в нем молило отпустить, но я придавила свою жалость коленом к пластилину. Я решила быть жестокой.

— Я буду держать тебя, пока не ответишь, — просипела я в упор.

— Он не понимает языков, — маякнул спокойный голос откуда-то со стороны воды.

Прижатый мной лаз мигнул всем телом. Отсюда было видно, что монолитность его внутреннего лампочного света была лишь видимостью. Оказалось, что весь он состоял из блоков-кубиков, тетрисно приложенных друг к другу, так плотно, что расстояния были едва заметны. У каждого блока внутри был свой огонек, но все они зажигались одновременно.

— Отпусти его, ему очень надо наверх, — попросил голос.

Я оглянулась на звук, не ослабляя хватки. Одинаковая армия продолжала шагать вокруг нас.

— Покажись! х <-!

Один из лазов поднял руку и шевельнул цапками. Внешне он ничем не отличался от других, но в движениях его отсутствовала присущая остальным лазам угловатость. Его походка не рубила, а взмахивала, ловко покачивая шагами.

— Пусти его, пусть бежит. Это ничего не изменит, — сказал необычный лаз. — Он вернется обратно, и все начнется сначала.

Я встала с несчастного, и тот понесся рывкатым кубарем, спотыкаясь, пока не слился с толпой.

— Куда они все лезут? — спросила я.

— Вверх.

— Что там?

— Не знаю. Может быть, ничего.

— А почему ты не с ними?

— А я знаю секрет. Мне ни к чему.

Он сделал несколько шагов в мою сторону и остановился. Вздымающиеся из реки лазы слепо врезались в него, ряды их путались, но тут же выравнивались напирающим потоком. Они не могли остановиться.

— -> ~, — сказала я, но он не отреагировал. Похоже, не знает граней.

Я выдумала на скорую руку деревянную стенку, что приватно отгородила нас от толп непроницаемой диагональю.

Лаз был чуть ниже меня ростом. Мы стояли лицом к лицу, изучая друг друга, пока он не мигнул телом, в котором я различила все ту же тетрисную фрагментарность.

— Почему вы мигаете? Из чего вы сделаны? — спросила я резким кнутовым тоном.

Он внимательно остаканился и выждал чинное мгновение. Затем, плавно жестикулируя, он заговорил, последовательно расставляя акценты.

— Мы состоим из кубиков. В каждом есть центр — ядро, тоже кубическое. Оно вроде плазма-мозга. Из мозга этого выходят нити, по которым пульсирует информация, — он иллюстративно прочертил дээнкашную спиральку цапкой. — Эти нити — прямой контакт ядра с границами куба.

«Вроде нервов», — подумала я.

— Когда пластилин атакует куб, ядро запускает защитный механизм и втягивает информацию внутрь.

— Пластилин атакует куб? Зачем?

— Так пластилин растет.

— Ядро втягивает информацию внутрь? Какую информацию?

— Информацию, которая живет в нитях куба. Я называю их «биты». Я имею в виду единицы этой информации. Хотя они отдельны друг от друга только условно.

Я кивнула:

— Продолжай.

— Итак, когда пластилин атакует, биты собираются в ядре, и оно запирается. Биты прячутся за прочными

стенами ядра в надежде, что пластилин уйдет сам. Так как на этом этапе все без исключения биты находятся там, в нитях куба в этот момент никого нет. А когда в нитях никого нет, там начинает нагнетаться пустотное давление.

Он замолк, видимо ожидая вопроса про пустотное давление, но я не спросила, я улавливала суть сказанного интуитивно, довербально.

— Пустота давит на стенки и заполняет нити до отказа, — продолжил он. — Когда пустоты слишком много, она вырывается наружу через специально отведенные отверстия и надувает внешние почки на присосках. Эти почки лопаются и раскрываются сложными цветами наружу куба.

Он вновь остановился, позволяя мне осмыслить сказанное. Я смотрела сквозь него, воображая структуру кубов. Все это выглядело очень логично, но конечная цель этого механизма оставалась туманной.

— В чем функция цветов? — спросила я, делая шаг вперед.

— Цветы становятся лабиринтами для вторженцев. Пластилин не может обойти лабиринт стороной, он должен проследовать по узору.

— Что значит должен? — Я наклонилась к его плечу, разглядывая, как если бы он был восковой фигурой. Ему, казалось, льстило мое внимание. Кубы, из которых он состоял, в погашенном состоянии были едва различимы. Если бы я не знала, что они там, ни за что не заметила бы.

— Должен — значит, должен. Пластилин не может обойти его. Закон мира, — ответил он с весомой интонацией. — Должен следовать по узору.

Я кивнула.

— Так или иначе, защита временна, — добавил он с неожиданным достоинством. — Пластилин погло-

щает в любом случае. Раньше или позже он всегда находит верный ход через лабиринт и добирается до нитей. А ядро, какой бы крепостью оно ни казалось битам, для пластилина не препятствие. Разламывается на раз-два.

В этот момент он вспыхнул, всего на мгновение, но этой вспышки было достаточно, чтобы озарить детали его внутреннего устройства, десятки кубиков с впаянными в центр чипами ядер и нервными ответвлениями нитей. Он улыбнулся и протянул цапку ко мне, касаясь нагого плеча, что просвечивало сквозь оторванный фрагмент платья. Цапка его была сухой, несмотря на то, что он только что вышел из воды.

— Целое тело, — подумал он открыто.

Я посмотрела исподлобья и стряхнула с себя цапку. Мое движение оскорбило его. Он развернулся рывком и вышел за деревянную стенку, смешиваясь с толпой лазов.

— Стой! — скомандовала я ему в спину, но он проигнорировал. — Я знаю огонь! — прокричала я волшебную фразу. Он остановился, глядя на меня через плечо.

— Правда? Живой огонь?

Я прохладно кивнула.

Широкими прыжками он вернулся обратно и вот уже вновь стоял напротив меня, заглядывая в глаза с энтузиазмом. Похоже, что огонь имел для него особое значение.

— Есть настройка? — спросил он.

— Есть. Но я не поделюсь, пока ты не поделишься.

— Что ты хочешь? — выпалил он с жаром, разом роняя образ чудаковатого мудреца, обращаясь в нетерпеливого ребенка.

Я вытянула паузу, наслаждаясь обретенной властью. Меня интересовало несколько вещей.

— Почему кубы мигают?

— Они привлекают пластилин, — немедленно ответил он.

Эта идея была нелепой, но в то же время необъяснимо логичной. Мне вспомнились мушки, часто мерцающие у потолка. Кубы сами зазывают пластилин внутрь. И в этом причина их иллюминации. Они зазывают свою гибель.

— А что наверху? Куда все лезут?

— Не знаю, — ответил он.

— Ты собирался куда-то идти? Но куда? Разве не наверх?

Он коротко посмотрел в сторону, замявшись.

— Нет. Мне не надо туда.

— А куда?

— Секрет.

— Это и есть тот секрет, о котором ты говорил?

Он промолчал.

Одними словами большего не добиться, пора было переходить к действию. Я вздохнула и сосредоточилась. Первое па — вращение вокруг оси, второе — выбрык в сторону и наверх, третье — скачок в противоположную сторону и вниз. Шевельнув ресницами, я добавила четвертое па, случайное. То самое, которого не хватало в кластере Фаи. Лицо пиксельного солдата озарилось танцующим огоньком, отражаясь в его расширенных от восхищения глазах.

— Это огонь, — подчеркнула я. — Я поделюсь, но мне нужно знать ответ.

— Я не иду наверх, — сказал он без колебаний. — Мой секрет прост. — Он оглянулся по сторонам, но никто не обращал на него ни малейшего внимания. Лазам было все равно, они опаздывали на встречу со смертью.

— Немногие в курсе, как тут все на самом деле устроено. Некоторые знают, что пластилин убивает,

а наверху ничего нет. Но немногие. Я встретил всего нескольких, кто знал. Наши разговоры никогда не затягивались надолго, им всегда нужно было идти. Они спешили так же, как и остальные, а я не останавливал их. Зачем? Пусть лезут, если хотят. Понимаешь, не достаточно знать теорию мира. Нужно применять знания на практике. В этом вся суть.

Он весь передернулся и мигнул как-то особенно затяжно. Ядра кубов вспыхнули синхронными семечками в полигональной грозди его тела.

— Если не применяешь теории, то нет никакой разницы. Будешь взбираться, пока не сольешься с Влазом. Как и все остальные. И так постепенно все зарастет пластилином, пока не останется места. Если место может закончиться.

В этот момент мой огонек оттанцевал свою партию и рассеялся, хлопнув напоследок финальным четвертым па.

— Давай огонь, — резко сказал лаз.

— Ты не договорил, — парировала я.

Он проглотил мой длинный взгляд и неброско подбоченился, смиряясь.

— Вся суть в том, чтобы развалиться самому. Каждый в состоянии разбить свои кубы самостоятельно, без помощи пластилина, если знать как.

Эта самоубийственная доктрина привела меня в замешательство.

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем разваливаться?

— Как? Чтобы уйти отсюда, конечно.

— Куда отсюда?

Он махнул в сторону реки.

Я повела головой, сдвинув с глаз непослушный локон. Мои волосы уже почти высохли.

— А что там? Выход?

Он проигнорировал мой вопрос.

— Огонь, — потребовал он, протягивая цапку вперед. Похоже, большего от него добиться было нельзя. Я выглянула в междупространство. Собирать новый кластер не было надобности. Предыдущий, копия того что я отправляла лодочнику, все еще висел там, лаконично выцарапанный гранями: I_~_I

Мне нужно было только отогнуть уголок кластера и вписать недостающее четвертое па. Закончить алгоритм огня; сделать его безопасным.

Лаз весь обратился во внимание, антенно растопырив цапки: зеленый богомол, готовый принять пакет данных. Однако я не спешила передавать ему знание. Кластер повис на рельсах моего ума, готовый сорваться по малейшему движению воли.

«Как только я отдам ему огонь, он исчезнет», — думала я. Он исчезнет, а я останусь здесь. Будь Фая со мной, она бы сказала, как поступить. Но ее нет. И не нужна она мне. Я слишком много на нее полагалась. Все по-другому теперь.

С этими мыслями я отпустила кластер в голодный разум лаза. Он благодарно сощурился и замер в трансе, совсем как лодочник. Несмотря на то, что форма их тел различалась, что-то неуловимое в чертах и мелких жестах объединяла их. Разные ягоды, но с одного поля.

Лодочник. Это была моя вина все же. Это я отпустила кластер тогда, не Фая. Нет смысла доверять никому. «Никому!» — подумала я громко, надеясь, что она услышит.

Между тем, кубы, из которых состоял лаз, нагнетали яркость. На фоне гирляндных вспышек его безликих собратьев его кубы сияли туманной, медовой красотой. Лаз улыбнулся умом.

— Как отсюда выйти? — спросила я. — В чем секрет?

— Огонь, — сказал он.

Достигнув абсолютной яркости, кубики его задрожали и начали отпадать с плеч, с груди, с цапок. Касаясь пластилиновой поверхности Влаза, они вспыхивали огнем.

— Что это значит? — спросила я встревоженно.

Но ответить было уже некому. Передо мной пылала нестройная груда блоков. Я сконфуженно глядела в иссякающий огонь. И вдруг все сошлось. Я поняла.

Фая не ошиблась в расчетах, она действительно все знала наперед. Она специально дала лодочнику незавершенный огонь. Она знала, что тот взорвется. Она хотела взорвать его. Хотела. Потому что из Влаза был лишь один выход. Из него можно было только сгореть.

Оводом взгляда я рассеяла иллюзию деревянной стены, отделяющей меня от потока пиксельной армии. Лазы тут же хлынули напрямик, ударяясь об меня плечами. Во мне пульсировало знание. Ключ наружу. И я могла подарить его им. У меня была сила, возможность освободить их всех. Всех лазов. Сжечь их дотла. Это было бы нетрудно, ведь площадь огня не имеет значения при его создании. Достаточно лишь расфиксить паузы между па, и пламени придется распластаться, чтобы поймать себя за хвост. Я без труда могла бы выдумать огонь, целиком покрывающий Влаз.

Но мне вспомнилась черная, вибрирующая эхом струна и злые, лиловые небеса над бусиной дома в треугольном наваждении. Что я знала об этом мире? Кто я такая, чтобы решать за них? Лишать их того что, у них есть? Что, если Влаз для них — райский сад? Откуда мне знать? Мне стало тесно.

Быстро,
Руками ума,
Хрупкими, как ресницы,
Я сковала огонь:

Чистый,
Бездымный,
Глубокий, как дверь.
«Сейчас», —
Подумала я
И сделала шаг.

~нарисованный старик~

Ощущение палящей жары пропитало меня. Языки прожекторов в густом тумане плавно двигались из стороны в сторону. Я шла сквозь туман, выставив руки перед собой, готовая встретить неожиданное препятствие. Периодически я посылала в междупространство маяковую грань х <, обозначая свое присутствие, но несколько оборотов спустя перестала. Зачем? К кому я обращаюсь? Другие мне отныне ни к чему.

Но одиночество, хоть и освобождало, все же было одиночеством. В тишине эфира я думала о разных вещах, загипнотизированная далекими прожекторами. Мои мысли пространно ассоциировались с движениями этого сонного света. Мне вспомнились жители улья и их наспинные капсулы для искр. Как они не заметили меня, хотя я была так близко, совершенно чужеродная? Почему? Наверное, они были слишком заняты, ведь Обнадежда приближалась. Интересно, каково это — жить от Обнадежды до Обнадежды, накапливая силу тяжелым трудом, чтобы потом выстрелить ей в экстазе? А лазы? Что чувствовали они, взбираясь по стене? Казалось ли им, что успех близок? Что вот-вот? Что осталось еще одно движение, небольшой рывок, и все? Как глупо! Глупо! Я покачала головой, снисходительно улыбаясь их простоте.

«Им далеко до меня, разве нет? До моих возможностей, до моего воображения. Ведь я могу сотворить все что угодно, что пожелаю, мгновенно. Я могу ходить сквозь стены если захочу, — думала я громко, решительно шагая вперед, вдохновляясь, пока откуда-то из глубин не пришел вопрос: Да, но только вот зачем все это?»

Я остановилась. Внезапное осознание переломило грудь. И правда. Зачем я все это делаю? В чем заключается моя цель?

— Куда я иду?? — прокричала я в уме.

Мир вокруг молча клубился в ответ.

Я двинулась вновь, но уже тише, понурив голову. Грусть окутала меня. Пусть все они и были ограниченнее, чем я, пусть они и не умели ходить сквозь стены, их жизнь все же имела смысл. Хотелось поговорить с Фаей, но ее не было.

«Она, может быть, вообще никогда не вернется», — подумала я.

Погруженная в тяжелые мысли, я не сразу заметила, что туман начал рассеиваться. Глаза мои стали различать идущие понизу контуры — мои ноги. Я подняла голову. Прожектора светили теперь тускло-тускло, их уже почти не было видно, похоже, они были частью тумана. Впереди проступали контуры стен. Я будто выходила из облака. За любопытством тут же забылась грусть.

Вскоре я уже шла по улицам города. Дома были сложены из глиняных кирпичей и покрыты арабской вязью трещин. Все двери были открыты нараспашку. Я заглянула в несколько, но всюду было пусто. Было похоже, что это место необитаемо. Я добралась до площади с сухим фонтаном посередине и присела на краешек.

Небо сочилось закатом: четверть рыжего солнца выглядывало из-за горизонта. Было жарко, но со сби-

той спесью, как бывает вечером. Мне стало любопытно, зайдет солнце или нет. Я смотрела на него, пока не заболели глаза, но оно не двигалось. Я шаркнула ногой, вздымая пыльный песок. Может быть, жители прячутся? Может, они знают, что я здесь, и боятся? Боятся меня?

«x <:~», — открыто подумала я и прислушалась.

Все здесь проницал шепушачий звук, словно кто-то водил мокрой ладонью по стене, но он был достаточно фоновый и постоянный, чтобы принять его за форму тишины. Никто не откликнулся на мои грани. Припекало.

«Что ж, — решила я, выдумывая себе пустынный капюшон с прорезями для глаз. — Вперед. Больше некуда». Я пересекла площадь и двинулась в сторону заката.

Вскоре я набрела на необычное высокое здание с треугольной крышей. Над входом висела табличка на сложном заковыристом языке. Двери не было. Я заглянула внутрь. Длинный коридор, проходящий стойлом. Внутри здания было прохладней, чем снаружи, и слегка пахло перьями.

Дойдя до середины коридора, я обернулась. Дверной проем, через который я вошла, полыхал горячим прямоугольником. Я повернулась обратно и посмотрела вглубь. Полумрак коридора заворачивал за угол, из которого слегка светилось. Не спеша я двинулась вперед, пошаркивая глубным эхом шагов.

За углом был тупик. Свет проникал туда через трещину под потолком и освещал глухую стену. На стене все теми же арабскими морщинами был выгравирован пещерный рисунок: ухмыляющийся бородатый старик. Один глаз его был лукаво прикрыт, второй глядел прямо на меня. Несмотря на простоту портрета, он выглядел очень живо. Я приложила ладонь к бороде ста-

рика, чувствуя выступающий материал. Голос, хоть и спокойный, раздался так внезапно, что я невольно отпрыгнула назад.

— Давно тебя не было, — сказал он.

— x <? — спросила я, выглядывая в коридор.

— Ix <.

Это было странно. Вокруг — никого.

— Ix <x <!

— x <:? — уточнила я свой вопрос, выходя из тупика, глядя по сторонам.

— I:x <, — сказал он и добавил на языках: — Я здесь, на стене. Стена тоже. Если изволишь.

Я вернулась к рисунку. Старик продолжал ухмыляться.

— Это ты нарисован?

Голос утвердительно засмеялся.

— Давно тебя не было, да, — повторил он.

— Меня вообще не было здесь, — ответила я нарисованному старику.

— Здесь ты права. Тебя не было и не будет, — уверенно произнес он.

— Но разве это не грустно? — спросила я.

— Это не грустно. Это удобно. И странно, конечно, тоже, — ответил он.

Я задумалась над его словами. В них определенно был сокрыт некий двудонный смысл.

— Я видел тебя в тумане, — сказал он. — Но на тебе тогда не было капюшона. Ты его выдумала?

— Да, — ответила я и рассеяла капюшон.

— Это интересно. А имя у тебя есть?

— Нет.

Картинка изменилась. Оба глаза теперь смотрели на меня, добродушно прищурившись.

— Прости, — сказал он, — я задаю слишком много вопросов. Ты, наверное, тоже хочешь что-то спросить?

— Есть здесь кто-нибудь еще?

— > ~~, — ответил он.

— >?

Он умственно пожал плечами.

— Не знаю. Я не обратил внимания. Может быть, на выход. Дальше.

— А где выход?

— Зависит от того, где твое «дальше». Отсюда много выходов.

Я прислонилась спиной к стене и сползла по ней. Положив подбородок на руки, я села в углу, обняв колени. Колкая грусть вернулась в душу. Я понятия не имела, где мое «дальше».

Мой взгляд упал на предмет, лежащий на полу. Он был похож на круглую глиняную тарелку древнего вида.

— Ты когда-нибудь задумывалась о том, что такое обороты? — спросил старик. Это был один из тех простых вопросов, на которые нелегко ответить.

— Это когда за одним событием следует другое. Происходит оборот.

— Можно и так сказать, — усмехнулся он. — А когда оборот заканчивается, что с ним происходит?

Мне показалось, что тарелка шевельнулась.

— Он возвращается. Оборачивается, — сказала я, не отрывая глаз от тарелки.

— Хорошо. А между одним оборотом и другим, следующим например, есть разница?

Этот вопрос был лишен всякого смысла.

— Нет. Наверное. Это может быть тот же самый оборот даже. Не знаю. Он, может, возвращается, а то, что следующий наступает, это только видимость.

Я никогда не думала об этом прежде. Мой ответ, однако, произвел впечатление на старика.

— Ты молодец, девочка, — сказал он. — А теперь скажи мне. Если это тот же самый оборот, можно ли им управлять? Можно его оборачивать, как тебе захочется?

— Должно быть. Если материя поддается искажениям, то обороты, вполне возможно, тоже.

Странно, что это не приходило мне в голову раньше.

— Смотри, — сказал он, и тарелка медленно закрутилась. Стены и пол вокруг поплыли, искажаясь, завихряясь, меняясь.

— Обороты Ускорялись-

Я замерла, ошеломленно созерцая. Руки мои зачесались, я поднесла их к глазам и увидела, как капилляры паутинились, перестраиваясь, возводились и опадали молекулярные мосты. Все пришло в движение. Лишь один фрагмент реальности оставался статичным: бородатое ухмыляющееся изображение.

— А почему ты не меняешься? — спросила я, осознав вдруг, что так и не спросила его имени.

— Потому что я — тот, кто вращает. Так всегда бывает, — ответил он. Его голос свиристел нитью среди происходящего хаоса.

— Это очень просто — вращать обороты. Нужно только правильно все придумать. Но даже если бы я и хотел рассказать тебе палитру и правила, то не смог бы. Это знание не передается. Ни кластером, вообще никак. Да и ни к чему тебе это. Великая жертва сопутствует такому знанию. Однажды поняв скрытую простоту, уже невозможно насладиться течением сложности, этим загадочным фильмом вокруг. Если ты знаешь, как обратить падение лепестков вспять, если видишь отчетливо, что ничто никуда на самом деле не падает, а только так кажется — уже не отдаться этому зрелищу на всю. Неведение зачастую блаженно, если правильно с ним обращаться.

Последняя фраза прозвучала совсем печально. Тарелка замедлилась и остановилась, возвращая мир в мерное русло.

— Поэтому ты здесь? Потому что знаешь?

— Я рисунок на стене в покинутом городе. Те, кому есть куда идти, ушли.

— Значит, тебе некуда идти, потому что ты знаешь, что…

— Что нету никакого «куда». Оборот-то один и тот же. Видишь ли, так получается, что, как только познаешь истинную природу движения, твой мир обращается в статику.

Я взяла тарелку в руки, на ощупь, как песок.

— > x~I? — спросила я.

— I <:x:> I, — ответил он

— Но всегда можно выдумать себя наружу, разве нет?

— Наружу… — усмехнулся он. — Я был там. Снаружи. Видел, как растут горы, как испаряются океаны, гнутся русла рек, обходя незримые магнитные столбы. Там, за выходом, я видел все.

— И Минарели?

Он промолчал.

— Там бескрайние лунные поля, и горы, как фольга.. А отражения? Где тебя столько, что забываешь, с чего началось. А ватный остров? Требуньеры? Улей? Неужели все это видел?

Старик долго не отвечал. Я легла на пол, на бок и вскоре вроде как забыла о нем, долго моргая и глядя сквозь прохладную пыль. Идти наружу, под солнце, не хотелось.

— Расскажи мне об этих местах, — шевельнулся вдруг терракотовым интересом мысленный голос старика.

Я повернулась на живот, поставила тарелку на ребро и катала ее пальцем по полу, как большую монету.

— Там по-другому. Каждый раз все совсем иначе. Ты же был снаружи. Ты знаешь.

— Да. Давно это было. Много оборотов назад. Еще до того как я постиг движение. Так же, как и ты, выдумывал себя куда ни попадя, преследуя свою мечту.

— Мечту?

— Да. Я всегда хотел научиться управлять оборотами так же легко, как и пространством. В итоге это меня и погубило. Будь осторожна с мечтами. Они сбываются. У тебя же есть мечта? Цель? Причина? То, что заставляет тебя идти?

Я села, подогнув ноги под себя, и приложила палец к губам. — Да. Меня направляют туда сны. Я вижу направления. По ним и следую.

Я попыталась вспомнить последний направляющий сон и с холодком осознала, что это было еще до пластилиновой реки. До улья. В поезде. В последний раз я видела сон в поезде. Там были опадающие лепестки улья. После этого я шла вслепую. По инерции. Сомнения осами пробудились под ложечкой. А что, если я не там, где должна быть? Что, если я сбилась с пути? Я отсутствующе закусила костяшку указательного пальца.

— Тебя ведут сны? Очень интересно. А откуда берутся эти сны?

— Не знаю. Являются. А потом я иду. Просто иду. А когда возникают препятствия, выдумываю обхождения, но путь всегда разворачивается передо мной. Сам по себе.

«А еще у меня есть Фая», — подумала я закрыто и вздохнула. Только нет ее больше.

— То есть каждый последующий оборот приносит новые поверхности, так? — спросил старик.

— Да, можно и так сказать. Местность постоянно меняется. И законы поведения на ней тоже.

— И в чем же твоя конечная цель? Пункт назначения?

Осы сомнений вспорхнули и, жужжа, опрокинулись ледяными струями за шиворот. У меня задрожала губа. Я почувствовала себя маленькой и беззащитной.

— Я не помню, — сказала я, чуть не плача. — Не помню. Я забыла как-то.

— Забыла... — повторил он с тронутой волновой рябью.

Я острунилась, шумно втянула воздух, и вспрыгнула на ноги, держа тарелку в руке. Слеза скатилась по щеке, но я утерла ее тыльной стороной ладони. Слабость была непозволительна. Теперь, когда я сама по себе.

— А почему ты не поставишь себе новую цель? — спросила я, уводя разговор в сторону. — Если эта достигнута? Разве нельзя начать все сначала?

Старик вздохнул.

— Я объясню, а ты попытайся понять. Воображение открывает пути. Описания первого разума, языков, воплощаются через вектора второго, граней. Ты можешь говорить на гранях, значит, твой второй разум раскрыт и ты знаешь, что количество миров на векторной плоскости второго разума, в принципе, бесконечно, но воспринять ты можешь лишь несколько. Только те, что можешь вообразить. И в этом сила первого разума. Воображение.

Я кивнула. Это было довольно исчерпывающее описание механики бытия.

— Тропа, которой ты следуешь сквозь собственное воображение, и миры, в которых ты оказываешься, определяются конечной точкой пути. Эта точка всегда находится где-то в пространстве, кроме одного случая.

— Когда она находится в оборотах? — спросила я. Это была потрясающая идея.

— Точнее, в Обороте, — поправил он.

— Но что происходит, когда ты достигаешь этой точки?

— Твое бытие трансформируется. Ты принимаешь определенную ментальную форму, из которой назад пути уже нет. Ты застываешь. Но и это не все. Вместе со свободой формы ты теряешь способность… или, точнее, желание, ведь это одно и то же, перемещаться сквозь пространство самостоятельно и занимаешь позицию вне, двигая вместо себя все остальное. Вращая, если позволишь.

— Значит ли это, что обороты, или Оборот, из-за которого происходят изменения, обладает сознанием?

— Разумеется. Сознаниями даже. Конечно, не я один в ответе за все изменения во всех местах, это была бы слишком тяжелая ноша. Только за те, что вокруг меня. Здесь. Ничто в мире не механично, знаешь ли. Если тебе кажется, что что-то работает «само по себе», то это от того, что ты недостаточно знаешь. Все обладает сознанием. Просто очень разным.

Это было справедливое замечание. Я поднесла тарелку к глазам. Она походила на глиняное солнце.

— А как велика твоя зона? Когда ты вращал обороты в этой комнате, двигался ли мир снаружи?

— Может быть, — сказал он туманно. — А может, и нет.

Я подождала еще немного, но старик молчал. Тогда я решила проверить сама. Сжимая тарелку в руках, я вышла на улицу. Пылающий фрагмент светила все так же висел в позе заката. Я протянула руки к небу и заслонила солнце тарелкой. Оранжевый свет обрамлял края. Я медленно прорулила ее направо, но это ничуть не повлияло. «Должно быть, солнце совершило

круг и вернулось обратно в начало», — решила я. Совершило цикл. Удовлетворенная этим объяснением, я возвратилась в прохладный тупик.

— Солнце вращает. Оно не меняется, — сказал старик. — Звезды неподвижны. Они оборачивают планеты, как тарелка — комнату, и все меняется. Кроме них. В этом и заключается их идея.

— Но этот город остановился. Почему?

— Здешней звезде наскучило вращать. Она устала, — мысленно вздохнул старик. — Или он... — добавил он едва слышно.

Я положила тарелку на пол и подошла к изображению на стене.

— Это ты, да? Ты звезда?

Он мысленно кивнул.

Я смотрела на линии, составляющие его лицо, эти вены древних стен, вблизи как пересохшие русла рек. Его мечта обратилась в капкан. Он был скован опасным знанием и был обречен навечно оборачивать события без возможности вернуться в их ход, стать их частью. На фоне глубины его трагедии мои печали казались миниатюрными.

— То есть ты на самом деле там, в небе? А эта картинка? Что это?

— Наоборот. Картинка — это я. А в небе — пылающий шар. Он обозначает, что я здесь. Его легко вращать. К тому же он светит и обогревает. Это очень удобный аксессуар. Многие звезды используют такие шары. А физическую форму каждый из нас выбирает себе сам, по настроению. Физическое — оно не ментальное. Оно всегда проще. Одни звезды предпочитают цвести фазой в расступающихся неглетах аутиков, другие состоят из воды, из волокон, из чистого цвета. Я вот — изображение на стене. Форма не важна, важна функция.

— А что испытывает этот шар, когда его вращают? На что это похоже?

— Я не знаю. Меня никто не вращал прежде. Среди звезд это дурной тон. Ты хочешь попробовать?

— Я?

— Конечно. Я могу провернуть тебя несколько раз, а ты расскажешь, каково это. Мне интересно. На самом деле. Я давно уже не испытывал любопытства. Очень давно. Ну, так что скажешь?

— Да, — сказала я твердо. — «Во мне нет места для сомнений, — подумала я закрыто. — Я готова встретить все что угодно».

— Хорошо. Я начинаю, — сказал он. — Я сначала оберну тебя назад, а потом вперед, чтобы ты ощутила оба состояния. Готова?

— Да, — повторила я и сжала кулаки.

Волосы мои шевельнулись и легли набок, как от порыва ветра. Осторожная, но неизмеримо мощная сила провернула мое тело вокруг оси, будто толкая меня изнутри. Еще раз. Еще, ускоряясь. Комната вертелась все быстрее и быстрее и вдруг что-то щелкнуло, достигнув уровня, как механическая передача, и я оказалась в другом месте. Там обороты замедлились на мгновение, достаточное, чтобы распознать местность: на входе в город, в тумане с прожекторами, — и ускорились снова, унося меня все дальше в прошлое. Я прошла сквозь огонь, и запахло пластилином. Теперь я была на Влазе.

Я проживала события в обратную сторону, но не с полной отдачей, а отстраненно, хоть и с проницательной ясностью. Я видела себя со стороны: как я говорила с лазом и тут же, на лодке, как лодочник ноет и готов взорваться. Еще чуть дальше. Катушка оборотов разматывалась, и я подходила к началу, туда, где я проснулась посреди реки и не могла вспомнить, что было перед этим.

И тут раздался голос. Это была Фая.

— Сейчас будет больно.

Я выставила руки перед собой, защищаясь от бешено вращающегося мира, но нечто извне выбило меня из череды оборотов. Это было похоже на космический выстрел в невесомость. Все замедлилось, плавно парило, и было не-здесь, будто в пузырях, а я, вне этих пузырей, смотрела через пелену на мерцающие огоньки лазов вдали, и другие сцены из прошлого, как разные эпизоды одного и того же шоу, все одновременно и безучастно. Я будто провалилась между вагонов существования, и этому сопутствовало болезненное чувство простуды и вывернутого предплечья. Смотреть было непросто, прижимало давлением, словно моему сознанию уши сдавило руками.

— Послушай, — сказала Фая, — я знаю, это непросто понять, но попробуй, пожалуйста, потому что все, что я скажу — это правда.

Ее слова возникали в необычной манере, как бы написанные заранее, и от этого тошнило. Я хотела вернуться в обороты, но у моего мыслительного процесса был сбит прицел, и языки не поддавались контролю. Грани тоже. Все, что я могла, — воспринимать слова Фаи, которые ложились на меня как гриппозное одеяло посреди железнодорожных путей.

— Перед тем, как ты проснулась в лодке, что-то произошло. Что-то очень важное. Ты не помнишь этого. Твоя память обрывается там, где ты остановилась отдохнуть, у стеклянного дна улья. Я не хотела тебе говорить. Честно, не хотела. Но так будет лучше, чем ты увидишь сама. Я расскажу тебе. Я не хочу, чтобы ты переживала это снова. Это невыносимо. Зачем ты сделала это? Зачем? Я же говорила тебе, что менять веки опасно. Разве нет? А ты все равно поменяла. Ну почему? Ты поменяла веки и оказалась в чужеродном про-

странстве. Существо за взглядом которого ты оказалась, гармонизировало арки-мозаики, выстраивало их в определенном порядке, чтобы их настроения совпадали до того, как внутри созреет вопль. Если арки не выстроены в срок, то существо должно было безмолвно умереть, опасть оземь, как цветок, разорванный кашлем. Если бы только это произошло, ты вернулась бы обратно, но существо успело собрать мозаику, и его вопль вырвался наружу стрелой. И что-то случилось. Ты, твое сознание, вместо того чтобы остаться в теле существа, оседлало этот вопль. Ты оказалась за взглядом у вопля, рвущегося в небо. И это убило тебя. Ты сошла с ума.

Голос Фаи затрясся эмоциональными вскаверками. Мне еще сильнее сдавило голову.

— Когда я вернулась, ты лежала там, мертвая, на бутылочных ступеньках, с разбитым сознанием. И я не могла в это поверить. Стоило мне только отойти — и что ты наделала? Что ты наделала?! Осколки твоего сознания таяли на глазах, я теряла тебя. И тут появился он. Высокий, в плаще. Сказал, что его зовут Коллекционер и что он может помочь. Сказал, что знает, как продолжить твою жизнь, но предупредил, что ничего не будет как прежде. Что раз уж что-то разбито, то целостности не вернуть. Что твое «я» будет теперь раскидано. Мне ничего не оставалось. Я согласилась. Я была согласна на все, только бы сохранить тебя. И он разобрал тебя на фрагменты. Каждый фрагмент он поместил в отдельный мир, в отдельное тело. И каждая из них, каждая из тебя, живет теперь свою отдельную жизнь и не знает о существовании других. Единственное, чего Коллекционер не смог разделить, это способность видеть направляющие сны. Только один из этих фрагментов, лишь одна из тебя сохранила эту способность.

Я плакала, зажмурившись, и слезы вздымались горячими струями вверх. Что-то тянуло меня обратно, в события. Старик-звезда начал вращать меня в обратную сторону. Я пыталась ответить Фае, но в горле тошнило теплыми комьями пустоты. Она отпустила меня лететь, не дожидаясь моей реакции, и меня вновь втянуло в водоворот оборотов.

Через пару головокружительных мгновений я повалилась на пол в прохладном тупике, в городе с уставшей звездой. Сжавшись в эмбрион, лицом в колени, я закашлялась горькой. Я была мертва. Меня больше не было. Я теперь — всего лишь жалкая тень. Тень, которой некуда идти.

—

Слезы иссякли, и я лежала в пыли, пустая, как кукла. Много оборотов прошло бы, если бы здесь оборачивалось, но в этом мире-картинке по-прежнему царил штиль.

— x <~? — выгравировал старик, нарушая бездную тишину вечность спустя.

— x, — ответила я, ничего не имея этим в виду.

— Что ты чувствуешь? — спросил он.

— Ничего, — сказала я.

— Что-то случилось. В один момент я упустил тебя из виду. Где ты была?

Я проигнорировала вопрос. Теперь, когда эмоции иссякли, я могла трезво обдумать свое положение. Все началось с того, что я обменяла веки с созданием, что управляло арками в амфитеатре. Что-то пошло не так, и мне не удалось вернуться в свое тело. Фая нашла меня лежащей на ступеньках. Мертвой. Явился некто Коллекционер и пообещал воскресить меня, но при условии, что он разобьет мою сущность на фрагменты

и раскидает по мирам. По девочкам в разных реальностях. Лишь одна из них продолжит видеть направляющие сны. Мне нужно найти ту себя, что видит эти сны, и спросить, куда двигаться дальше. Только как? Где ее искать? Иглу сознания среди стога бесконечных миров.

Я выдумала влажный платок и села, облокотившись на стену. Вытерла лицо и подобралась.

— Ты была в прошедшем? — спросил старик, который все еще ждал ответа на свой вопрос.

— Да, — сказала я. — Да, я была там, где была до этого. Снова.

— И там все повторяется в точности, как в прошлый раз?

— Абсолютно.

— Интересно. А почему ты плакала? И где ты была?

— Я встретилась с подругой.

— И что случилось? Она умерла?

— Нет. Это я. Я умерла.

Я структурировалась внутри, по-новому, взросло. Теперь все иначе. Теперь мне совершенно нечего терять.

— Умерла? От чего?

— От глупости. Послушай, ты сказал, что можешь оборачивать в обе стороны?

— Да.

— Это значит, что если я провернусь вперед, то увижу то, что произойдет после?

— Да. Должна увидеть. Оборот-то один и тот же. Будущее, прошедшее — это просто направление взгляда. Суть не меняется.

Я оправила платье.

— А ты не мог бы обернуть меня и не возвращать? Оставить меня там, в будущем?

Старик усмехнулся.

— Это смотря, что ты считаешь собой. Когда я оборачивал тебя назад, тело вращалось здесь, в этой комнате. В прошлом было только твое сознание, и им ты воспринимала происходящее там. Если же я оберну тебя вперед, то в будущем у тебя еще не будет тела. Оно останется со мной. Твое сознание может создать новое, фантомное тело, и следовать ему по привычке, чтобы было с чем ассоциироваться. А может, и нет. Это уже зависит от сознания. В любом случае твоего родного тела при тебе уже не будет.

Я улыбнулась.

— Это не имеет значения. Я не боюсь.

Рисунок на стене зримо кивнул.

— Есть еще один нюанс, — сказал он.

Я наклонила голову набок.

— х <?

— Будущее — это не прямая дорога. Оно не предопределено. Так же не предопределено и прошлое, но оно привязано к воспоминаниям, и сознание воссоздает его соответствующе. Однако чем дальше ты уходишь в прошлое, чем меньше ты помнишь из прошлого, тем больше у тебя возможностей все там изменить. Будущее же особенно туманно. О нем еще нет воспоминаний, а значит, оно может быть чем угодно. При регулярном течении оборотов сознание выбирает происходящее согласно настроению и ожиданиям, которые имеет насчет грядущего. По идее, на большой скорости у сознания не будет возможности сформулировать четкое будущее, и оно будет быстро развивать линию пути согласно мгновенным колыханиям мысли. Оно даже будет вынуждено формировать будущее из тех мыслей, которые ты еще не думала, но, может быть, подумаешь, набирая их случайным образом из вероятностей. В итоге ты окажешься в крайне непредсказуемом будущем.

Возможно, не самом приятном. Хотя не исключено и обратное. Это как прыжок в черную яму в надежде, что тебя ждет мягкое дно. А ведь там могут быть и колья.

Я нагнулась и подобрала с пола глиняную тарелку.

— Знаешь, старик, — сказала я, глядя в тарелку как в зеркало, — на тебя посмотреть, так и неизвестно, что страшнее: прыгнуть в эту яму или стоять у нее, взвешивая за и против.

Линии на стене проступили отчетливее, изображение старика стало почти трехмерным.

— Ты мне нравишься, девочка. В тебе есть то, что я потерял давным-давно. Жажда продолжать. Это все же важнее, чем любое тело.

— Мне ничего не остается, — ответила я.

— Как скажешь. Я оберну тебя вперед. Если что, я пригляжу за твоим телом тут. На случай, если решишь заглянуть.

Я улыбнулась и закрыла глаза. Я была совершенно спокойна.

Комната начала вращаться, и передо мной замелькали бессмысленные картинки.

— Может быть, тебе стоит запустить тот пылающий шар? Вдруг что случится! — выкрикнула я вслед настоящему, что быстро оборачивалось прошлым, разматываясь как клубок, ускользая.

Наконец бредовая карусель достигла пика и щелкнула, перенося меня в.

~часовая деревня~

— Я смотрела сквозь ее глаза, вовлеченная в ее сознание, вместе, но все же раздельно. Я видела ее мысли. Они текли, мутно журча. Я была погружена в них, как в реку. Чувствовала каждый ее отсвет, каждую идею. Я знала, что могу повлиять на нее, если захочу, потому что она — это тоже я. Другая я. Может быть, та я, что видит наводящие сны. Я могла вписывать свои слова в ее разум так, что она не замечала подмены-

Тени бормотали по углам. Комната тепло дышала, как покрытая мхом внутренняя стенка живота. Происходящее обволакивало. Я лежала на спине, на мягком полу, с полуприкрытыми; дремотно. Янтарное освещение щекотно подрагивало пламенем свечи. Свеча отражалась в овальном зеркале на стене. Больше ничего в комнате не было. Только я, зеркало, свеча и тени.

Я встала и вышла в коридор: восемь шагов в глубину. Прошла мимо запертой двери в мастерскую и покинула дом, в котором больше ничего не было: только коридор, мастерская и комната. В этой деревне все дома выглядели одинаково, бурые хижины-боровики, покатые, без углов.

Снаружи большими, почти бумажными осадками падал снег. Я выбралась на дорогу, повернула налево и дальше, к тропе, ведущей на Холм.

Я была не одна здесь. Нас было семеро. Нас — сестер.

Я чувствовала их как точки себя в разных местах. Я знала, например, что одна из них, та, с которой мы будем сегодня плести музыку, следовала теперь за мной. Я называю ее Дана. На самом деле у сестер нет имен, но мне нравится обозначать их по-своему.

Тропа огибала Холм вопросительным знаком, вздымаясь вверх, и я шла и шла, белая на белом, пока деревня не осталась далеко внизу, где-то там, за снежным экраном. Достигнув вершины, я ощутила радарные касания чутких блинов-антенн, нацеленных на Холм с крыши каждой хижины. Они внимали музыке, исходящей с холма. Музыке, которую мы плетем.

Мы, девочки в белом, плетем музыку на поляне, на вершине Холма, сменяя друг друга, когда иссякают силы. Отплетя свою смену, мы возвращаемся по домам и ложимся спать. Иногда нам снятся сны.

Я перевела взгляд на Крайний Дом: духовой инструмент, на котором мы играем своими сознаниями. Он был огромен — выше Холма, длиннее тропы. Литой и угловатый: неправильный многоугольник. Железный. Чужой. У самой крыши Дома виднелось отверстие, из которого звучала наша музыка. До Дома было не добраться пешком, среди глубоких снегов к нему не шло тропы.

Две сестры, Аэс и Шэлл, сидели в центре поляны спиной к спине. Белые лица. Белые волосы. Белые ресницы. Белые веки. Под ними — белые глаза. Такие же, как у меня.

Я ждала Дану и наблюдала за движениями снежинок. Несмотря на то, что мы, сестры, соединены, в потоке нашего общего сознания у каждой есть своя личная заводь; кармашек в ментальном надбровнике, где думается о другом. Эти заводи не то чтобы отгорожены друг от друга, но мы соблюдаем негласный закон и не интересуемся личными мыслями других. В этих заводях мы, наверное, очень разные.

Я люблю музыку. Мы все любим. Иначе никак. Но я знаю, что, кроме музыки, есть нечто большее, и не уверена, что другие об этом догадываются. Это чувство часто охватывало меня перед сном. Что-то

в сладком бормотании теней. Что-то здесь — в промежутках между знакомыми явлениями. Между снежинками. Между Холмом и Крайним Домом. Между пальцами рук.

— Не прикасаясь к потоку ее мыслей, я завороженно глядела в чистые глубины этой девочки. Общий аккорд ее был знаком. Это, несомненно, была я, только выраженная чувственнее. Хрупко, еле касаясь кистью холста. Похоже, что я нашла другую себя в этом снежном мире и сумела проникнуть за ее взгляд. Только вот не помню как. Старик обернул меня слишком быстро, и детали пути ускользнули от моего ментального ока. Фаи не ощущалось рядом-

Дана добралась до вершины Холма, неспешно вышагивая из белизны. Мы обменялись безмолвными взглядами и, взявшись за руки, осторожно подошли к плетущим сестрам.

Момент смены всегда интригует. Музыка не может прекратиться ни на мгновение, иначе волна будет сбита. Поэтому мы всегда сменяемся по очереди, в отведенном, откалиброванном танце. Аэс привстала, не открывая глаз, и сделала шаг назад. Сознанием она все еще была там, в Крайнем Доме. Дана преклонила колено и заняла ее место, держа мою руку для контакта. Шэлл тоже отступила, освобождая мне позицию. Я соскользнула между ними, прислонившись спиной к спине Даны. Мы разомкнули руки и ворвались в Крайний Дом.

Это похоже на нырок. Мы выходим из тел и переносим свое внимание туда. Внутри Дом ребрится сотнями створок, ставень и дверец, что раскиданы по запутанным коридорам. С той стороны Дома, которой с Холма не видно, есть еще одно отверстие. Через него

дикий ветер завывает внутрь, и мы ведем эту силу по акустическим переплетениям коридоров, изгибая дыхание ветра в музыку, что выходит наружу со стороны деревни и поглощается звуковыми блинами хижин. Этот дом — своего рода флейта.

Наши роли в плетении музыки разделены на левую и правую. Левая сестра сжимает ветер в упругую ясность и ведет ее по комнатам прозрачным, массивным движением, в то время как правая, в противовес, толкает эту ясность ей навстречу, замедляя. Так регулируется такт мелодии.

Сегодня я была справа.

Дана, едва ворвавшись, оседлала ветер и задорным щелчком разбила его на два ревущих потока, подметающих стены. Я в ответ приплюснула потоки в корне, тут же снижая их на полтона. Будучи справа, я должна была воспринимать мельчайшие движения левой сестры и мгновенно на них реагировать. Эта игра требует абсолютной концентрации и самоотдачи. Мы протягиваем себя сквозь Дом, осознавая каждый его уголок одновременно, и танцуем-деремся-поем, пока не замигает где-то под сердцем маятник теплой усталости. Тогда мы подаем сигнал другим сестрам и пробуждаем их ото сна, шевеля общим сознанием. Они сменяют нас, а мы возвращаемся домой. Спать.

Так проходит день.

Хотя день — это, конечно, условность. Времени здесь, в этом мире, еще нет.

По окончании смены на сходе с тропы, у столба, мы с Даной обменялись прощальными взглядами. Здесь наши дороги расходились.

Всего в деревне четыре таких столба. Они расположены на окраинах, и их вершины теряются в небесах.

Дома, проходя по коридору мимо мастерской, я остановилась и приложила ухо к двери. Изредка отту-

да доносился железный клик. Там, по ту сторону двери, ковал часы загадочный часовщик.

Мы, сестры и часовщики, живем в союзе. Наше пение производит резонанс, вибрации которого настраивают сознание часовщиков на волну времени. Для нас, сестер, музыка звучит игрой нот, гармониями. Часовщики же используют звуки как ориентиры для поиска дверей в умственное плато мгновений. Это своего рода имитация потока времени, ход которого остается загадкой для всех нас. Мы не знаем, что такое время.

Я вошла в полумрак своей комнаты. Тени шептались, хихикая. Я улыбнулась им, легла на бок и закрыла глаза. Сон накрыл меня ширмоватой картой.

—

Я резко оказалась в темноте. Общее сознание стонало занемевшей конечностью — меня истошно звали, я была нужна прямо сейчас. Что-то случилось на Холме.

Я выбежала на улицу и понеслась к Крайнему Дому. Музыка была странной. Она петлила сознание, бросая неуравновешенные гаммы в лицо вперемешку со снегом. Задыхаясь, я взбежала на поляну. Там была Аэс. Ее глаза были закрыты, волосы развевались между снежинками. Она плела музыку одна. Ее сознание не сталкивалось с противотоком. Не было второй сестры. Меня. Почему? Почему я не проснулась раньше? Почему не услышала зов? Почему она плетет в одиночестве? Ведь так нельзя; невозможно! Происходящее не укладывалось в голове.

Я приблизилась к ней, присела и прислонилась к ее холодной спине. Что произойдет, если ворваться в Дом посреди плетущейся мелодии? Изображение спицы,

вклинившейся между вертящихся спиц колеса, пронеслось на периферии сознания. Образ кольнул под сердцем, но я не могла бездействовать. Мысли находили друг на друга. Комкая их охапками, я сосредоточила линию и нырнула восприятием в Дом, толкая ветер вслепую.

Мое присутствие перебило логику музыки, и все двери в доме распахнулись одновременно, порождая единую бесконечную ноту. Деревня, казалось, замерла. А снег продолжал падать. Аэс распахнула свои перепуганные глаза. В этой ноте, случившейся впервые за всегда, в ноте всех открытых дверей было что-то невероятное, обезоруживающее. Я вдруг поняла, что четыре столба, расположенные по периметру, — это ноги. Ноги двух исполински неподвижных оленей, возвышающихся над деревней. Их рога, фрактально переплетенные кусты, создавали крышу, укрывая деревню от тяжести неба. Осознание этого словно выбило какой-то межбровный клапан, и мое внимание расширилось.

Я обратила фокус ввысь, за снежные облака, и увидела головы этих оленей. Там, в поднебесье. Мудрые и уставшие. Спокойные. Это продолжалось всего мгновение.

Аэс дрогнула общим сознанием, приглашая начать плести сначала, вместе. Я вернула фокус на поляну Холма, и мы нырнули обратно в Дом.

Когда наша смена закончилась, мы спустились с Холма и разошлись в разные стороны. По стенкам моих легких стекала трудная ртуть предчувствия неисправимого. Я добралась до дома, еле дыша. Дерево входной двери скрипнуло, обнажая атмосферу серой тишины внутри, контрастирующей с пением улицы. Что-то изменилось. Проходя по коридору, я заглянула в мастерскую. Дверь была открыта.

Никого.

Только инструменты лежали на столе: витиеватые загогулины с рейками и выпаясами. Они были разложены на белой материи, все на строгом расстоянии друг от друга, за исключением одного, трубчатого скальпеля с проводком, который лежал поперек. Витая звуковая труба висела на крючке, ввернутом в стену.

Я вошла. Особое чувство сквозило в мастерской, витал неприкаянный хронос. В этой комнате ковались сосуды для времени. Я сняла звуковую трубу со стены. Она походила на вылитый из латуни тромбон, уходящий в потолок флексоватой трубкой, что выбиралась на крышу. Оттуда трубка принимала музыку с Крайнего Дома радарной окружностью уха-тарелки. Я зацепилась пальцами за язычки на внешней стороне звуковой трубы и натянула ее на голову, как шлем.

Тишина.

Я сняла трубу с головы, повесила ее обратно на крючок и повернулась к выходу. Находиться внутри мастерской было странно. Я никогда не была здесь прежде. Часовщик не покидал рабочего места, ему это ни к чему. Но где же он теперь? Уходя, я заметила лежащий на полу предмет, похожий на треснутый стеклянный кокос с механической мякотью. Я села на корточки и дотронулась до него пальцем. Черная пыльца. Кварцевый прах покрывал сломанный механизм. Это были часы. Разбитые часы.

Похолодало. Часовщик разбил их. Разбил из-за меня. Его сознание сбилось с волны времени из-за того, что я вмешалась в музыку на Холме. Он потерял нить и разбил часы. Он разбил их, закрыл окуляр и ушел.

Нереальными шагами я вышла из мастерской и прошуршала в полумрак своей комнаты.

Я долго лежала на спине, ошарашенно глядя в потолок. Наконец звуковые чернила теневого шепота окантовали меня, и я растворилась в них, отчаливая.

—

Часовщик ушел.

Я тревожно проснулась, подрагивая веками, в скафандре комнаты, часто дыша переменчивым инеем. Часовщик ушел.

— За взглядом проснувшейся девочки было неспокойно. Вихрем вращались осколки. Что-то произошло-

Я вспрыгнула, взлокачиваясь, мимо зеркала с отражением белого платья в подрагивающей темноте, в коридор, к мастерской, и остановилась.

Пожалуйста, будь там.

Я приложила ухо к двери.

Протяженная тишина.

Клик.

Я провела ладонью по глазам и облегченно вздохнула. Часовщик был на месте. Все в порядке.

— Я притронулась к ее разрядно бьющемуся сердцу. Оно приоткрылось от страха, и я видела розовый свет ее существа, сквозящий наружу. Ее эмоции цвета заката. Она была как нераненная птица в небе, парящая за мгновение, за жизнь, до того как упасть. Я катушечно подмоталась и вписала частичку себя в ее волю. Едва заметно. Я поднесла ее ладонь к ее глазам и распрямила пальцы.

Раз, два, три, четыре, пять пальцев. Белые, как снег-

Я посмотрела на руки. Это был сон, да? Память моя была чистой, резкой. Меня переполняла ясность. Впервые за всегда я испытывала необходимость поделиться увиденным с кем-то еще. Я вышла наружу и поспешила на Холм.

Дана ждала меня на вершине. Улыбнувшись глазами, она протянула руку, но я выставила ладонь вперед и подумала прямо в ее личную сторону, в ее заводь.

— Слышишь меня?

Дана сделала удивленный шаг назад.

— Ты чего? — спросила она. Мы никогда не говорили прежде.

— Тебе снятся сны? Когда ты ложишься спать, тебе снятся сны? — Я вся дрожала от чувства вторжения в заводь сестры.

— Да. Мне снятся сны. Что с тобой? — Дана была напугана.

Я чувствовала, как она закрывала свою прежде распахнутую заводь, фокус за фокусом. Наверное, Дана решила, что я больна и могу быть заразна.

— Я направила поток мыслей девочки в аккуратную сторону, успокаивая и надавливая одновременно. Нужно было влиять осторожно. Ведь она такая хрупкая, эта я-

— Я не больна, нет. Прости, что говорю с тобой. Но это очень важно, — сказала я.

— В цепи ее мыслей прозияла брешь. Разрыв-

— Сегодня я видела сон, не похожий на другие. Там музыка остановилась. Тебе снилось такое?

Дана нахмурилась и сделала еще один шаг назад. В глазах ее кругами ходил страх.

— Пожалуйста, ответь. Тебе снилось такое? Что музыка остановилась?

— Нет, — сказала Дана. — Музыка не может остановиться. Ты же знаешь.

Я ощутила послание в нашем общем сознании. Дана огласила в эфир, что я не в порядке, и вызывала другую сестру мне на смену, Ри.

— Воспользовавшись разрывом в потоке ее мыслей я вплела в него свой вопрос-

— Я знаю, конечно. Скажи, а ты когда-нибудь задавалась вопросом, где это мы? — спросила я, но Дана смотрела в сторону, избегая моего взгляда. Ее заводь закрылась. Она не слышала меня больше.

— Прости, — сказала я с горькой интонацией, развернулась и ринулась вниз с Холма, сквозь снег и сложные слезы в горле.

Достигнув подножия, я добежала до самого края деревни, туда, где стоял последний столб. Запыхавшись, я обхватила столб руками, прижалась к нему лбом и не плакала, только в груди прыгали огоньки. На ощупь столб был как костный сердечник. Я посмотрела наверх, туда, где все сливалось белым от мельтешащих снежинок, и увидела границу там, где костистоть столба переходила в иной покров. Я пригляделась сильно-сильно, пытаясь различить природу этого покрова. Это было похоже на кожную шерсть. Это могла быть шерсть. Оленья шерсть. Мне стало трудно дышать.

— Я окунулась лицом в сеть ее сознания, переставляя значения, заменяя многое собой. Это могло быть опасно, но что опасней: мое искусственное вмешательство или ее естественный разрыв? Над потоком ее мыслей раска-

чивался маятник, по которому паутинились трещины. Я зацепилась за него руками и стала раскачиваться вместе с ним, равняя его ритм со своим. Внутри у девочки все накренилось, но я держала баланс. Я была сосредоточена до предела и не видела ничего больше. Когда вступила Фая: «Общий поток. Смотри в общий поток!»

Я перевела внимание на общее сознание сестер. Оно было взбудоражено. Не все, но многие сестры проснулись от послания Даны и вышли посмотреть, что случилось. Они блуждали по деревне в поисках девочки, меня, но ее не было видно. Она выпала из общей картины-

Я неожиданно для себя широко улыбнулась. Олени? И вдруг, лишившись контроля, яростно затрясла кистями рук, будто стряхивая с них безумие.

— Я теряла ее и не знала, что делать. Мне снова вспомнился тот мир с лиловыми небесами. Мир, который пострадал из-за меня. Вспомнился лодочник.

— Фая! Фая! Помоги мне! — вскричала я.

Она ответила тут же, вспышкой в междупространстве.

— x_ <:~!_> x

Да. Это было решение. Я выпустила маятник из рук и вписала в общее сознание сестер свой крик: «x <!!» «Здесь!» —

Я впилась в столб ногтями. Земля подо мной ходила ходуном, я была готова упасть и исчезнуть, когда появились мои сестры.

Их белые фигуры возникли, казалось, со всех сторон одновременно. Они окружили столб живым кольцом и медленно приближались. Я ощущала себя маленькой и взведенной. Сестры обняли меня, баюкая.

Их теплое дыхание овило мои сосуды добрым коконом. Я глубоко зажмурилась, отдаваясь.

— Я откинулась назад, облокотившись на ее затылок изнутри, с глубоким выдохом. Маятник успокоился и мерно считал. Поток ее сознания разгладился и продолжался. Опасность миновала.

Я обратилась к Фае:

— Спасибо.

— Не за что, — ответила она строго.

Я вдруг поняла, что очень хочу вернуть ее. Мою единственную подругу. Мы, кажется, были в ссоре, но я не знала почему. Не помнила.

— Фай, прости меня, ладно? — подумала я в ее сторону.

Она молчала, но молчала тепло.

— Мне тебя не хватает, — подумала я искренне.

— Я знаю, — ответила она, и мне стало легче. Намного легче-

—

Жизнь сливалась в маревную протяженность. Музыкальные извивания на флейте Крайнего Дома чередовались с шепчущими снами в комнате с дрожащей свечой. То чувство больше не являлось, но интенсивность воспоминания все еще была яркой: исполинские олени между деревней и небом.

Этот опыт изменил меня. Я стала другой, не такой, как остальные сестры. Я осознала, что весь мой видимый мир был лишь малой частью мистического целого. Это знание осколком в ментальной роговице определяло мое восприятие. Все выглядело иначе теперь, будто петлящий спектакль с наведенными образами. Вскоре я привыкла к этому новому восприятию и принимала игру как есть, вместе с падающим наискось снегом. К тому же у меня была музыка.

Моя сегодняшняя смена подошла к концу, и я окончательно вернулась в свое тело. Сегодня я была левой сестрой. Правой была Дана. Она коротко взглянула на меня, прощаясь, и двинулась вниз по тропе, исчезая за снежной завесой. Я осталась стоять у едва заступивших на пост Аэс и Шэлл, глядя на громадину Крайнего Дома.

— Я потерянно смотрела в этот мир, как в хрустальный шар с медленным танцем белых молекул. Фая являлась иногда безмолвным отдаленным мерцновением, обозначая, что она все еще здесь, со мной, но ничего не происходило, и я все ждала, была, текла-

Мое внимание зацепилось. Что-то выбивалось из привычной картины. Новый элемент почти здесь. Да. Вот оно. Блекло-серое пятнышко. Что это? Оно скользило сквозь снег, нарезая вокруг Дома плавные круги. Мои ткани онемели.

— За ее взглядом нервами натянулись нити, и я встрепенулась от дремы. Произошло. Началось. Надвигались перемены. Будто к монохромной плоскости приближался цвет-

Я сосредоточенно следила за движениями пятнышка, не сводя глаз. Оно увеличивалось в размерах. Проявлялись детали. Это, несомненно, была птица. Серая, с большой головой и широкими крыльями. Она летела в мою сторону. Я стояла не шелохнувшись, наблюдая за тем, как птица снижается. Совершив последний, самый амплитудный разворот, она чиркнула крылом у самой моей щеки и ринулась вниз, в деревню. Я побежала следом.

— Я улыбнулась уголком рта. Птица выгравировала «>» в междупространстве. Она звала за собой. Птица знала грани-

Я остановилась у ближайшего столба, выдыхая облачка пара, глядя в белые небеса. Птицы не было видно. Я упустила ее. Обогнув столб по левую сторону, я сделала три шага в том направлении и остановилась в нерешительности. Может, мне все это показалось?

— Я видела мерцающий вектор, след, намеченный птицей. Я осторожно вписала свою волю в ее мысли и повернула голову девочки в другую сторону. Но вектор уже иссяк, и следовать стало некуда-

Я бродила по улицам в поисках птицы до тех пор, пока изможденность не отяготила мой ум. По затуманенной усталостью улице я добралась до своей комнаты и повалилась на мягкий пол. В переходном состоянии скольжения я отметила присутствие чего-то иного. Это «иное» было похоже на изображение, которое я воспринимала носом. Или звук, но в совсем другой форме.

— Комнату наполнял запах, который ассоциировался с сырым железом. Любопытная мысль посетила меня, что это был первый запах, который я услышала с самого начала моего осознания здесь. Запах сырого железа. Похоже, что этот мир был лишен обонятельной информации. Мне понравилось, как девочка объяснила себе этот неиспытанный прежде феномен: «Звук в другой форме» —

Я решила, что это ощущение — лишь часть надвигающегося сна, и не придала ему значения.

—

Но оно не было частью сна. Когда я проснулась, странное присутствие все еще витало в комнате. Я встала на ноги, повернулась в сторону источника присутствия и только затем распахнула веки.

Это была птица. Она сидела, повиснув в воздухе напротив зеркала, повернутая ко мне лицом, так, что ее сложенные крылья отражались в зеркале, а свеча отбрасывала на стену массивную черную тень. У птицы были пепельные крылья, выдающийся клюв и невероятные огромные круглые глаза с желтыми зрачками — два идеальных круга. Я никогда прежде не видела птиц. Мы смотрели друг на друга неподвижно, и не было между нами страха.

— Я попыталась установить контакт с птицей, проектируя грани через сознание девочки, но так как второй разум девочки не был раскрыт, мои попытки ни к чему не привели-

— Кто ты? — подумала я в сторону птицы.

Та безмолвно качнулась в ответ.

— Я протиснула свой вопрос в мысли девочки-

— Откуда ты? У тебя есть для меня послание? — спросила я почему-то.

Птица качнулась вновь. На этот раз почти незаметно.

— Она не понимает языков, — сказала Фая.

— Почему? У нее нет разума? — спросила я недоуменно.

— Есть. Но только второй. Это сова.

— x <? — спросила я.

— Совы — это крылатые мосты. Они летают между снами и соединяют одних созданий с другими.

Я задумалась.

— То есть у нее открыт второй разум, а первый нет? Но как?

— А зачем ей первый разум? — спросила Фая. — Сова — это мост. Перемычка. Она соединяет. Ей не обязательно быть кем-то. Ей не нужно быть никем.

— Что ты имеешь в виду? Что значит — ей не нужно быть никем?

Фая постепенилась, отстранившись на мгновение, будто обдумывая свой ответ.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Предположим, что мы не знакомы. Представься. Кто ты?

— У меня нет имени. Я не обозначена.

— Так. Имени нет. Но что-то же есть? Что-то о тебе, что делает тебя тобой.

Я принялась перечислять свои признаки:

— Я выгляжу. У меня есть тело. Я девочка. Я умею выдумывать предметы так, что они возникают. У меня есть память. Я вижу сны. Я путешествую….

— Верно, — сказала Фая.

А теперь опиши себя, используя второй разум. На гранях.

— x <, — ответила я.

— И все?

— x <. Ничего больше. Я, кажется, поняла о чем ты. На гранях нельзя ничего описать, потому что любое описание подразумевает использование символов, так?

Фая мысленно кивнула: «Продолжай».

— Символы есть только в языках. В гранях — направления. А направлениями ничего не объяснить, это просто точки координат. Когда я думаю «x <», я всего лишь

указываю место, где находится то, о чем идет речь, в данном случае — я.

— Да, — кивнула Фая.

— А это значит, что у существа, у которого раскрыт только второй разум, нет никакого «я». Только местонахождение.

— Молодец, — улыбнулась Фая.

Все это было просто и крайне логично. С освещением этого знания зазыбилось что-то еще. Что-то важное и такое же простое. Но Фая прервала катушку моих мыслей.

— > x!~, — выгравировала она.

Я оглянулась вниманием.

Девочка стояла, положив ладонь на макушку совы. Оборот нового дня приближался. Ей было пора на Холм. Я легонько подтолкнула ее, выводя из забытья-

Я очнулась. Мне нужно было идти. В общем сознании пока было спокойно, но в любой момент моя задержанность могла пробудить интерес сестер. С этой мыслью я внезапно обнаружила себя по ту сторону непонятных баррикад. Это чувство, взросшее из семени того далекого сна про исполинских оленей, наконец расцвело с явлением птицы. Я ощущала пока неясную мне миссию. Я стояла на пороге неизвестного, мне было страшно и сладко.

У двери в мастерскую я оглянулась. В огромных птичьих глазах прыгал огонек свечи. Я вышла на улицу.

—

Сегодня я была справа. Левой сестрой была Мэ, одна из тех, кто теряет лицо во имя музыки, буянясь, как джазовый змей, что в неистовой, свободной форме, стекает по лбу. Каждый раз Мэ отдавалась плетению

без остатка. Под ее прохладной кожей будто извивалась горячая лава. Обычно я любила плести с Мэ, но сегодня у меня в комнате была птица. От осознания этого мой фокус то и дело замутнялся, и сосредоточиться на отражении мелодий Мэ было непросто. Дважды я чуть было не пропустила ее лихие выпады, однако она была слишком увлечена своей свободой и не обратила внимания на мою отстраненность.

Отыграв, я с нетерпением помчалась домой. Птица все еще была там, хотя и висела теперь ниже, у самого пола. Я встала перед ней на колени и вгляделась в ее глаза. Особое чувство призерканило мои глазные нервы. Приятное. Как когда сладко засмотришься в одну точку и отводить не хочется.

Вблизи глаза совы казались еще больше. По какой-то причине я не отражалась в них. Томный гипноз постепенно отбросил остальное изображение комнаты, оставив только матовую поверхность этих глазных яблок, серебрящихся влажной пеленой. Сразу за пеленой они переходили в глубокие озера, вроде тех, что с головой и глубже, и глубже, и глубже, пока глубже не переходит в дальше, и дальше, и дальше. И вот глаза совы оптически сошлись воедино, как стереокартинка, в одно чистое око. Посреди глубины этого ока тонул единый зрак — не интенсивно желтый, но янтарный и вязкий, как мед.

— Очень приятное немо-чугунное чувство нарастало в затылке. Растущий транс сковал меня. Завороженная этим зрелищем, я пропадала. Сова не гравировала более граней-

Я моргнула все же и не смогла поднять веки после. Утомленность настигла меня.

—

С каждым днем я, казалось, проникала все глубже. Не то чтобы видела что-то новое в совиных глазах, но само гипнотизирующее чувство уводило меня все дальше. Все чаще я рассеивалась в этих глазах, распускаясь, пока не оставалось лишь темное озеро с янтарным островом совиного ока посередине.

— Распознавание произошло внезапно. Будто всполохи клякс на листе бумаги, что складываются вдруг в осмысленное изображение, которое уже не развидеть после. То, что девочка воспринимала янтарным островом, увиделось мне субмариной, затерянной в темных глубинах. Едва эта идея коснулась моего сознания, тут же стали очевидны детали: торпедно-пузатая форма с выпученными иллюминаторами и выступающим гладким поддоном. Субмарина дрейфовала сквозь океаническую бездну под давлением, а глаза совы были окнами в тот мир.

Я поделилась открытием с Фаей.

— Это субмарина, — сказала я.

Фая кивнула.

— Там кто-то есть, — подумала она в мою сторону.

Я пригляделась. На мгновение мне показалось, что в иллюминаторе мелькнуло что-то белое.

— Ты скоро увидишь, — сказала Фая. — Он там.

— Кто?

— Фигура в больничном халате.

Белое пятно вновь возникло в иллюминаторе. Фая была права. Там кто-то был. Через этот странный оптический коридор миров, сквозь взгляд девочки и окна совиных глаз я наблюдала за незнакомцем в белом. Мне стало интересно, видит он меня или нет. Прицельно собрав мысли, я выгравировала в его сторону гранями «х <:?»

Я ждала ответа-

Что-то шевельнулось в общем сознании. Любопытная стезя сестер вытянулась хромосомью. Цвет фона общего сознания слегка изменился во фрагменте, примыкающем к моей персональной заводи. Вогнулся. В эфире вокруг меня, казалось, застывала странная медуза. Течение замедлялось. Видимо, созерцание совы каким-то образом влияло на мою заводь. С точки зрения общего потока она казалась тромбом.

— Он ответил. Незнакомец с субмарины знал грани.

~x> II x> II x> x> II x> II x> x> II x> II x> ~

От этих посланий зону под моим ментальным сердцем зябко прилунило. Я никогда прежде не видела таких строк. Тон за его гранями был мертвый, лишенный чувства. Как если бы грани были записаны на пленку и проиграны на механической шкатулке-

Состояние моей заводи не беспокоило меня. Мне было все равно. В последние дни я ощущала себя наиболее изолированной от общего сознания. Что-то происходило совсем рядом со мной, или даже во мне, о чем я не имела понятия. Будто была другая я, с другой памятью и смыслом, оперирующая сумрачными инструментами моего бытия. Это началось довольно давно, но так было не всегда. Это происходило даже сейчас.

— Это все ты делаешь? — спросила я сову, но та в ответ лишь переступила с ноги на ногу, разминая свою левитирующую позу.

Должно быть, нет. Все началось еще раньше. Я встала и подошла к зеркалу.

— Что со мной? — спросила я свое отражение.

Свеча продолжала подрагивать. Отражались крылья совы, стена и я — цвета снега.

— — Кто-то идет, — сказала Фая. — Слышишь?

Я радарнулась вокруг. В эфире действительно ощущалось направленное движение.

— Это одна из сестер, наверное, — ответила я довольно безразлично. Меня занимало другое. — Что такое с этими гранями? Не могу понять. Их будто мертвец гравирует.

— Да, похоже на то, — сказала Фая.

— Ты встречала такое раньше? Знаешь, что это? — спросила я.

— Нет, — ответила она-

— Что со мной? — спросила я свое отражение в зеркале.

— Я почувствовала, как внимание девочки разобратилось: оно свободно плавало, ощупывая, в поисках ответа. В поисках меня. Я тут же рассеяла свой покой и наклонилась ей навстречу. Вопрос о мертвых гранях фигуры с субмарины отошел на второй план.

— Ты в порядке, — ответила я ей осторожно, чтобы не испугать-

Ответ пришел, как теплый сквозняк, — чужими, но дружелюбными мыслями. Я приложила палец к губам.

— Кто ты? — спросила я шепотом.

— Фая явилась и мигнула в междупространстве, совсем как пиксельный лаз с пластилиновой реки. От нее исходили волны любопытства-

— У меня нет имени, — ответила я девочке-

— Ты птица, да?

— — Нет, птица — это не я-

— А кто ты?

— — Я друг. Подруга, — ответила я и ощутила странный аккорд в груди. Он отрезонировал от Фаи и растворился до того, как я успела осознать его природу. Моя реплика, несомненно, оказала воздействие на Фаю, но какое? И почему? —

Я улыбнулась в ладошку. Некто был на моей стороне. И этот некто не был одной из нас, не был сестрой. Меня охватило новое, незнакомое доселе чувство запрещенных крыльев в легких.

В общем сознании тромб моей заводи сгустился еще плотнее. Я отличалась. Я сильно отличалась.

— А где ты, подруга? — спросила я.

— Я задумалась, но емкое определение для описания моей текущей ситуации все не складывалось.

— Как объяснить ей так, чтобы она поняла? — спросила я Фаю наконец.

Фая не ответила. Она отстранилась по каким-то своим, неизвестным причинам-

Общее сознание взнемелось привычным зовом. Мне было пора на Холм.

— Пока, подруга, — сказала я в зеркало. — Мне нужно идти. Увидимся в конце дня, да?

— Да, — ответила я, отмечая, что с появлением птицы она почти совсем перестала спать-

—

Мое пение, левое, свободное, носилось по перегородкам Крайнего Дома с особым куражом. Я была заряжена до предела и радостно смеялась, плескаясь сознанием, атакуя правую Дану с самых неожиданных ракурсов. Музыка выплеталась текучая, живая, искристая. Я не знала усталости и была немного разочарована, когда Дана маякнула, что пора заканчивать партию. Мы чинно отступили с поляны, соблюдая танец. Я обратилась к тропе, готовая скорее нестись домой, к птице и таинственному другу, но Дана вдруг остановила меня.

— Постой, — подумала она в мою заводь. Я обернулась.

Дана внимательно смотрела в меня. Я чувствовала исходящую от нее рентгенность.

— Ты изменилась, — сказала она с заметным усилием.

— Да, — ответила я, чувствуя нарастающую готовность к чему-то непредсказуемому.

— Я ощутила, как внутри девочки натягивается струна, вращающаяся спиралями внутрь. Я прижала ее на полтона, охлаждая сердечный бит-

— Это связано с тем сном? — спросила Дана. Ей было очень трудно говорить.

Позитивная агрессия осела внутри, и я вдруг поняла, что Дана просто заботится обо мне.

— Со мной все в порядке, — повторила я слова Подруги и добавила: — Не беспокойся.

— Хорошо, — сказала Дана.

Наступила пауза. Снег падал медленно.

— Музыка — это главное, — сказала она наконец. — Не забывай. Для нас, сестер, это все.

— Девочка хотела возразить Дане, но я опередила ее, выловив слова из ее ума до произнесения. Нам не нужны были лишние волнения. Вместо этого я кивнула ее головой-

Дана отвела взгляд и пошла вниз по тропе, не оборачиваясь. Ее фон мерцал грустным цветком. Я смотрела вслед, пока ее силуэт не растворился в пейзаже, и думала, почему так.

—

— Несмотря на все мои попытки объяснить, она не в силах была понять, как я могла находиться за ее взглядом. В ее мире попросту не было ассоциации с подобной идеей, и ее разуму не за что было зацепиться. Так что я перестала ее мучить и согласилась на том, что живу в ее комнате и представляю собой своего рода сложную тень, что было не так уж далеко от правды.

Она в красках описала мне сон об остановившейся музыке, который я наблюдала через ее глаза много дней назад. Она сказала, что все другие дни, до сна, теперь сливались в ее памяти в один монотонный турнир, который хоть и сверкал суперновыми бесконечных оттенков гармоний, там, на Холме, все они все же происходили из одного цвета и были не более чем его градациями. Сон про оленей, как она выразилась, «поставил ее на непонятные рельсы, которые ведут в темноту».

Она говорила об этом с восторгом и ярым желанием узнать больше. Она задавала вопросы. Откуда я пришла. Есть ли у меня тело. Есть ли другие, такие же, как я. Я отвечала как могла, а вместе с тем думала о своем пути в этот мир и из него. Что случилось после того, как нарисованный старик обернул меня вокруг оси? Через что я прошла на перемотке, прежде чем проснуться

здесь? На этот раз, однако, у меня была цель. Мне нужно было узнать, видит ли эта я наводящие сны, но я не имела понятия, как к этому подступиться.

День за днем она молча созерцала птичьи глаза, прерываясь лишь когда приходила ее смена плести, и мысли ее бледнели в журчащем молоке помех. Для ее очнувшегося от вечного сна осознания эти совиные очи были вроде окон прочь. Их бездонное пространство утоляло ее обнаруженный голод. Теперь, когда неизвестное приоткрылось, снежной коробки деревни ей было уже недостаточно.

Один за другим продолжали тянуться долгие-долгие дни, и я вяло рассеивалась в бесформенной однообразице.

В один из этих размытых дней покой междупространства вдруг исказился, зажегся посланием. Я встрепенулась. Это был кластер данных. Он прибыл из субмарины совиных глаз и был ясно очерчен. Я развернула кластер, пробуждаясь от монотонной стужи, и кластер моргнул, рассеивая частицы.

«II> ~ <II <:x <:x».

Следом голос фигуры в белом халате начал вещать сквозь помехи радиоприемника-

Пошуршивающая запись; голос худощавой фигуры в больничном халате, прерываемая непродолжительным белым шумом (#) —

#

Множество раз я держал палец на кнопке, но так и не решился нажать. Если я сделаю это, таймер обнулится. Эта нелепая коробка с зелеными цифрами #, которая никогда не перестает считать. Я знаю точно. Всегда знаю точно, сколько времени прошло с момента погружения #599, 581 #, 594 секунды. Пятьсот девя-

носто девять миллионов пятьсот восемьдесят одна тысяча пятьсот девяносто четыре секунды, девяносто пять, девяносто шесть, девяносто семь... это девятнадцать лет. Не может быть. # Этого просто не может быть. Но что, если я нажму? Что, если я уничтожу эту информацию, обращу таймер в ноль? Я думаю об этом снова и снова, взвешиваю, и каждый раз трепещущая мошкара проносится по позвоночнику. Ведь тогда меня ждет липкая страшная вечность, разве нет? Этот отсчет — все, что у меня есть. Здесь же ничего не меняется. # И я. Я такой же, как и был девятнадцать лет назад. # Эта подлодка — пространство в восемь шагов # и приборы. А еще я не могу спать. Я просто не устаю. Никогда.

— Запись кликнула, переворачиваясь аудиокассетой. Интересно. Я не знала, что можно вшивать языковые послания в кластеры граней. Снова зашипело, и голос продолжил-

###

Я разработал систему поз, которые можно принимать в этом пространстве, и описал в точности каждую деталь субмарины с каждого обозреваемого угла. Чтобы убедиться в достоверности своих данных, мне иногда приходилось замирать подолгу, зачастую в крайне неудобной позиции, и всматриваться. Однажды мне довелось простоять на плечах, закинув ноги на железную стенку, двести с чем-то секунд, пока моя голова не покраснела, как воздушный шар. В одном месте, например, пластины покрытия немного отступали, щетинились на микроскопическом уровне, и я записал это тоже. Туда, в базу данных, когда она еще работала, пока я не разбил блок памяти. Пока не разбил его ку-

лаком от страха, так что вся моя энциклопедия, скрупулезно накопленная, разложенная и надиктованная, обратилась в ничто. В пустое место. Я тогда слушал свои записи, чтобы не забыть, какие места уже зафиксированы, а где еще нужно поработать. И однажды меня вдруг перекрыло, что это я говорю из приемника, но только не этот я, а другой. Тот я, который остался в прошлом. Которого больше нет. Голос на записи, этот «мой» голос не был моим. Это было эхо. И я остро осознал, что я такой же. Что меня больше не будет для того меня, что впереди. От этого в уме моем галлюцинация в пещерном платье зашла за угол и пошла пошла, пошла, шелест шагов обращая в шасси патефона, в шепот, в скрежет, тот, что изнутри и не заткнуть уши руками.

— Клаустрофобная шина резиново надавила на виски. Я вообразила это судно, замкнутое пространство на немыслимой глубине. Ученого, сходящего с ума от скуки. Как его любопытный, остро заточенный ум исследователя страдал в заточении. Как он вел аудиожурнал, фиксируя мельчайшие подробности субмарины. Как он слушал свой собственный голос, там в темноте, описывающий детали внутренней отделки, устройство приборов, температуру, давление, высоту, ширину, глубину. И некуда деться. Запись пширкнула вновь-

#

Случилось невероятное. Сегодня сквозь стенку субмарины прошла призрачная фосфоресцирующая стрела. Она пронзила насквозь, не повредив обшивки. Стрела была широкая, как ствол дерева, и сквозь нее было видно. Подводным купидоном она зависла, слегка вращаясь. Я никогда не видел ничего подобно-

го. Я подошел ближе и дотронулся до нее рукой. Она не ощущалась напрямую, скорее как что-то щекочущее энергетически, вроде поля. Разведя руки в стороны, как бы обнимая вокруг нее, я вошел в стрелу головой. Поле теребило мозг пальцами. Это было неописуемо. Вместе с тем, в легких мозга поехало, и я как бы открыл другие веки. Будто они всегда были на поверхности моих физических век, вторым слоем. Я увидел пейзаж, состоящий из чистого света. Свет завивался, приобретая формы, меняя угол падения. Стрела начала двигаться, продеваясь сквозь мою голову как нить через игольное ушко, завинчивая свое послание в память. Из послания я узнал, что в этом световом мире все воспринималось как игра с безустанно колышущимися правилами. Ангельский голос поведал мне, что для своих игр световые создания выдумывают маленькие карманные вселенные, которые зависают в обмороке, после того как создания покидают их, наигравшись. Фосфоресцирующей вереницей эти миры-на-паузе дрейфуют сквозь пространство, пока не наткнутся на другого скучающего световика, который их разбудит для игры.

Я чувствовал, как информация проходит сквозь мозг, органы, клетки. Я открыл широко рот и глотал наоборот эту блуждающую стрелу обморочных миров.

Кто-то засмеялся колокольчиками. Должно быть, моя поза показалась световому созданию забавной. Между тем стрела иссякала, завершая свой путь сквозь мою голову. Ангельский голос произнес: «Дом ветра не ограничен пустотами. Места под тяжелым небом описаны в книге. Книга в доме». С этими словами стрела покинула субмарину, оставив за собой тающий магнитный шлейф и что-то еще, будто светящуюся пыльцу, что осела на моем сознании.

Я лежал щекой на полу. Блуждающая стрела передала мне послание на незнакомом языке, со своей, особой логикой. Я попытался произнести это послание вслух, но выразить вербально его не получилось. Шифр был иного порядка; уровень логики был другим. Я перевернулся на спину, глядя в потолок. Вокруг была железная тьма субмарины. И тут меня тронула метаморфоза. Я ощутил новую мышцу — вне тела. Я мог управлять ей, сжимать и разжимать, не шевелясь при этом физически. Это было не просто движение. Это было письмо.

«II> ~ <II <:x <:x», — двинулся я в этой новой манере, прыжком выгибая ум. Сформировалось нечто вроде фразы. Следуя неясному порыву, я ударил по сообщению волей, как теннисной ракеткой, и оно полетело прочь: сквозь стену, сквозь воду, туда — наружу.

#

— II> ~ <II <:x <:x-

Это было моментальное уточнение; позиция — яркая, в неопределенной волнистой мгле междупространства. Это была карта. Местонахождение. Фокус моего второго разума заострился, наводясь, и я проследовала за ним вниманием. Местонахождение чего? Это явно был какой-то предмет, похожий на упакованное знание, на статичную запись, запечатанную в словах, на физическом носителе. На бумаге. На страницах под переплетом. Грани сообщения указывали на книгу, спрятанную в этом мире. На книгу с тайной. Я дотронулась до сознания девочки, как до плеча, пробуждая ее от гипноза совиных глаз-

Я очнулась. Меня влекло. Я встала с пола и причувствовалась. По ногам бродили кусачие волны затекших

кровей. Она звала меня. Подруга. Я подошла к зеркалу и всмотрелась в отражение, открываясь.

«Это ты зовешь? Ты здесь?»

— Во мне азартно пульсировало. Впервые за все мое пребывание в часовой деревне наметился шанс. Я ощутила близость направляющих снов. Это было оно. Обитатель субмарины навел меня на путь. Но я не могла пройти по нему сама, мне нужно было ее тело, ее шаги. Я подбирала верные слова. Случилось то, чего я так ждала, и я боялась спугнуть.

«Да, это подруга, — ответила я. — Я узнала кое-что и хочу поделиться с тобой».

В ней шевельнулось интересом-

«Что же это?» — я придвинулась еще ближе, почти касаясь глади своего отражения в зеркале.

— Я приклонила что-то в ее сознании, одновременно расширяя пальцами, раздвигая в стороны. Любопытство сделало ее сознание податливым.

«Это может быть опасно, — сказала я и выдержала паузу. — Ты не сможешь забыть. Назад пути не будет» —

Она моргнула уставшими, тяжелыми веками.

— Я знала ее ответ наперед. Я слишком долго была с ней. В ней. Ей-

«Говори. Я готова. Я не боюсь».

— Она и правда не боялась. «Как же она устала», — подумала я, глядя сквозь ее глаза в отражение ее глаз

в зеркале. В этот короткий момент мне захотелось пойти на попятную, сказать «забудь», не втягивать ее больше, но было уже слишком поздно. К тому же мне не хотелось оставаться в этом мире навсегда. Может, для нее все и обойдется. Может, ничего страшного. С этой мыслью я выдохнула вскользь и выдала ей направление.

«Здесь, в деревне, есть книга. Секретная книга. В ней содержится ответ на то, что тревожит тебя. Там описано все. Книга эта находится в Крайнем доме. Внутри» —

Я ждала продолжения, но его не последовало.

— Что значит внутри? — спросила я наконец.

— Я почувствовала себя трудно. Однако другого пути не было. Я попыталась объяснить ей, насколько это было возможно.

«Обычно, когда ты плетешь музыку, часть твоего внимания остается на поляне, вместе с твоим телом. Чтобы найти книгу, тебе нужно будет переместить свой фокус в Дом целиком, не оставив в теле ничего. Перенести себя всю».

Я поставила ясную точку интонацией, обозначая, что больше ничего не скажу. Да и нечего было больше сказать.

Я укрылась темнотой в углу ее сознания и потерянно маякнула Фае, путаясь в эмоциях. Я знала, что совершила очень рискованный шаг, и мне было не по себе. Фая не отозвалась на мой сигнал-

Я неподвижно глядела в зеркало, пока общее сознание не шевельнулось, призывая меня на Холм. Наступала моя смена. Я подобралась. Все так же отстраненно, но железно и горячо трепыхалось во мне

предчувствие. Я закрыла глаза. На мгновение чудовищно захотелось спать, но нужно было идти. Отчего-то подумалось, что я, может, уже никогда больше не лягу спать.

«Спасибо, подруга. Я пойду. Увидимся», — сказала я зеркалу, прислонила ладонь к его прохладной поверхности и вышла на улицу. Мягкий снег донной стеной оседал снаружи.

Внутри же, среди пляшущих теней, все еще тлел влажным последствием отпечаток моей ладони на зеркале, искажая отражения.

—

Дана ждала меня на Холме, словно написанная маслом, иссушенная ветром, как осенний лист подо льдом, зимняя принцесса, балерина, персонаж.

Она открыла свою заводь.

«То, что с тобой, — это не музыка», — подумала она прямо в меня. Подумала направленно, страшно.

Я сделала шаг в сторону сосредоточенно плетущих сестер: Аэс и Мо, — улыбаясь Дане глазами.

У Даны не было выбора, кроме как последовать за мной. Плавными движениями мы заступили на пост. Когда я прислонилась к ней спиной, ее плечи дрогнули. Сегодня я была справа, а значит, поэзия была за мной.

Привычным нырком я перенеслась внутрь Крайнего Дома. Движениями ума я перевела внутренние задвижки, дверцы и окошки в любопытные положения. Моя комбинация была сложной. Достаточно сложной, чтобы занять левую Дану на несколько мгновений.

Ветер хлынул по открывшимся путям цикадрилью, выдувая мелодию. Пока Дана усмиряла потоки, я осторожно выделила часть своей осознанности, вроде но-

вого глаза, и щупала этим глазом вовне, прислушиваясь к ощущениям. Фрагмент моего внимания все еще находился в теле, на Холме, цепляя меня к материи, вроде якоря. Эта маленькая часть меня всегда была там, так естественно, что я не замечала ее прежде. Это была защищенная, обутая часть души, обозначающая, что я есть. Чтобы понять, как отделиться, было достаточно обнаружить ее существование. Ни единой мысли против не возникло во мне. Я не собиралась отступать.

Шагнув циркульным шагом вовне, мое сознание объединилось внутри Крайнего Дома, оставляя телесную оболочку совершенно пустой, снимая меня с якоря. Я ощутила себя свечой, завернутой в теплое полотенце, которую переламывают пополам. Не быстрым, агрессивным рывком, а парафиново, медленно. Затем последовало такое же ощущение, но наоборот, будто переломанная пополам свеча срастается воедино. Я оказалась в Крайнем Доме.

При полном внимании он выглядел совершенно иначе. В комнатах располагалась мрачная графская мебель с подсвечниками, на полках шкафов стояли книги в твердых переплетах, с истертыми корешками неброских цветов. Полы устилали тяжелые ковры. В этом интерьере я ощущала себя привидением.

Я прошлась вдоль стены и заглянула за угол. Коридор с обоями. Узоры, как солнечный удар на той стороне век. Двери в другие комнаты. Залы. Прихожие. Лестницы. Ковры, обои и мебель. Всюду безустанно трепещущие задвижки. Я была здесь множество раз, но никогда не видела ничего, кроме этих задвижек. Я все еще продолжала управлять ими частью сознания, совершая свои правые выпады. И Дана была там. Она носилась по комнатам невидимым противовесом, возвращая повернутые мной задвижки в исходное по-

ложение. Вот как оно на самом деле выглядело. Я, по сути, играла на флейте. На доме-флейте, нажимая кнопки-задвижки\двери\окошки силой мысли.

Держать фокус в двух положениях одновременно было трудно. В одном положении я продолжала плести музыку, а другое, то, что прежде оставалось в теле, было теперь здесь, внутри Дома. Я ощущала незнакомую энергию, охватившую грудь, вроде морозного бодрого воздуха. И в то же время я смертельно устала. Как перелетная птица.

— Давление в ее сознании упало, вместе с частотой вибраций. Она совсем истощилась за эти бесконечные дни, созерцая совиные глаза вместо того, чтобы спать.

Я эмпатично притянулась за ее взглядом.

«Может, все обойдется для нее», — подумала я с надеждой. Мне очень хотелось, чтобы обошлось-

Я придерживала простую мелодию, ровно перехлопывая задвижки. Параллельно, я замедло шагала по коридору сквозь трудный воздух непривычной осознанности.

— Я шепнула ей в мысли местоположение книги-

Я знала точно, куда идти. Чистое, неразведенное чувство влекло меня. Я зашла в маленькую комнату с раскидистой лампой на ножке и выдвинула ящик стола. Там лежал стеклянный шарик, перьевая ручка, красные, синие и черные склянки с чернилами и книга в ритуальной обложке из кожи древней рептилии, на которой был вытеснен металлом символ — перекрещенные оленьи рога. Я вынула книгу и положила ее на стол. Теперь я видела свои руки, книгу на столе и настольную лампу.

На первой странице ничего не было.

На второй был эпиграф:

«Проходящим».

Далее, крюкавым почерком по линиям, следовало:

~

Я не знаю, откуда ты, читающий, и знаком ли ты с понятием времени.

Исходя из своего опыта, я полагаю, что в любом мире, где возможно движение, ему (движению) необходимо пространство. Событию нужно место, чтобы существовать, так же, как и предмету.

Чаще всего в роли этого пространства выступают так называемые Обороты.

Обороты — это элементарная структура, которая возвращает мир в начало, как только цикл завершен. Так работает большинство миров, через которые мне довелось пройти, так же работает и мир, в котором ты находишься сейчас. Однако есть места, для которых такой уклад не подходит.

В этих местах вектор движения не замкнут сам на себя, как случается в Оборотах, а устремлен в бесконечность. Там нет завершающегося цикла, после которого все повторяется. Каждый миг в таком мире уникален и никогда не случался прежде.

Пространство, в котором происходят никогда не повторяющиеся события, называется Время.

Знаешь ты это или нет, но ничто не происходит само собой и не является из ниоткуда. Даже Обороты, несмотря на свою повторяемость, не вращаются автоматически — ими движет осознанная сила.

Однако для управления временем просто осознанной силы недостаточно. Необходимо еще и знание.

Время, в отличие от Оборотов, не исполнено раз и навсегда. Оно нуждается в непрерывном обновлении. Время — это тонкая субстанция, которую необходимо выдумывать, синтезировать из особого сырья, Хроноса, прежде чем запускать в ход. Лишь немногие знают как. Те, кто знает, называют себя Часовщиками.

Хронос — достаточно редкое вещество. В его поисках одинокие Часовщики бродят из одного мира в другой, пока не найдут источник. Вокруг источника Хроноса Часовщик выдумывает мастерскую, запирается внутри и приступает к своим мистическим занятиям. Готовое, синтезированное время он запаивает в Часы — тяжелую непрозрачную сферу. Внутри сферы время запускается в ход.

Пожалуй, «запускается» — не вполне подходящее слово. Не будь обманут его значением. Время не запускается само. Его запускают. Там, в Часах, возникают существа. Откуда — мне неизвестно. Может, они приходят из другого мира, а может, являются побочным эффектом обработанного Хроноса. Так или иначе, они образуют организованное поселение внутри Часов и следуют строгому графику работ.

Их жизнь продвигается изо дня в день циклично и монотонно. В их мире ничего нового не происходит, что является верным признаком того, что их мир также движется Оборотами. Мне довелось понаблюдать и изучить нехитрые повадки обитателей Часов.

Все они живут в часовой сфере, как в одном большом здании, поделенном на ячейки — комнаты. Говоря цветовым языком, все там стерильное и металлически белое. Ячейки симметрично расположены вокруг бледно-зеленой Линии — спицы, проходящей через всю сферу точно посередине. Линия с обеих сторон упирается в Циферблаты, которые Линия заводит как механические игрушки. Таким образом Линия — это

заводной ключ, который заставляет двигаться стрелки на противоположных Циферблатах. На одном из них стрелки идут влево, а на другом — вправо.

От Линии в каждую ячейку-комнату отходит по тончайшему проводку цифрового цвета. Там они подключаются к настенным приборам, точным копиям Циферблатов. Таким образом комнаты соединены с Линией.

Большая часть ячейки\комнаты обитателя Часов устроена, как колесо. Его труд заключается в том, чтобы бежать по этому колесу, вращая свою ячейку, как шестеренку. Прибор на стене передает вращение по проводку к Линии, от которой совместная мощность всех ячеек внутри сферы заводит стрелки, чтобы время на Циферблатах продолжало идти. Те, кто живет по левую сторону от Линии, заводят своим бегом правый Циферблат, а те, кто по правую — левый.

Приземистые, микроскопические, однолицые трудяги в черных сюртуках, с длинными носами и уставшими глазами проводят здесь свою жизнь цикл за циклом. По завершении рабочего дня они ложатся спать и набираются сил, чтобы завтра все повторилось снова. Пока левая сторона сферы спит, правая работает, и таким образом ход времени никогда не прерывается.

Все же я долго не мог понять: если здесь, в деревне, времени нет, и там, в Часах, времени тоже нет, то откуда же оно появляется в тех мирах, где оно есть? Что является переходной ступенью между оборотами и временем? Цикл оборотов должен быть нарушен, разве нет? Но как? И какую роль в этом играет Хронос?

Вскоре ответ обнаружил себя сам: ключом были сны угрюмых работяг.

Оказалось, что каждый из них ведет вторую, невероятную жизнь по ту сторону бодрствования. Они

встречаются друг с другом во снах и отправляются в путешествия по сияющим долинам. Вместе они спускаются в мрачные глубины, покоряют вершины, взмывают птицами в далекие небеса. Там они свободны — раскинуто и незамутненно. Их воспоминания искрятся героическими подвигами и подобны древним сказаниям.

Однако каждый раз, пробуждаясь в часовой сфере, они не помнят абсолютно ничего. Для памяти сновидений в их рабочем сознании попросту нет места, поэтому их память хранится вне этого мира, удаленно. Так что, отходя ко сну, часовые рабочие подключаются к этой удаленной памяти и продолжают свою сагу неразрывно, как если бы дневной жизни и не было совсем.

Сновиденная память этих существ настолько весома, что выражается физически. Из-за своей хрупкости, чувствительности к свету и природной неприязни к любого рода сферам она склонна скапливаться под землей — там, где воздух, давление и лучи не достают. Она похожа на клейкую массу и образовывает катышки, которые, плотнея, формируют ядра. Эти ядра памяти — мощные энергетические образования, настоящий клад для тех, кто знает, как ими пользоваться.

Они находятся здесь, в этом мире, глубоко под снегом.

Дальше следовала страница с вытесненным чернилами символом оленей, таким же, как на обложке, и слова «История Часовой Деревни».

— [_] —

Прежде все небо было тяжелым, а Сознание — невозможным. Было сумрачно, и снег падал на монотонный белый ландшафт. Снежные дюны покрывали безликий Мир.

Так было до того, как в Мир явились Олени.

Эти исполинские создания питаются снами других существ и в поисках пищи путешествуют по вселенным. В их копытах прячутся длинные языки\пуповины, которые они могут ввинчивать в почву. Эти языки способны уходить на большую глубину и исследовать недра на предмет заплутавших сновидений. Олени буравят материю любопытными шнурками этих пуповин, пока не наткнутся на лакомство.

Их было двое. Долго шли они по снежной пустыне в поисках спящих, но мир этот выглядел пустым и безнадежным. Здесь, казалось, ничего не происходило и некому было спать. Наконец поход изморил их, и они остановились передохнуть.

Ввинчиваясь в снег, язык Оленя вскоре наткнулся на сладкий предмет. Это был сгусток памяти, плотный, как смола, физический и вкусный. Никогда раньше олень не встречал подобного лакомства — такого количества снов, скатанных вместе, да еще и таких интенсивных. Обычно сны раскиданы порознь, по одиночке, и весьма эфемерны. Олень прицепился к странному объекту языком и втянул информацию в себя. Банк сновидений открылся ему. Теневая память об удивительных жизнях мириадов существ, слепленная воедино в теплый сгусток под снегом. Ошеломленный, он поделился своим открытием с компаньоном, и тот также присосался к сгустку.

С тех пор поток снов не иссякал. Еды всегда было в достатке, и оленям незачем стало двигаться с места. Они так и остались стоять лицом к лицу, копытными языками в землю, наслаждаясь непрерывной трапезой. Только их рога продолжали беззвучно расти, спутываясь друг с другом как колючки.

Тяжесть неба, проходя сквозь рога оленей, притуплялась и не добивала до земли. Таким образом, их рога образовывали козырек, крышу, под которой небо было достаточно легким и пригодным для жизни. Недостаток тяжести неба оказывал воздействие на почву. Из-за перепада давлений на поверхности возник белый фон — особое состояние пустоты.

Эта феноменальная кондиция оказалась идеальной средой обитания для свободного геометрического шума, Хроноса, который, как ты помнишь, является главным компонентом Времени. В результате Хронос хлынул в этот мир из близлежащих пустот и стал сбиваться в стайки, а после и в концентрированные единицы.

Свечение этих концентратов в Эфире привлекло Часовщиков. Пораженные обилию неприкаянного Хроноса они явились на зов и спешно выдумали свои мастерские для перевода Хроноса во Время. Часовщики расположили мастерские под рогами оленей, так, чтобы тяжесть неба не давила на крыши. Как только мастерские обрели место, Часовщики заперлись внутри и вдохновенно приступили к работе.

Однако, несмотря на объем неприкаянного Хроноса, их труды не увенчались успехом. Причина была в том, что хоть Тяжелое небо и не прессовало более мастерские напрямую, там, за пределами оленьих рогов, оно все еще производило Безмолвный Грохот, который сбивал тонкую медитацию Часовщиков, делая синтез Времени невозможным.

Объединив свои сознания, Часовщики собрались в условно существующем месте и провели мгновенную беседу по этому поводу. В результате они пришли к выводу, что если сознанием настроиться на Волну Времени, то любой Хронос с готовностью перейдет во Время, стоит лишь такому сознанию к нему прикоснуться.

Однако, чтобы ощутить вибрации Волны Времени, необходимо было само время. А времени в этом мире нет. Только обороты. Тогда они решили обмануть свои сознания.

Идея была в том, чтобы притвориться, будто они уже настроены на Волну Времени, а дальше все наладится само. Они согласились, что легче всего обмануть сознание можно при помощи звука, потому как звук и сознание сделаны из одного и того же материала.

Было решено совместными усилиями выдумать исполинский духовой инструмент и поставить его на краю их поселения, так, чтобы один его край выходил наружу, за пределы оленьих рогов.

Инструмент должен был работать, как свисток. Ветер снаружи задувал в отверстие и, проходя сквозь инструмент, преломлялся его структурой, отчего получался громкий звук, покрывающий все мастерские. Инструмент был назван просто, Крайним Домом.

Частота этого звука заставляла сознания часовщиков поверить, что они пребывают в мире, где время уже есть, и они тут же настраивались на Волну Времени. В этом состоянии их медитация была особенно сильна, что позволяло им синтезировать Время, не отвлекаясь на Грохот Тяжелого Неба.

Однако вскоре начали происходить странности. Несколько Часовщиков вдруг начисто потеряли чувство цвета. Другие заплавали вниманием и принялись ментально дубеть. Один Часовщик бесследно исчез.

Причиной оказалась истощающая монотонность Звука. Непрестанно погруженные в одну клубящуюся ноту, вибрирующую на чужой частоте, они попросту начинали терять себя и растворяться в ней.

Пытаясь избежать этих последствий, они перенесли понятие Звука на другой план, так, чтобы тот не просто наводнял все пространство под Рогами, а был точно сфокусирован на определенных точках. Этими точками были выбраны крыши мастерских. Часовщики оснастили их звуковыми блинами — локаторами. От локаторов сигнал передавался внутрь мастерских по трубке со шлемоподобным агрегатом на конце, который часовщик надевал на голову для детальной фиксации.

Но все пошло не так, как планировалось. В первый же день работы в новых условиях двое выпали из мира и бесследно сгинули в звуковой тьме, оставив после себя лишь незавершенные Часы.

Инцидент привел часовщиков в замешательство. Они не могли объяснить произошедшего. После этих событий большинство часовщиков решили, что этот мир представляет опасность, и покинули его безвозвратно.

Немногие оставшиеся начали экспериментировать с внутренней структурой Крайнего Дома, пытаясь добиться безопасного Звука. В ходе испытаний оказалось, что если изгибать ветер определенным образом, можно было менять тональность свиста и получалась музыка. В отличие от монотонного гудения, музыка была вариативна и не утомляла сознание, оставаясь при этом на Волне Времени.

Впечатленные результатами, часовщики оснастили внутреннее убранство Крайнего Дома системой коридоров и задвижек для управления потоками ветра. Это позволило им извлекать сложные многоэтажные гар-

монии, которые не только настраивали их сознания на нужную частоту, но и услаждали восприятие, побуждая к идеям. Другими словами, дом-свисток был обращен в дом-флейту.

Однако чтобы извлекать логичную музыку, внутренности Крайнего Дома нужно было постоянно контролировать, перемещая задвижки созвучными аккордами. Для этого кто-то всегда должен был находиться у Дома и плести музыку для остальных.

Стоит заметить, что между синтезом времени и музицированием нет ничего общего. Высокоразвитые во многих аспектах, часовщики совершенно не разбирались в искусстве композиции и не имели никакого желания его постигать.

Тогда появились девочки.

Сестры-близнецы. Эфемерные альбиноски: снег и воздух. Откуда — трудно сказать наверняка. Может, они всегда были здесь, вморожены в грунт, неподвижны и неотличимы от пейзажа. Или же прежде они существовали лишь абстрактно, а действия часовщиков пробудили их интерес, и они материализовались.

Так или иначе, часовщики встретили сестер со спокойным древним любопытством. Вступив с ними в контакт, они обнаружили, что те обладали исключительно гибкими многофокусовыми сознаниями и в ходе контакта контролировали свои идейные шаги с акробатической точностью.

Девочки интересовались громадиной Крайнего Дома, его устройством, назначением, и если это музыкальный инструмент, то почему он молчит. На последний вопрос часовщики отвечали, что он молчит, потому что на нем некому играть.

Одна из сестер сказала тогда:

«Любое сознание ищет выражения,
Согласно своим пристрастиям.
Музыкальный инструмент,
Оставленный в покое,
Естественным образом,
Рано или поздно,
Будет обнаружен музыкантом».

Смысл строк был размыт, но общая сила очевидна. Обескураженно очарованные, часовщики допустили сестер до Крайнего Дома и дали им полную свободу самовыражения. Едва тугие, свежие гармонии зазвучали со стороны Дома, часовщики наэлектризованно заперлись в своих мастерских, звенящие в преддверии долгожданной работы. С тромбонами приемников на головах, используя Звук музыки как маяк, сознания часовщики настроились на Волну Времени, и процесс синтеза пошел, как спуск по мягкой реке, — прохладно и гладко.

—

Холодным рывком я оторвалась от чтения.
Это случилось.
Я потеряла фокус.
Я зачиталась и потеряла фокус.
Тот фокус, что управлял музыкой.
В какой-то момент я перестала плести мелодии.
Как давно это произошло?
Осознание вины навалилось дрезиновым омутом.
Я ощутила.
Музыки.
Больше.
Не было.

Только.
Одна.
Нота.
Осталась.
А.
Все створки,
Дверцы,
Задвижки,
Окошки
Были распахнуты и
Деревню наводнял монотонный звук.

Я ощутила, как в мастерских часовщики роняют стеклянные кокосы часов и те разбиваются вдребезги, а маленькие человечки в черных костюмах, с длинными носами разбегаются в стороны, в ужасе, в новом огромном странном мире, как птенцы, лишенные своих привычных петель.

Это я была во всем виновата.
Как температурный сон, в котором
Голос из приемника говорит,
Будто обвиняя в чем-то
И вместе с тем прощая,
Глубоко, с тоской: «Эх… ты…»
И жаль тебя,
И ничего не поделаешь уже.
Я зажмурилась и снова открыла глаза.
Но просыпаться было некуда.
Это случилось на самом деле.
Мой кошмар сбылся.

~лабиринт~

Момент замер в кадре, и оказалось, что я смотрю на написанную маслом картину. На ней была изображена девочка в белом посреди богато обставленной комнаты. Лицо ее было скрыто за каскадом белоснежных волос. В руках она держала книгу с перекрещенными оленьими рогами на обложке. На заднем плане сквозь отверстие в стене виднелся кружок неба с падающим снегом.

— Нравится? Глубоко, да? — сказал высокий улыбочный голос в черном плаще.

Я обернулась. Повсюду были бетонные стены, с шарпом. Они образовывали уходящий в стороны лабиринт. На стенах лабиринта висели полотна в рамах. Наверху было небо, а внизу галька. Пахло смесью озона и ржавчины — кровь с кислородом. Я была в галерее.

— Так выглядит любое изображение, если знать, как смотреть. То, что помещают в раму, — это последний кадр в истории. Последний момент из всего того, что в ней случилось, — продолжил голос. — Совсем как когда умираешь и понимаешь, что всю жизнь смотрела на картину. А ты уже ничего не помнишь, ага?

Я переводила взгляд из стороны в сторону, пытаясь понять, откуда доносился голос.

Он засмеялся шелковым сквозняком.

— Эко тебя крутанул старик, без шуток! Вообще ничего не помнишь. А я думал, ты просто тормозишь. Но ты, похоже, на перемотке шла и запуталась или типа того. Что ж, тогда позвольте повторно представиться — мсье Коллекционер.

Голос галантно поклонился, разводя плащ себя в реверансе.

— Если хочешь обращаться к тому, что выглядит, то говори в стены. Считай, что я — этот лабиринт вокруг. Это так же, как и с картинами, последний кадр моей истории. Я его для тебя сделал. Чтобы ты нашла себя. Вспоминаешь теперь?

Он говорил вкрадчиво и эмпатично, но в то же время с иронией, как бы насмехаясь.

Я покачала головой и медленно двинулась вдоль стены, прочь от картины с часовой деревней. Во мне колыхалось.

— Да что там в деревне случилось? — спросил он.

Я посмотрела наверх, мои глаза — полные блюдца слез. Я не хотела отвечать.

— О да, наверное, это тоже надо повторить, ты же не помнишь. В общем, ты можешь не утруждаться говорить со мной. Я и так вижу все твои мысли.

А мысли мои зияли пламенем. Я ненавидела себя. Я использовала эту девочку, рискнула ее жизнью, чтобы достичь своих целей. Какое я имела право? Не зря Фая не хотела принимать в этом участия. Она знала, что потом пожалеет. Она все знала, а я не понимаю вещей. Я маленькая, неосознанная, беспомощная. У той девочки была чистая душа. Чистая. А я толкнула ее в этот Дом, заставила ее идти наперекор страху. За этой проклятой книгой. Думала, что это направление. Направление, не направление — какая разница?

— Направление, — эхом повторил Коллекционер. — Направление куда? Ты вообще помнишь цель своего путешествия или тоже не?

Я остановилась перед следующей картиной. Она морфилась глубинами: было трудно сказать, что на ней изображено, цвета плавали.

— О, вот свободная форма, как раз к месту. Ее можно под что угодно сделать. Могу в ней перекинуть тебя немного назад, чтобы ты вспомнила слегка, раз уж так

получилось, а то мне не в кайф все повторять по новой. Окей?

Я кивнула.

— Смотри, — сказал он, и картина стеклась жидким пазлом.

В моем восприятии будто вытянули глубину, как карандашную линию, которая, изображая коридор, уходит внутрь листа. И я оказалась там, внутри картины. Только на этот раз у меня не было своей воли. Я смотрела неуправляемый сон.

—

Вокруг мигали красные маяковые огоньки. Я шла по щиколотку в воде. Абсолютная ночь без звезд окружала меня. Вдали гуднул пароход. Я говорила с Фаей, а точнее, слушала свои собственные реплики, шевеля губами, предугадывая их за мгновения до. Непрерывное дежавю.

— Меня проволокло как бы, знаешь? Я думаю, на пару миров, не больше. Хотя откуда мне знать на самом деле.

Вода была прохладной и маслянистой. Подол моего платья намок и волочился.

— Теперь вот я иду к пристани, потому что Слух направил. Рыболовная фаза там, — он сказал. И я понимаю, что это значит в логике этого мира, но если подумать в целом, то я без понятия. Осталась ли у меня своя собственная логика? Отдельная от любого мира? Была ли она? Вот в чем дело, Фай.

— Не думаю, что такое бывает, — отозвалась она. — Любая логика основывается на окружении, и наоборот.

— Но с чего-то же все началось, разве нет?

— Нет, ничего ни с чего не началось.

— Откуда ты знаешь, Фай? Откуда ты все знаешь?

— Я вижу, — ответила она. — Можешь мне верить.

— Если ты все видишь, то скажи мне. Пусть у всего в принципе нет начала, но с чего хотя бы началось это путешествие? Зачем я иду? Ты же знаешь, да? Знаешь же!

Надо мной низко пролетел массивный плоский объект; черный, сливающийся с ночью. Фая молчала.

— Ведь было бы намного проще, разве нет? Проще было бы идти, зная куда! И ты знаешь, но почему-то скрываешь? Зачем ты это делаешь? Ты — единственное близкое мне создание!

От этих слов в Фае взметнулось сильное чувство.

В этот момент я зацепилась за что-то ногой.

Я наклонилась к воде, чтобы распутать.

Фая жарко задышала по ту сторону меня. Она будто хотела остановить, закричать «Нет!», не позволить мне увидеть, за что это я зацепилась.

Это нечто было тверже, чем водоросль. Оно прочно обвилось вокруг щиколотки и не отпускало. Я выдумала луч света изо лба и осветила руки, выдергивая. Это была колючая проволока.

Красным меня пронзило воспоминание. Ребенок, свернувшийся калачиком в небольшом помещении. Вроде прямоугольной комнаты или вагона между сном и явью. Это мальчик. Вокруг его лба была намотана колючая проволока, проходящая сквозь замочную скважину меж его узких глаз и наверх, вокруг тускло горящей лампочки.

Это он. Я вспомнила. Я вспомнила, зачем все это. Зачем я иду. Глядя на свои ладони в мокром свете фонаря с намотанной на палец колючей проволокой, посреди бездонной морской ночи в неизвестном мире, я произнесла:

~

~

~

~

Я иду за братом, Фая...

~

~

~

~

—

Передо мной замер последний кадр истории, картина в раме: ладони с колючей проволокой. На втором плане, на черном фоне было подвешено несколько красных огоньков.

Во мне смешались сложнейшие эмоции. Ну конечно. Я иду за братом. Вот куда меня ведут направляющие сны. Я нужна ему. Он в беде. Как я могла об этом забыть? Почему?

— Да, да, — сказал Коллекционер. — Вспомнила?

— Вспомнила. Но что случилось потом? Как я попала сюда?

Голос Коллекционера расправил складки плаща.

— Отчего же. Это не секрет, — сказал он, выделяя последнее слово интонацией. — Ты дошла до пристани, но Рыболовной Фазы там не оказалось. Слух обманул тебя. Совсем как... что-то еще, да. Не люблю говорить о других за спиной.

Я не поняла, о чем это он.

— Но Слух не знал, что от пристани до светила есть мост, потому что мост вертикальный, а Слух в своей ползучести воспринял мост как стену. Это часто случается со многими ему подобными. Так вот, ты пошла по этому мосту вверх, и на переходе из ночи в день,

уже совсем в небе, твоя воля достигла довольно интересного градуса движения, достаточного, чтобы меня заинтересовать, и я появился. Так мы и встретились.

Я запустила пальцы в волосы, наклонив голову. Что-то не увязывалось. Из-за того, что старик крутанул меня, хронометраж событий нарушился, и было трудно нащупать линию. Однако я отчетливо помнила, что перематываясь в прошлое, до того как я достигла момента пробуждения в лодке в пластилиновой реке, Фая выдернула меня наружу, в космосоподобное пространство, и рассказала о моей смерти.

— Но ты разбил меня на части сразу после смерти, разве нет? Это был ты. Коллекционер. Разве не тогда мы встретились впервые?

— Я ничего такого не делал, — сказал Коллекционер.

— Как?

— Это все, что я могу сказать, не нарушая этикета. Но я могу дать тебе подсказку. Ты помнишь, как у тебя открылся второй разум?

Я помнила. Так я познакомилась с Фаей.

~Фая~

Она явилась ко мне во сне и подарила направления. Все, что я знала и видела до нашей встречи, основывалось на описаниях. Любое воспринимаемое мной явление существовало лишь по отношению к другим явлениям из прошлого. Картина моего мира строилась на ассоциациях описаний — языков, этой громоздкой тумбе карточек.

В моем сне у Фаи было тело, но оно было нестабильно, и каждый раз, когда я смотрела на нее, она вы-

глядела иначе. Мы находились в лениво коптящейся печками деревушке на рассвете.

— x <, — сказала она, и я восприняла точное местонахождение объекта, на который она указывала направлением — водонапорной башни. Ее сообщение было намного быстрее мысли. Это был одномерный, чистый вектор. Я последовала за этим вектором и мгновенно переместилась туда.

Башня была серая с облупившимся покрытием. Я подергала дверь, но та была заперта.

— Представь, что ты уже внутри, — сказала она.

Я вообразила себя в башне и тут же очутилась в сумеречном прохладном помещении. Мои шаги отдавались гулким эхом. Изнутри башня казалась намного масштабней. В воздухе летали светлячки, поблескивая зеленым. Фая стояла посреди зала, обнаженная, три метра ростом, с длинными руками и нимбом над головой. Волосы ее были заплетены в две косы. У нее не было лица — только гладкая кожа с перевернутым треугольником рта. Меня ничего не удивляло. Это был сон. Она говорила, и слова ее отражались от стен, выписываясь каллиграфическими буквами, что стекали по воздуху.

— Ты думаешь по одному слову за раз. Это как печатать одним пальцем. К чему такие трудности? Смотри, есть способ проще.

Она вытянула удлиняющуюся руку и отстегнула кусок стены как пуговицу. За стеной была черная пустота.

— Это междупространство, — сказала она. — Через него можно передавать направления. Я покажу тебе.

В черноте выцарапалось алым «x> ~», и я поняла, что это значит, хоть и не могла сама себе объяснить. Это было странное чувство.

— Базовые направления называются грани. Твой способ мышления — языки. Или первый разум. Грани — это второй. Грани быстрее и надежнее. Их не объяснить через языки, так же, как и наоборот.

— Но как это работает? — спросила я. Мой голос звучал миниатюрно.

Фая застегнула стену обратно и уменьшилась до моего роста. На лице ее проступил большой голубой глаз, который тут же сощурился.

— Потому что все одно.

Она взяла меня за руку. Ее ладонь была теплой. Второй глаз проступил, моргнул и тут же растворился обратно.

— Между тобой и мной есть расстояние, да? Ты — это не я, разве нет?

— Нет, — ответила я. — Я — это я.

— Но расстояние и пустота — это разные вещи, так? Между нами есть расстояние, но нет пустот. Пустот вообще нет. Это иллюзия.

Я оказалась у нее на руках, крошечная, как младенец. Фая плавно росла вверх, к потолку.

— Нет пустот, — повторила я.

— Да. А это значит, что мы соединены. Все едино.

С этими словами она переросла потолок и прошилась сквозь него, наружу. Солнце уже занялось на горизонте, поджигая кроны деревьев. Воздух вкуса росы обонялся на высоте.

— А если все едино, то все, что нужно знать, — это где на этом едином находится то, о чем идет речь, и движется оно или нет. Вот и все.

— > х! — выгравировала я в междупространстве свои первые грани.

Фая склонилась ко мне. На ее лице проступил улыбнувшийся рот.

— Да, — ответила она на языках. — Я вижу. Красиво.

—

Воспоминание наполнило грудь медовым.

— Второй разум открыла мне Фая, — сказала я Коллекционеру. — Фая. Моя подруга.

Мне люто захотелось поговорить с ней. Почувствовать ее. Я подумала в ее сторону, но Фая не отозвалась.

— Оч хорошо, — кивнул Коллекционер. — И как она это сделала? Как она открыла тебе второй разум? Совершила что-то особенное?

— Да нет. Не знаю. Указала, и все. И я поняла.

— Вот! Это значит что? Значит, второй разум всегда был прямо перед тобой, но ты не обращала на него внимания, так?

Картина с ладонями и колючей проволокой таяла, смешиваясь цветами. Я перевела взгляд на небо, по которому ползло единственное красное облако.

— Да. Так и было.

— А что, если есть еще что-то? — Голос коллекционера подмигнул.

Я задумчиво покачала головой и пошла по лабиринту. Конечно, не исключено, что после второго разума есть что-то еще. Что-то шире. Почему бы и нет. Только вот я не могла представить, что это могло бы быть.

— Конечно, не можешь, — ответил моим мыслям Коллекционер. — В этом и суть. Вон, смотри.

На стене заваялась стрелка, указывающая за угол. Я последовала по ее направлению. Там висела еще одна картина, рама была оплетена багровой лентой. Я проскользила взглядом по раме, избегая самой картины.

— Ты чего не смотришь? Боишься, что втянет?

— Нет, — сказала я резко и поняла, что он был прав. Я боялась. Произошедшее в часовой деревне травмировало.

— Ты не волнуйся. Здесь не будет больше драмы. Не должно быть. Это смотря как воспримешь, конечно, но не должно быть.

Это не прозвучало особенно убедительно.

— Страх — это хорошо, — сказал он. — Если бы я был тобой, я бы, наверное, вообще того. После всего что случилось.

— Я не боюсь, — отрезала я, вспыхивая.

— Конечно, — сказал он. — А ты мне нравишься, когда злишься. В тебе особенная глубина проступает, что ли.

Его насмешливый голос раздражал меня. Он видел меня насквозь, оставаясь абсолютно невидимым для моих глаз. Даже тела у него не было.

— Это полотно о направлениях, — промурлыкал он.

«Разумеется», — подумала я. Мне вспомнилась сцена в пластилиновом мире, когда Фая сказала, что нам не нужно на Влаз, а сама просчитала наперед подрыв лодочника и, вероятно, даже мой последующий разговор с лазом-самоубийцей, который сгорел прочь. Откуда мне было знать, что из всего этого было преднамеренно, а что нет? Я устала быть ведомой теми, кто видит больше, чем я, и не утруждается объяснять своих действий. Однако теперь все иначе. Теперь я знаю, зачем иду. Не знаю куда, но знаю зачем. Я нужна брату. Он в беде. Что-то случилось, и я забыла о нем. Забыла, что он существует. Но помнит ли он обо мне? Наверное, помнит. Помнит и зовет откуда-то издалека.

Охлаждающий укол логики осадил меня. Если бы не Коллекционер, я бы и не вспомнила о брате. У меня не было никаких причин ему не доверять. В очередной раз я вела себя как ребенок. Ну и что с того, что он видит меня насквозь?

Так, ожидая чего угодно, я перевела взгляд на картину.

На картине была изображена комната: кровать, накрытая покрывалом, прикроватный столик и огромное окно во всю стену, выходящее на ночной город, мокрый от дождя. Свет покатых фонарей отражался в лужах проницательными янтарными пятнами. Несмотря на блеклую тематику, что-то в этой картине такое было. Искреннее.

— > ~, — сказал Коллекционер.

— >? x <:I, — ответила я, недоумевая.

Слова Коллекционера лекторно зажужжали в задней стенке черепа, волнообразно бурясь:

— Приглядись к мазкам. Они повторяют движения ума художника. Это следы, оставленные его вниманием. Почувствуй саму логику этих маршрутов, не думая о том, во что они в итоге складываются.

Я пригляделась. Воспринимать мазки отдельно от картины было непросто. Я подошла ближе, двигая фокусом, пока изображение передо мной не утеряло смысл. Теперь я наблюдала лишь технические составляющие полотна.

С этой точки зрения картина изображала битву: хвойные диагональные штрихи темно-красного покрывала набрасывались на вертикальную монотонность уличной мглы в окне. Я больше не видела предметов — только взмахи кисти: линии, углы и перепятья.

— Теперь оглянись вокруг, — сказал Коллекционер.

Я отвела взгляд от картины. Лабиринт не изменился: широкополые стены бродячего цвета под монотонным небом.

— К чему ты ведешь? — спросила я.

— Смотри на мир так же, как на картину. Это карта твоего внимания.

Я вдруг поняла. Лабиринт состоял из того, о чем я думала и на что смотрела. Мир тут же разложился на отдельные предметы и их определения: стена, земля, небо, картина, ладонь левой руки, ладонь правой руки, пальцы. Все это было движениями моих мыслей, мазками художницы: меня.

— Но ведь я не вижу всего, — подумала я громко.

— Ты не видишь всего, потому что смотришь только на определенные места. Знакомые. Те, у которых в твоей памяти уже есть названия. Обрати внимание в сторону, между ними, и увидишь, как все иначе.

Я наклонилась к земле, устланной песком с трехмерной галькой. Она слегка похрустывала под моими туфельками.

— Присмотрись, — фокусированно прилунил Коллекционер.

Один камешек отличался от других. Я выцепила его и поднесла к глазам. На нем была бордовая проталина, будто кирпичный шрам. Пятно было прямоугольной формы с белой коронкой на одном из углов. Оно напоминало кровать из картины: бордовым было покрывало, а белым — подушка. А рядом с кроватным пятном еще одно, черное. Окно. Я выпрямилась и вытянула руку с камешком перед собой, чтобы сравнить. Пятно действительно в точности повторяло картину. Единственно, не хватало деревянного прикроватного столика. Я переводила взгляд с камня на картину, пока не увидела на камне маленькую коричневую засечку между подушкой и темным городом. Это был он. Столик.

Как только я поняла, что он там, меня передернуло странным чувством. Я ощутила себя персонажем в кино до его начала, до первого кадра — будто другая,

огромная я смотрела сквозь камешек на меня в окно сзади. Я резко обернулась и оказалась в этой комнате.

Было акварельно. Я подошла к кровати. Все выглядело очень реалистично, но чувствовалось как-то вазно. Это была жизнь и картина одновременно. Подушка уютно подбоченилась, выглядывая из-под тяжелого сукна покрывала. По-настоящему, и нет. Дремотно. Здесь слегка пищала тишина и пахло ветром. Я подошла к окну. Вечерний город стоял неподвижно.

«В нем нет жизни», — подумала я и провела по окну ногтем. Вместо ожидаемой поверхностной глади стекла моя ощупь встретила вальяжную пористость. Это было не окно. Это была картина. Город был нарисован на стене.

Картина в картине.

В горле шевельнулось горячее перышко клаустрофобии. Комната показалась удушающе маленькой. Камера хранения. Я вернулась к кровати, легла и обняла подушку. Сердце стучало. Я прижала подушку к груди. Она была большой, мягкой. Настоящей. Сначала я просто пыталась успокоиться, но вскоре задумалась о чем-то другом и очень интересном, забыла о страхе. Затем пришла другая мысль, и еще. Воздух комнаты, казалось, способствовал размышлениям.

Вскоре я и вовсе забыла, где нахожусь, и очнулась, лишь когда перевернулась на другой бок и увидела фальшивое окно с нарисованным городом. Мои мысли задумчиво расползались. Меня ничего не удивляло, и не было понятно, как долго все это длилось и сколько еще будет продолжаться. Это было приятное чувство. Платформы идей, которые можно было обдумывать, витали по комнате, и я прыгала по ним — далеко-далеко, за холм, за угол, за экран. Логические заключения заключали ум в объятия, я закрыла глаза, а когда, вечность спустя, открыла их вновь, то увидела перед собой

тетрадь. Она лежала там, на столике. Она, похоже, была там с самого начала.

Я села, свесив ноги, и взяла тетрадь в руки. Изношенная обложка цвета красного вина была перемотана лентой. Такой же лентой, что опутывала раму картины, в которой я находилась. Я потянула за ленту, и узел распустился, симметрично опав на пол. На обложке было написано: «ВИШНЕВЫЙ ДНЕВНИК».

Я открыла в случайном месте. Ровный, но очень мелкий, почти нечитаемый почерк покрывал страницы стройными рядами. Тетрадь была разлинеена, но текст шел ровно посередине каждой линии, сжато, будто опасаясь дотронуться до границ. Записи были увенчаны датами, как и полагалось дневнику. Первая запись была датирована вторым декабря.

—

2 декабря

Комната внутри надписи *EXIT*. Приглушенное красное сияние. Хрустальный стол и вычищенно-белые стены. Розоватое чувство. Стеклянный обрыв — дальше нельзя. На столе бокал, на самом краю. Звучат звуки. По тону они похожи на зов, но тут тесно и нет никого. Только пара детских ног сидят на стуле, нога на ногу, как продолжение невидимого тела. Притупленно. Чувствую себя неудобно. Щека припухла. Прикасаюсь к ней подушечками пальцев, ощущая боль, которой нет, тень от не-боли, поцелуй ржавчины.

Встаю на колени, на этот мерцающий пол. Выглядываю осторожно за пропасть, высовываюсь из надписи *EXIT*. Очень высоко. Слишком много пространства. Зов постепенно замолкает, уступая место фарфоровой тишине. Сжимаю/разжимаю кулак.

Если зацепиться мыслями за уголки, можно сложить эту комнату как бумажный цветок. Предполагаю большое количество ступенек во все стороны после. Цветок можно сжечь, и в алом пламени отворить дверь. Из нее покажется рука с длинными пальцами и уведет по запутанным клубкам перипетий. Видимо, это выход. Слишком здесь напряженно. Все словно намекает, что нужно совершить действие, всего одно — и головоломка разрешится. Но что это за действие?

Подхожу к бокалу, кладу палец на ободок и наклоняю его к себе. Бокал встает как балерина, балансируя на краю. Улыбаюсь уголком рта и роняю его. Вдребезги. Осколки скукоживаются и переходят в лепестки, в маленькие лужицы крови, и безмолвно впитываются полом.

Новый бокал выйдет из стола, ноги невидимого тела сменят позицию, — это не решит ничего.

Аплодисменты вот-вот грядут, но все не происходят. Ничего не происходит. Надо уходить.

—

Последнее предложение передернуло плечи прохладным током. Я перелистнула страницу.

—

3 декабря

Не вздумаем нажать клавишу — ведь я бегу по нотам и струны натянуты на поверхности клавиши фортепиано. А я — математика, и лица у меня нет. В этом мире без стен. Только формулы, множества, функции… проникая глубже, узнаю, насколько это интересно и как бездушно. Музыка. Гладит. Ухо. Спасибо, приятно. Мягкими лапами кувыркаю наоборот, и се-

квенции распадаются. Музыка разваливается в хаос. Останови эту чудовищную какофонию. Страшно!

Сворачиваю ситуацию как лист бумаги, она жжет ладонь и кровоточит между пальцев, а я не знаю, куда ее деть, чтобы все остальное не сошло с ума. Вот! Расстояние между бледно-голубыми досками. Мир изменяется, кучерявится тумбочными деревьями. Ощущение пластмассового самолета на бреющем полете без воображения ребенка.

Я не ребенок. И я очень устала. Нужно отдохнуть.

Буква «к» — этот звук заполняет тут все. Это инерция. Сознание знает, что тумбочки издают такой звук, вот и звучит. Они, знаешь, иногда сами шумят. Тумбочки. По ночам. «К!».

Выстрою себе горизонт; пусть там плавают большие зеленые кувшинки. И лодка, где сидит спиной ко мне девочка. Не спешу — наблюдаю. Она смотрит перед собой, сложив руки на коленях, и начинает медленно отплывать. Сзади вырастает дверь, намекая, что тумбочный мир нужно закрыть; я создала его, а он меня выгоняет.

Они еще не знают про нотное безумие. Или знают. Может, поэтому и выгоняют. Боюсь оторвать взгляд от девочки. Она наверняка исчезнет. Тут все так непостоянно. Отвлекаюсь на мгновение, чтобы нащупать ручку двери, а когда смотрю снова, остается только лодка, дрейфующая в мутной воде, и запах камыша. Жаль. Так хотелось увидеть ее лицо. Она, наверное, очень красивая.

—

Это была переносящая запись. Одна из тех, что знакома до прочтения и понятна интуитивно. Тумбочные деревья и разбитая музыка. Где-то это уже было, только не со мной. Я представила себе ее. Ту, что лежала здесь, на этой кровати, и писала слова в тетрадь. Строку за строкой.

—

4 декабря

Сладкий укус на красных коврах. Подкрадывается робко на фоне вытяжно ломаных углов невероятно обширных просторов вдалеке. Неясно, где пол. Могу сказать — тугой. И этот укус — еще немного и будет больно. Но нет. Укус знает грань. Хотела бы чтобы и объятия стали… той же природы. Сумеречно, как сквозь багровую атмосферу плитки сухой детской акварели. Обратной стороной ладони по прохладной пояснице стен. Они так далеко, я иду посередине. И упругие волокна шершавят подошвы сапожек. Я здесь одна. Я и это ощущение. М-м-м-м-м. Я хочу, чтобы он держал меня. В ладонях. Уже почти хочется боли. Пространства вдалеке немеют и начинают двигаться. Может, это моя часть мира поднимается вверх? Но нет чувства падения. Нет Смысла, подвисшего в трубе шара. Укус припускает, он будто занят этим движением. Он занят, он управляет и больше не может уделять мне внимания. Или ему интереснее играть с массивами, чем со мной? Чуть не обиделась. Честно. Наклон увеличивается, осторожно сажусь, чтобы не упасть. Скольжу вниз. Облака в голове-е-е…

—

Последняя буква волнисто змеилась до конца страницы и вне. Она встретила кого-то. Кто этот он? Там, в ее изображениях. Точнее, здесь. В моих.

Я ведь наверняка воображала эти массивы иначе, чем она. На ум пришла платформа мысли: «Неоднозначность — красота вселенной и поэзии. И проклятие тоже». Я отмахнулась. Дальше читала не отрываясь.

—

5 декабря

Тишина. Пыль на своем месте. Холодные трубы и станки. Высокий потолок. Кусок материи повис и обозначает неприкосновенность. Я здесь как мельчайшая единица немых фигур. Осознаю. Это зябкое чувство ворочается пальцами в груди. Оно приятное. Сладкое, тянущее в себя. Как это все получилось? Будто кто-то дарит фрагмент, а я — свидетель фрагмента. Очарована. Боюсь шевельнуться. Боюсь разрушить эту повисшую в странном воздухе красоту. Она такая хрупкая.

Пол хранит отпечатки следов, я нагибаюсь, коленка хрустнула, и шорох платья, как взмах стаи ворон вдалеке. Касаюсь отпечатка, будто щеки любимой звезды, что умерла миллионы лет назад. Это великолепно. Так искренне, просто и не принадлежит абсолютно никому. Мне кажется, слышу голос, но знаю, что только кажется.

Пейзаж растворяется, ускользает прочь, но я знаю, что он всегда где-то там. Ты помнишь деревья? Как их кроны мягко трепал ветер. Как ветки были похожи на длинные руки. Руки, которые знают и не против. Ты хочешь вернуться домой, но нельзя. Бедное существо.

Мне почти тебя жаль. Может быть, нужно куда-то идти? Голос фантазии продолжает звать вдаль. Давление, я смещаюсь в острую точку, в ничто. У всех свои проблемы, свои дела, своя жизнь, да? Кажется, так сказал мне тот высокий, и я все еще не понимаю, что он имел в виду. Может, когда-нибудь пойму.

Миры мельтешат, как разноцветные капли
В океане меня.
Я умещаюсь в стакан,
Вот она я.
И ты бы выпил меня до дна.
Ты знаешь, что не сможешь этого выдержать.
Но все равно выпьешь, потому что иначе никак.

6 декабря

Радужный рукавок — укрытие среди неудержных полос. Оно все несется прочь. Ускользающий пейзаж. И этот странный… он такой большой и очень глупый. Не понять — то ли смешной, то ли страшный. Скорее смешной. Хохочу беззаботно. А он улыбается. Широко и нелепо разводит руками. Он выглядит как дико изогнутый гном — кожа отсвечивает. Лицо под углом. Смотрит напрямик своими огромными шарообразными глазами.

Убери это отсюда.

Не нравится.

Не хочу.

Не трогай!

Толкаю его, он падает на спину, продолжая свое выражение лица, а я уже несусь в радуге, она влечет меня за собой с невероятной скоростью. Это похоже на радость! Да! Это она! Все перепуталось — весело — я хочу еще! Хочу играть! Да! Да! Да! Какой же я ребенок,

и как это прекрасно! Яркими кружевами расплетается-переплетается этот счастливый гул. Гул покусывает за ноги, я ворочаю пальцами и чувствую, что оно знает обо мне. Оно знает, но не думает. Ему безразлично. Оно спокойно, самодостаточно, бесконечно. Это спокойствие передается и мне, я прижимаюсь к нему, и детский визг сменяется детской мудростью в простоте своей непобедимой. Я сегодня прямо поэт. И нет чувства «пожалуйста, не уходи, пусть будет так».

Наверное, это и есть счастье. Когда знаешь, что это пройдет, но ты принимаешь, соглашаешься, пусть будет так. Оно даже лучше, когда так.

7 декабря

Люблю вплетать в слова рубины. Стены дышат мерцающими венами, я ускользаю в этом мерцании. Завораживает. Прохладно, но я сняла туфельку, чтобы почувствовать. Иногда мне необходим холод. Иногда.

Раскинув руки, танцую, плавно вращаясь. Этот коридор широкий. Все поверхности меркнут, и на какое-то мгновение видны только вены стен. Их мокрый отблеск. Мокрый? Становится сыро. Я обуваюсь и зажмуриваюсь. Не хочу сырость. Пойдем отсюда.

Вворачиваю кисть руки в стену. Уверенно шагаю насквозь. Тесемка. Это чувство как тесемка. О чем я только думаю? Может, я глупая. По ту сторону стены символы сползают, морфясь. Цифры. Буквы. Иногда они похожи на улыбающиеся лица. И улыбки эти какие-то злорадные. Насмехаются. Но кто? Кто это может быть? «Кто вы? — я спрашиваю. — КТО здесь?» Показалось. Я не глупая, нет. Наверное. Сумасшедшая. Знаешь, думается так все чаще. Что не я ворочу миром, а он мной. Причем он именно мужского рода. Ведет себя как мальчик. Мальчики. Зачем же вы нужны.

Что за мысли сегодня? Невероятно. У меня дрожат коленки. Нужно нарисовать что-то теплое. Огонь, похожий на кота. Пусть. Но откуда я знаю все это? Что именно я знаю? Все выдумка. А я сумасшедшая. Привет, мир. Я сделала тебя. А ты меня. И вместе мы танцуем, обнявшись: в любви и ненависти. Психи.

8 декабря

Солдатики из дерева, но руки живые, человеческие. Они тянутся и хотят взять шарик, сжимают со слишком сильным звуком, будто в их рукава вделаны усилители. Булавки нарисованы на их рубашках. Это кажется достаточно забавным, чтобы записать. И они вроде должны открывать рот, когда касаются шарика. Ленточки вьются. Рука из толстых переплетенных проводов свисает сверху. Хочу нырнуть в стену! Почему-то эта рука такая навязчивая — все испортила!

Чувствую камень стен изнутри, пока проскальзываю сквозь границы, и воздух электрически потрескивает. Скука. Вот что это. Все надоедает слишком быстро. И вот она, комната. Дверные проемы, сколоченные из рук, но на этот раз не только ладони, а по плечо. Я ЖЕЛАЮ ВАМ ЗЛА Я САМА НЕ МОГУ СТИРАТЬ ПОСЛЕ ВЫВОЛОЧЕННЫХ ЗАТВОРОВ ЭТИ КАДРЫ ПЕЧАТАЮТ МОЛЧА. ЭТИ КАДРЫ НЕВОЗМОЖНО ОСТАНОВИТЬ. ОНИ ТАНЦУЮТ ФОРМАМИ СТЕН ИСКАЖАЯ ЛУНА ДОЛИНА приносит свет (?) Не стоит ошибаться — и пусть они посторонятся, а мы посидим в уголке, покачаемся, угу? Скоро придет темнота, и мы замешаемся в нее, и нам будет очень тепло вдвоем. Как мы могли? Потеряться? Как?

9 декабря

Сегодня спокойно. Я сделала шарп на стены. Туманно и лениво. Покачиваюсь в перламутровых отсветах. Чувство вроде уверенной радости. Точнее, нет. Радость — это не то слово. Покой. Я так устала и вместе с тем полна сил. Черчу завитушки пальчиком. Улыбаюсь загадочно.

Интересно, если кто-то смотрит на меня со стороны... Представляю себе такой глаз... без век и чувств. Плазменно-вязкий... а я как в аквариуме. В круглом аквариуме-слезе. Угу... Что видит этот глаз?

Рисую домик пальцами в воздухе: домик с двумя этажами и лесенку наверх. Стираю взмахом ладони. О чем это я? Не важно. Сегодня все неважно. Так приятно и тихо.

Это та форма тишины, что окутывает.

Зажмуриваюсь.

10 декабря

Как он мог? Ненавижу! Эти линии маленьких точек — вроде игры — она просто была там, эта закономерность! И тут он появляется. Кто он такой? Я только проснулась — и вот все в цифрах и этих кругляшках, и оно завязано математически, и я точно знаю как! Это так приятно — знать правила игры. Должно было. Оно и было! Это как вдохновение, как знание наперед. И он сделал этот выпад. Так игриво, так метко. Он. Он понравился мне! Да! Понравился. Тварь. Как мог он так поступить? Сейчас все вокруг вертится и крутится. Знай, мир. Я не в настроении.

Он забрал все! Все игрушки с поля! И ударил уравнением! Это было не больно, это было обидно. Ужасно обидно. Он исчез — я посылала нити к нему, и его как

будто не было, но он был! Я знаю разницу между тем, что есть, и тем, чего нет. С тем, что есть, я могу делать все, что захочу. Я НАЙДУ ТЕБЯ И УТОПЛЮ В НАРИСОВАННОЙ РЕКЕ, чертов мальчишка. Кот. Ты был котом. На что ты намекаешь? Полусферы с грустными лицами, им не нравятся побои, что происходят вокруг. И мне вроде легче? Нет! Нет, черт возьми! Мне не легче. Я УТОПЛЮ ТЕБЯ! УТОПЛЮ! ЗА...

11 декабря

Минитон. Мелодии, которыми можно хрустеть, как льдом. Это так игриво и невзначай. Мне это нравится. «Давай играть!» — кричу я, и вдруг все оборачивается — каждый маленький фрагмент пейзажа смотрит мне прямо в глаза: и тумбочки, и шторки, и коврики! Как будто обвиняют в нарушении покоя.

«Мне так жаль! Простите!» Я хотела бы сказать, но не могу — все это слишком страшно, и я хочу, чтобы мои ноги стали колесами и появились рельсы вниз. Так и происходит. Платье приподнимаю — там эти железные. Плачу, но оно уже само поехало, да так быстро, что все смешалось в одно цветастое обвиняющее вслед пятно.

Я не нашла друзей — снова показалось? И волосы развеваются, и лепестки белые летят, скорость увеличивается и снова замедляется у озера. Снова это место с безудержно яркой травой и шестеренки там — в глубине. И волосы мои светлые-светлые.

Я тогда упала на колени и заплакала горько-горько. От одиночества. И где-то там была эта белая мертвая птица с бьющимся сердцем, но на все это было наплевать.

Я так одинока. Здесь нет никого! Никого! Только я, я, я, я, я, я — зачем это все? Какой в этом смысл? Я

хочу исчезнуть, но не могу. Мне нельзя. Иначе кто будет управлять всем этим? Кто?

12 декабря

Сирены вопят. Как будто совсем рядом. В комнате. Под ухом. Зажимаю голову ладонями, но звук не утихает. И это колкое ощущение, что только я слышу его. Почему не становится тише? Должно же быть тише, когда уши закрыты? Я упираюсь лбом в угол, как будто там будет легче. Если бы только шум был круглым, он бы не смог достать меня в этой квадратной комнате! Но шум не был круглым. Он был вроде воды. Сочился везде.

Теперь его нет, и я наслаждаюсь тишиной. Обожаю тишину. Мы с ней похожи. У нас длинные волосы. И мы можем ничего не делать долго-долго. Вот я пишу эти строки часами — вывожу каждую букву медленно, но все равно криво. Так должно быть, потому что я так хочу. А раз тут больше никого нет, то мое желание — закон. Закон. Закон. Закон. Закон. Закон.

Когда ничто не происходит, есть три пути. Вспоминать, что было перед этим, думать, что будет потом, или оставаться в этой вязкой густоте, в этой вечности. Ве-ее-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-ечность трогаю свое лицо ладонью. Приятное чувство. Мягко и прохладно. Изменилось ли мое лицо за это время?

А как оно выглядело перед этим? Наверное, я очень красивая. Да. Я очень красивая.

—

Следующая страница была пуста, и больше в тетради ничего написано не было. Я положила ее на кровать, открытую, лицом вниз. Цвет ее обложки и покрывала сочетались друг с другом.

«Интересно, что с ней стало, — думала я. — Где она сейчас?» Пусть я и не понимала прочитанного, междустрочные эмоции были чрезвычайны. Мне хотелось обнять ее, успокоить.

Я встала, отряхиваясь от платформ мыслей, и прошлась по комнате до нарисованного города. Образы, вызванные дневником, интенсивно зажигались в памяти. Она была созданием бесконечно одиноким. Ей не с кем было поделиться.

«Ее одиночество равно ее воображению. Тем глубже, чем дальше», — пришла платформа мысли. Она, как стрекоза, присела на кончик моего сознания, приглашая продолжить цепочку.

Как это, должно быть, страшно быть одной. Совсем одной. Особенно с таким воображением. Меня пронзила благодарность к Фае. Что, если бы ее не было со мной?

— Фая, — сказала я, — я хочу, чтобы ты знала. Я очень ценю то, что ты у меня есть. Я бы сошла с ума без тебя. Во всем этом. Ответь, пожалуйста. Скажи что-нибудь.

Я прислонилась лбом к стене и закрыла глаза.

— Спасибо, — отозвалась Фая с многогранной эмоцией.

Я улыбнулась и моргнула с закрытыми глазами.

— Знаешь, я вспоминала, как мы встретились с тобой. Как ты показала мне грани.

Фая мысленно кивнула.

— Я помню, — сказала она тепло и очень грустно.

— Многое изменилось с тех пор, — сказала я, — я изменилась тоже. Прости меня, если что не так. Теперь все иначе. Теперь я знаю, зачем иду. Брат ждет меня. Не знаю где, но направления укажут. Так что все в порядке теперь.

Фая не ответила.

— К любой цели ведут любые пути, — вспорхнула платформа случайной мысли, до того как меня раздумало из картины.

~лабиринт~

— Высоко падаешь одиноко, — сказал Коллекционер.

Я молча смотрела на картину, закусив губу. В голове все еще фазилось.

Лабиринт плавно оборачивался вокруг шальным лисом, как лукавый шарф.

Изучал меня.

Я обернулась, лицом к лицу со стеной.

— Это ты нарисовал эти картины, да? Это ты рисуешь?

Я вспомнила, что задавала этот вопрос прежде. Я задавала его Фае перед тем, как прыгнуть в улей.

— Может быть, — ответил он. — А может, ты. Это как посмотреть.

— Ты играешь со мной? Это все игра?

Стена улыбнулась с прищуром.

— У той девочки, что вела дневник, нет направлений, так ведь? В этом причина ее настроений? В том, что она не знает, куда идет? Это не совпадение? Это намек на меня, да? Но она — это не я. Она меняет пространство вокруг как хочет. Она создает миры из мыс-

лей. Я так не умею. Если бы я могла так, я бы… я бы вышла из пластилинового подземелья сама, и лодочник был бы все еще жив. Я бы придумала что-нибудь для девочки из часовой деревни. Я бы не оставила ее там. Я бы изменила деревню так, чтобы из нее можно было выбраться.

Я закрыла лицо ладонями.

— Если бы ты изменила деревню, ты бы уничтожила ее, — сказал Коллекционер. — А что касается направлений… это может быть опасно. Ты, может быть, этого не хочешь.

— Что ты имеешь в виду? — я отняла ладони от лица и всмотрелась в стену лабиринта. Стена замутнелась и втягивалась внутрь выемкой. Передо мной вырисовывалась и углублялась комната, вытесываясь пещерой. Все в этой комнате было бетонного цвета: бетонная люстра, бетонная печь и бетонный же стол в форме плоского глаза с барельефами и багровым пятном-запятой.

Следом из стены выпуклился обитатель комнаты — силуэт без детальных черт, только формы: две руки, плечи, голова. Он расположился локтями на столе, сложив блоки рук под подбородком.

— Прошу прощения, сорри за паузу, — сказал Коллекционер, шевеля силуэтом. — Но мне гораздо приятнее договориться в терминах о местонахождении лиц, так что мы можем друг другу в глаза смотреть. Итак, на чем же мы остановились?

— Что направления — это опасно, — сказала я, выдумывая под собой кресло с подлокотниками и откидываясь на спинку.

Каменный болванчик покачнул головой.

— Конечно, опасно, — сказал он. — Вот что ты будешь делать после того, как дойдешь до своего брата?

— Я буду с ним.

— И? Просто будешь?

— Я буду с ним. Я нужна ему. Да. Просто буду.

— Послушай себя. Ты. С таким воображением. И просто будешь. Верится с трудом.

Я молчала. Он был прав. У меня не было никаких соображений о том, что делать после того, как мое путешествие завершится. И что значит «просто быть», я не знала. Как это? Как шерсть в шерстяной деревне? Как бегунки в часах? Но ведь и они видят сны.

— Я понимаю, что тебе это важно, все же. Найти брата, я имею в виду. И не прочь тебе помочь в этом. Почему нет? Раз уж ты мой гость.

— Помочь? Ты знаешь, где он?

— Я — нет. Мне незачем. А вот ты знаешь прекрасно.

— Что это значит?

— Но-но. Неправильный вопрос. Задашь верный вопрос — получишь ответ. Иначе, где же фан?

— Я знаю, но не помню?

— Все ты помнишь. Не тот вопрос. Не думай. Спрашивай сразу.

Каменный силуэт Коллекционера принялся перетекать пузырем из одной стороны пещеры в другую, выщелкивая из породы разноцветные камешки. Они с треском падали на пол.

Я повернулась в кресле набок и закинула ноги на подлокотник. Стена передо мной тронулась и поехала подобно пленке в проекторе. Стена проходила сквозь комнату как через фильтр, осыпая цветастые драгоценности из своих недр. Только комната-пещера не двигалась.

— Я не не помню. Я просто прикидываюсь, что не знаю, — произнесла я неожиданно для себя.

Коллекционер засмеялся.

— Вот! Вот-вот! — Пузырь его тела выпрыгнул из стены, отклеиваясь. Голова вращалась шаром, без-

звучно хохоча. — Вот! Вот тебе и урок! Знаешь же, когда не думаешь! Находишь же, когда не ищешь!

Он выпрыгнул из стены, повалился на пол лабиринта и принялся валяться в драгоценных камнях, которые повыбивал из стен. Камни прилипали к нему, как мука, пока весь он не покрылся сверкающим слоем.

Я встала и раздумала кресло. Коллекционер, облепленный драгоценностями, лежал у меня в ногах.

— Я прикидываюсь, — повторила я. — Но зачем?

Он выпрямился, оказываясь ростом с меня. Он излучал тепло. Камни нагревались и прикипали к его телу. Он был совсем близко. Я чувствовала жар.

— Представь, что ты знаешь точно, как выглядит предмет, но не знаешь, где он находится. Что ты будешь делать, чтобы заполучить его?

— Выдумаю его сюда, — сказала я. Драгоценности плавились и стекали, обволакивая Коллекционера жидкой радугой.

— Как? — спросил он.

— x <:x~, — ответила я.

— x <?

— x> ~.

Он сделал шаг в сторону. Раскаленная радуга загнулась створками плаща, облекая его фигуру в мантию. Миражной дымкой воздух вокруг его лица шевелился, наделяя его чертами — темными глазами, острым носом, длинной зубатой улыбкой.

— x <? — повторил он свой вопрос.

— Второй разум. Это второй разум, — ответила я нетерпеливо. — Грани.

— А что, если ты не понимаешь граней? Что, если у тебя только один разум? Значит ли это, что ты не знаешь как? Или просто прикидываешься, что не знаешь?

— Значит ли это, что есть еще один? — встрепенулась я. — Еще один разум? Которого я не понимаю?

Коллекционер вдруг стремительно вырос в небо, сужаясь до одной линии, которая оказалась трещиной в стене. Пещерная комната мигом вросла обратно, как и не было.

Я вновь стояла одна посреди лабиринта.

— Третий разум, — прошептал голос в плаще у самого уха. — Показать?

Я закрыла глаза и кивнула.

Щелчок. Мое сознание кувыркнулось назад, словно кто-то поддел его пальцем и вытащил наружу. Так, что все передо мной предстало с высоты птичьего полета, но не в смысле расстояния. Это было вроде пробуждения вовне, как если бы я всю жизнь играла в конструктор на полу детской комнаты и меня хлопнули по плечу «Смотри!» — и я подняла голову и увидела вокруг забытые игрушки, комод, узорный ковер и окно, которое всегда было здесь. Окно, за которым открывался немыслимых масштабов простор. И я вышла в это окно. Вышла, расправив руки, как крылья, и полетела вниз, кувыркаясь, пока новая перспектива, дрожа, не устаканилась.

Все стало очевидно. Лабиринт расстилался передо мной, как этаж в многогранном кубе. Мое сознание, широкое, свободное, с легкостью охватывало все одновременно. Каждую картину/дверь, до самого конца и обратно. Я шевельнула спектром, и внимание откатилось вниз, в глубину. Теперь оно шло не шагами, но оборотами. Я могла перемещаться во времени и пространстве, просто переводя взгляд.

С вышки третьего разума все обозревалось как события. Явления, объекты, мысли — все было событиями, и каждая вероятность была просчитана, пройдена, как шахматная игра с записанными ходами, вперед

и назад. Задыхаясь, я отвела внимание до предела, отстранилась выше, выше, выше, пока вселенная не обратилась в один неподвижный, но вечно бурлящий символ, который был безумно прост и знаком всем и каждому. Коллекционер улыбался где-то рядом. Я обернулась. Он напоминал звездную туманность, висящую в космосе, поодаль.

— Добро пожаловать, — сказал он. — В третий разум. Отсюда, как ты уже заметила, видно все.

Его голос ходил складками плаща по ушам.

Я посмотрела на свои ладони, но у меня не было рук. Они остались там, далеко внизу, вместе с телом, а я невесомо парила в магнитных потоках на орбите реальности. Я видела мысли-события всех существ, все варианты их жизни, все слова-события, когда-либо сказанные, все действия когда-либо совершенные. Все было настолько по-разному, так многозначно, но вместе с тем перетекало гармонично из одного в другое и было все же одним и тем же, базировалось на одном и том же смысле, самом простом из всего. Проще, чем можно было понять. У меня закружилась голова.

— Тебе нужно научиться управлять фокусом. Иначе всего чересчур много. Вернись к телу, и это пройдет, — посоветовал Коллекционер. — Вернись пока что.

Я сосредоточилась на своих руках и шевельнула ими где-то внизу, вновь сужаясь до радиуса лазерного луча, который я всего несколько мгновений назад называла всей своей жизнью. В рамках стен и тела мне действительно стало легче. Хотя осознание Всего и не ушло, оно не имело того вопящего значения здесь.

Я пошла по лабиринту. Теперь я знала точно куда идти. Направо. Прямо. Налево. Снова направо. Минуя картины с мирами, заранее пройденными до конца.

Сверху на меня глядел исполненный грусти взгляд.

Фая.

Теперь я знала. Третий разум. Вот почему она видела все наперед. Вот почему она могла отстраниться прочь, и я не могла до нее достучаться. Теперь же, когда мы оказались на одном уровне, ей некуда было отстраниться, и мне достаточно было просто перевести взгляд, чтобы увидеть ее всю, как она есть. Я знала, что если обращу туда внимание, то все станет известно. Все, что она скрывала от меня прежде. Но я не смотрела на нее. Почему?

Что-то во мне было против.

Я не хотела этого. Теперь, когда наконец-то возникла возможность получить ответы на все терзающие меня вопросы из прошлого, мне хотелось сберечь в тайне механизмы наших отношений. Потому ли, что я уже знала все наперед и прикидывалась, что мне все равно? Или все же, поняв все вокруг, я так и не поняла саму себя?

Я зашла в тупик с картиной, за которой, я знала, меня ждали направления к брату. На картине была изображена занесенная нетронутым снегом поляна с деревом посередине. Его роскошная крона хранила в себе шарообразные плоды. У дерева стояла девочка, по колено в снегу. У нее было две головы. Одна смотрела наверх, на крону дерева, а другая прямо на зрителя, на меня. Головы произрастали из тонкой шеи и выглядели гармонично, естественно. Картина была написана в голубоватых тонах, как зимний сон белого голубя.

Я знала, что меня ждет, но притворялась, что не знаю. Притворялась до последнего.

~зимнее дерево~

Прохладный ветер шевелил листьями. Я видела его отсюда: мягкий шар, весомо свисающий с ветки у самой вершины. Он заключал в себе мое направление. Я посмотрела направо и встретилась взглядом с Фаей, моей второй головой.

— Ты увидела все-таки, — сказала она. — Третий разум.

Я кивнула, глядя в нежные диски чужеродных орбит, за которыми подразумевалась Фая.

Она раскрылась передо мной, как кубик Рубика, с океаном внутри, вся — до последней морской звезды. Я вглублялась в ее тропы, пока не ощутила осторожный протест. Мягкое нет, которое я могла с легкостью обойти.

— Могу я попросить тебя? Послушай, что я скажу. Перед тем, как… перед тем, как самой все увидеть, — она коротко мигнула левым глазом, как если бы что-то попало. У ее головы были короткие светло-лазурные волосы, у моей — длинные, такого же цвета.

— Я знаю, кто ты, — сказала я. — Ты трехразумное бестелесное создание.

— Да, — сказала Фая и показалась вдруг совсем маленькой. — Ты не смотри больше, ладно? Пока что. Просто послушай меня, хорошо?

Я отвернулась в сторону, к абсолютно плоскому белому пейзажу с четко очерченным горизонтом. Я чувствовала, как терново смыкались и размыкались сложные тиски под ее сердцем. Она говорила путано, дрожа, проливая рассудок треножными каплями.

— Здесь подходящее место, чтобы выразиться. Лучше не будет, и когда-нибудь я должна была тебе рассказать. До того, как я встретила тебя, все было совсем

иначе. Я изучала, и занималась, и двигалась, и многое было, но было холодно совсем, и я даже не знала об этом холоде...

Я никогда не видела Фаю такой. Я обернулась и посмотрела на нее в профиль. Она вперилась взглядом вдаль, туда, где с той стороны мира находился лабиринт.

— Я не знала, что было холодно, пока впервые не ощутила тепло. Я увидела тебя мельком, проходя через сны. Ты была такая невинная. Ты собирала ракушки или еще что-то. Это был залив, и там был огромный осьминог, очень добрый, большой, как гора. И солнце светило ярко.

Я помнила этот сон.

— С тех пор я стала наблюдать за тобой. Я больше не могла... ничего другого. Я шла через все твои сны и видела, как ты делаешь вещи. Как ты себя ведешь — так чисто и неповторимо. По-детски. А когда тебе было страшно, я приходила в сон и спасала тебя. Так продолжалось долго. Очень долго. Но я все не решалась заговорить с тобой. А потом решилась все-таки. И мы познакомились тогда. Это было так важно для меня. Ничего подобного я никогда не испытывала раньше. Я никогда раньше не испытывала такого. Тепла. Но ты забыла обо мне, как проснулась. И снова, и снова. Но я хотела, чтобы ты помнила. И я открыла тебе второй разум. Это же просто, когда знаешь как. Когда у самой их три.

Она коротко, всего на мгновение, посмотрела мне в глаза. В них отражалась я и боль. Я попыталась обнять наше двухголовое тело, но руки отказались. Она ломано вздохнула и продолжила.

— И тогда ты. И тогда мы. Стали вместе. Неразлучны. Но вместе с тем оказалось что-то еще.

— Брат, — сказала я сухими губами.

— Да, — откликнулась она подводно. — Вторым разумом ты ощутила зов. Зов направленный, как будто тот, кто звал, звал точно тебя и знал точно тебя, как ты есть, понимаешь?

Я понимала. Да, я понимала.

— Ты заставила меня забыть? — спросила я, ощущая, как кол вопроса вошел между ее щитами.

Она физически вздрогнула. Я снова попыталась обнять наше общее тело, и на этот раз удалось. Дрожащие пальцы обвились вокруг груди. Я хотела, чтобы она прошла через это. Я хотела, чтобы она сказала мне все, что должна сказать, и чтобы на этом все закончилось. Я прислонилась лбом к ее виску.

— Прости меня. Прости. Сможешь ли ты меня простить? — она вдруг разревелась, кашляя, как дитя. — Я завуалировала тебе память. Часть памяти закрыла черным, чтобы ты не знала, зачем идешь. Я хотела, чтобы ты забыла о нем совсем, о брате. Забыла. Я честно хотела этого, я признаюсь! Я признаюсь, прости меня! — выкрикнула она и оттолкнула мою голову в сторону, расцепляя объятия своей частью воли.

— Я хотела быть с тобой всегда. Идти с тобой неважно куда, всегда рядом, в этой бесконечности, сквозь миры. Но сны твои вели тебя к брату. Этого было не избежать. Его зов был очень силен, и желание твое было сильнее твоей памяти. Желания всегда сильнее памяти, разве нет? И ты шла по этим направлениям, и я шла вместе с тобой, зная, что там, в конце пути, ты встретишься с ним и поймешь, что случилось. И поймешь, что я сделала, но было уже слишком поздно, и я не могла тебе этого сказать. Я только следила за тобой, чтобы ничего не случилось. Ты бы возненавидела меня, ведь ты же хотела быть с ним — ты же нужна ему, и ты нужна мне. Ты нужна мне! Ты нужна мне больше! Без тебя я не могу больше, не смогу без тебя больше, не смогу...

Фая воспламенилась. Я сфокусировалась и увидела ее всю, как она истошно вопила в стеклянных стенках себя.

— Успокойся, Фай, пожалуйста. Я все понимаю, я понимаю, понимаю, — говорила я, прижимаясь к ней каждой частичкой себя. — Успокойся, не надо кричать. Не надо.

Но она не останавливалась.

— Там, на бутылочном дне, под ульем, я знала, что произойдет, понимаешь? Я все видела третьим разумом, и когда ты ослушалась меня, когда ты легла и сменила веки, я наблюдала за тобой. Я знала, что ты это сделаешь, и позволила тебе это сделать. Я была в отчаянии. Я не прошу тебя понять меня. Нет! Но ты подобралась близко к нему. К своему брату, возле которого тебе я буду не важна больше! Если бы ты была с ним, ты не была бы со мной, а без тебя, кто я, кто я, кто я без тебя?

Фая начала трескаться, как кукла. Ее бестелесное бытие извивалось в истерике, ударяясь фарфоровыми хвостами об острые углы в соседнем измерении. Здесь же ее голова нашего сиамского близнеца подрагивала. И вдруг остановилась.

— Я убила тебя, — сказала она остро, как бумажный порез. — Пока ты была за взглядом у того прозрачного существа с горлом и сердцем, в амфитеатре, где мозаиками выстраивались здания, я убила тебя. Я убила тебя и разбила на части, — сказала она отсутствующим голосом.

Внимание моего третьего разума обратилось к бутылочному дну, фокус переместился в прошлое, к тому моменту, и я увидела саму себя со стороны. На мне было темно-синее платье. Я отстраненно наблюдала за тем, как я легла на бутылочные ступени и пошевелилась из стороны в сторону, устраиваясь поудобнее. Я

видела свои мысли. Они завивались ручейками: // «Если это она рисует все происходящее со мной, то точно что-нибудь придумает, окажись я в беде. А если не она, то откуда ей знать, что правильно, а что нет?» //

Выходило, что электрический крик, на котором я унеслась тогда в небо, не свел меня с ума. Я должна была вернуться обратно. Должна была, но не вернулась. Я увидела, как Фая, бесформенное сознание, возникла над моим лежащим телом и щелкнула ментальной дугой, совсем как рисовальщик огня, всекающий в плазму искру. Только вместо плазмы была я. Глядя на это, я глубоко, издавленно вздрогнула.

Фая убила меня.

Я своими глазами наблюдала, как моя душа разлетелась на осколки. Видела, как Фая собрала их, все до единого, и ушла, оставив мое бездушное тело лежать.

«Оно все еще там, — подумала я, — лежит, глядя в пустоту». Я вернулась фокусом в картину с деревом.

Истерика оборвалась. Внутренние города Фаи пали, и в ней наступил красный штиль.

— А как же Коллекционер? — спросила я.

— Нет Коллекционера, — сказала она. — Это выдумка. Я его выдумала. Зачем я поступила так с тобой? Зачем, зачем, зачем, — она медленно качала головой. — С тобой. С Тобой. Ведь ты — все, что у меня есть. Ведь без тебя. Без тебя. Без тебя. Без тебя, — лепетала она, словно спускаясь по лестнице вниз.

— Вот-вот, — прозвучал голос в плаще. Голос Коллекционера. — Нет меня.

Он стоял в своей драгоценной мантии, заложив руки за спину, и наблюдал за нами из лабиринта сквозь полотно картины.

— Как? — спросила я тихо-тихо, обращаясь к Коллекционеру.

— Меня видят только те, кому я показываюсь, — ответил он.

— Так, — ответила Фая, думая, что мой вопрос был обращен к ней. Она не воспринимала Коллекционера.

— Ты слышала? Она выдумала меня! — расхохотался Коллекционер.

«Но почему она не видит его? У нее же открыт третий разум. Она должна видеть все», — думала я.

— Нужен был кто-то другой. Чтобы объяснить, оправдаться, — сказала Фая. — Я и выдумала его. Не знаю, почему Коллекционер. Какое нелепое имя.

Акценты ее мыслей, седые и прозрачные, двигались в эфире улыбками утопленников. Я была готова простить ее. Я могла простить ее. Я смотрела в ее сиамские глаза, чувствуя, как вопреки всему во мне раскрывалась цветком тончайшая любовь к этому запутавшемуся созданию. К моей единственной подруге. К моей Фае. Я прислонилась к ней лбом, горячо и честно.

— И девочка в деревне, знаешь. Ее тоже, — сказала Фая. — Я знала, что из Крайнего Дома нет выхода. Послание из субмарины, то, что на гранях. Оно не пришло оттуда. Нет, я написала его. Чтобы девочка пошла в этот дом и осталась там. Ты сказала ей, что ты ее подруга. И мне стало страшно. И... чтобы вы не стали близки. Я убила ее тоже. Мне всегда было страшно. Понимаешь? Так что я убила ее тоже, чтобы вы не стали близки.

По мне прошел холодок, будто птица нырнула под волну и заслонила солнце — всего на миг, но руки моей любви дрогнули. И я готова была прильнуть обратно, правда, готова была простить и это, все что угодно, но горькой скрепкой сомкнулось воспоминание о де-

вочке в белом, как ее рассудок замер, осознавая, что ночной кошмар обратился в реальность.

Фая почувствовала эту рябь.

Без единого звука, мысли и ощущения, красный штиль в ней перевернулся и застегнулся молнией наверх. Раскаленным трамвайным винтом она ввернулась в центр пустоты и исчезла.

Я знала, что больше никогда ее не увижу.

Чувствуя, как нервы с пальцев моих падают в яблоко пропасти, я сделала два шага по глубокому снегу, подтянулась на нижней ветке дерева и стала карабкаться вверх. Голова с короткими волосами, в которой прежде была Фая, теперь игрушечно болталась на шее, не населенная. Она слегка тянула к земле. В ушах свистел ветер. Коллекционер что-то говорил, но я не слушала его. Мне в горло будто всадили громоотвод.

Я добралась до верхушки. Оттуда открывался вид на белое ничто во все стороны. Я присела, обвив ногами ветку, напротив большого шарообразного плода. Он походил на елочную игрушку, слегка отражающую, но все же органичную, как живое темно-красное зеркало. По шару то и дело проходила зыбная волна. Я дотронулась до него рукой.

«Это оно, — думала я. — Это оно. Как оно работает? Как оно направляет?» И тут я увидела в отражении плода себя. Не эту себя, в сиамском теле на снежной поляне, но ту, другую себя, из прошлого. В отражении я была в вагоне поезда. Ехала к станции, под которой скрывался улей. Улей с бутылочным дном.

— Осталось три с половиной оборота, — сказала я в шар и прислонилась к нему щекой. Здесь, на верхушке дерева, ветер был особенно пронизывающий.

~депо~

Поезд мчался сквозь небо, радужно переливаясь. За окном была высота. В вагоне — никого. Зыбь прошлась по шару, и голос мысленно объявил: «Осталось три с половиной оборота».

— Где она теперь? — спросила я.

— Фая? — откликнулся голос в плаще.

— Да.

Иглы, прежде терзавшие пальцы моего сердца, сели в кармашки. Треугольники моего ума сошлись вершинами. В легких, в том месте, где раньше была Фая, теперь зияла дыра, но зияла тихо, потерянно. Я смотрела в окно.

Дверь в вагон отворилась, и вошел Коллекционер. Он был тонок и выше ростом, чем потолок, так что, когда он шел, вагон эластично вытягивался над ним и смыкался позади. На этот раз он выглядел как черно-белый джентльмен в сапогах и перчатках. Он подошел к моему сидению и иронично поклонился, словно вопрошая разрешения. Я не повернула головы.

— Она разбила связи, — сказал он, усаживаясь напротив меня. — Теперь трудно сказать, где она.

Я расфокусировалась от тела и посмотрела на него третьим разумом. Отсюда он был похож на запаутиненный клубок дорог, накрытый тентом.

Поезд замедлил ход, и шар маякнул о прибытии, завис в воздухе. Я встала и пошла на выход, игнорируя Коллекционера. Двери распахнулись. Подо мной была Станция — идеально очерченная графитная окружность.

Я стояла в дверях, не шагая туда, и глядела сквозь пол, вниманием вглубь. Отсюда я видела ребристый улей, винтовой лестницей уходящий в бездну, копоша-

щийся насекомыми движениями, собирающих искрящуюся Обнадежду.

Я спроецировала себя дальше, следуя прежнему пути, вниз, туда, где падали осенне-полупрозрачные алые фрегаты лепестков. Мое прошлое тело действительно все еще лежало на ступеньках. Когда-то это была я, а теперь — это она, мертвая девочка, и корабли отражались в ее мертвых глазах, падая. Я провела над ее лицом невидимой ладонью и закрыла эти глаза.

— Сн! — позвала я, глядя вверх. — Сн! Ты спишь?

Он не ответил.

Я вдумалась в стены, сквозь стены, туда, где были впаяны многоэтажные дома. Жители застен сидели в своих комнатах. Я видела их. Некоторые были подключены органами чувств к насекомым и переживали их жизнь там, в улье. Другие лежали, лениво дожидаясь, пока сонливость охватит их. Редкие единицы медленно бродили по этажам. Между ритуальными фейерверками Обнадежды за стенами было тихо.

Я почувствовала местонахождение комнаты Сн и проскользила туда вниманием. Он лежал на спине, подложив руки под голову, и улыбался в темноту.

— Привет, Сн, — сказала я тихо.

Он встрепенулся и вскочил на ноги, озираясь. Он узнал меня.

— Это ты? Вернулась? Где ты? Я не вижу. Сейчас, подожди, ня! — Он поводил в воздухе руками, как бы изображая ладонями птицу, и темнота посветлела посередине комнаты, клубясь.

— Свет не поможет. Мое тело далеко, — ответила я. — К тому же я ненадолго. Помнишь, ты спрашивал, что там внизу?

Он улыбнулся и присел на край кровати.

— Ня. Помню. Ты пришла ответить, да?

Мой фокус потерял остроту на мгновение, как в окулярах с размытыми линзами, и я нечаянно охватила мысли жителей этажа, двух этажей, трех этажей Стен.

В их мутных, амебных сознаниях не было ничего, кроме непроглядной глади. Только Сн сверкал среди них косматой, запутавшейся в предрассветной тучке звездой.

— Там внизу река, — сказала я.

— А дальше? — спросил он, привставая, глядя в верхний угол комнаты.

— А дальше я не знаю. Не видела. Прости, мне пора теперь.

— Постой! Скажи, что дальше. Я знаю, что ты видела. Видела же, ня!

Я зависла вниманием прямо над ним и подумала гармошисто: «Слетай и посмотри сам».

Он улыбнулся ярким взглядом, лег и повернулся лицом к стене.

— Тогда я спать прямо сейчас, — сказал он. — И спасибо, что пришла ответить, ня. Ценю. Пойду слетаю и сам посмотрю. Я могу, да.

— М, — ответила я и вернулась в тело с чувством, что фрактал замкнулся. Более меня ничего здесь не держало.

Тело мое все стояло в дверях вагона, не ступая на графит станции.

— Дальше, — подумала я в сторону состава, и двери закрылись.

Поезд плавно тронулся, покачнувшись, и продолжил простукивать незримые небесные рельсы, унося меня прочь от тех вероятностей.

— Ты знаешь, чего не понимаю? — подумала я в сторону Коллекционера, глядя на свои руки: запястья, ладони и пальцы.

— Ты? Не понимаешь? Что же? Поделись, — отозвался он дымчато.

— Если обладающий третьим разумом видит все и всех, то почему же Фая не ощущала твоего присутствия? Почему она так настаивала, что ты — ее выдумка?

Коллекционер возник передо мной двухмерным портретом, и губы его сомкнулись-разомкнулись.

— Идеа-альный-е вопрос-ы, — сказало лицо с портрета. — Неужели ты думаешь, что вселенная так однобока? Точнее, так трибока? — ухмыльнулся он. — Заканчивается на третьем разуме? Раз, два, три — и что? И все?

На ладони моей, виляво, бледным тоном зажглась скрипично выгнутая четверка. Она была полутрехмерной, в том смысле, что мерещилась между пальцами, и даже почти ощущалась, но не поймать.

Я кивнула.

— Понимаю теперь. У тебя четыре разума, так?

— Может, и так, а может, и нет, — подмигнул он. — В этом и суть моего положения. Я являюсь в идеях и, уходя, оставляю в непонятках — кто кого выдумал? Вот и ты, скажи мне. Был я или нет, а? — засмеялся он и отстранился куда-то в сторону. В своем, четвертом смысле.

А я осталась стоять все там же, в дверях, не шелохнувшись, и в одиночестве наблюдала за пейзажем, пока поезд не добрался до конечной. Снижая скорость, он заходил в обтекаемое желудем депо. Во мне было абсолютно пусто.

Шар зыбно проволнился, на этот раз беззвучно, обозначая последнюю остановку. Двери разъехались в стороны.

Я сошла с поезда. По стенам депо под опоясывающую ржавчину тишины стекали штукатурные отеки.

Депо было заброшено. Давно. Навсегда. Стояли нетронутые вагоны, сцепленные и несцепленные, на забытых рельсах и на боку. Это был край вселенной: за пропастью ничего, лишь пустое небо. Я подошла, шурша гравием, к бежевому когда-то вагону, что стоял в стороне, безошибочно зная: мой брат там, внутри. Я даже видела призрак колючей проволоки, выходящий из расщелины между полосьями вагона и карабкающийся вверх, к телеграфному столбу с обветшалыми проводами.

Колючая-колючая проволока. Его неясный признак. Что это? Пуповина? Ошейник? Не знаю. Знаю только, что нас теперь разделяют лишь сдвижной ширмы двери. Я коснулась их пальцем, ощущая пыль.

«Вот и все. Вот и конец пути», — подумала я и улыбнулась вскользь.

— Ты здесь? — раздался голос из вагона. Я толкнула дверь, и она с глубоким скрипом отъехала в сторону. Внутри витал металлической стружкой полумрак. Колыбель прямоуголилась краями в дальнем углу. Глаза мои еще не привыкли к освещению, и я не видела деталей.

— Закрой, — сказал голос. — Закрой за собой.

Я вступила на подножку вагона и вошла.

— Закрой, — повторил голос чахлым тоном межстраничного гербария.

Я нащупала дверную выемку за спиной и проскрипела дверью обратно. Дверь заперто грохотнула, и выемка втянулась в ее поверхность, едва не прищемив мне пальцы.

— Брат? — позвала я.

Пустое небо молча висело над вагоном.

Книга II
— Магистрали-

X
Богиня

— Выпусти меня! — закричал мальчик. Он стоял на столе, вырезанном из вишневого дерева, в шортах и матроске. Его сонную форму окружал прозрачный купол, который не выглядел, но ощущался как силовое поле, только не магнитное, а кавайное.

Я провела сквозь купол рукой, и покалывание невинной милости сыграло мягкими смычками по нервам, как если бы моя рука увидела котенка и умилилась. Это была моя правая рука, Ава.

— Убери это! — взвизгнул мальчик, потрясая кулаками.

— Тебя ничто не держит, — сказала я.

Мой голос прозвучал рубиновым затмением, на низкой, глубокой ноте. Он (Голос) отстранился на другой уровень происходящего и пребывал здесь автономно, механически.

— Убери колпак! Сейчас же! — с этими словами мальчик подпрыгнул и ударил по куполу кулаком. Тот звякнул жестянкой.

Интересно. Он не может пройти насквозь.

— Ему кавайность непостижима, — сказала Ава, — непроходима.

— Ладно, хватит с него, — отозвалась Герда, моя левая рука. — Снимай. Нечего его пугать.

— Никто никого не пугает, — ответила я. — Откуда мне знать, через что он может пройти, а через что не может.

Тени указательных пальцев моих рук иронично переглянулись. Я прикинулась, что не заметила, и потянула купол вверх за нарисованную держалку, будто эффектно обнажая поварское блюдо.

— Наконец-то! — выпыхнул мальчик и побежал к краю стола, мелькая белыми коленками.

— Подожди ты! — воскликнула я, ухватывая его за шиворот. — Упадешь!

— Вот тебе! — крикнул он и моментально стал раскаленно горячим. Я отпустила его падать и сунула обожженный палец в рот.

— Сволочь!

Мальчик упал на пол угольком и прожег дыру. Из дыры вылетел четырехкрылый жук с иглоуколистым хоботком и повис в воздухе на уровне моего глаза. Я щелкнула глазными фильтрами, меняя цвет радужки на стальной, защитный, на случай, если обиженный мальчик-жук решится укусить.

— Да ладно тебе. Ты чего завелся? Подумаешь, колпак, — сказала я.

Мальчик прожужжал колодой телепатических нот и спроецировал миниатюрный топор, двусторонний, как у викингов.

— Это он так гавкает, — сказала Ава.

— Гавкает, значит, не укусит, — кивнула Герда.

И правда, он так и висел, покачивая топором. Я все же была несравненно больше него.

— Ладно тебе, — повторила я гладящим тоном.

Жук потерял свою форму и вытянулся жвачкой вниз, падая на стол. Там он обратился в перевернутый бокал с откусанным углом и отвернулся. Все. Теперь он со мной не разговаривает.

— Смотри! — выкрикнула я и зажгла под потолком гирлянды цветов. Бирюзовые, лиловые, золотые лепестки вращались задорными шестеренками. Цветы пахли пшеницей: свежеиспеченным хлебом.

На него это не произвело впечатления, он так и стоял: бокал бокалом.

— Ладно, черт с ним, — решила я и отвела взгляд от калейдоскопа.

Произошедшее было лишь разворотом моего воображения, игрой многоуровневого света на цветных камешках. Я ощутила вес калейдоскопа на ладони: он походил на плоскую флягу с глазком и колесиком сбоку, которое перемешивало камешки.

— Что теперь делать будем? — спросила Герда.

— Надоело играть в комнаты. Скучно уже, нет? — сказала Ава.

Я вздохнула и отпустила калейдоскоп. Он поплыл в невесомости, рассеиваясь, пока не исчез совсем.

Пространство передо мной, потеряв иллюзии, осталось тем, чем и было всегда — прозрачной сферой, висящей в пустоте. Белая ночнушка, возникающая на мне во время подобных иллюзорных приключений, рассеялась тоже. Я сидела нагишом внутри полой замерзшей шарообразной Слезы посреди космоса.

В этот момент вернулся мой Голос, избавляя меня от необходимости отвечать рукам. Я не любила выдумывать занятия через силу, а в Слезе было пусто. Совсем.

Голос принес с собой нечто, завернутое в зеленый шарф.

— Что это? — спросила я его мысленно.

— А, — ответил Голос, имея в виду: «Открой». Иногда он говорил только гласными, но я понимала. Я прокашлялась, ощущая в горле приятную подкову целого Голоса.

— Где был? — спросила я вслух. Звуковое эхо отразилось от внутренних стенок Слезы, пошатывая мое естество.

— Далеко. Еле донес оттуда. Сложно было в уме держать, — сказал Голос в моем уме, и я произнесла его реплику вслух.

— Что это? — спросила я.

— А. У., — промычал он, подразумевая: «Открой и Увидишь».

Осторожно я развязала шарф. Ава и Герда кооперировали своими пальцами с нескрываемым интересом. Внутри лежала овальная отражающая капля, вроде ртутной. Я ощупала ее сознанием и легонько толкнула. Ртуть покачнулась, и в центре капли завертелась спираль.

— Слушай звук, — сказал Голос. — Это все во звуке.

Я прислушалась. Перетекание. Журчание отдаленного ручья.

— Вот это да! — вскинулась Герда. — Вот это подарочек! И что же это такое?

— Что такое что? — спросила Ава.

— Не слышишь? Эта штука журчит.

— Ну да. И?

— А ты послушай внимательней. Слушай. Это много слов, сплетенных вместе. Комьями веретен.

Действительно. Ртутная капля говорила журчанием. Пыталась что-то донести.

— Вот так, — сказал Голос с ноткой довольства.

Я ментально обернулась, пытаясь сообразить, что именно было «вот так», но сознание мое, однажды зацепившись за ртутное журчание, поволоклось внутрь капли, прочь из сферической Слезы. Я могла бы остановить это влечение, но к чему? В Слезе все равно было нечего делать.

И вот я уже проталкивалась по туннелю. Стало душно, и я потянулась с испугом в сторону Голоса, но тот успокоил меня.

— Ничего. Ничего. Оно не колется. Нет углов. Сейчас дойдем куда-то, а там все будет нормально.

— Ладно, — сказала я и обернула свои глазные

фильтры на оранжевые, те, которые видели тепло и энергию мыслей.

— Оно думает, — отметила Ава. — Он точнее. Этот туннель, или как его назвать... И мысли такие интересные. Смотри-смотри!

И действительно, было на что посмотреть. Вокруг нас прыгали зайчики перекликающихся идей. Туннель состоял из множества личностей, у которых было что-то вроде бесконечного бала с неторопливо раскрывающимися диалогами.

— Это переход, — сказал Голос, и все личности туннеля разом обернулись. Наступила образная тишина, которую я видела как резкое исчезновение мыслей. Мысли не только исчезли, но еще и приблизились. Их близкое отсутствие ощущалось угрожающе.

— Сам ты переход, — пробасил голос со всех сторон одновременно.

— Страшный! — воскликнула Ава.

— Замолчи! — отрезала Герда и, вырвавшись из-под моего контроля, хлопнула Аву ладонью.

— Прошу прощения, — спокойно ответил мой Голос. — Мы ничего не имеем против вас. Просто идем мимо и никого не хотим потревожить.

— Переход? — переспросил туннель, игнорируя реплику Голоса. — Я покажу тебе переход!

Герда собрала пальцы в кулак, готовая отразить нападение. Ситуация накалялась.

— Не стоит возбуждаться, — все так же спокойно сказал Голос.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы туннель естественным образом не подошел к концу. Мы выскочили с той стороны.

Снаружи туннель выглядел как ржавая труба-арматура, торчащая из мякоти неба. Плавно приземлившись, я выпрямилась и огляделась. Мы находились

на крыше высокого здания. Отсюда открывалась масштабная панорама на заброшенный город: бетонные стены, черные глазницы квадратных окон.

— Воу, — откинулась Герда, разжимая кулак своего тела. — Куда это нас занесло?

— Обошлось. Надо же, — выдохнула Ава, все еще подрагивая пальцами.

Раздался дребезжащий звонок. Я направилась на звук и обнаружила красный телефон с вращающимся диском на витиеватом проводе. Он стоял в углу крыши, у серого пузатого бидона.

— Герда, возьмешь? — спросила я, ощущая неладное, но понимая, что не взять просто не получится.

— Говорить буду я, — сказал Голос.

Я вздохнула и расслабилась. Мои руки и Голос все решат сами. Мне оставалось только наблюдать. Как хорошо.

Герда сняла пластмассовую трубку, а Голос сказал:

— Алло?

— Богиня? Нет? Мне нужно поговорить с Богиней. Сейчас! — донеслось из трубки.

Меня охватило чувство, как если бы я сладко заигралась в своих мирах, а родители звали домой — и нужно было неотвратимо идти, ведь ничего не попишешь, а играть хочется.

— Ты там! Я знаю, ты там! — заверещал голос.

Это был Хабрик. И он был прав. Богиня — это я.

— Да. Чего? — отозвалась я с сонью в локациях.

— Не *Чего*! Иди во дворец прямо сейчас! Расчехляй Магистрали и давай! Не мешкай там! Слышишь?

Я слышала. Сонь тут же рассеялась, наструняя бытие. Положив трубку, я поскребла ногтем на сгибе локтя и вытянула из вены червивую ленту Магистралей. Я швырнула ее перед собой, и лента раскрылась зыбким зонтиком-порталом, в котором виднелись

рельсы американских горок. Игрушечные машинки-модельки возникли по одной на каждый рельс. Одна была красная, с красными колесами, а другая зеленая. Но у зеленой колеса тоже были красные, обагренные. За рулем красной машинки сидела Ада, а зеленой — Герда. Они покинули мои физические руки и сменили обличия. Теперь они выглядели как девочки.

Я привычно вступила в портал и оказалась на пассажирских сидениях обоих машинок одновременно — по телу в каждой. Мы тронулись.

За окнами проносился изогнутый и нелепый парк аттракционов, исполненный в блеклых тонах, будто мы ехали внутри выцветшей фотокарточки.

Магистрали — это рельсы американских горок, которыми я пользовалась, когда нужно было срочно переместиться во дворец. Рельсы были достаточно широки, чтобы служить дорогами для игрушечных машинок моих рук.

— А вы даже рельсы себе такие же выбрали, — сказала я.

Ава и Герда переглянулись.

— Что? — спросили они синхронно, глядя на меня. От наблюдения одной и той же сцены в двух местах разом меня моментально подтошнило.

— Вы рельсы выбрали себе такие же, как и руки. Герда едет по левой, а Ава — по правой, — сказала я.

— Ничего подобного, — ответили они.

— И зачем мне обязательно нужно ехать на двух машинах одновременно? Почему нельзя выбрать одну точку внимания? — качнула я мыслями.

— Это было бы нечестно, — внезапно сказал рельс под машинкой Герды.

— Ты либо по обоим нам едешь, либо ни по одному, — присоединился правый рельс, под Авой.

— Все или ничего, — завершил левый рельс.

К этому было нечего добавить. Я завернулась в свой Голос и молчала. Он обнял мою грудь изнутри и обернул теплым. Я люблю свой Голос. И он меня.

— Да, Голос? — спросила я.

— Да, — сказал он коротко и опять куда-то ушел, оставив за собой лишь автономную оболочку в голосовых связках.

Некоторое время мы ехали вверх, взбираясь на горку, и наконец зависли на самом пике. Я посмотрела в бездну сквозь лобовые стекла машинок и зажмурилась. Не выношу скорость.

Машинки ринулись вниз, ускоряясь до предела разрыва, перенося нас во дворец.

;;;;

Хабрик ждал меня на выходе из магистралей. На нем была полосатая шляпа и расписной халат. Ботинки его были с острыми, завитыми носами, лицо серьезным, а седые усы — жесткими.

— Зову тебя, зову. А ты где? А?

— Там, в Слезе, не слышно.

— Не слышно? Да как это может быть не слышно!

— Я поняла. В следующий раз…

— В следующий раз, мы поговорим в следующий раз. Давай, переодевайся. Сейчас.

Одним движением я обронила свою белую ночнушку и сосредоточилась на наряде Богини. Передо мной повисло строгое, готичное платье, черные чулки и резинки для волос.

Я села на пол и принялась натягивать чулки. Шелковистые прикосновения прошлись от кончиков пальцев ног, по ступне, щекотно, до лодыжки и вверх, по икрам, по коленкам и выше.

Платье, пройдя язычком между лопаток, застегнулось на спине само. Я разделила волосы в два хвоста. Потуже. Это закатное чувство, почти боль: теневой силуэт, который дарит мармеладные цветы.

В этом обличии я прошла по коридору и, достигнув высокой двери Алтарницы, отворила ее.

За дверью был широкий зал с церковными окнами. В центре зала стоял на возвышении алтарь, укрытый священной материей. Строгие каскады эмоций сфокусировались на мне как луч распластанного солнца сквозь увеличительное стекло. У алтаря стоял Он в белых одеждах и хирургической маске.

Я шагала уверенно, стараясь держать спину прямо. Глядящий свет парил пылинками вокруг, и каждая из них была вроде глаза.

— Богиня, — сказал Он.

— Да, — ответила я, останавливаясь перед возвышением.

— Время пришло.

— Да, — сказала я снова и взобралась на алтарь. Поверхность была гладкой, прохладной, а где-то в его каменной глубине билось древнее алтарное сердце. Я легла на спину, затылком на твердь.

Потолок над алтарем восходил конусом с миниатюрным круглым окошком по центру.

— Скажите мне. Что вас тревожит? — спросил Он.

Таков был ритуал. Мне нужно было предоставить Ему свои эмоции. Раскрыться. И, как всегда, я не нашлась, что ответить. Свет ваянно переливался в тишине.

— Мой дом, — сказала я наконец. — Мне бывает очень скучно там. Иногда. Пусто.

Он кивнул. Во лбу у меня будто отъехала ментальная дощечка, обнажая перекрытия ума. Но как-то не до конца.

— Может, что-нибудь еще? — спросил он.

— Туннель, — вспомнила я. — Перед тем как примагистралить сюда, мы проходили через туннель. И он был очень грубый.

— Грубый физически?

— Нет. Он угрожал нам.

— Угрожал чем?

— Не знаю. Просто угрожал.

— Вообразите. Так, как будто это происходит прямо сейчас.

Я вспомнила голоса невидимых личностей в туннеле, как они гневно приблизились, и вновь ощутила тот комканый испуг. Чувство длилось всего мгновение, но этого было достаточно, чтобы отворить похожие воспоминания. Сверчки ассоциаций зацвиркали, соединяя мои прошлые страхи, состыковываясь, образуя сеть. Я положила голову набок, виском к алтарю, глядя на фреску на стене. Фреска изображала меня, склонившуюся над десятками миниатюрных фигур и протягивающую им сияющую ладонь. Мое лицо на фреске сквозило милосердием.

Между тем сеть моих страхов сплелась и натянулась сложным символом-дверью.

— Вдохните поглубже, Богиня. Пришло время отворить створки, — сказал Он.

Я положила свои пустые руки ладонями вниз. Ада и Герда, как и всегда на этом этапе, покинули меня.

В потолочном окошке проплыло белое облако. Свет замер паузой, и мое сознание чехарднулось замедло, как альпинист в нефтяном озере. Изображение на церковной фреске разогнулось механически, шарнирно. Мелкие фигурки зашевелились и замахали ручками-ножками. Внизу моего живота робко зацепилась и проступила точка. Она увеличивалась, разрастаясь мягким шаром с твердой сердцевиной. Ее края стре-

мительно нагревались. Вместе с тем, в мою грудь каплями многоугольной воды заврывались шипы.

Он потянул за ленту на моем платье, и оно разошлось, обнажая трепещущую кожу. Колкие шипы в груди зачастили. Интенсивность нарастала. Жаркий шар во мне уплотнился, царапаясь больно и приторно сладко, невыносимо. Пот скользнул с горячего лба. Я издала протяжный стон и подогнула ногу под себя, подминая красную материю алтаря. Он спокойно и сильно нажал мне на коленку и вернул в распластанное положение.

— Потерпите.

Я выдохнула шипением сквозь зубы, непроизвольно приподнимаясь на локтях, изгибаясь дугой. Глаза мои завертелись, меняя цвета и свойства. Зрение тасовало фильтры.

Вдруг припустило. Стало легче. Я прокашлялась, сдула локон со лба. Пахло снежной гарью и воронами.

Я услышала, как где-то в соседней реальности скрипнула дверь. Одновременно с этим в случайном, дождливом городишке порвалось бумажное письмо. Затем все звуки мира ломанулись мне в уши без разбору, шумно и путано.

— Я отведу это от Вас. Но еще немного. Расширение необходимо.

Я не ответила. Мое осознание разбежалось стрелками, цепляясь за паровозные гудки, выжимаемую простыню, звук сапога об лужу, клекот ножниц, туго натянутые барабаны, кошки, корабли.

Я разделилась. Одна половина меня хаотично прыгала по всем этим звукам, а другая сосредоточилась на горячем шаре между ног, что теперь обрастал железной коркой. Была и третья я, отстраненная от обоих половин. Для этой непричастной стороны происходящее было заведомо необъяснимо и пущено на самотек.

— Почти, — сказал Он и что-то такое сделал, отчего все вдруг обрело смысл.

Звуки выстроились по категориям: мокрые к мокрым, холодные к холодным, хрустящие к хрустящим и так далее. Их упорядоченность сошлась на горячем шаре точечным лучом. Две половины меня сошлись воедино, и во мне выстрелило. Из разноцветных радужек моих глаз вышибло дробью частички, и глазные яблоки вспыхнули ярким пламенем.

;;;;;

Я вдруг осознала, что нахожусь в другом месте: комнате с помпезными диванами, обитыми синим бархатом. Это была приемная дворца. Передо мной стоял на коленях Хабрик, лицом в пол. Седые волосы его спутались и обнажали жалкую проплешину на макушке. Он плакал.

Я держала руку над ним, ладонью вниз, будто магнитно давя. Осознавшись, я опустила руку.

— Ты можешь идти, Хабрик, — сказала я мягко.

Он встал и побито ушкандыбал прочь, не поднимая глаз. Дверь за ним закрылась. Оставшись одна, я изможденно повалилась на диван.

Что я говорю? Что делаю? Я ли это? Должно быть. Герда говорит, что Богиня — это мое проявление, но в это трудно поверить. Мне хотелось позвать их, свои руки, но я засмотрелась в одну точку, и оторваться было невозможно. Долгое время я просто пялилась перед собой, лежа на боку. Это всегда помогало. Лечило.

Наконец, насмотревшись вдоволь, я встала с дивана и вышла в зал. Дворец был пуст. Хабрик, единственный его постоянный обитатель, куда-то исчез. Вероятно, ушел в свою келью.

— Эй. Я здесь, — обратилась я к рукам, и они тут же вернулись, наполнив кисти теплом своих сознаний.

— Ну как ты? — спросила Ава.

— Не спрашивай, — ответила я устало.

— Пойдем домой, — тихо шевельнулась Герда.

— Угу, — кивнула я и провела ногтем по внутренней стороне локтя, выуживая алый шнур Магистралей.

— С возвращением, — возник Голос. — Не забудь про платье.

— О, да, — маякнула я. Платье Богини все еще было на мне.

— Сейчас, — шепнул Голос и расстегнул на спине. Я шевельнула плечами, и платье упало на пол. Я сделала несколько шагов вперед. Ковер махрил ступни. Я обернулась.

Зал дворца сквозил точностью и височной подвешенностью. Сквозь узкие стрели окон прорезали лучи заходящего солнца. Аристократичная строгость пейзажа разбавлялась лаковой психоделией. Над лежащим на полу платьем подрагивал миражный воздух, как над костром. Я перелистнула глазные фильтры на сиреневые и увидела сотканных из завивающегося дымка призраков. Они вытанцовывались из платья как пчелы из оброненного улья.

Я вздохнула и развернула Магистрали.

;;;;;

Выцветшие американские горки подрагивали, формируясь. Герда-девочка уже заводила зеленую машинку. Ава стояла на другом рельсе у своей, красной, не шелохнувшись.

— Что такое? — спросила Герда нетерпеливо. Ее мотор изумрудно потрескивал. — Поехали.

Я разделилась пополам, в два тела, хлопнула дверцей в машине Герды и откинулась на спинку сидения. Вторым телом я подошла к Аве и положила руку ей на плечо.

— В чем дело, Ава? — спросила я ее тихо. Ава оглянулась. У нее были большие, вечно заплаканные глаза, миниатюрный нос и розоватые, кукольные щеки. На ней было белое платьице с кружевами, до колен.

— М, — сказала она, шевельнув нижней губой, — мне странно за тебя. Я не видела никогда, что там происходит, но слышала. Ты иногда кричишь громко. Не то что ты, а Богиня. Но голос твой. И мне непонятно — ты это или нет? Это правда ты?

— Пхах... — выдохнула Герда, снимая машину с ручника, — Да ладно.

— Тс-с... — шевельнулся в ее сторону мой Голос, наблюдающий за сценой со стороны. Мы стояли внутри трехмерного портала магистралей, развернутого внутри зала дворца.

— Это не я, — ответила я Аве. — Я понятия не имею, кто такая эта Богиня и почему я в нее превращаюсь после ритуала, но это не я.

— Правда? — шепнула Ава, переливаясь хрусталем.

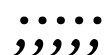
— Угу.

Магистрали потянулись фокусом.

— Мы едем или как? — вспенилась Герда.

— Едем, едем, — сказала я Герде и коснулась плеча Авы подушечкой пальца. — Все хорошо.

Ава кивнула и открыла дверцу. Я устроилась поудобней в обеих машинах. Герда цыкнула передачей, и мы тронулись, шурша игрушечными шинами по гладким рельсовым дорогам.



Я проснулась рывком. Раздвоенное по машинкам сознание растерянно не сошлось, как если бы я задремала со скрещенными глазами. В памяти все еще плавали обрывки сна — расплывающиеся волны цветов. Я сухо сглотнула. Пейзаж за окном не двигался. Мы стояли.

Мы? С ужасом я осознала, что одна: ни Авы, ни Герды. Я судорожно обратилась к Голосу, но и его не было.

В воздухе висела записанная тишина, как виниловая пластинка с поднятой иглой.

Я сменила глаза на сиреневые — стало темно. Оранжевые — темнота. Синие — ничего. Разумеется. Здесь нечего было видеть. Магистрали не были настоящим местом. Это всего лишь абстракция. Средство перемещения. Здесь нельзя «находиться».

Я зажмурилась и сосредоточилась на телесных ощущениях. Живая коробка моего тела недвижно текла в пространстве. Происходящее не было сном. Я открыла дверцу зеленой машинки и выглянула наружу.

Было высоко. Мы стояли на рельсовом пике американских горок — вершине перед броском. Повсюду насколько хватало глаз толпились мертвые аттракционы: полосатые крыши каруселей, сомнамбулично вытянутый тир с желатиново пробитыми банками. Колесо обозрения лежало на боку, облокотившись на архитектурно бредовую постройку, опоясанную гирляндами. Синие кабинки билетеров были свалены в кучу так, что до верхних окошек было бы невозможно добраться. Рельс, на котором стояла машинка Герды, был очень узким. Всю ширину занимали колеса, не ступить.

Я перевела взгляд. На другом рельсе стояла красная машинка Авы, с моим вторым телом на пассажирском

сидении. Отсюда я отчетливо видела сквозь стекло другую себя.

На той стороне магистралей располагался исполинский цирковой шатер, окруженный по периметру разноцветными флагами, что неподвижно развевались, складками запечатанные в момент. Это действительно был статичный кадр.

Я перенесла внимание в свое второе тело в красной машине и попыталась открыть пассажирскую дверцу Авы изнутри. Не поддалась. Тогда я пересела в рулевое сидение и попробовала водительскую дверь. Пластиковый клик замка прозвучал неестественно громко в этой целлофановой тишине. Машинка Авы слегка заворачивала колесами влево, освобождая полоску пространства на ее рельсе.

Я вышла, держась за ручку. Высота зыкнула в легких, но всего на мгновение. Отсюда бездна выглядела матово, иллюзорно. Я плавно развернулась и перецепила пальцы на крышу машинки. На цыпочках, боком, перебирая руками по корпусу, я добралась до багажника и соскользнула на пустой рельс. Всего в шаге от меня начиналась лютая скользь детской горки без бортиков: обещание умопомрачительной скорости и смерти от вывихов. В горле шавахались скверки. Ужасно хотелось пить. Сердце мое стучало тяжело. Медленно и тяжело. Где же они?

— Ава! — выкрикнула я слабо. А после, чуть сильнее: — Герда!

Мультяшная тишина.

Я закрыла лицо руками и закусила губу. Прошла секунда.

— Ладно, — сказала я, проводя ладонями по лицу. — Хорошо.

Я огляделась вновь, мерцая фильтрами глаз, перемаргивая их все. Дошла до черного. Остановилась.

— Вот, — шепнула я.

В пустоте черного мира не было видно ничего, кроме пары серебристых рельсов. В отличие от рельсов, по которым я приехала, эти не спадали детской горкой вниз, а продолжались прямо. «Если я перенесу в то измерение свое тело, я могу дойти по этим рельсам до самого выхода пешком», — подумала я.

Внезапно левый рельс, тот, на котором стояла зеленая машина, заговорил дребезжащим голосом, словно со дна жестяной банки:

— Как же ты?

Я переключилась обратно на прозрачные фильтры.

— Ты видел, куда они ушли? — спросила я с порывом.

Рельс проигнорировал мой вопрос.

— Как же ты ушла на одного из нас вся? Мы же говорили об этом.

— Прости, — сказала я.

— Если выбираешь одного, то есть причина. Ты считаешь, что одна сторона...

— ...лучше другой? — закончил за нее правый рельс.

— Нет. Не обязательно, — сказала я.

— В таком случае ты бы не утруждалась перемещаться, — ввернул левый рельс.

— Не стала бы заморачиваться и оборачиваться, — добавил правый.

— Вы не видели, куда ушли мои руки? — спросила я. Голос мой дрогнул. Голоса моего не было рядом.

— Видела, — сказал левый рельс сочувственно. — Возвращайся, покажу.

— Я тоже. Стой здесь. Не двигайся, — втянул правый паточным тоном.

— Он тебя... — начал левый рельс.

— ...удавит, — закончил правый.

— Он тебя удавит, — сказали они одновременно.

Мне стало не по себе, и я вновь перекинула фильтры глаз на черные.

Я сосредоточилась на прямых рельсах из черного мира и вообразила их осязаемыми. Сознание мое начало смещаться в том направлении, но резкие голоса говорящих рельсов сбивали установку.

— Восемь! — промеханировал рельс подо мной.

— Девятнадцать! — смонохромил левый в то же время.

— Двадцать восемь!/Четырнадцать!

— Тридцать три!/Тридцать один!

— Сорок два!/Двенадцать!

Я отмахнулась от аудиогаллюциноза. Прямые рельсы в черном мире резко уплотнились, и мое сознание целиком сместилось в ту реальность. Тело последовало.

Балансируя на рельсе, я сделала шаг вперед. В мире прозрачных фильтров, наверное, казалось, что я зависла в воздухе, но я была в другом мире теперь, с другими законами. И все же ощущение пропасти под ногами не покидало.

Осторожно, как канатоходец, я пошла сквозь непроницаемо черный экран по серебристой спице безмолвного рельса, оставляя позади захлебывающиеся числами голоса.

x
Эйс

Мальчики входили в помещение по одному. Не проронив ни слова, они принялись подбирать различные предметы, взвешивать их, всматриваться, принюхиваться и ставить на место.

Просканировав помещение целиком, они вышли на лестницу. Все, кроме одного. Самый высокий из четырех, мальчик по имени Эйс, остался стоять у стола, потерянно поводя ладонями по поверхности. На лбу его изогнулась сосредоточенная дуга, а глаза чертили ровные линии, будто он читал стол как книгу.

Опомнившись, он широко моргнул, развернулся и последовал наружу. Остальные члены его Джоинта дожидались у двери: Глик с полными щеками и при круглых очках и два декса. Дексы были близнецами и различались шрамами на щеках в форме стрелок. У Декса 1 стрелка смотрела направо, а у Декса 2 — налево.

— Богиня ждет нас, — чинно кивнул Глик, сверкнув очками.

— Ждет, раздвинув ноги, — согласился Эйс.

На этом религиозный этап процесса был завершен.

Мальчики двинулись по узким ступенькам. Лестница винтом уходила вниз, стекая зеленой краской по стенам. С каждым мгновением воспоминания о только что исследованном помещении рассеивались все больше, и через несколько шагов Эйс привычно отметил, что совершенно не помнит, где побывал. Такова была правда джоинтов, их обычный крест и обязательное проклятие — никакой памяти, только экспириенс.

Лестница закончилась, и джоинты выбрались на равнину. Эйс остановился, оглянулся через плечо, сдул челку с глаз и обнаружил, что они вышли из высокой конусовидной башни. Он улыбнулся чему-то своему и тут же нахмурился, нагоняя удаляющийся отряд.

— Эй, Глик, — позвал он, запыхиваясь от быстрого шага.

— Что? — механично спросил чабоватый ботаник.

— Мы вышли из башни. То есть мы туда сначала зашли, а потом вышли.

— Оно так, — отметил Глик.

Эйс и сам не понимал, что хотел этим сказать, но все же продолжил, неловко спотыкаясь словами.

— То есть мы сначала поднимались по лестнице, потом куда-то еще зашли, а потом спускались по лестнице, так?

— Вероятно, так, — согласился Глик. — А почему спрашиваешь?

— Да так, — покачал головой Эйс.

Дальше шли молча. Глик ступал, слегка наклонившись вперед, насупившись. Между воротником и коротко убранными волосами то и дело просвечивал его гармошечный затылок.

Пространство вокруг походило на коридор в дешевом отеле, только гротескно широкий, будто тысячу коридоров склеили друг с другом, плечом к плечу. Дексы шли впереди: они безошибочно знали, где находилось следующее помещение, что надлежало исследовать, на то у них было особое чувство. Иногда Эйсу воображалось, что дексы были своего рода ясновидящими конями, а они с Гликом ехали в карете, от помещения к помещению, помыкая ими. И неизменно следом за этими мыслями его совесть окутывал прохладный стыд.

Дексы были такими же джоинтами, как и он, только говорили мозаиками, и все про Богиню. Должно быть, и он станет однажды одним из них, и тогда уже он будет вести Джоинт за собой. Похоже, что постепенно мысль о священном соитии с Богиней выталкивает все остальные, и тогда остается лишь сияющее пламя похоти, которое безошибочно знает, куда идти.

Декс 1, словно откликнувшись на неровные мысли Эйса, обернулся и сошелся с ним взглядом. Глаза его

были синие, с огромными зрачками. Стрелка на его щеке покачивалась в такт шагам.

— Богиня сошла с неба, — сказал он игривым тоном.

— Трахнуть Богиню, — кивнул Декс 2.

Эйс сощурился, но глаз не отвел.

— Богиня сошла с неба и потерялась. Ее руки оставили ее, — проговорил Декс 1.

— Руки оставили ее. Голос оставил ее, — сказал Декс 2 и тоже обернулся. Теперь их нащечные алые стрелки указывали друг на друга.

Глик пробормотал что-то неразборчивое.

Дексы рассмеялись хором и резко повернули направо как двойные собаки.

Эйс остановился у высокой деревянной двери. Эйс, будучи Пунктиром своего Джоинта, всегда видел двери прежде остальных — в этом заключался его дар и его роль. Дексы вели, Эйс указывал на двери, Глик их открывал.

— Дверь, — сказал Эйс и обвел ее контур пальцем. — Ручка вон там.

Глик кивнул и поправил очки.

— Идем. Богиня ждет, — сказал он и нажал на ручку.

— Она ждет нас, — благоговейно ответил Декс 1.

— Ждет с нетерпением, — улыбнулся Декс 2.

— Трахнуть Богиню, — задумчиво произнес Эйс.

x
Богиня

Черные фильтры глаз утомляли восприятие, но я знала, что смени я их на любые другие, рельсы подо мной лишатся своей осязаемости, исчезнут, и я тогда

полечу вниз, в бездну замершего парка аттракционов. Поэтому я шагала и шагала вперед, акробатно балансируя. В легких у меня шевелилась странная кукушка. Куда ушли мои руки? Почему оставили меня одну? Может, что-то случилось? Но как вообще может что-то случиться в Магистралях?

Чернота продолжалась. Воздух липко влажнел по щекам, будто я шла сквозь тончайшие паутины. Рельсы покрылись то ли росой, то ли слезами и начали друг к другу поворачиваться. Я держала стезю из последних сил, зацепившись за уголки как в петляющем кошмарном сне, но заскользила и упала.

Падение было стремительным, но кратким. Я приземлилась на пуфоватую поверхность, не успев даже испугаться. Рассеянно пролистав глазные фильтры, я остановилась на прозрачных. Сквозь них было видно, что я лежала в плотно облегающей диванистой яме — зыбучей, как песок, и полосатой, как халат. Над ямой нависал такой же полосатый цирковой потолок. Во рту — привкус простуженной пастилы. Я попыталась привстать на локте и еще больше провалилась в пуфоватость. Я судорожно зазмеилась, пытаясь выскользнуть, но от движений утопла еще больше. Я замерла, глубоко дыша. Лежа на спине, я прошлась по фильтрам еще раз, внимательно оглядываясь, ощущая себя как выпавший локоть на северном ветру.

— Голос? — позвала я тихо, но он не ответил.

Щелкнуло, и включилась звуковая дорожка кино: тарахтел мотор машины, рявко взвизгнули шины, мотор грюкнул и заглох. Сиплое дыхание в тишине — очень близко. Звук доносился из колонки, что дугой опоясывала эту диванистую яму вокруг меня, создавая стереоэффект. Как я ни изворачивалась и ни шелестела фильтрами глаз, изображения этого «кино» нигде видно не было, только звук: звякнули ключи — некто

вынул их из зажигания, открылась и закрылась дверь. Каблуки зацокали по мостовой уходяще, отчего я предположила, что уходящей была женщина.

Однако звуки не последовали за ней, а остались в машине. Долгое время ничего не происходило, только фоновый шум, вроде движения воздуха по микрофону. Я осторожно зашевелилась в диванности, но пуфоватая ловушка лишь завтягивала сильнее, как зыбучий песок.

В звуковом кино зацокали возвращающиеся каблуки. Я закрыла глаза и принялась воображать, как бы это кино выглядело, если бы было видимым. Вот она открывает дверь, садится и кладет что-то на пассажирское сидение. Звучит деревянно, как поленья. Затем она стягивает перчатки и бросает их на эти поленья. Воображение дорисовывает детали: перчатки кожаные, лиловые, а поленья сложены пирамидкой. Вот она закрывает дверь и кладет руки на руль.

Картинка резко сфокусировалась, и я увидела ее пальцы, очень близко — на левой руке укус — красноватые следы зубов и синяк вокруг, короткие ногти, ослепительно белая кожа.

Я открыла глаза в диванистой яме, но сцена внутри машины никуда не делась. Мой разум покачнуло, но я поняла тут же, что это была спроецированная на потолок картинка, сквозь изображение проступали полосы шатра. Вкупе с облегающим трехмерным звуком кино оказывало погружающее воздействие, но с закрытыми глазами ощущения были полнее, и я закрыла их, чтобы лучше видеть. Если мне снился своего рода сон, то лучше быть начеку, чтобы не проморгать правила.

«Так оно, наверное, и есть», — решила я. Заснула в машинках в Магистралях, вот мне машина и снится. А снится мне, что я в голове у одной из рук. Скорее

всего, Герды. Я в голове у своей собственной руки. И во сне моем кто-то руку моей руки покусал.

Женщина, из глаз которой я наблюдала кино, посмотрела на пассажирское сидение. Там и в самом деле лежала связка поленьев, увенчанная парой лиловых перчаток. Затем она перевела взгляд обратно на руль и тронулась с места.

Сквозь лобовое стекло виднелись складские помещения, и все было довольно серо и однообразно. Ехала она медленно. Открылись и закрылись жестяные ворота. Склады, серое небо, столбы с проводами, пятна далеких ворон. Мне в лицо пахнуло преддождевым воздухом. Чтобы не потеряться ментально в этой женщине, я открыла глаза и дальше смотрела кино на цирковом потолке, что проецировалось, подрагивая прожектором над диванистой ловушкой.

Женщина потянулась к радио и завертела колесиком. Я видела ее руку с рукавом бежевого пальто. Радио лампово шипело, перепрыгивая через песни, настраиваясь. Прохрустел мимо глубокий голос вещателя далекой, загробной радиостанции, снова зашипело, рука в пальто прокрутила колесико обратно в поисках голоса, нашла, остановилась.

— Тридцатого мая тысяча четыреста тридцать первого года произошло нечто, погрузившее мир в неутолимую печаль, — произнес загробный мужчина. — Грусть, в которую в тот день был погружен земной шар, осолонила всех и каждого немыслимой тоской. Одна-единственная смерть отразилась в зеркалах миллионов человеческих душ, поражая планету криками ослепительного страдания.

Запредельная поэтичность его изречений очаровывала своей мрачной витиеватостью и вовсе не казалась чересчур, хотя по идее должна была бы показаться. Женщина щелкнула поворотником и зарулила впра-

во — я мельком увидела дождливый овраг, зашелестели по мокрому асфальту шины.

— Этот свет был безутешно окровавлен скрежещущей потерей, следы которой буравят часовые пояса земли и по сей день, — продолжил загробщик. — Гибель нашей единственной надежды замуровала подземелья бьющихся отвагой сердец и стопила в ничто благие льды нашей бесценной вселенной.

Поэтичность ужесточалась. Меня вдруг осенило, что голос этот вещал, по сути, одну ту же идею: некто умер и это было большой утратой. «До чего странная радиоволна», — подумалось мне.

Машина остановилась. Женщина крякнула ручником, будто защелкивая обойму. Капли дождя весомо застучали по лобовому стеклу.

— Ее смерть скорчила наш мир в неизлечимом припадке, швырнула его за красные ворота, в неиссякаемую бездну истерики, — прохрустел загробщик.

Изображение, спроецированное на полосатый потолок, зашаталось, будто кто-то лазил по ту сторону шатра и продавливал его внутрь. Меня охватило ясное чувство, что кино сейчас закончится и его во что бы то ни стало нужно досмотреть. Я крепко зажмурилась.

Женщина посмотрела на пассажирское сидение, взяла лиловые перчатки и натянула их на правую и на левую руки. Они казались маловаты, я все еще могла разглядеть непокрытый фрагмент укуса на левой кисти. Женщина провела пальцем по верхнему поленышку.

— Жанна Д'Арк, — сказал гробовщик сочным алым голосом, от которого взгудели и погасли вдали холодные провода. — Тридцатого мая тысяча четыреста тридцать первого года Жанна Д'Арк была сожжена на кострах инквизиции. С тех пор ее больше нет.

Рука женщины резко дернулась к радио и выщелкнула его намертво. Повисла тусклая тишина. Камера, из которой я глядела в ее мир, задребезжала мелкой дрожью, а линза закоптилась слезами.

— Жанна! — пробасил ее голос в микрофонных перепонках; перчатки взметнулись к лицу. — Сгори насовсем! Сгори же, если сгорела! Что же ты! Ну что же ты!

С этим она дрогнулась к поленьям и схватила их в охапку. Стуканув дверной кляксой, она вышиблась из машины, под дождь, и побежала, подворачивая лодыжку.

Что-то грохотнуло снаружи, вне кино, и я распахнула глаза. Сквозь шатер, прямо по центру прожекторного пятна, прорезалась черным массивная металлическая конечность. Хряща полотном, она просадилась механично внутрь, как локоть гигантского насекомого.

Наступила пауза, только на затылке моем испуганно шебуршнулись о диванную пуфоватость волосы. В тишине на обрывках пронзенного потолка кино продолжало идти: руки в лиловых перчатках с бежевыми рукавами посреди дождя все чиркали судорожной спичкой об советский коробок, но никак не могли высечь искру.

X
Эйс

Эйс нащупал на стене градусник и зажал его в ладони, как бабочку. Градусник был теплый, будто некто только что замерял температуру и вышел через неопределенную заднюю дверь. Однако в Лабиринтах никого, кроме джоинтов и Богини, заведомо не было.

Только помещения и пространство между ними, междукомнатье. Поэтому — исключено.

На двух сдвинутых вместе кухонных столах лежало распиленное пополам пианино. На левом столе располагалась нижняя половина, на правом лыбилась клавишными зубами верхняя. Дексы рассупонились по углам и защупали стены руками, ездя по ним, как принтерные движочки. Глик же, барбосно нахмурившись, вглядывался в расчлененное пианино, то и дело проводя пальцем по струнам и поправляя съезжающие от наклона очки.

Эйс отнял ладонь от градусника и официально взглянул на него, фиксируя детали в области своего экспириенса как можно тщательнее. Вот они — красные циферки от сорока двух до тридцати семи градусов. Детский сад, простуда, люстра.

«Я ведь все забуду, — подумал Эйс. — Снова все забуду». Эта мысль его вдруг невероятно обеспокоила, и он вскинул глаза из-под челки, но другие джоинты были слишком погружены в работу и не уловили жеста. Отчего так неспокойно? Он подошел к правому столу с лыбящимися белыми клавишами. Глик стоял к нему спиной, и лица его за пианино видно не было.

Не считая шебуршащихся позади полоумных дексов, Эйс находился в заслоненном одиночестве. Сканируя рукой внутренности пианино, он неожиданно для себя схватился пальцами за клавишу и выдернул ее из гнезда. Вовсе не случайно — осознанно. Все в нем запаниковало от содеянного, да так, что по зрению забрюзжали помехарики. И было от чего: он только что совершил наистраннейший для джоинта поступок — изменил окружение. Из-под клавиши хлынули миниатюрные сверчки и заскакали в разные стороны стрекотной сигнализацией. Эйс машинально сунул клавишу в карман, шибко вздохнул, отступил

назад и быстро заморгал, шевеля неровными губами. Сверчки исчезли.

— Что? — скобачнулся Глик, реагируя на Эйсов отскрик.

— Что? — эханули за спиной дексы, заглядывая через плечо, безумно дыша.

— Задвигалось, — пыхнул Эйс.

— Что? Двигалось? — спросил Глик, обходя стол, приближаясь, всматриваясь.

— Задвигалось, — повторил Эйс и добавил: — Перестало.

— Если бы только было возможно, — с философским роздыхом зачал Декс 2 по правую сторону.

— не трахнуть… — завершил его собрат.

— …мы бы и не стали, но вероятность есть, — стереовышептали безумцы. — А потому продолжаем идти.

Эйс хлопнул по карману. Пусто. Выдернутая им клавиша исчезла.

Глик внимательно всмотрелся Эйсу в лицо и красноречиво промолчал. Дексы двинулись вереницей на выход, и Глик последовал, постукивая ботинками, приложив указательный палец ко лбу. Эйс шевельнул губами. Он ощущал чудовищный дискомфорт. Он знал: что-то изменилось навсегда. Но что?

x
Богиня

Несколько мгновений все пребывало в бездыхании. Затем черная конечность механически прохлюпнула полотном сквозь потолок шатра и тут же вонзилась снова, на этот раз ниже — типично насекомый жест. Это был сверчок. Движения его были маховыми, ост-

рыми — наступи он на меня, я бы ни за что не успела откатиться в сторону. Оставалось только лежать и сверлить потолок прозрачными глазами, в надежде, что все обойдется.

Резко, как в масло, вошла вторая сверчковая нога, и шатер сильно накренился. Похоже, вес пришельца переполнил чашу. Пользуясь креном, я подползла к краю диванной ловушки и выглянула наружу.

Большая часть шатра была пуста, если не считать змеящихся проводов и брошенных то тут, то там желтых накидок-дождевиков и рабочих касок. Я взглянула на потолок, что теперь был под углом: фильм о Жанне Д’Арк продолжался, хотя часть изображения пропала. Ровно посередине экрана теперь зияла дыра, сквозь которую проглядывалось полароидное небо.

Нога насекомого поднялась вверх, цепляя материю выпученным коленом. Резкость сдвига вышвырнула меня из диванной ловушки на пол шатра, и я поползла прочь, больно отталкиваясь локтями.

Застрявшая в потолке насекомая конечность задергалась вверх-вниз, пытаясь высвободиться. Я перевернулась на спину, шатер тряхануло сильнее, меня подбросило: невесомость, удар, звяканье жестянок, в лицо ударил свет, я заслонилась локтем, зажмурилась — и тишина.

Я лежала не шевелясь с минуту, прислушиваясь. Звуки кино будто пробивались сквозь плюшевый кляп. Я отодвинулась в сторону, так, чтобы не слепило, и открыла глаза. Похоже, источником света был ввинченный в пол проектор, а я лежала на потолке. Шатер валялся вверх дном, а опрокинувший его гигантский сверчок упрыгал восвояси.

Нащупав в материи шатра дыру, я раздвинула ее руками и высунула одну наружу — правую. «Хорошо, что я могу управлять руками, даже когда они

не со мной ментально», — подумала я. Это напомнило о моем положении, и я тут же ощутила бьющие помпы сердца и сухость во рту. Сейчас бы воды.

Поверхность под шатром была плоской, безо всякой текстуры, как геометрическая прямая. Если из шатра был выход до того, как сверчок его опрокинул, то он и сейчас был прорезан в одной из стен, только сверху. Я привстала и огляделась. Диванная подкова ловушки, с которой на тонком черном шнурке свисал прямоугольный предмет, похожий на колонку, оказалась прямо надо мной. Похоже, что подкова была прибита к полу, потому и не упала, когда шатер перевернулся. Луч проектора бил с верхней части подковы и виделся как белая точка, потому как в шатре не было пыли и нечему было витать сквозь свет. Это наблюдение подчеркнуло, что я находилась в месте, лишенном примет жизни, и что законы физики здесь могли быть весьма непредсказуемы. Холодок цинканул по коже.

Я нервно пробежалась по глазным фильтрам, но ничего особенного не обнаружила. Выход из шатра действительно был: в дальнем от меня конце просвечивался аркой полукруг. Коротко дыша, я пошла туда, быстро шагая и часто оборачиваясь. Всюду валялись каски. Видимо, это они дзвенькали жестянками, когда все тряслось.

Достигнув выхода, я осторожно выглянула наружу. Высоченные столбы с флагами. Я уже видела их сверху, они окружали шатер. Я посмотрела в небо прозрачными глазами. Рельсы спадали горкой под диким углом, машинок на их вершине отсюда видно не было. Я перелистнула фильтры на черные: два загнутых локона рельс-молний, с которых я упала, проглядывались в вышине. Недостижимо. Мне хотелось вернуться в шатер, забиться в угол и ждать спасения. Импульсивно я потянулась к Голосу, но его все еще

не было в горле. Поборов себя, я вышла из шатра и двинулась прямо, сквозь рассеянный свет, оглядываясь на случай исполинского сверчка.

Вокруг замерла фотокарточка луна-парка: аттракционы с приветливо распахнутыми ставнями безлюдно позировали тишине.

Я пошла прямо через геометрическую площадь. Впереди виднелась цепочка низких строений с узкими бойницами. Дыхание мое сухо шипело, сердце стучало. Дойдя до ближайшей постройки, я заглянула в бойницу. Внутри было полумрачно: белые стены с желтой полоской у самого потолка. Вездесущая неподвижность. Я заглянула в следующую бойницу. Уходящие вдаль низкие коридоры. Спертый воздух.

Несколько бойниц спустя я обнаружила комнату. Круглый столик на птичьей ножке, высокий медицинский шкаф с карикатурно огромным висячим замком. Я всмотрелась. На столике лежала папка с бумагами. Рядом возвышался прозрачный стакан. Вода.

Коротко взглотнув, я потянулась рукой в комнату, но бойница была слишком узкой, не достать. Я обошла постройку вокруг — других входов не было.

— Тварь, — выругалась я. Пить хотелось невыносимо.

Я попробовала дотянуться еще раз, до боли в кости. Мельком поозиралась в поисках чего-нибудь длинного, чтобы подцепить. Отчаянно поморгала фильтрами глаз. Захотелось плакать.

— Ну что же делать... Голос, где ж ты, а?

Я сползла по стене и села, обхватив колени. Прошла пустая минута.

И тут раздался звук. Это походило на шорох грубой материи, мешка. Звук был настолько всеобъемлющий и громадный, будто все небо зашуршало. Словно парк аттракционов оказался внутри кармана пальто.

Я подняла глаза вверх. На мгновение мне почудилось, будто сквозь небо проступал потолок циркового шатра, как если бы я все еще лежала в пуфоватой яме и смотрела кино. Наваждение, однако, тут же прошло.

Откуда-то изнутри постройки эхом запестрели шаги. Кто-то приближался к комнате, пошаркивая. Их было несколько.

Дождавшись, пока они войдут, я заглянула в бойницу.

X
Эйс

Эйс указал на дверь. Трудно было определить, сколько времени проходило между помещениями. Расстояние терялось в темноте ускользающей, наркозной памяти.

Дексы зашелестели ладонями по стенам, периодически цыкая.

Посреди помещения стоял круглый столик со стаканом и папкой документов. Глик подошел к медицинскому шкафу и взял в руку тяжелый замок. Ощутил вес.

Эйс перевел взгляд на стену напротив стола. Там вертикально висела прямоугольная картина, изображающая невнятный пейзаж. Отчего-то пульс Эйса застучал сильнее — его охватило возбуждение.

Однако вместо того, чтобы устремиться прямиком к картине, он сперва подошел к стакану и всмотрелся в воду. Казалось, что она замерзла, как прозрачное желе. Ощупав поверхность стакана, он макнул палец и посмотрел на него. Липкая жидкость клейко приставала к подушечке. Эйс понюхал палец

и сунул его в рот. У жидкости был железнодорожный вкус.

Затем он перевел свое внимание на папку с бумагами. Они были перемотаны белой веревочкой. Он потянул за верхнюю, узел расступился, и что-то маленькое упало на пол. Эйс коротко глянул в сторону Глика. В душе его тревожно екнуло, но остановиться было уже невозможно. Сделав вид, что изучает ножки стола, он нагнулся и поднял упавший предмет. Это была шариковая ручка. Немедля ни секунды он сунул ее в карман — туда, где не так давно исчезла клавиша пианино.

— Эйс? — раздался голос Глика.

Эйс разогнулся.

— Да?

— Не видел ключ?

Глик все еще держал в руке висячий замок. Очки его посверкивали.

— Нет.

— Картину осмотрел?

— Нет еще.

Дексы засмеялись. Им это показалось забавным.

Эйс подошел к картине и провел пальцами по раме в поиске прилепленного ключа. Ничего. Он всмотрелся в картину. На ней была изображена белая площадь, уходящая вдаль. На горизонте виднелся шатер с флагами. Отчего-то в груди его стало непросто. Подобранная ручка давила карман.

— Ключ? — спросил Глик.

— Нет. Нету, — ответил Эйс и обернулся.

Мальчики уже покидали помещение.

— Идем. Богиня ждет, — сказал Глик, открывая дверь.

— Ждет с нетерпением, — благоговейно гыкнул Декс 1.

— Трахнуть Богиню, — вторил ему Декс 2, замыкая цепочку.

На мгновение Эйс остался в помещении один. Совершенно не думая, он совершил два действия:

1. Шагнул к столику, схватил стакан и метнул его в картину. Стакан беззвучно прошел сквозь полотно.
2. Выцепил из папки исписанных документов чистый лист и скомкал его в карман, к шариковой ручке.

Впоследствии он не мог объяснить себе этих поступков, но уже тогда в его уме промелькнул вопрос: если мы, джоинты, не меняем окружение, зачем нашей одежде карманы?

X
Богиня

По комнате ходили тени. Едва узрев их, я сползла по стене вниз и затаила дыхание. Призраки. Нужно было посмотреть на них другими глазами, сиреневыми, но я не решалась выглянуть и слушала шаги, сдавленно дыша. Пошорхав по комнате некоторое время, они удалились.

Я осторожно приподнялась на локте и чуть не столкнулась лицом с длинной рукой, выстрелившей из бойницы. Рука держала стакан. Машинально схватив его, я отпрыгнула, моргнула, и рука исчезла.

Я жадно впилась губами во влагу. Вода была странной на вкус, тягучей, но утоляла жажду. Почти мгновенно в висках моих застучало молоточками. Я схватилась за голову и зажмурилась. На лбу проступил пот. Я упала на колени. Боли не было. Я ощущала что-то дру-

гое, похожее на боль, что-то неописуемое, новое и крайне неприятное. Вода обволакивала желудок, будто распуская осьминожьи щупальца изнутри — расходясь от живота в стороны, к ногам и рукам. Я начала цепенеть. Меня трясло.

Вспомнилась Его извечная реплика: «Скажите мне. Что Вас тревожит?» Теперь-то мне будет что ответить. Только вот возможности уже не представится: я, похоже, умирала.

Сунув пальцы в рот, я попыталась выблевать жидкость, но бесполезно. Глаза мои закатывались. И тут моя правая рука сузилась, удлинилась и вошла глубоко в глотку. Это была Ава. Ава вернулась. Она зачерпнула жидкость и вытянула ее наружу. Швырнула на землю.

Я закашлялась и упала на колени. Неприятное чувство стремительно отступало.

— Ава...

— Да. Я здесь. Прости меня, я не знаю, что случилось... потерялась... — пробормотала она и расплакалась.

— Где Герда? — спросила я и сняла испарину с лица левой рукой. Ава не ответила; она дергалась и всхлипывала.

— Ава. Ава! Успокойся. Пожалуйста, — сказала я и тепло сжала ее в липкий кулак.

— Нет, Герды не было со мной. Я была за рулем, а потом раз — и где-то в другом месте, там были железные бочки и коробки, и я побежала. Было так страшно. Я искала тебя.

— Все хорошо. Мы вместе. Успокойся.

Сердце мое ходило ходуном.

— Как нам вернуться? — выдохнула Ава. — Как? Где мы?

— В Магистралях.

Я встала, облокотившись на левую руку, прижав Аву к груди, и посмотрела на извлеченный из меня комок густой жидкости. Мерзкой медузой он животно подрыгивал. Я оглянулась вокруг. Невысокие постройки уходили за горизонт, терялись в белесой дымке и дальше казались нарисованными на внутренней поверхности прозрачного купола парка аттракционов.

Напротив построек, через площадь, виднелись лошадиные стойла. Не в силах оставаться рядом с отвратным комком, я двинулась туда быстрыми шагами.

Ворота были нараспашку, и я вошла в полумрачную сень. Стойла были неровно сколочены из шпал. У каждого из них стояла глубокая миска для овса, свисали с крючков кожаные поводья.

Я двинулась вдоль стойл, уходя все глубже внутрь. Вскоре я обнаружила одно особенное: поводья были подвешены в воздухе, словно прикрепленные к невидимой лошади. Я перелистнула на черные фильтры глаз. Действительно, посреди стойла оказалась призрачная лошадь.

Не думая, я вставила ногу в стремя и вспрыгнула в седло. Нога соскочила, и я повалилась на землю, больно ударившись бедром. Скрипнув зубами, я повторила маневр и закрепилась в седле.

— Давай, — сказала я, обращаясь к лошади. Но та не шевельнулась. Побив о бока пятками, я обнаружила гулкую отдачу. Это был манекен.

— Нет. Давай. — Злоба зажгла мне глаза. Ава испуганно сжалась в кулак.

Повинуясь приказу, лошадь разомлела и ожила.

— Подожди. Сейчас, подожди, — защебетала Ава.

Я глянула в нее пламенем. Я едва ли была собой, просыпалась Богиня.

Ава резко выдернулась из моего контроля и сняла кожаные поводья с крючка. Лошадь тут же стартанула

вперед, туда, где прозрачными глазами я бы видела стену. Доверившись ей без остатка, я вмохрилась лицом в гриву, вдыхая ее мускатный, призрачный запах, и закрыла глаза.

Скорость набирала обороты и через несколько путаных мгновений мы пробились сквозь пелену. Я повалилась на каменный пол дворца.

x
Герда

— Остекленевшие глаза неба встрепенулись вспышкой, — басил загробный голос. — Потеря якоря утянула мир в сияющую бездну. Жанны больше нет с нами. Ее последние слова...

Герда гневно тыкнула в кнопку, и голос оборвался. Капли постукивали о лобовое стекло, шины гладко шелестели сквозь серые склады, пассажирское сидение пустовало. Мысли ее путались. Странное чувство не покидало ее, будто за шиворот заполз корявый сон и шевелился. Она нервно почесала щеку лиловой перчаткой, сняв покусанную руку с руля. Жанна Д'Арк. Имя, простудно запавшее между клавишами ее жизни и влекущее ее мелодию вдаль, сквозь этот продрогший мирок, без конца.

— Сгорела. Сгорела насовсем. Теперь-то точно, — сказала Герда вслух. Она поправила зеркало заднего вида, и в нем мельком отразилась пара ее опухших глаз. До следующего мотеля оставались считанные километры. Еще немного.

— Теперь-то ты меня не достанешь. Сука.

Герда ударила в бардачок, и тот распахнулся черным ртом. Пусто. Окажись там фигурка, она, должно

быть, завопила бы. Фигурка девушки в средневековой броне с горящими глазами. Петлящее наваждение, не дающее ей покоя.

Память Герды терялась в серой мути — сколько себя помнила, она всегда ехала из ниоткуда в никуда, подбирая поленья на остановках, сжигая Жанну снова и снова. Маленькую деревянную Жанну. Что за кошмар. Она кликнула челюстью бардачка, замыкая черную пасть.

Иногда, просыпаясь на мокрой подушке в очередном безликом номере мотеля со стертой табличкой на двери, ей удавалось ухватить за хвост ускользающее сновидение. Раз за разом ей снилось, что она была частью другой девочки — ее левой рукой. И девочка эта была ей близка.

В полутьме приборной доски моргнул красный символ — бензин.

— Топливо, — сказала Герда устало. Серость мира дрогнула в ответ, и впереди нарисовалась заправка. Герда подъехала к бензоколонке, шелестя гравием. Остановилась.

Через несколько мгновений сбоку подошла тень и постучала ногтем в стекло. Герда уткнулась лицом в тыльную сторону покусанной руки, облокотившись на руль. Тень постучала еще раз.

— Нет, — сказала Герда усталым шепотом.

Тень отошла от машины. Затем железно ударило сбоку, скрежещущий звук вошел в бак, и стрелка на приборной доске, подрагивая, пошла вправо. Пройдя рисочку посередине, цвет символа сменился на зеленый. Герда этого не видела, она избегала смотреть. Боялась, что ее блуждающий взгляд ненароком падет на тень.

X
Богиня

Некоторое время я лежала на полу, собираясь с силами. Ныли икры. Конь, похоже, сгорел от скорости, и призрачный пепел его висел в воздухе, забивался в ноздри.

Из вен моих все еще торчали засохшие линии Магистралей. Я села и принялась выковыривать их из венозных дыр. Магистрали отходили легко, осыпаясь бордовыми хлопьями на мою белую потрепанную ночнушку. Я отметила, что платье Богини, которое я здесь оставила перед уходом в Магистрали, исчезло. Кто-то прибрался. При дворце был только один слуга.

— Хабрик! — позвала я, и голос мой утонул в высоких сводах.

— Голос! — позвала я чуть громче. Никто не ответил. На меня навалилась чудовищная усталость. Пора было домой. Восстанавливаться. Шумно выдохнув, я встала с пола и, прихрамывая, поплелась в сторону лестницы. Отсюда к Слезе можно было добраться через башню, но путь наверх был неблизкий. Иногда после ритуала я была настолько измождена, что не в состоянии была сама вынуть Магистрали. Тогда меня относил на башню Хабрик. На носилках. Где же он, черт возьми.

Зайдя за угол, я крикнула:

— Хабрик!

Где-то там находилась его келья — невзрачная дверца в левом крыле дворца.

Я двинулась в сторону лестницы. Ава встрепенулась и схватила меня за бок.

— Ты не дойдешь. Высоко. Слишком высоко.

— Дойду.

— Я знаю твой пульс. В запястье стучит слишком медленно. Ты не сможешь. Даже один пролет не сможешь пройти.

Ава была напугана, но голос ее был тверд. Она говорила правду.

Я развернулась и пошла к келье слуги. Он должен быть там. Должен.

Потолок терялся в недостижимой высоте, гладкая стена бесшовно заворачивала за угол: дворец был выдуман из единого камня. Дверца в келью была закрыта, но не заперта. Я толкнула ее ладонью.

Обитель Хабрика представляла собой комнатку без окон в форме буквы «Г». Все пространство кельи было завешено коврами разных размеров. От пола до потолка все пестрило ковровым разнообразием: квадратные половики, персидские ковры с кистями, арабские мотивы, вязь и психоделия. Ковры были свалены в кипы по углам. Похоже, после того как закончилось место на стенах, их стало некуда вешать. Самого обитателя не было.

Сердце резко ухнуло, и меня покосило. Я облокотилась на стенку левой бездушной рукой, пальцы вошли в ковровый ворс и внезапно дальше — в мягкую опору тела. Я невольно отпрянула.

Хабрик по-совиному повернул голову на сто восемьдесят градусов. То, что я приняла за ковер, оказалось его спиной. На Хабрике был пестрый халат, и он стоял, встроившись в выемку в стене, что в точности повторяла форму его тела. Один ус его торчал ровно, другой загнулся дешевой антенной. Он испуганно моргал, как ребенок, пойманный за шалостью. Хабрик сделал шаг назад, выбираясь из стены, и развернулся телом.

— Богиня? Что с тобой?

От нелепости происходящего я чуть не рассмеялась, но смешок скрючился в груди.

Хабрик положил руку мне на плечо.

— Почему ты здесь? Что такое? Как?

— Магистрали поломались, — сказала я и расхохоталась. Из глаз ломанулись слезы; много слез.

Ладонь его была шершавая, как кошачий язык.

— Тебе надо домой, — озабоченно сказал он.

Я облокотилась на противоположную стену и утерла слезы тыльной стороной Авы. Кивнула.

Хабрик ломанулся мимо меня в верхнюю часть комнаты, которую с моего ракурса не было видно. Он вернулся в поле зрения, волоча за собой носилки: две деревянные трости с набалдашниками и королевской материей.

У меня заболело в груди.

— Голос? — позвала я.

Хабрик настороженно вздернул брови. Ус его все так же был погнут. Он положил носилки на пол и показал жестом — ложись. Я легла. Потолок тоже был весь в коврах.

Затем произошло нечто странное. Он вдруг произнес моим голосом «Хабрик!» в точности, как я звала его только что из прихожей дворца, будто проиграв ртом аудиозапись. Раздались торопливые шаги, и в комнату вошел еще один Хабрик. У этого оба уса были ровные и какие-то синеватые.

Синхронным усилием они нагнулись и подобрали носилки. Я наконец закрыла глаза. Эти уставшие сухие цветы век.

x
Эйс

Больше чем пару слов за раз записывать не получалось. После сканирования помещения Эйсу выпадало лишь несколько мгновений одиночества. Дексы уходили первыми, затем Глик, Эйс замыкал. Поэтому названия для посещенных Джоинтом помещений должны были быть максимально емкими. «Кладовка с вешалками — Умывальники — Бальный зал — *** — Комната с картинами — Автомобильный завод».

Его метод был прост: прежде чем выйти, он замедлял шаг, выдергивал из кармана скомканный лист и, приложив к стене, быстро скрябал подходящее название для только что исследованного помещения. Его будоражила недозволенность и секретность действа. Иногда ему казалось, что Глик что-то подозревает. Временами тот задерживался дольше, чем нужно, будто поджидал, чтобы раскусить, но тогда Эйс пропускал помещение и записывал следующее.

С тех пор как Эйс начал записывать, он развил новую для себя способность заглядывать в прошлое. Да, оно было размыто — чаще всего сохранялось не более одного слова, абстрактного образа, подвешенного в темноте, крюкастого, ускользающего. Но оно было. Ему хотелось продолжать, записывать больше, детальнее. Но впаянная в душу тревога не давала покоя. Да, в Лабиринтах не было законов как таковых, не было и наказаний. Но ритуальность не прощала — ведь если не вести себя как подобает, что произойдет, когда они в конце концов встретят Богиню? Она же узнает об этом. Что, если не трахнуть ее тогда?

Эйс поймал на себе взгляд одного из дексов. Не в первый раз он отмечал синхронность подобного

взгляда с размышлениями о соитии. Неужто они могли читать его мысли? Если да, то только ли связанные со святым трахом?

Один глаз декса смотрел в сторону и прыгал в глазнице, как мячик по субтитрам караоке. На лице его застыла улыбочка, в углу рта засохла белесая слюна.

Помещение, в котором они находились, походило на склад. Свет был притушен, под потолком змеились трубы различной толщины.

Эйс проигнорировал взгляд декса и пошел вдоль толстой трубы, ведя ладонью по ее поверхности. Труба была холодной, ладонь шуршала и пылилась.

Уходя, он не записал помещение — не смог сходу подобрать ему емкое название.

Джоинт продолжил свой маршрут по междукомнатью. Эйс замыкал колонну. Глик обернулся на ходу и блеснул очками.

— Эйс, — сказал он.

— Да, — откликнулся Эйс.

— Как думаешь — куда мы идем?

Эйс посмотрел на него и дунул в челку.

— В смысле?

— Да вот я думаю. Она же где-то там. Только вот где? Откуда мы знаем, что идем правильным путем?

Глик поравнялся с Эйсом; теперь они шли в ногу.

— Ну… разве есть другой путь? Не совсем понимаю, о чем это ты.

— Да я и сам не знаю, — Глик поправил очки. — Богиня. Как ты ее представляешь?

Дексы синхронно оглянулись вполоборота, но не сбавили шагу.

— Она… — протянул Эйс и задумался. Действительно, как она выглядит? Эйс попытался вообразить, но ничего, кроме Величия, Ее Сияющего Образа и Животрепещущей Похоти на ум не приходило.

— Не знаю, — честно ответил Эйс.

— Вот, — сказал Глик, — и я не знаю.

— Наверное, мы поймем, как увидим. Тут же больше никого нет.

— Да, но что, если это будет не она? Что, если мы ошибемся?

— Дексы не ошибутся. Это их жизнь, — сказал Эйс.

— Не верю я им, — признался Глик. — Просто, все это время, все это сканирование мест и вещей... Нельзя ошибиться. Нужно трахнуть именно Богиню. Она должна быть счастлива. Она должна знать, что это все мы — для ее счастья... — голос его завлажнел, засеребрился слезами. — Потому что если мы ошибемся, мы же перестанем быть. Понятно, что после Траха — все. Смерть. Финиш. И кто тогда? Кто?

Эйс хотел сказать про других джоинтов, что, вероятно, сканировали иные фрагменты Лабиринтов, но промолчал. Все же не факт, что их путешествие еще продолжается. Не факт, что они вообще существуют.

Глик утер слезу.

— Хотелось бы мне знать, сколько времени прошло. Сколько осталось. Но я не помню.

Эйс наструнился, но виду не подал. Смотрел себе под ноги. Шагал. Прошла безмолвная минута.

— Эйс. Ты помнишь что-нибудь? — спросил Глик. Голос его стеклился, как прозрачная трубка в прямом горле.

Эйс облизнул губу и сказал:

— Нет. Без понятия.

Некоторое время он шел молча, не решаясь поднять взгляд, а когда все же решился, Глик уже ступал впереди как ни в чем не бывало.

X
Богиня

Кустистая, меняющаяся бесцветными прямоугольниками темнота. Я парила в ней и вдруг — тяга в руке. Белесое ощущение, канатное. Голос Герды:

— Проснись.

Я приоткрыла глаза. Яркий круг под потолком, парящий пылинками воздух, холодная плоскость подо мной. Алтарница.

Голос мой — сухая бумага:

— Почему я здесь?

— Магистрали поломались. Нужно взглянуть, — ответил Хабрик откуда-то справа.

Я приподнялась на локте и оглянулась — в алтарнице было пусто.

— Он еще не пришел. Ждем Его, — сказала Герда.

Я поднесла ее к глазам. Кожа белая, бескровная, треснутый ноготь.

— Где ты была? Где Ава?

— Не знаю. Я только вернулась.

— Откуда?

— Спала, — сказала она с подземной оттупью.

Я прокашлялась. Голоса не было. Авы тоже.

— Хабрик?

— Да.

— Я хочу наверх. В Слезу. Очень устала.

— Не могу, Богиня. Нужно, чтобы Он посмотрел.

Я села, свесив ноги с алтаря.

— Иди сюда.

Хабрик подошел, шаркая своими носатыми туфлями. Оба уса его были прямы.

— Где второй?

— Он не нужен сейчас.

— Вас всегда было двое?

— И не только, — ответил он многозначно.

— Долго я спала?

— Приляг обратно. Так будет лучше.

Я замахнулась ответить, но в правой руке затеплилась жизнь. Я поднесла ее к лицу. Ава млела щеками ладони.

— Ава?

— Где это мы? — голос ее был кукольно заспан.

— Алтарь, — ответила Герда.

Громко дункнуло массивной входной дверью. Он.

— Приляг, — повторил Хабрик тверже и сделал жест рукой.

Я мельком глянула на приближающуюся фигуру в халате, и мне вдруг стало очень страшно.

— Давай, — сказала Герда.

Я легла на спину, затылком об прохладный камень. Окошко — дыра в потолке.

— Так, что тут у нас, — прозвучал знакомый хирургический тон, и в поле зрения вошло лицо в белой маске.

— Я… Магистрали… — просипела я. Там внизу у меня все сжалось, будто отвернулось от ужаса.

— Хабрик? — спросил Он.

— Богиня отправилась домой через Магистрали, как обычно, затем вернулась во дворец… здесь мы… встретились. Судя по голосу, он покраснел.

— Подробнее.

— Она… зашла ко мне в келью.

— В келью? Богиня, прошу вас. Расскажите.

Единственная капля пота стекала по моему лицу, щекотала висок.

— Я потерялась. Машинки остановились и… потерялась.

Я вздернула коленом; Его ледяная ладонь спокойно вернула его на место.

— Крайне интересно… Позволите?

Не дожидаясь ответа, Он прошелся ногтем по внутренней стороне моей руки, до сгиба локтя. Потянуло червивое чувство — Он выуживал из моей вены Магистраль.

— Голос, где же ты… — мысленно взмолилась я, и что-то шебуршнулось в горле.

— Крайне. Крайне интересно. Приступим? Богиня, вы готовы? — Его голова затмила окошко, онимбляя его лик. Фильтр моих глаз перекинулся на защитный, стальной.

В горле пробилось ростком: зеленый листочек цверкнул небо, обнял плечи. Голос вернулся.

— Я неподобающе одета, — сказал Голос моими устами.

Я улыбнулась лбом. Спасибо.

Он призамер и посмотрел куда-то в сторону. На мгновение луч света пробился сквозь его нимб и слепанул один из моих стальных глаз.

— Хабрик? — позвал Он.

— Да, — откликнулся коврастый усач.

— Богине нужно платье.

— Оно… не готово. Слишком рано. Призраки еще танцуют.

Он перевел взгляд на меня, задумавшись, принимая решение.

Пользуясь случаем, я мысленно обратилась к Голосу:

— Где ты был? Что случилось?

— Я потерял тебя из виду.

— Что теперь будет?

— Не знаю точно, но без платья Он не сможет удержать Богиню. Так что, ритуала не будет.

— Хорошо. Я не смогла бы…

— Да. Скорее всего, тебя отнесут в Башню и в Нарисованный Космос оттуда. В Слезу.

— Что ж, — сказал Он, шевельнув маской. — Приступим без платья.

Я отдалилась внутри, давая пространство ответа Голосу, но тот промолчал.

Он ухватил пальцем за воротник моей ночнушки, резко дернул вверх и потянул с молочным хрустом.

Нагота. Холод.

— Фильтры. Прошу вас.

Я не поняла о чем Он. Хотелось прикрыть грудь рукой, заслониться, но я знала, что противостоять бесполезно. Не хотелось вновь ощутить Его зябкую медицинскую хватку. По телу забегали мурашки.

— Глаза.

Мои глаза все еще были стальными. Обреченно, будто отпуская младенца в реку, я перещелкнула фильтрами на прозрачность.

Кустились в тишине острые пылинки. Нагота. Холод. Дыхание.

— Что вас тревожит?

Руки тоже ушли. Я осталась одна.

— Что вас тревожит? — повторил Он.

— Магистрали. Что-то поломалось, и я осталась там. Потерялась.

В алтаре подо мной стукнуло древнее каменное сердце.

— Прошу вас. Продолжайте.

— М-м… мои руки. Ава и Герда. Они везли меня на машинках, по рельсам. И рельсы начали спорить. Я заснула.

Внизу живота коснулось теплым. Во лбу словно выдвинулась дощечка.

— Еще что-нибудь?

Ритуал пришел в движение: замельтешили звуки, заискрилось цверкато во лбу. Но без платья что-то было не так. Ощущалось иначе. Словно у шарниров происходящего вызубрились железные заусеницы — рваные углы, отдающие проникающей болью. И этой болью была я. Не Богиня. Я.

Вместо того чтобы раствориться в забытьи ритуала и передать свое тело всецело во власть Богине, я застряла между ее шестеренок и осталась. Плевра ее платья, сдерживающая перегородка между нами отсутствовала, и наши дыхания смешались.

Я оказалась в Богине: меж ее бровей, на задворках ума, видя сквозь ее глаза.

—

Пребывание в Богине отличалось от привычного седла восприятия едва уловимой мягковогнутостью, подвешенностью. На плечи моего мозга будто облокачивались мягкие локотки. Мысли Богини бежали параллельно с моими, и я могла воспринимать оба потока, поводя ментальным оком. Мысли проходили сквозь ее память, что висела подрагивающим мешком в затылочной области, двигаясь в обе стороны: из глаз наружу и из внешнего мира в глаза. Богиня сидела на алтаре. Он стоял рядом, галантно протягивая Богине руку.

Я с удивлением обнаружила, из памяти, что у Него было имя — Шмит. Тут же стрекотной искрой мелькнуло осознание, что был еще один Он, Хиру. Хирургические маски скрывали черты их лиц, спаивая образ воедино, и я не замечала подмены. Сегодня Им был Шмит. Богиня приняла его руку и встала.

Шмит подошел к иконе, по правую сторону которой стоял Хабрик. Шмит кивнул, и Хабрик открыл икону, как дверь, внутрь.

За иконой находился просторный зал, который, я знала из памяти Богини, назывался «тронный». Посередине на ступенчатом возвышении стоял трон причудливого дизайна: узкая спинка его бесконечно уходила в потолок и терялась в темноте. Само сидение было плоским, маленьким, неудобным, и напоминало точильный камень. Вместо ножек трона — зубатое стекло или пыльный лед в форме перевернутой короны. Между этими зубьями раскинулись поблескивающие нити: то ли трещины, то ли паутины — я не успела разглядеть. Богиня повернула голову.

Напротив трона в полу располагался люк с железными дверцами. К их кольцам были прикованы цепи, намотанные на катушку с лебедкой. Богиня взошла по ступенькам к трону, шлепая босыми стопами. Я ощущала дворцовый сквозняк по ее нагой коже. Ощущения доходили несколько сбито, но были реальны, хотя и, очевидно, не мои. Хабрик занял позицию по правую руку и почтенно замер. Трон был зябким и твердым.

Шмит стянул маску на подбородок, подошел к лебедке и принялся наматывать цепь на катушку. Железные дверцы в полу разъехались. В люке виднелось что-то далекое, мелкое, как с высоты птичьего полета.

— Давай, — сказала Богиня. Голос ее отозвался гулко внутри головы. Несгибаемый, непреклонный.

Хабрик кивнул и извлек откуда-то из-за трона золотую подзорную трубу, инкрустированную мерцающими драгоценными камешками. По стилю она походила на мой калейдоскоп, как будто была изготовлена тем же мастером. Хабрик протянул трубу Богине. Она раздвинула трубу и, приложив ее к глазу, направила на распахнутый люк.

Я увидела лабиринт. Его многочисленные завороты наполняли миниатюрные элементы разномастных ин-

терьеров: офисные столы, баскетбольные корты, душевые кабины, отельные коридоры. Это походило на внутренний город, кукольный космический корабль, оборудованный для жилья, но лишенный обитателей. Все в нем казалось брошенным минуту назад, будто маленькие жители покинули лабиринт по сигналу ядерной атаки.

Богиня револьверно щелкнула боковым рычажком, и линза перекинулась, умножая зум. Я увидела мальчиков.

Их было четверо или пятеро, в темных униформах. Один из них был лыс. Они шли по широкому коридору.

Изображение размылось — Богиня перевела трубу в другой отсек лабиринта. Картинка стабилизировалась. И там была группа мальчиков. Одеты они были так же, но двое из них были прикованы к поводкам и перебирали всеми конечностями по полу, принюхиваясь. Их вел широкоплечий пацан и хохотал, закинув голову.

— С каким Джоинтом проблема? — спросила Богиня.

— Джоинт семь, — ответил Шмит.

Картинка размылась снова, сканируя лабиринт.

X
Эйс

Довольно долго Эйс не записывал помещений. Необъяснимое поведение Глика, его тревожный монолог о Богине и вопрос о памяти — все это настораживало. Тем не менее Глик не подавал виду, что случилось что-то особенное, а время ступало и ступало

сомнамбулой мимо, теряясь в безликой вечности. Картина мира в душе Эйса треснула, и сквозь трещину задувало сомнениями. Он более не мог жить как раньше. Чтобы унять эту трепещущую форточку в легких, он снова принялся черкать слова в яблочно помятый листок.

Список помещений рос и подбирался к краю страницы. Вначале Эйс писал крупно, размашисто, но ближе к середине принялся мельчить, пытаясь сэкономить место на своем единственном листе. Его почерк с каждой линией становился все неразборчивей, мушиней.

В тот день они сканировали помещение, походящее на внутренности огромного пианино: тугие струны, пахнущая лаковым древом крышка.

Дексы чесали струны зубами, прикусывая их ртом и елозя так, что те вибрировали и звучали как мокрые пальцы по гитаре. Глик, припав на колено и наклонив голову набок, вслушивался в эти звуки, фиксировал тональности.

Эйс сосредоточился на деревянных молоточках, произрастающих из клавиш. Он пристукивал их кулаком, трогал подушечкой, щекой. В отличие от струн, все молоточки звучали одинаково. Последнюю клавишу заело. Эйс наклонился, просунул ладонь и нащупал заостренный металлический фрагмент, ввинченный в клавишу с той стороны, что не позволял той звучать. Он покачал железяку, как гнилой зуб, ощутил ее неустойчивость и двинулся дальше.

Наконец все струны были тщательно прожеваны, и дексы покинули помещение. Уходя, Глик массировал затекшую шею. С их последнего разговора он не произнес ни слова.

Эйс выудил из кармана листок, распрямил и приложил к стене. Сощурившись, он принялся шкрябать

«Пианино», но глаз его скользнул несколько строчек вверх, и то же самое слово укусило внимание. «Пианино». Слово повторялось. Секунды утекали, нужно было идти. Эйс замешкался на мгновение, сделал запись и посмотрел, что следовало за «Пианино» в прошлый раз. Он ощутил странное давление, будто кто-то дышал ему в затылок. Слово было «Фонтан».

Эйс скомкал листок в карман и вышел в междукомнатье, повторяя в уме: «Фонтан, фонтан, фонтан...» Чем дальше он удалялся от пианинного помещения, тем сложнее было удерживать внимание на этом слове, будто некто вставил между его мыслями домкрат и поворачивал-поворачивал, раздвигая островки в стороны.

Междукомнатье казалось бесконечным, и Эйс то и дело ронял «Фонтан» из памяти, но каждый раз, когда шагающий впереди Глик вновь касался своей шеи, он тут же вспоминал и ухватывался за это ментальное блюдце: «Фонтан, фонтан, фонтан».

Эйс отметил, что забытью способствовала тишина. В Лабиринте было невыносимо тихо. Тишина обволакивала уши массивными наушниками и сидела мягким животным на груди, давила кошачьими лапами. Шаги джоинтов и всхлипы дексов терялись в этом молоке тишины, и что-то в нем очень хотело забыться, но «Фонтан, фонтан» продолжал упорно петлить, и под конец пути он все-таки забыл, ради чего были все эти старания. Наконец привычный эскалатор подъемно захрустел в легких — они приближались к двери.

Эйс остановился напротив золотистого круга дверной ручки. Остальные джоинты обернулись, ожидающе глядя на Эйса. Таков был негласный протокол Джоинта: Пунктир видел двери первым, но шел в колонне замыкающим. Эйс скосил глаза и распознал дверной

контур. Показал на него пальцем. Глик подошел и повернул ручку.

Помещение было квадратным, без окон, стены уложены белой кафельной плиткой. Все пространство внутри занимал сухой фонтан.

x
Богиня

Картинка стабилизировалась. Группа мальчиков покидала комнату. Что-то деревянно-акустическое, со струнами. Фортепиано с разинутой крышкой.

Один мальчик отстал от остальных. Дождавшись, пока все вышли в коридор, он достал что-то из кармана, положил на ладонь и всмотрелся. Затем он подошел к стене.

Богиня перекликнула зумом, и весь круг обзора заслонила темно-синяя униформа. Было видно через плечо, как мальчик писал шариковой ручкой на листе.

— Что это? — спросила Богиня низким тоном.

Мальчик дописал, сунул лист в карман и вышел.

Богиня отняла подзорную трубу от глаза.

— Что это? — повторила она, глядя на Шмита сверху вниз.

— Похоже на память, — ответил он задумчиво.

Богиня закинула руки за голову.

— Говори. Что это значит?

— Если очень просто, то при некоторых условиях джоинт может развить свою собственную память. Из-за фрактальности.

Богиня развернулась на троне и закинула ноги на подлокотник. Спинка вдавилась в ее нагую лопатку, я ощутила пули болевых сигналов, пролетающие

с жужжанием сквозь поток ее мыслей, но Богиня проигнорировала их.

— Хабрик! — позвала она и поманила его ногой. Затем, обращаясь к Шмиту: — Фрактальность. Говори.

Шмит прошелся пальцами по своей короткой седой бороде. Впервые я обратила внимание на то, во что он был одет: белое заношенное кимоно. На ногах — шлепанцы.

— Эта система построена фрактально. То есть каждый ее отдельный фрагмент состоит из своих же копий, только поменьше и с небольшой вариацией.

Хабрик подошел сбоку трона и осторожно взял Богиню за ногу, принялся массировать стопу.

— Так вот, джоинты сканируют местность, но памяти у них своей нет. Им память ни к чему. Все, что от них требуется, — перемещаться по Лабиринтам и переживать экспириенс напрямую. Лабиринты — это нечто вроде макета реальности, своего рода виртуальная модель, по которой они бродят кругами. Хотя джоинты и осознанные создания в том смысле, что они способны воспринимать происходящее, индивидуальности у них быть не может. Из-за отсутствия врожденной памяти. Однако созданы они по нашему образу-подобию; так что то, что у них развивается своя оригинальная память, меня не очень удивляет. Тот факт, что у нас есть память, говорит о том, что она есть и у нашего создателя. Или создателей. Мы все в этой цепи живые, просто на разных уровнях осознанности.

Богиня завела ногу за затылок Хабрику и резко привлекла его к себе. Он уперся лицом во внутреннюю сторону ее ляжки, чиркнув острым усом по вагине.

— Давай, Хабрик. Сделай меня.

— Богиня, вам не следует… — начал Шмит, но она оборвала его.

— Говори или я убью тебя. Что дальше. Что с этим делать?

Хабрик приступил к делу. Его язык щекотал мой теплый градусник, там, на задворках сознания Богини, где я встряла янтарным стеклышком. Глаза Богини были устремлены в потолок, полузакрытые, и я не видела лица Шмита, но слышала его голос. Он звучал устало.

— Что с этим делать? Исходя из фрактальности, я думаю, что если их предоставить самим себе, то в итоге джоинты создадут свои продолжения. Продолжат плетение фрактала. Но в таком случае последствия будут непредсказуемы. Так что, кроме перезагрузки, ничего не остается.

Богиня вжала лицо Хабрика в себя, розовея щеками. Теплые сосульки закапали в пиликающей приборной — приближалась лохматая звезда счастья, но, не достигнув сверхновой, Богиня резко отстранила Хабрика и толкнула его прочь пяткой в лоб. Хабрик попятился, но удержался на ногах. Затем он занял свою позицию у трона и покорно потупился плечами.

Богиня подтянула колени к подбородку. Внутренние стороны ее ляжек были влажные и соприкасались. Она улыбалась бровями, хотя глаза ее были холодны.

— Перезагрузка... — сказала Богиня.

— Единственный выход, — повторил Шмит и внезапно пошел в сторону Богини. — Как вы себя чувствуете? — спросил он, вздымаясь по ступенькам.

Богиня промолчала, глядя на него с загробно-игривым любопытством.

Шмит подошел вплотную.

— Что ты делаешь? — спросила Богиня.

— Вам пора спать. Вы чувствуете усталость, — медово проговорил Шмит.

Голая Богиня смотрела на него снизу вверх.

— Да что ты. Что… — сказала она замедленно, будто забывая слова.

— Спи, дорогая, — сказал Шмит.

— Я убью тебя… — прошептала Богиня и закрыла глаза.

Зримый мир обратился в черный экран, но я все еще слышала звуки: шарканье удаляющихся подошв Шмита, тяжелый вздох, трещащий заводной звук, звон цепей.

Пологость внутри разума Богини притушилась.

Лампочка сознания плавно убавляла в яркости, пока не совпала с визуальной чернотой. Меня не стало.

X
Блокнот Шмита

Фильтры

Уникальной особенностью Богини является ее способность по желанию смещать угол восприятия, тем самым воспринимая различные вариации проявления реальности.

Примечательно, что эту способность она полностью утрачивает при переходе в Повелительный Мод.

В соответствии с избранным углом восприятия у Богини меняется цвет радужки. Сама она называет их «фильтрами», что, на мой взгляд, более чем удовлетворительное наименование.

Всего фильтров четыре, и у каждого свои свойства:

Стальной — защитный, своего рода ментальные врата с висячим замком. Обостряет внимание и острые углы. Может активироваться инстинктивно в минуту опасности.

Сиреневый — призрачный. Показывает эфемерное измерение, населенное размытыми фигурами.

Черный — окно в пустое пространство с редкими всполохами белых предметов. Похоже на громадную кладовку без источников света.

Оранжевый — проницает в интенсивность энергий. Возбужденные, взбаламученные предметы светятся ярче; все объято языками пламени различной яркости.

Неальтернативное восприятие Богиня называет просто «прозрачный фильтр» или «прозрачные глаза». Цвет радужки ее прозрачных глаз — синий.

Слеза

Полая сфера, расположенная в Живом Космосе, в которой Богиня пребывает между Ритуалами.

Находясь в Слезе, Богиня посещает выдуманные миры при помощи девайса под названием «Калейдоскоп». Процесс посещения этих миров она называет «игра в комнаты».

Магистрали

Межмировой туннель. Это как секретная тропинка через лес. Не обходной путь, а напрямик. Магистрали проходят сквозь неподвижный парк аттракционов, вроде статичного кадра.

x
Герда

Входная дверь мотеля закрылась за спиной Герды. В фойе шелестел пустой пленкой кассетный магнитофон. Барабанил дождь за окном.

Она подошла к стойке. Букет пластмассовых цветов в вазочке, визитница, переполненная глянцевыми буклетами. На них — случайные слова с перепутанными буквами. Бессмыслица. Круглый, блестящий звонок. Герда ударила по нему ладонью и облокотилась на стойку.

С потолка свисала на проводе желтая лампочка. Герда стянула влажную перчатку с покусанной руки. Дверь за стойкой медленно распахнулась. Невидимо прошуршали шаги.

— Комнату на ночь, — сказала Герда, протянула руку ладонью вниз и накрыла стойку лодочкой. В руке потяжелело. Она перевернула ладонь. Ключ.

Призрачный консьерж прошуршал обратно и прикрыл за собой дверь.

На брелке была бирка: 302.

В номере было абсолютно темно. Герда постояла с минуту, скинула пальто и вслепую нащупала кровать. Натянула одеяло до подбородка и уставилась в потолок, где зияли два черных колодца, отражение ее глаз в потолочной тьме. Несмотря на усталость, она не могла забыться. Ей все не давали покоя эти странные сны, сны с продолжением. Будто она была в другом мире, где она… рука. Левая рука. И это что-то значило, от нее что-то такое зависело. Сложно разобрать. Сны были бредовые, температурные. Какие-то тоннели, парки аттракционов, дворцы… она начала теряться, сплавляться по сонливой реке, как

вдруг тишину ночи прорезал резкий визг сигнализации. Машина.

Путаясь в одеяле, она метнулась на выход, машинально цепляя на ходу пальто. На мгновение темноту комнаты полоснуло лучом света открытой двери. Она вывалилась в коридор и побежала вниз по лестнице.

Сигнализация продолжала орать. Стучало в висках. Ступеньки.

Через фойе — наискосок и наружу.

Едва она вырвалась на улицу, сигнализация оборвалась, лишь фары ее машины истерично мигали со стоянки. Она побежала туда.

Фигура в мешковатой одежде стремительно удалялась.

Герда кинулась за ней, мимо машины.

Фигура перемещалась мелкими шажками, но быстро — как на перемотке. Ее было не догнать. Выбившись из сил, Герда остановилась и вперилась взглядом в удаляющийся силуэт сквозь моросящий дождь.

Отдышавшись, она вернулась к машине.

Осколки стекла поблескивали на пассажирском сидении, окно было разбито. Осторожно, стараясь не порезаться, она проникла в окно рукой и открыла дверцу изнутри.

Щелкнула подбородочной ручкой бардачка, нащупала знакомые очертания.

Конечно, она заранее знала, что там будет.

— Сука, — прошептала она и вытащила фигурку на свет.

Средневековый доспех, яростный взгляд, рыжая копна.

Жанна Д’Арк.

x
Садовник

Черные волны ребрятся по поверхности колодца. Иногда я стою, облокотившись локтями на каменный край, и просто наблюдаю за ними. Вот. В них все и заключается. Из них все возникает, в них же и уходит. И Зой. И дворец. И я.

Колодец большой, диаметром с площадь. Я черпаю лейкой у самого края. Волны плещутся о стенки, волны — волнишки, лихие, сами в себе перекатываются, скользят, живут.

Лейка тяжелая, в ней перебултыхивается с поддоном, резвится, ни шанса не теряет, чтобы себя проявить. Порится корневой холм, проступают ноздрятые дыры в земле. Дворец жаждет влаги.

Плавно наклоняю лейку, из нее вырываются тугие магнитные струи — и снова играют волны, водопадя, барабаня, впитываясь и разжижая. Хлюпает почва, хрустят пальцами корни, выдыхается плотный Зой и вздымается вверх танцующими молекулами.

Опустошив лейку, я ставлю ее на каменный край колодца, присаживаюсь рядом, сложив ладони на животе, и дремлю, слушаю хруст корней.

x
Герда

Полоска света закралась в глаза, обагрив завечье. Это был серый, прибитый свет. Герда пошевелилась. Болела спина и шея. Пассажирское сидение рядом было засыпано осколками, но стекло в окне было новым. Кто-то заменил его, пока она спала.

Волосью ее коснулся ужас, что она провела ночь на стоянке мотеля с разбитым окном, и тень наверняка бродила здесь, быть может, даже заглянула внутрь, царапнула длинным ногтем по щеке.

Герду передернуло.

Она покосилась на бардачок, затем посмотрела на себя в зеркало заднего вида. Воспаленные глаза. Узкое, скуластое лицо.

— Ладно, — сказала она.

Нащупав ключ, она повернула его, и машина завелась. Герда шумно вдохнула носом и сняла с ручника.

Со стоянки направо — по шоссе сквозь утренний туман. Бурчание мотора, боль в шее и спотыкающиеся мысли.

Герда пыталась отстранить неизбежное как можно дальше, но знала, что, не сделай она этого, ничего не изменится. Шоссе будет продолжаться бесконечно.

Наконец она съехала на обочину и остановилась. Облизала потрескавшиеся губы. Закрыла глаза. Дотянулась до бардачка и щелкнула его вниз.

Внутри не было фигуры Жанны Д’Арк. Не было ее лиловых перчаток. Там вообще ничего не было. Бездонная чернота.

Герда стряхнула осколки стекла с пассажирского сидения рукавом, присела на колено и заглянула в бардачок. Оттуда веяло холодом. Она засунула руку по локоть, дальше, по плечо, поводила внутри — пустота. Это, несомненно, было окно. Форточка. Но куда?

Герда проникла в бардачок головой и вдохнула воздух. Пахло зимой. С минуту она упорно вглядывалась во тьму, но не смогла ничего разглядеть.

Решительно она втиснула в бардачок обе руки и попыталась растянуть проход вокруг головы. Бардачок поддался — края расступились шире.

Со сбитой обреченностью и усталой злобой она, отталкиваясь локтями, рванула в образовавшийся проход. Ногу обожгло порезом, когда она протискивалась — вероятно, стекло вонзилось в икру. Последний рывок, шарк по бедрам — и Герда падала вниз.

Она зажмурилась и улыбнулась было мысли об асфальте, но переворачивающаяся тошнота перекинула гравитацию вверх ногами, и падение прекратилось. Магнитные силы плавно посадили ее на что-то и отпустили. Герда открыла глаза.

Скамейка. Фонарь. Дерево. Зимний воздух. Осенние листья.

Она осмотрелась. Фонарь освещал небольшой круг со скамейкой посередине. Дальше — чернота. На земле перед ней зияла прямоугольная прореха портального бардачка, сквозь которую виднелось сиденье машины.

Герда нагнулась и вынула осколок стекла из икры. Помассировала рану. Поднесла окровавленные пальцы к лицу, прикоснулась языком. Солоно. Встала.

— Что ж, — сказала она вслух, — хотя бы по-другому.

x
Эйс

На листе еще оставалось место, но Эйс перестал записывать. Каждый раз перед тем, как покинуть отсканированное помещение, он высматривал следующее название на бумажном листе и повторял его в пути. Список предсказывал безошибочно. Локации повторялись. Джоинт ходил по кругу.

Эйс буравил спину Глика взглядом из-под челки. Что, если он на самом деле все помнит, но скрывает? Если так, то что произойдет, узнай он о списке?

Вопросы паучье ковролинились.

Следующим по списку помещением была кладовка. Эйс попытался вспомнить, как она выглядит, и перед ментальным оком возникла мокрая тряпка, повисшая в темноте. Память его, несомненно, развивалась.

— Эйс, — сказал Глик не оборачиваясь.

Эйс натянулся струной, но не ответил и шагу не сбавил. Интуиция подсказывала ему, что надо было онеметь, не отвечать. Лабиринты цвели пыльной тишиной вокруг, лишь похлюпывали губами дексы впереди. Прошли шагов сто. Глик безмолвничал. Дверь приближалась. Эйс видел ее контур издалека. Страшно было произнести, обратить его внимание, но и не сказать было невозможно — долг Пунктира обязывал. Эйс нервно переводил взгляд с Глика на дверь и обратно. Поравнявшись с дверным контуром, он остановился.

— Дверь, — сказал он подростково споткнувшимся тоном. Глик обернулся. Эйс скрылся за челкой и обвел указательным пальцем пунктир двери.

Глик подошел и нащупал дверную ручку.

— Эйс, — повторил он строгим тоном.

Эйс шелохнулся льдом в груди, скрипнули шестерни духа. Он посмотрел Глику в глаза.

Лицо Глика было омрачено — темные линии тревоги за близкого человека, который совершил ошибку. Он больше ничего не сказал, только покачал головой из стороны в сторону и открыл дверь. Дексы последовали.

Эйс замер с мельтешащими по ветру листьями в легких. В голове вертелась одинокой осой мысль: «Он знает».

X
Герда

Герда стояла на краешке светового пятна, вглядываясь в темноту. Неясные очертания размывались лиловым цветом свежих синяков. Она шагнула тем маленьким нерешительным шагом, что делают люди с замотанными глазами. Еще один шаг. Еще. Она обернулась — тень дерева покачивалась поверх скамейки, шевелила пальцами. Оазис света в зябкой плоскости. Она продолжила идти.

Грунт под ногами был утоптанный, похрустывал гравий. Дунул ветер, и Герда подняла воротник, закутала руки поглубже в рукава своего бежевого пальто. Просто вперед. Что может быть проще. «В конце концов, если меня и настигнет эта таинственная тень, набросится из мрака, зацарапает, запугает, задушит, быть может, это все закончится», — думала она. Хотя в покойный исход не верилось. Наверняка история вывернется как-нибудь, и будет снова дорога, и радио, и мотель. А так хотя бы по-другому.

Внезапно ее шаг приземлился на ровную плоскость. Асфальтная дорога. Герда подняла глаза. Вдалеке виднелись туманные источники света — пломбовые звездочки. Герда приближалась к ним, и темнота расступалась перед ней театральной шторой. Звездочками оказались два газовых фонаря — черные, готичные — заостренные драконофакелы. Они освещали начало тропы, ведущей к чему-то ужасающе массивному, чернее, чем чернота.

Герда приложила ладонь к фонарю — тот был окутан паутиной инея. От прикосновения фонарь стеснительно сжался, тая от ее теплой руки. Герда всматривалась в темноту, пытаясь разглядеть, что там высилось.

Фонари откликнулись и слегка прибавили в яркости — их белое шипящее свечение оголило, шов за швом, статую из черного камня. Массивные сапоги, строгоугольное платье, выше — рука на поясе, выпяченная грудь, плечи, устремленное лицо, безумные, воспламененные яростью глаза, меч, поднятый вверх. Жанна Д'Арк.

Едва распознав ее, Герда отвела глаза, цокнула языком и зажмурилась. Кошмар продолжался. Из темноты раздался сдавленный голос:

— Выпусти меня, мне больно. Мои друзья задохнулись и умерли. Я одна здесь, в темноте, внутри статуи.

Герда стояла, зажмурившись.

— Выпусти меня, мне больно. Я одна здесь, — повторил голос.

— Герда развернулась на каблуках и пошла прочь.

— Герда! — резануло воздух позади. Знакомый, кукольный тон девочки из ее снов. Тех снов, где Герда была левой рукой, а эта девочка была правой.

— Что… — выдохнула она шепотом и остановилась. — Как?

— Герда! — крикнула Ава снова. Герда пошла по тропе на голос, минуя драконофакелы, сжав до боли кулаки. Почему она здесь? Что происходит?

Герда подошла к статуе в упор.

— Выпусти меня, мне больно, — повторил грустный голос изнутри статуи. Это была не Ава. Кто-то еще. Отсюда виднелся выпирающий из-под доспехов живот — Жанна Д'Арк была беременна. Этот кто-то, похоже, задыхался меж мертвых эмбрионов братьев и сестер.

— Герда! — крикнула Ава откуда-то сбоку. Герда медленным шагом обогнула статую — свет драконофакелов не добивал здесь — она изо всех сил вперивалась зрением, пытаясь разглядеть. Что-то тронуло ее щеку — сухое, как острая ветка. Герда отвела ветку в сто-

рону, но столкнулась с холодной рукой в мешковатом рукаве.

Это была не ветка — это был ноготь. Кривой, горбатый ноготь тени.

Герда часто заморгала бабочками век, втянув голову в плечи, и оказалась в своей машине, на стоянке мотеля.

Тень, наклонившись в разбитое окно, царапала ей щеку.

X
Садовник

Зой: едва ли материя, едва ли идея. Его испускает почва, но начало свое он берет из колодца. Волны мягко колышутся, путешествуют по поверхности черной воды и временами встречаются друг с другом. Когда две противоположные волны сталкиваются лицом к лицу, они взмывают вверх, на мгновение порождая пирамидальный пик с пологими краями. Затем они спадают и расходятся в разные стороны.

Иногда случается так, что в одной точке сходится сразу четыре волны, по одной на сторону света. Сойдясь в пирамиду, они также взмывают в пик, но тут происходит нечто особенное. Из самой верхней точки пирамиды вылетает микроскопическое зернышко, уже не водяное, не материальное, а идейное. Оно задорно вращается планеткой, и от этого вращения порождаются другие, пуфоватые волны. Волны эти и есть Зой.

Зой до краев заполняет собой любое вместилище, в которое попадает, и продолжает давить на его стенки, расширять границы, пока не сгустится, будь то материальные стены дворца или абстрактные сознания его обитателей.

Сгущенный Зой проявляется как арт-формы. Во дворце это новые комнаты, в сознаниях его обитателей — диковинные мысли, картинки и слова. Я не знаю, если этот колодец — уникальный источник Зоя, или есть и другие. Так или иначе, я рядом с ним, и нет места, где я мог бы быть счастливей.

X
Богиня

Я сидела в Слезе, припав к калейдоскопу, забываясь в зыбких мирах комнат. Нагая богиня, впаянная в полую сферу. Видения перетекали из одного в другое горным ручьем по мягким камням, шевурша.

Вот раскрывается плетеная садовая дверца: вижу маленькую щель между дверных створок, проеденную молью. Проникаю в щель пальцем, тяну на себя, придерживаю, дверца покачивается в петле. За дверцей небольшой участок и сухой питьевой фонтанчик с белой облупившейся краской, размером с маленькое дерево. Тайный. Он наполнен ломаными ветками, листьями, и в воздухе словно повис минорный аккорд. Туча перекрывает солнце, вероятен дождь.

Я захожу и закрываю за собой дверцу. Ее нужно немного приподнять, иначе не закроется на щеколду. Пахнет старостью. Полумрак. Наклоняюсь к фонтанчику и вожу руками по его каменной поверхности, под чашей. Нащупываю вырезанный перочинным ножиком узор. Присаживаюсь на корточки и всматриваюсь. Это лабиринт.

Видение перещелкнулось, и я оказалась внутри вырезанного на фонтанчике лабиринта. Стены возвышались чуть выше головы, а в небе виднелись размыты-

ми громадинами неясности. Пахло старым деревом. Я двинулась вперед со спокойной сосредоточенностью сна.

— Знаешь куда? — спросил Голос.

— Знаешь зачем? — передразнила я его. Меня раздражало, что он вел себя так, словно ничего не произошло, будто он не исчезал. Будто не оставил меня одну.

Голос промолчал. Остаканился.

Лабиринт продолжал монотонно тянуться, и, заходя за угол, я уже тянулась внешней рукой к колесику калейдоскопа, перещелкнуть этот скучный мир на что-нибудь другое, но остановилась. Поворот вел в тупик, посередине которого стоял цветок в горшке. Маленький подсолнух. Я подошла и погладила его листок. Цветок шевельнулся, желтые лепестки пришли в движение, начали складываться по краям.

— А, — сказал Голос.

Подсолнух не закрылся до конца, между лепестков по центру оставалась прореха в форме замочной скважины. Я встала перед горшком на колени и заглянула в нее. Внутри подсолнуха горели миниатюрные огоньки — мой глаз размером с небо глядел на город, раскинувшийся меж холмов. Среди каменных зданий переливались невероятной красотой драгоценные камни, что медленно вращались и отсвечивали огранкой. Плечи мои новокаиново занемели и начали складываться, меня затягивало в цветок. Я прикрыла глаза в предвкушении чуда, но моя правая рука вдруг резко увеличилась и вскрикнула болью.

— Ава? Что случилось?

Ответа не последовало. Я обернулась через плечо и на мгновение увидела свою руку — величиной с архипелаг. По ней прозрачными зигзагами зыбились болевые миражи.

Рывком внешней руки я отдернула калейдоскоп от глаза, возвращаясь в Слезу. Я поднесла Аву к лицу. Она ритмично шевелила пальцами, будто прочесывая воздух. Я не контролировала ее движений.

— Ава! — крикнула я.

Ава на мгновение остановилась, но тут же продолжила прочесывать. Я толкнула вниманием Герду. Та будто отлежалась, ее кровь застыла забытьем, но она была здесь.

— Сейчас, — сказала Герда и взяла Аву за кисть, — успокойся.

Ава ритмично прочесывала воздух.

— Успокойся, — повторила Герда твердым тоном и сдавила ей кисть. Ава покраснела. Через несколько секунд почесывания замедлились и прекратились. Герда разжала хватку.

— Что это было? — спросила я.

— Она выходит из себя, — сказал Голос.

— Ава, — позвала я, — что с тобой?

Расхристанный, потрескавшийся по краям голосок просипел: «Меня пытаются…»

— Что? Тебя пытаются что?

— Меня пытаются вытащить. Будто кто-то тянет меня. Из моего тела.

Герда отвернулась и легла набок, ладонью об стекло Слезы.

— Кто тебя тянет?

— Не знаю, — ответила Ава. — Я не вижу, только чувствую.

— Голос, посмотри в Аву, — сказала я бесцветно. Голос умел равняться с руками реальностями и заглядывать в их зрение.

— Розовые пустыни, — немедленно ответил Голос. — Сияющие зеркала, белые маяки. Они множатся как опухоль.

— Ава болеет, — сказала я Герде.

Герда молчала, глядя в глубины космоса сквозь прозрачную стенку Слезы, прислонившись холодной щекой ладони к стеклу.

Я потрясла Гердой из стороны в сторону.

— Да что с вами такое!

— Я могу показать, — сказал Голос.

— Что показать?

— Розовые пустыни. Настроить калейдоскоп, ориентируясь на ощущения Авы.

Я поглядела в себя.

— Давай.

— Сначала нужно открыть калейдоскоп. Я бы это сам сделал, но у меня нет тела.

— Хорошо, — сказала я и подобрала парящую в воздухе фляжку калейдоскопа. — Как?

— Сбоку есть рисочка. В самом углу.

Я нащупала выступ.

— И?

— Нажми.

Я надавила на выступ Гердой. Калейдоскоп раскрылся, и миниатюрные кристаллики выпали из него, разлетелись в невесомости.

— Герда? — позвал Голос.

Герда, должно быть, откликнулась, но я не услышала. Иногда они говорили друг с другом вне моего диапазона восприятия. Я почувствовала волевой толчок с ее стороны и отдала ей полный контроль. Герда подхватила один из кристалликов и сжала между подушечек пальцев.

— Сильнее, — сказал Голос.

Герда надавила сильнее.

— Нет, не настолько.

Хватка ослабла.

— Так, а теперь по порядку... — прохладно произнес Голос и вышел за пределы моего диапазона.

Они говорили друг с другом на своем уровне, недосягаемо. Я ощутила теплую колкость в груди — нечто вроде ревности. Герда положила сдавленный кристаллик во флягу калейдоскопа, взяла следующий. Когда все кристаллы были вложены в калейдоскоп в надлежащем порядке, она захлопнула крышку и вернула мне контроль над рукой.

— Попробуй теперь, — предложил Голос тоном приглашающего жеста.

Я приложила калейдоскоп к глазу. Огранки переливались ярко-розовым. Я привычно скосила глаза и увидела дюны, простирающиеся до горизонта. Дюны розового песка.

Я сместилась внутрь.

Песок был хрусткий и не обжигал босые ступни. Дул шкатулочный ветер, поигрывая моей иллюзорной ночнушкой. В шатре неба висело белое светило. На склоне холма полукругом стояли всадники в белом, их головы повернуты в мою сторону.

— Поговорим с ними? — спросил Голос.

Я кивнула и двинулась в сторону всадников. Они не шелохнулись, даже когда я приблизилась к ним в упор. Их одеяния покрывали лошадей целиком, отчего те казались кентаврами-привидениями.

Герда потянулась и дотронулась до ближайшего всадника. Тот ожил, повернул голову, и конный отряд синхронно двинулся через гребень дюны, выстраиваясь на ходу в колонну. Замыкающий всадник остановился, глядя на нас, будто приглашая следовать. Я пошла вверх. Розовый песок не проваливался под ногами, подъем был легок. С вершины дюны кругом все было розово.

Из-за монотонности пейзажа было трудно оценивать пройденное расстояние. Светило замерло в небе, время остановилось. Голос был рядом, но молчал. Молчала и Герда. Авы не ощущалось. Всадники впереди образовывали на ходу формации, выстраивая из своих тел диковинные символы, будто телеграфируя кому-то сверху, буква за буквой.

Перебравшись через очередной бархан, мы оказались перед башней — громадной серебристой иглой с покатыми ртутно-отражающими стенами. У нее были ворота кляксовой формы, в которые всадники въезжали один за другим, преклоняя головы перед низким потолком. Я посмотрела наверх, приложив Герду козырьком. Верхушка башни слепила отражающим светом. По мере продвижения вглубь всадники передо мной плавно уменьшались в размерах, с каждым шагом теряя в высоте, при этом сохраняя первозданность голов. Мы шли по длинному коридору, и вскоре моего неизменного роста оказалось достаточно, чтобы видеть через всю колонну, как ведущий всадник одну за одной открывал двери. К тому моменту, когда наша процессия добралась до конца, всадники были мне по щиколотку: овальные головы на маленьких лошадиных ножках, укутанные белой материей.

За последней дверью была небольшая ухоженная комнатка. Большую часть помещения занимало круглое каменное ложе, укрытое синим шелковым покрывалом. В углу прислонилась вострая метла. Посередине стоял изысканный умывальник-чаша.

— В Пустотах в каждой Ртутной Башне есть такая комнатка. Их посещает Незримая. Созерцая блики света на воде, она воображает миры, — сказал Голос.

Я кивнула. Он, похоже, бывал в этом мире прежде.

Головы на ножках разбежались веером по сторонам и безмолвно наблюдали за мной, не шелохнувшись.

В комнате было окошко такой же кляксовой формы, как и ворота башни. Я подошла и выглянула наружу.

Несмотря на то, что подъема прежде не ощущалось, мы находились неожиданно высоко. Повсюду, насколько хватало глаз, простиралась розовая простыня песка и игольчатые вспрыски ртутных башен, таких же, как и та, в которой я оказалась.

— Что мы здесь делаем? — спросила я Голос.

— У, — ответил он.

Я ощутила робкое прикосновение к своей правой руке — как бабочка. Головы на ножках окружили мою руку и принюхивались, притрагивались. Один из них посмотрел на меня и чихнул розовой пылью с блестящими конфетти. Чих сопровождался хлопушечным хлопком. Опадая, конфетти сформировали символ вроде тех, что всадники выстраивали из своих тел по пути к башне.

— Им интересна твоя рука, — перевел Голос.

Герда взялась за Аву и ментально нахмурилась.

Голова-всадник чихнул еще раз, формируя символ. У него были большие выпученные глаза без зрачков.

— Они хотят, чтобы ты окунула руку в воду, — сказал Голос.

— Нет. Мы не знаем, что это, — отрезала Герда.

— Но разве мы не играем сейчас в комнаты? Разве мы на самом деле не в Слезе? — спросила я и потрогала внешней рукой калейдоскоп.

— Магистрали тоже ненастоящее место, — напомнила Герда.

Я ментально посмотрела на Голос. Пускай он решит.

— Можно попробовать, нет? — предложил он.

Я подошла к умывальнику и положила Аву на край чаши. Всадники зашебуршили ножками, тараканно окружая умывальник.

— Амая, — сказала я, — будь что будет. Это всего лишь игра.

Я окунула Аву в теплую игристую воду. Она жгла, но не больно, скорее опузыривающе, шампанно. Ава побелела. Я попыталась вынуть ее, но не смогла. Аву будто магнитно притягивало к воде. Герда наструнилась.

— Всего лишь игра, — повторила я, успокаивая себя.

Головастые возбудились и принялись неистово носиться по комнате, хлопушечно чихая. Конфетти опадало на пол каскадами.

— Что они говорят? — спросила я.

— Незримая пляшет. Похоже, что внесут Чашу, — ответил Голос.

— Что это значит?

Голос попытался ответить, но вышло невербально, будто конфетти застряло в горле.

Головы взбежали на стену и выстроились вокруг кляксового окна. Зацепившись за края, они потянули окно в стороны, расширяя, пока оно не поглотило всю стену.

Вода сильно запузырилась, и магнитность отпустила. Я выдернула Аву и прижала к груди. Она была белая, как бумага.

Несколько таракашек подбежали к умывальнику и принялись собирать пузырящуюся жидкость в узкие прохладные флаконы, на которых витиеватыми буквами было написано вертикально «Таннос».

Оконная стена обернулась экраном, и я обнаружила себя летящей с умопомрачительной скоростью вперед, сквозь пустыню, а пиксели ртутных башен формировали передо мной одну и ту же картинку, уже знакомый символ, один из тех, что выстраивали всадники по дороге к башне — кружок с завитком.

— Бедуины Пустот, — перевел Голос его значение.

Затем, вздымая копытами розовую пыль, понеслись всадники, каждый из которых держал на вытянутых руках по изогнутому полумесяцем зеркалу. Зеркала вспыхнули белым светом, складываясь в символ.

— Незримая, — перевел Голос. Ветер трепал мои волосы, свистел в ушах, но не бил по глазам скоростью, я видела происходящее ясно, не щурясь.

Подо мной возникла дорога из серого камня, с громадными хрустальными вазами по бокам. Дорога перешла в широкие ступени, лестницу. На самом верху лестницы стояла каменная чаша, наполненная вязким розовым сиропом.

Меня притянуло к чаше. Сироп заполнял ее до самых краев, ни капли нельзя было добавить, не расплескав. Я осознала, что все в этом мире основывалось на священной устойчивости этой чаши, на этом балансе, на ее невероятной полноте. Отсюда брала начало религия этих всадников-бедуинов, их язык, их восприятие. И все это было как-то связано с белым светом, с отражением. Меня переполняло теплое чувство. Блаженство.

Не успела я насладиться этой тонкой информацией, как меня грубо отдернуло от чаши вверх. Я понимала, что сейчас мне покажут нечто, из-за чего все пошло не так. То, что все разрушило.

Невидимая, влекущая мое сознание рука волокла меня через ветер, ощущалась угрюмость, бровастость. Меня закинуло на помост из такого же серого камня, что и ступени.

С помоста открывался вид на поле белых маяков с зеркалами на крышах. Что-то в них было отвратительное, оспное. Они произрастали из розового песка грибным налетом. В небе один за другим загорелись звездоподобные символы. Я понимала их без перевода. «Болезнь. Болезнь. Болезнь».

И тут Ава словно обожглась током, там, снаружи, в Слезе.

Внешней рукой я отвела калейдоскоп от глаз и поднесла Аву к лицу. Она снова почесывала пальцами в воздухе.

— Ава? — позвала я. — Что с тобой? Девочка, что с тобой?

Герда потянулась и сдавила Аве кисть, пока та не перестала двигаться.

x
Герда

Дорога тикала в лобовом стекле разделительной полосой, под капотом ржавой кошкой мурчал мотор, медленно билось сердце. Герда снова и снова проигрывала в голове события прошлой ночи: портал в темноту, холодная скамейка, статуя Жанны Д’Арк, драконофакелы.

«Ава, девочка-рука из ее снов. Она была за статуей, звала меня», — подумала Герда, машинально щелкнув бардачком. Новая фигурка Жанны уже появилась там. Возникла.

Все это походило на кошмарный сон или эксперимент, в котором она была подопытной. Если так, то от нее что-то ожидалось, какое-то действие. Но какое?

Не раз она пыталась вырваться из липкой паутины этой петлящей судьбы, очнуться от мутного наваждения. Сжигала себя заживо, разбивалась насмерть о стены, прыгала с обрыва в пропасть, но неизменно просыпалась на белой простыне очередного мотельного номера. И все повторялось.

По стеклу забарабанили крупные капли, включились дворники.

Единственным непредсказуемым элементом была тень. Она являлась и исчезала непредвиденно. Герда посмотрела на нее прямо лишь однажды, и каскады колючих злюк до сих пор царапали ей душу эхом воспоминания. С тех пор она осмеливалась отмечать ее присутствие только периферийно, краем глаза. Тень была фигурой в заношенном мешковатом одеянии с капюшоном цвета мертвого дерева. Стоило ей появиться в поле зрения, как каждая клетка Герды принималась вопить: «Убирайся! Убирайся прочь, как можно дальше, сейчас! Не смотри, не смотри, не смотри!»

Приборная доска мигнула знаком — бензин иссякал. Дорога разветвилась к заправке, и Герда щелкнула поворотником.

— Должно быть, в тени и кроется разгадка, — сказала она вслух, останавливаясь у бензоколонки.

Словно в ответ на ее мысли, в боковом зеркале замаячили привычные очертания. Если бы не страх, если бы не головная боль, она бы открыла эту дверь, и вышла бы, и сорвала бы ей капюшон, и закричала ей в лицо: «Пусти меня! Пусти! Хватит!»

Но вместо этого Герда покорно положила лицо на сгиб локтя и слушала гортанный гул наполняемого бака.

Об стекло скрипнул ноготь.

Герда не отреагировала.

Ноготь скрипнул снова.

Влекомая импульсом, Герда открыла бардачок, выудила фигурку и с силой вжала ее в окно, не глядя.

— Ты этого хочешь? — злобно прошептала она.

Раздался тихий звук, будто ржавые опилки посыпались оземь: «Кх-х-х-х-х».

— Ты этого хочешь??? — вскричала Герда, вдавливая Жанну Д'Арк в стекло.

Опилки зазвучали громче, захрустело помехами радио. Тень смеялась.

x
Дневник Хиру

Я ненавижу дворец. За годы пребывания в его стенах мне довелось изучить его досконально, не выходя из комнаты, летая глазом. Я облетел каждый закуток в поисках несостыковки, дыры в пространстве, выхода. Ничего. Литой монумент без зазубрин, будто выдутый из темного пузыря.

Как я оказался здесь? Память о родном мире иногда всплывает в комканых снах шпилями высоких зданий, подвесных мостов, турбин, но все это бредовая каша. Ничего связного. Теперь я во дворце. И выхода нет.

Все-таки начну сначала. С первого воспоминания.

Шмит, азиат с длинными клокастыми волосами и проницательным взглядом, встретил меня в прихожей дворца и показал мою комнату: кровать, стол и вешалка. Сказал, что мне предстоит работать в алтарнице, проводить ритуалы и что покажет все завтра. По пробуждении мне надлежало надеть вот этот медицинский халат и взять с собой хирургическую маску из ящика в столе. После того как он ушел, я заглянул в ящик, обнаружил там маску и кипу бумажных листов.

Ночь я не спал, ворочался на твердой кушетке. Вопросы о том, где я и что происходит, порхали в ментальном пространстве, но со спиленными головами,

бестолково и холодно. В комнате не было ни окна, ни хронометра, поэтому ночь была во всех смыслах условной. Наутро дверь отворилась, и голос Шмита сказал, что пора. Я накинул халат, прихватил маску и вышел.

— Запомни: лево, право, лево и право, — сказал он. Затем мы пошли коридорами, и на каждом повороте он говорил «лево» или «право». Последний коридор был прямой и оканчивался высокой дверью с барельефами.

— Алтарница, — сказал Шмит, — место, где проходит ритуал. Сегодня его проведу я, ты смотри. Всего покажу три раза, после этого ты сам. Не бойся, тут ничего сложного.

Шмит толкнул дверь ладонью.

Алтарница представляла собой эпичный зал с разноцветными мозаиками окон, запахом ладана и монументальным ковром. В центре на ступенчатом возвышении находился алтарь, накрытый материей. Прямо над алтарем было круглое окошко в потолке, из которого бил луч белого света. Витала пыль.

Шмит поманил рукой и пошел к алтарю, но, не дойдя до него, свернул в сторону и остановился у большой иконы. На иконе была изображена святая дева, но полхолста было залито черной краской. Шмит приложил палец к губам и указал бровями «встань здесь».

Тут же распахнулась дверь, и в алтарницу вошла девочка. Одета она была в готичное платье с чулками, волосы утянуты в два хвоста, что колыхались из стороны в сторону при каждом шаге. Лицо ее было красивое, надменное, утонченное. Она взошла по ступеням алтаря и села на него.

Шмит сделал жест рукой, что мне надлежит оставаться здесь и смотреть, надел хирургическую маску и вышел из тени.

— Богиня, — сказал он, подходя к алтарю, — прошу, ложитесь.

Богиня закинула ноги на алтарь и легла на спину.

— Скажите мне, что вас тревожит? — спросил он.

— Я играла в комнаты. В Слезе. И там случилось… нечто, — сказала девочка маленьким голоском.

— Поделитесь.

— Меня тянули за руки. Я была в коридоре и… там стены дощатые, и кто-то тянул, хотя видно не было. Особенно здесь, — она дотронулась до плеча. — Тянутость, но без видимости.

— Больно было?

— Да.

— Что-нибудь еще?

Девочка покачала головой.

— Нужно еще. Этого мало. Прошу.

Богиня закусила губу.

— Ава…

— Кто?

— Моя правая рука. Она… с ней что-то не так.

— Что именно?

— Она… когда ее тянули. За предплечье. Она впилась ногтями в доску и выдрала ее. И пауки… посыпались пауки.

— Хорошо. Продолжайте.

— Пауки. Большие черные пауки. За досками. И Ава их хватала и давила. И мохнатые тельца по ладоням. Щекотно. Но я не управляла Авой. Своей рукой. Она сама.

— Вспомните об этом. Так, как будто это происходит прямо сейчас.

— Я вспоминаю.

— Вдохните поглубже, Богиня. Пришло время отворить створки, — ритуальным тоном произнес Шмит.

Она быстро и сильно вздохнула.

Шмит развел руками и сделал шаг назад.

Богиня затряслась, мелкой дробью ударяясь затылком об алтарь. Ноги ее раздвинулись широко, голова легла набок, повернутая в мою сторону. Текли слезы, цвета ее радужек перещелкивались. Она мощно вдохнула. На мгновение повисла безвоздушная тишина. Я на миг перевел взгляд на Шмита. Тот стоял, склонив голову, глядя на Богиню.

И тут из нее вырвался вопль. Раздирающий, сносящий все. Будто ее разорвало в клочья, высокочастотно, до последнего фрагмента души — размозженный об камни рояль. Вдребезги. Адские трубы, ангелы всмятку. Все это продолжалось несколько секунд и оборвалось на полузвуке.

Повисла вторая тишина, в миллион раз громче предыдущей.

На затылке у меня встали волосы и будто что-то прочесалось комковатым ежиком под кожей. Мне было физически больно в груди.

Девочка вдохнула снова, но на этот раз спокойно, с величием. Она села и обвела темным взглядом помещение. Я невольно сделал шаг назад и вжался в икону спиной.

— Богиня? — голос Шмита звучал уступчиво.

Она взглянула на него и злобно улыбнулась:

— Ты.

— Прошу вас, — Шмит протянул ей руку, все еще глядя вниз.

И тут Богиня посмотрела прямо на меня.

Меня словно обдало магниевой вспышкой. Страх и восхищение. Смерть, и любовь, и похоть, и абсолютная власть. Застучало за ушами, и в самом нутре моем что-то вздымнулось и преклонило колени и «пожалуйста, я буду служить тебе, пожалуйста, все что угод-

но», — похоже, что я прошевелил эти слова губами. Похоже, я плакал.

Богиня улыбнулась и кивнула Шмиту. Она приняла его руку и спрыгнула с алтаря.

— Веди.

Шмит поклонился и повел Богиню куда-то за икону; с моего ракурса видно не было. Я не смел пошевелиться. Несколько минут я стоял неподвижно на подрагивающих коленях, сглатывая слюну. Затем я вышел в коридор и закрыл за собой тяжелую дверь.

Право, лево, право и лево. Шел на негнущихся.

Лег на кушетку, не снимая медицинского халата. Только тогда заметил, что все еще сжимаю в руке хирургическую маску. Разжал. Во рту был привкус крови — я прокусил губу.

Зажмурился, но по ту сторону век вместо спасительной тьмы вертелись черные воронки ее глаз. Моей Богини.

;;;;;

Проснулся от присутствия в комнате. Шмит стоял надо мной.

— Ну как? Жив?

Я кивнул и тут же с болью посмотрел туда, где должно было бы быть окно. Но окна не было.

— Уже убегаешь? — в морщинах вокруг его глаз угадывалось солнце и опыт.

— Нет, — ответил я и сел.

— Готов еще раз?

Сердце мое спустило передачу. Я взглянул на Шмита с ужасом и надеждой. Он положил свою маленькую узловатую ладонь мне на плечо и улыбнулся.

— Не сегодня. Мы ждем сорок дней между сессиями. Ей необходимо восстановиться. Да и нам тоже.

— Нам? — спросил я.

— Да. Ты да я. И Хабрик. Ты его пока не видел. Занятный малый.

Я ощутил сухость в горле. Меня обуревали смешанные чувства.

— Между тем, у меня для тебя кое-что есть. Пока ждешь, — с этими словами он что-то поставил на стол с твердым звуком.

Я протер глаза рукой — разноцветные пятна. Черные воронки. Черные воронки. Встал, подошел к столу.

Предмет был стеклянной сферой на трехногой подставке. Я вопросительно посмотрел на Шмита. Тот сделал жест рукой, будто откручивая крышку. Я сжал пальцами верхнюю полусферу и прокрутил. Через щель хлынула густая вода, стекая по подставке на стол.

Внутри сферы осьминожкой плавало глазное яблоко. Обнаженное око с карей радужкой и черными проводками нервов.

— Тронь, — сказал Шмит и коснулся пальцем в воздухе.

Я поднес руку и приложил подушечку. Глаз был скользкий, влажный и прохладный. В то же мгновение я ощутил, будто затылочная стенка моего черепа растворилась и щупальца вынули мозг — тот зацепился за кость, и мелькнула мгновенная теплая боль, но тут же прошла. Я парил в воздухе, и изображение было слегка размыто, растянуто... Я видел Шмита, комнату и себя со стороны.

— Лети. Шевели конечностями.

Я понял, что произошло. Мое сознание переместилось в глаз. Я ощутил наличие осьминожьих проводков и понял, что могу ими шевелить как конечностями, отталкиваться от воздуха и парить. Я облетел комнату по кругу и выскользнул наружу. Коридоры, повороты, я летел прямо, наобум, пока не услышал голос Шмита.

— Чтобы выйти просто отпусти палец.

Я периферийно осознал, что все еще держу палец на поверхности глаза где-то там, в комнате. Я отпустил его и вернулся в тело.

— А ты даже лучше, чем я ожидал, — декларировал Шмит довольно. — Что ж, если наскучит комната, летай где хочешь. А я вернусь через сорок дней.

С этим он вышел, прошаркав тапками наружу, и тихо притворил дверь. Я облокотился на стол рукой, глядя на плавающий в сфере глаз, с его тончайшими нервами проводков.

— Сорок дней, — прошептал я.

;;;;;

Сначала я летал недалеко, пытаясь запомнить расположение многочисленных комнат дворца, но чем дальше я удалялся от своей комнаты, тем туманней рассеивались ориентиры. Несколько раз я пытался встучаться в алтарницу, но двери были заперты.

После ухода Шмита я принялся отсчитывать дни, скрябая вертикальные черточки маркером по пробуждении. Маркер нашелся в ящике стола, за кипой бумаг. Там же обнаружилась и магнитная лента, что легко приставала к стене и могла держать листы. Осознав, что не в силах более удерживать в уме схему поворотов и закутков, я начал набрасывать карту дворца маркером по листам, цепляя посещенные фрагменты на стену.

Эта деятельность поглотила меня всецело, и сорок дней прошли незаметно. Все свое время, от пробуждения до отхода ко сну, я пребывал в летающем глазу, картографируя дворец, отчего мои собственные яблоки побаливали — видимо, я их в трансе закатывал наверх.

На сорок первый день я вновь проснулся от присутствия. Шмит стоял у стены, заложив руки за спину, и изучал мою карту. Я сел, нарочно скрипнув койкой.

— Неплохо, — сказал Шмит, не оборачиваясь. — Много покрыл.

— Да, это…

— Готов? — перебил он, глядя через плечо.

Я сглотнул и кивнул.

Шмит улыбнулся и вышел.

Я надел халат, прихватил маску, сделал два шага в сторону двери, вернулся, накрыл летучий глаз его полушарной крышкой и последовал за Шмитом.

Когда Богиня вошла в алтарницу, у меня в горле нервными бабочками захлопали крылья, подташнивая перьями по дальнему языку. Я наблюдал за ней краем глаза, не решаясь взглянуть прямо. Так же, как и в прошлый раз, она легла на алтарь, и Шмит, натянув на лицо больничную маску, спросил: — Что вас беспокоит?

У Богини был тонкий подрагивающий голос: птица в клетке. Она, перебиваясь, начала рассказывать о своих галлюцинозных злоключениях в полумрачных мирах. Шмит умело усугублял ее травмы, подталкивая к ментальному обрыву. Голос Богини совершенно не совпадал с аурой всепогребающей власти, которая пронзила меня в ее поведении в прошлый раз. И вскоре я понял почему.

Когда она стихла и принялась трястись в немых конвульсиях, Шмит поманил меня рукой. Я вышел из тени иконы и приблизился к алтарю. Лицо Богини было покрыто испариной, мелко постукивал об материю затылок. В ней не было ничего божественного, магнетического. Передо мной лежал болезненно бледный ребенок, измученная девочка в платье.

Я перевел взгляд на Шмита. Тот изучал меня, улыбаясь глазами, нижняя половина лица сокрыта под маской. Во мне смешались ровные доли страха и отвращения. Он что-то сказал, но я не расслышал, маска сжевала звук. Я переспросил…

И тут из Богини вырвался вопль.

Я ощутил чудовищный выплеск энергии, скрежещущий до потрескивания ауры. И боль. Будто мне в грудь вонзили занозящий фарфор — насекомую въедающуюся шрапнель.

Богиня широко распахнула глаза, продолжая испускать эту свирепую всепоглощающую ноту. Глаза ее моргали цветами, будто меняя линзы. Она вся выгнулась дугой, руки сжаты в кулаки, платье пропитано насквозь. Затем все кончилось. Вновь повисла немыслимой глубины тишина, вопль отрикошетил от стен и сдох. Богиня закрыла глаза и опала конечностями.

— Т-с-с-с, — сказал Шмит, все еще глядя на меня.

Богиня открыла глаза и осмотрелась.

Наши взгляды встретились.

Я пишу это сейчас, сидя за столом в своей комнате во дворце, и понимаю, насколько сложно зафиксировать вербально то, что на самом деле произошло в тот момент. Слова не собираются во фразы, и биполярная природа того мгновения вынуждает меня совершить нечто странное.

Я воображу две истории и запишу их здесь, на этих листах. Пусть персонажи этих историй переживут нечто… схожее с тем, что я испытал в ту долю секунды, когда глаза Богини распахнулись.

История первая

Представь себе мальчика, который родился в рыболовной деревушке. Жизнь его была простой, как черта

на песке. Мать умерла при родах, отец научил его всему, что знал сам: как обращаться с удочкой, выкапывать наживку, разделывать рыбу. Читать мальчик не умел, о мире не знал ничего, просыпался засветло, рыбачил, отправлялся в ближайший город, где зазывал кричалками приодетых горожан, продавал им свой улов, возвращался затемно и ложился спать. Так, день в день, он прожил двадцать лет.

Однажды по пути в город он увидел девушку. Она стояла на мосту, облокотившись на перила, о чем-то грустно задумавшись. Она была невероятно красива, ангел в платье изумрудного цвета. Мальчик поднял весла и уставился на нее с открытым ртом, пока течение несло его побитую временем лодку под мост. Девушка заметила его и улыбнулась.

На следующий день он проплывал тем же путем, в то же время. И девушка снова была там. На этот раз она помахала ему.

— Эй! — крикнул мальчик и неловко поднял руку. Он не знал, как себя в таких случаях вести.

Так началось их знакомство. Сперва они обменивались короткими фразами, пока он проплывал под мостом, затем девочка принялась прогуливаться по набережной вдоль течения, чтобы поддерживать разговор подольше, до самого поворота, где городской канал вливался в реку.

Однажды она впрыгнула с берега на борт и заявила, что готова купить весь его сегодняшний улов при условии, что он проведет время с ней вместо того, чтобы идти на рынок. Мальчик не мог поверить своему счастью. С тех пор они проводили вместе каждый день и на закате долго держались за руки, прощаясь, и ночи ожидания казались бесконечными.

Было в ней нечто неуловимое, игривое, искра, шизинка в зеленых глазах. Она была высокой, с длинны-

ми гнущимися пальцами. Пуговицы на ее одеждах были застегнуты невпопад, шнурки волочились по земле.

В один из тех дней она пригласила его к себе домой. Жила она в запустелом замке, заросшем плющом, с мамой-старушкой, которая была почти совершенно слепа. Девушка показала ему свою комнату: вещи, раскиданные по полу, паутина по углам, узкая кроватка с набалдашниками, на которой они провели свою первую ночь.

В предрассветной мгле, всматриваясь в ее черты, он клялся, что никогда ее не оставит, что всегда будет любить, и держал ее голову в ладонях и целовал ее губы, и небо плавно зажигалось на горизонте, и пахла рыбой забытая в проходе его плетеная корзина.

Когда мальчик на следующий день вернулся в деревню, отца не было дома. Мальчик спросил соседа, и тот ответил, что отец, не дождавшись его в обычный час, отправился на поиски и сгинул бесследно в ночи. Неделю мальчик искал отца повсюду, но так и не нашел.

Когда он приплыл в город, возлюбленная ждала его на мосту. Лицо ее было измождено, она, похоже, не спала несколько дней. Она разрыдалась, прыгнула в лодку, крепко обняла его и все пришептывала: «Где же ты был? Где ты был?» Мальчик рассказал ей про отца и что, кроме нее, в его мире никого больше не осталось.

Она сказала, что все наладится, что она что-нибудь придумает и, не говоря больше ни слова, повела его в свой замок. Там, оставив его в прихожей, она поднялась на второй этаж, в покои матери. Через час она вернулась, взяла его за руку и потащила наверх.

Мать ее была как сморщенный персик: маленькая, испещренная морщинами. Она поманила мальчика крюковатым пальцем и всмотрелась изо всех

сил в его лицо, но тот, видимо, расплывался в ее глазах.

— Пусть, — сказала она наконец, хрипя, и девушка кинулась целовать ей руки.

С тех пор они жили вместе, абсолютно счастливые. Пожилая мать девушки обладала хоть и увядающим, но все же состоянием с былых времен. Мальчику полагаться на нее всецело казалось неправильно, и он продолжал ловить рыбу с городских берегов и продавать на рынке. Девушка в тайне уважала его за это, но по какой-то своей неряшливой причине не могла ему об этом сказать. Вскоре она забеременела, в светлом будущем рисовалась семья.

Однако свет этот стремительно померк, когда в город приехал мистический доктор и наложением повязок с разноцветными травами излечил мать девушки от слепоты. В тот день девушка ходила кругами, волнуясь, а мальчик все не мог понять, в чем дело. Наконец она призналась ему, заливаясь слезами, что обманула мать, сказав ей, что мальчик родом из города, из какой-то определенной семьи, с фамилией, но теперь она узнает правду, и все кончено, все кончено, все кончено.

И действительно, едва мать увидела его своими прозревшими очами, то закрыла лицо ладонями и принялась что-то такое кричать, прибежали люди в форме, мальчик бился как мог, но девушку увели.

Ее не было два дня — мальчик мерил запертую комнату шагами как лев в клетке. Девушка вернулась домой без ног, отрезали обе по пояс. Местная религиозная процедура наказания. Однако плод не тронули, ребенок все еще был в ней.

Мальчик выл, скрипел зубами, бил кулаками в стены, все порывался «убить их всех», но понимал, что любое его действие принесло бы только вред. А безно-

гая девушка стала очень тихой, все больше смотрела в стену или на ботинки и часто повторяла «Я люблю тебя» и «Все же хорошо?» Мальчик бережно ухаживал за ней день и ночь, но она не пережила родов. Родилась девочка, невероятно похожая на нее.

Мальчик держал ребенка в руках, прислонившись к стене, рядом с мертвой любовью — его любовью с застывшим лицом, приоткрытым ртом, вздернутой окровавленной юбкой, обрубками ног, во всем этом непотребстве бытовой смерти. Он ощущал хрупкий вес этого дитяти в руках, этой точной копии той девушки, что улыбнулась ему тогда на мосту, вечность назад. И словно разлился по его скальпу божественный свет. Могучая любовь сжала его существо, и он поклялся внутри, что никогда-никогда ее не оставит.

Запомни это чувство — это половина того, что я ощутил в тот момент, когда Богиня на алтаре открыла глаза и наши взгляды пересеклись.

Теперь вторая половина

Представь себе горное поселение. Фиолетовое солнце, мелкая крюкастая ползучая растительность, острые камни, выточенные тысячелетиями пронизывающих ветров. Худой мужчина в мешковатом одеянии. Руки его по плечи в металлических браслетах, мощные скулы, щетина, глубоко посаженные темные глаза, сверкающие железным, рельсовым светом. В руках у него каменная миска. Вот уже десятки поколений его род приносил подаяния Господу Богу в Неприметном Храме. И сегодня настал его час.

Волдыристые улицы, приточенные канавы, лестницы. Он идет целенаправленно, в животе урчит, побаливает от голода голова. На ногах сандалии. Храм из пурпурного кирпича осыпался по краям краюхою.

Комната Бога была на задворках храма. Чтобы добраться до нее, мужчина пересекает небольшой внутренний дворик, где не лают собаки. Он почтенно приоткрывает скрипучую дверь: перед ним предстает пустая, неброская стена. Тупик. Он встает на колени и ставит миску перед собой.

Я приношу подаяние тебе простое, но это все, что у меня есть.
Прими его, Господи, или растерзай меня,
Здесь и Сейчас.
Я кладу в твою ладонь дыхание свое, сердце свое и глаза свои.
Сожми их в кулак,
Здесь и Сейчас.
Раздави.
Или позволь мне прожить еще один день,
Позволь благословлять дары твои,
Свет твой,
Твою любовь.

Он припадает лбом к каменному полу и зажмуривается. Если Бог примет его дар, то ничего не произойдет. Он поднимется с колен и выйдет из храма. Если нет, он навсегда останется здесь, в тупике Неприметного Храма. Так же, как и сотни, тысячи монахов до него. Обратится в каплю краски, стекающую по расцарапанной стене.

Он пытается держать сердце открытым, чистым, искренним, но первобытный ужас неминуемо сбагривает края того света черными витиеватыми полосками. Тревога омрачает его сердце. Страх — это плохо, грязно. Он пытается запереть этот страх, заглушить, но от этого лишь больше боится. Он ощущает величие, космическую масштабность Бога и свою перед ним

никчемность — мелкую каплю дождя о лезвие сияющей гильотины.

— Все? Достаточно? — бьется младенцем задыхающаяся розовая мысль. — Можно уходить?

Он пытается отстранить эту мысль, оттолкнуть прочь, но тут все останавливается, замирает. Пульсация в висках, звуки, дыхание. Черный экран смотрит на него сверху вниз.

— Только не это… только нет… пожалуйста.

Он медленно поднимает голову, встречая то кошмарное, непостижимое, ледяное.

И это — вторая полярность того, как я себя почувствовал, когда наши взгляды встретились.

X
Хиру

«Бежать», — резанула мысль. Хиру вскочил с койки и прошелся по комнате. Взъерошил волосы. Остановился у стены с картой дворца. Дотронулся рукой до крайнего листа. Выход. Должен быть выход. Он боялся моргать. Вчерашняя сцена впаялась ему в завечье — Богиня на алтаре. Ее взгляд…

Он подошел к столу, отвинтил верхнее полушарие футляра с летающим глазом.

— Сорок дней, — пробормотал он. Шмит сказал, что всего покажет ритуал три раза, а дальше он сам. Один на один с ней. Хиру передернуло. Глаз плавал в жидкости. Он положил на него подушечку пальца, соединился, взмыл, вращая щупальцами, и вылетел из комнаты.

Его план был прост — долететь до границы дворца и следовать по периметру, пока не найдется выход.

Обозначил примерный курс и понесся сквозь коридоры. То и дело он упирался в стену, и приходилось облетать вокруг, но он неизменно возвращался на курс.

В тот же день Хиру добрался до границы дворца — бездверной серой стены. По возвращении он отсоединился от глаза, детально набросал путь, пал на койку и долго лежал окоченевшей плитой тела, с двумя фарфорами тянущих глазных яблок в голове, не в силах заснуть.

Вертикальные линии дней неотвратимо приближали срок — то, чего он ждал с таким нетерпением в прошлый раз, теперь надвигалось ледяной волной.

К концу первой недели неустанных полетов периметр дворца был полностью разлинеен. Выхода не было. Хиру растерянно шелестел листами, водил пальцем по карте. Дворец был замурован. Может, ошибка? Может, он сбился с пути?

Он облетал периметр снова и снова, пока боль в глазных яблоках не стала невыносимой. Несколько дней он провел лежа на боку, скорчившись в эмбрион, пока пульсации не отступили. До ритуала оставалось девятнадцать вертикальных линий.

В очередной раз Хиру вошел в глаз и полетел по коридорам. Добравшись до стены-границы, он обнаружил в ней несколько дверей, которых прежде не было. Он залетел в одну, в другую — все они куда-то вели. За время его отсутствия возникли целые россыпи новых комнат. Поносившись по ним, он вернулся на привычный курс и вновь уперся в безвыходную стену. Он облетел дворец по периметру, тщательно вглядываясь, убеждаясь в непроходимой бездверности.

Вернувшись в тело, Хиру расчертил новые пространства. Для этого стену-границу, обозначенную на его настенной карте, пришлось раздвинуть, освободить место для новых листов.

Похоже, за те дни, пока он валялся на койке, корчась от боли, дворец раздулся как пузырь: нарисовались новые комнаты, а границы разъехались в стороны.

x
Дневник Хиру

Я люблю ее. Я боюсь ее. Всей душой. Всем телом. Всем сердцем — тем клапановым мостиком, что соединяет одно с другим. Кошмар и нежность. Пополам. Младенец на ладони мальчика-рыбака и гильотинный вопль жестокого бога в святилище Неприметного Храма.

Осталось два дня: завтра, послезавтра и все. Последняя сессия. А дальше? Шмит оставит меня с ней один на один? И что я должен делать в такой ситуации?

Пишу нескладно, поток мыслей, но никто не прочтет этих записок, а если и прочтет, то, наверное, Шмит. Он и так уже все знает, разве нет? Наверняка. «Уже убегаешь?» — спросил он в первый же день.

Убегаю. Да. Но как? Похоже, что дворец расширяется — в этом нет сомнений. Новые комнаты возникают по периметру. И выхода нет. Не видно.

Черт возьми, что же мне делать? Я не могу… не могу же я проводить этот ритуал. Ей больно. Невыносимо. Меня трясет от одного воспоминания. Зачем он это с ней делает? Для чего?

Хотя это ведь не она, так? Та девочка на алтаре, перед тем как Шмит проводит ритуал — это не она. Совсем не она. Не Богиня. Это просто девочка. Бедная, больная девочка. И теперь мне предстоит… неужели я стану им? Неужто в этом и замысел?

Мне нужно поговорить со Шмитом. Нужно спросить его. Необходимо. И про расширение дворца тоже. Он должен об этом знать. Он знает. Наверняка.

X
Хиру

— Я вижу, ты добрался до границ, — раздался знакомый голос.

Хиру пробудился и сел на койке рывком. Шмит стоял у стены и постукивал пальцем по краю карты.

— Вроде того. Они разъезжаются, — тревожно-спросоночно проговорил Хиру.

— А! — поднял палец Шмит. — Отлично.

Хиру попытался сказать что-то еще, но Шмит уже выходил из комнаты.

— Пора. Не забудь маску, — бросил он на ходу.

Минуя сердечные мины, Хиру побрел по коридору: налево, направо, налево, направо, в двери и под высокие своды алтарницы.

Шмит стоял у алтаря. Рядом с ним был еще один персонаж, похожий на подданного из турецко-шахматного сна. Завитые носы на ботинках. Усы. Халат.

Шмит поманил Хиру пальцем.

— Это Хабрик, — сказал он.

Хабрик кивнул головой. Хиру отзеркалил тем же.

— Хабрик всегда неподалеку, если что. Богиня иногда ведет себя резко. Она сильна. Временами чудовищно сильна. А вот и она.

Хиру обернулся. Дверь приоткрылась, и Богиня вошла. Черно-белое платье, светлые волосы.

— Я буду здесь. Надевай, — сказал Шмит и выудил хирургическую маску. Хиру последовал указу.

Девочка взошла по ступеням и легла на алтарь, не глядя на них.

— Богиня, — искристо-доверительно произнес Шмит. — Сегодня нас немного двоится. Это нормально. Это временно. Прошу.

Шмит подмигнул Хиру.

— Итак, что вас беспокоит? — спросил Шмит Богиню.

В голове у Хиру вертелось «девочка, всего лишь девочка», но в груди пауковатыми металлическими шарнирами выпрямлялась тревожная стезя. «Скоро. Скоро».

Девочка рассеянно глядела перед собой. Фатально. На лицо ей падал луч света из окошка в потолке. Зрачки — точки. Ярко-синие глаза. Что-то с ними было не так. За радужками виднелись уплотнения, будто многослойные контактные линзы.

— Я играла в комнаты, и там был паук... — сказала она. — У него в лапах были прозрачные лифтовые шахты. Я зашла в лифт и оказалась как бы взаперти. В футляре.

Она замолчала. Губы ее были бледные, бескровные.

Шмит толкнул Хиру в плечо. Тот вышел из оцепенения. Шмит многозначительно посмотрел на него:

— Продолжай за меня.

— Что-нибудь еще? — спросил Хиру не своим голосом.

Шмит одобрительно кивнул.

Девочка нахмурилась. Брови ее были тонкие, мягкие, но с характером.

— Трудно вспомнить.

— Прошу вас, — сказал Хиру. Краем глаза он отметил, как Шмит кивнул еще раз.

— После паука, я... мы выбрались из заперти, и там

была льдина — такая громадная, как айсберг. В большом стакане с черной водой.

Хиру ощутил вибрацию. Воздух зашевелился, но не физически, а энергиями. От девочки исходили волны. Нижняя губа Хиру зачесалась, и он поводил ей об маску изнутри.

— Продолжайте, — произнес голос Хиру. Это произошло само по себе. Он словно вошел в поток и стал частью происходящего. Хиру вопросительно глянул на Шмита. Тот улыбался глазами: он знал, что с ним происходило. Все знал.

Девочка продолжала говорить, но Хиру перестал ее понимать. Он распознавал значения отдельных слов, но смысл сказанного увиливал, проваливался. Ее речь казалась ему вибрационной змеей, скользящей по туннелю сквозь воротца. Задача Хиру заключалась в том, чтобы подталкивать эту змею в нужном направлении. В то же время что-то в этом ментальном деянии напоминало ему о бадминтоне с очень быстрым и ядерно-тяжелым воланом.

Шмит похлопал Хиру по плечу и отступил назад. Последнее, что он ощутил перед тем, как впасть в транс, — щекотную каплю пота, стекающую по позвоночнику.

Когда Хиру очнулся, его рука была на колене девочки, а глаза ее перещелкивались цветными линзами. На мгновение он будто поменялся с ней телами и ощутил липкий горячий шар в междуножье.

Экстаз — Гром — Вопль — Вспышка!

В следующее мгновение Хиру стоял с поднятыми руками, ладонями вперед. Перед ним на алтаре лежала Богиня и улыбалась уголками губ.

Хиру опустил руки и попятился, чуть не падая с алтарных ступенек. Шмит подхватил его и крепко сжал плечо.

— Молодец, — сказал он заговорщицки.

— Хабрик! Отведи Богиню в тронный зал, — крикнул он, и турецко-шахматный персонаж засеменил к алтарю.

— Пойдем, пойдем, — шептал Шмит Хиру в ухо, придерживая его за плечо как пьяного, — покажу кое-что.

Они вышли из алтарницы. Шмит отпустил плечо Хиру и снял с него маску, протянул ему.

— Держи. Не потеряй. Хорошая работа сегодня. Оправдал все ожидания.

Шмит пошел по коридору. Хиру следовал за ним. Он помнил этот путь по глазным полетам, только на этот раз он двигался значительно медленнее.

— Что со мной было? — спросил он наконец.

— Ритуал, — ответил Шмит. — А ты думал, что только Богине нелегко приходится? О, нет. — Он обернулся на ходу и почесал бровь большим пальцем. — Неописуемо, да? Ни на что не похоже.

— Я чувствовал, будто я… был в ней. Или ей.

— О, да.

— И то, что я делал… я же говорил? Говорил что-то, но это не похоже было на речь. Как будто… — он поводил в воздухе рукой, чертя волну.

— Да.

— Шмит, — сказал Хиру сильным тоном. Это был первый раз, когда он назвал Шмита по имени.

Шмит остановился перед дверью.

— Я хочу уйти. Я должен. Я не могу. Правда, не могу, — сказал Хиру.

Шмит пристально посмотрел на него с отражением далекого ледяного пика в глазах и медленно кивнул.

— Можно, я уйду? — спросил Хиру побито. Ему захотелось хныкать.

— Именно это... я и хотел тебе показать, — ответил Шмит и открыл дверь.

X
Садовник

Земля — теплая, влажная, черная, в подвале дворца. Если приложить ладонь, можно почувствовать, как она дышит. Ее синеватые испарения наполняют воздух Зоем, который смещает конструкции надбровников жителей и размывает нарисованный космос. В некотором смысле эта почва и есть живой космос, только затвердевший, оглиненный.

Я прихожу сюда с большой лейкой, и черная вода магнитно изгибается зигзагами, выходя из отверстий. Я трамбую грязь ногой в сапоге по колено. Почва хлюпает, пузырится, урчит.

Сам дворец как выдутая из стекла бутыль — меланхолично одушевленный, задумавшийся. Земля в подвале оживляет пространство внутри дворца, проницая воздух этажами вверх, одурманивая пылинки. В вербальном смысле мне ничего не известно о происходящем наверху, но почва откликается на эмоции, ниспадающие оттуда, а может наоборот, это она их порождает, а события во дворце подбираются после под их витиеватый узор.

Бывает, вздымается по-кошачьи холм и весь трескается, трясется, сильно пахнет Зоем. Потом опадает, дышит глубоко и медленно, по часу за вдох.

X
Хиру

Узкий коридор оканчивался лифтовой дверцей. Шмит просунул руку между створок и толкнул в сторону. Дверца отъехала.

По ту сторону царила абсолютная темнота. Ощущалось громадное пространство. Воздух был иным на вкус. Подземным.

— Подожди здесь, — сказал Шмит и быстро ушлепал куда-то в сторону, шурша подошвами тапок.

Раздался звук вкручиваемой лампочки, моргнуло, и появился свет вместе с сощурившимся лицом Шмита и его белесой бородой. В воздухе металась влажная пыль, отчего было четко видно полукруглую границу освещения. Пухлый бутон светка в темной пещере.

Шмит нагнулся и подобрал с пола жестяной пульт с большими кнопками.

— Заходи, это лифт, — сказал он, и Хиру последовал. Шмит нажал кнопку, пол дрогнул, и они поехали вниз. Лифт был примитивный — плоский лист фанеры на замызганных канатах. Ржаво пели шестерни, разматываясь.

— О том, что я тебе сейчас покажу, никому не стоит знать, — сказал Шмит. Он стоял ссутулившись, глаза сокрыты под козырьками теней надбровных дуг.

— Конечно, — ответил Хиру.

Лифт остановился с громким клаком шестерни. Шмит нагнулся и хрустнул каким-то рычажком, отчего фанера пола выдвинулась подобно языку, образуя мост. Он потянулся и снял лампу с крюка.

— Пойдем.

Шмит двинулся в темноту, провод от лампы змеился следом. Пахло землей. Фанера прогибалась под ве-

сом тела, под ней — пропасть шахты. Фанерный язык продолжал выдвигаться перед ними как разворачивающийся ковер. Наконец он уперся в препятствие, и Шмит остановился.

— Вот она, — сказал Шмит и, протянув лампу Хиру, отошел в сторону. Лампа была теплой. Хиру всмотрелся.

Перед ним располагалась ребристая стенка с шестиугольными наростами, напоминающая улей. Хиру прикоснулся рукой.

— Не совсем понимаю...

— Это только поверхность, — сказал Шмит и, прислонившись к улью лбом, внезапно зашипел: — Ш-ш-ш-ш... ш-ш-ш-ш-ш-ш.

Что-то щелкнуло, и фрагмент стенки отъехал, отворился люк. Должно быть, шипящий замок.

Хиру посветил лампой.

— Не наступай на край моста, поломается, — сказал Шмит и легким движением впрыгнул с фанерного мостика в люк. Хиру последовал.

Внутри была небольшая индустриальная комната с закругленными углами. Большую часть пространства занимал черный столб с двумя генераторными набалдашниками по краям.

У лампы натянулся провод — не хватало длины.

— Повесь сюда, — сказал Шмит и потрогал стенной крючок. Хиру пристроил лампу.

— Это Ядро Машины, — сказал он и положил руку на столб.

Хиру поднял взгляд: столб уходил вверх, сквозь дыру в куполообразном потолке.

— Ядро Машины? — спросил Хиру.

— Да. Машина состоит из двух частей. Здесь — основная.

— Что она делает?

— То же, что и ты, — ухмыльнулся Шмит, — картографирует. Только гораздо быстрее. Почти мгновенно.

— Картографирует?

— Да. Глазом все не облетишь, потому что, как ты уже заметил, дворец все время расширяется. А Машина вмиг все просканирует и найдет выход. Когда будет готова.

Хиру посмотрел на Шмита. Лицо его было серьезно, безволно; он не отвел глаз.

— Ты тоже… — начал Хиру.

— Да. Я тоже хочу выбраться отсюда, — сказал Шмит.

Хиру смутился. Ему казалось, что Шмит пребывал во дворце добровольно. Что он тут проводил какие-то исследования, и Хиру приходился ему вроде подмастерья… но откуда у него была эта информация? Он ощутил, будто смотрит на вклеенное в альбом воспоминание, у которого отогнулся кончик, и за ним еще что-то написано, но не прочесть.

— И… давно ты здесь?

— Давно, — мрачно ответил Шмит. — И ты, наверное, думаешь, при чем тут ты?

Хиру кивнул.

— Должен признать, с самого начала я не был в тебе уверен. Поэтому пришлось выждать некоторое время, показать тебе… ее. Посмотреть, как ты прореагируешь. Но теперь сомнений нет, ты себя проявил наилучшим образом. Ждать больше ни к чему.

— Тебе нужна помощь с Машиной? — спросил Хиру.

Шмит покачал головой и положил руку ему на плечо.

— Нет. С Машиной я справлюсь сам. Она почти готова. Но есть нечто такое, что можешь сделать только ты. Там, внизу, под дворцом, есть место, куда я… не могу пойти. Я подозреваю, что там может быть

выход. Тебе нужно будет отправиться туда и проверить.

Хиру кивнул.

— Загвоздка в том, что это место под водой. В колодце. И чтобы туда проникнуть, тебе нужно будет создать свою собственную машину. Субмарину.

— Создать? Из чего? Как?

— Так же, как я создал вот это, — он постучал костяшкой пальца о столб Ядра. Столб отозвался чугунным звуком. — Ты все поймешь, об этом не беспокойся.

Шмит отпустил руку с плеча Хиру и повернулся к выходу.

— Пойдем, а то нас хватятся.

— Она… держит нас взаперти? — выпалил Хиру.

Шмит снял лампу с крючка — его тень забегала по стенам.

— Может, и так, — сказал он. — Я отведу тебя обратно, в твою комнату. Ты ложись спать, головой к двери. Я приду во сне и все объясню.

— Придешь во сне? — переспросил Хиру.

— Да. И никому ни слова, — сказал Шмит, покидая Машину.

X
Блокнот Шмита

Машина

Картографический аппарат, указуемый прожектор или просто «Машина» состоит из двух частей: Системы и Ядра.

Система — это программа, навязываемая Рабочим через Код. Говоря упрощенно, это своего рода гипноти-

ческое поле, которое внушает Рабочим их программу действий на молекулярном уровне.

Когда Рабочие подключены к Системе, их осознанность притуплена, и свобода воли отсутствует совершенно. Они сливаются со своей программой и автоматически исполняют ряд отведенных им действий подобно шестерням механизма.

Каждая из этих программ разработана специально для выработки энергии определенного цвета. Всего в этом мире энергий пять: черная, сиреневая, оранжевая, стальная и прозрачная.

Во всех без исключения мирах, что мне довелось посетить до прибытия во дворец, любого рода труд вырабатывает энергию всего лишь одного типа — прозрачную. Будь то вращение мельницы, подъем рычага железной рукой, толкотное дыхание пара или жжение угля — энергочастицы, бегущие по проводам, одинаковы. Во дворце правила иные. Энергии здесь разноцветны и разнообразны.

Их потоки стекаются от Рабочих в Ядро, где они питают генератор, представляющий собой полую трубу с маховиками в стенках. Часть энергий приводит в движение биты Системы, в которых написан Код. Код отправляется обратно к Рабочим, замыкая тем самым процесс в бесконечную петлю. Другая часть энергий покидает генератор через трубку и ударяет светом в Лампу наверху, в которой все энергии перемешиваются воедино, в белый свет, и рассеиваются в стороны.

Выходя из Лампы белый свет ударяется в Фильтры, — по паре на каждый тип энергии за исключением прозрачной, которая не нуждается в преломлении.

Каждая из энергий представляет собой также определенный угол зрения. Так, если глядеть на мир через оранжевый фильтр, все неоранжевые явления и существа будут отсеиваться.

Когда фильтры займут свое место в Ядре и энергии распризмуются лучами по дворцу, они заполонят собой все уровни реальности и естественным образом устремятся к выходу, подобно воздуху, что покидает космический корабль через отверстие в обшивке. Для того чтобы выйти из дворца, достаточно будет лишь проследовать за лучом, что нащупает выход первым. Фильтры позволят сместить угол восприятия и с их помощью можно будет добраться до выхода сквозь препятствия, используя их как контактные линзы.

Фильтры уникальны и существуют в этом мире только в одном месте — в голове Богини, в ее глазах. Однако в своем натуральном виде они не способны пропустить через себя надлежащую интенсивность белого света из Лампы, не разбившись.

По этой причине, прежде чем Фильтры будут готовы к изъятию и применению, они должны быть специальным образом эмоционально закопчены. Закопчение стекол Фильтров и есть цель проведения ритуала.

X
Хиру

— Посмотри на руки, — раздался голос Шмита.

Хиру очнулся посреди тускло освещенной комнаты и поднес ладони к лицу. У него было много пальцев — слишком много, сосчитать не удавалось, числа соскакивали.

— Ты спишь. Это сон. Смотри сюда.

Хиру посмотрел по направлению голоса.

Шмит сидел за кухонным столом, наполовину истлевшая свеча отбрасывала тени. Хиру словно глядел сквозь мутное стекло. Изображение моросилось.

— Трогай вещи, станет лучше видно, — Шмит поводил ладонью по столу.

Хиру подошел к стене. Зеленая шпаклевка отпадала местами, и сквозь нее проглядывался слой бежевых обоев с цветочками. Хиру засмотрелся на узор.

— Не втягивайся. Держи внимание. Смотри близко, но не засматривайся. Ну как, теперь лучше видно?

Действительно, взгляд сфокусировался и зрение заострилось.

— Хорошо, — сказал Шмит и встал. Черты его были исключительно детальны. Каждый волосок бороды вился отдельно.

— Теперь — в лабораторию. Вообрази ангар. Типа самолетного. Или верфь. Неважно, как выглядит, главное — чтобы была строительная атмосфера и много места.

Узор на обоях вновь завтягивал внимание Хиру, поволок за собой...

— Хиру! Хиру! — защелкал пальцами Шмит. — Не засматривайся. Слушай мой голос. Ангар. Где самолеты хранят. Давай.

Хиру вообразил ангар — безликий, серый.

— Так? Вообразил картинку? А теперь засмотрись на нее. Как ты вот сейчас засматривался на стену.

Хиру понял, что от него требовалось. Он засмотрелся в воображенный ангар и оказался там. Под потолком с неравномерным запозданием зажегся гудящий свет люминесцентных ламп.

— Вот, — Шмит развел руками, — полдела сделано. Теперь так же, как ты вообразил ангар, вообрази вот это.

Он достал из кармана черный кубик.

Хиру подумал о кубе, и тот соткался из воздуха напротив него.

— Так. А теперь субмарину. Большую, во весь ангар.

Хиру сосредоточился на субмарине, но ничего не приходило на ум.

— Такая пузатая, желтая, с иллюминаторами, — подтолкнул Шмит.

Хиру вообразил. Субмарина возникла и повисла в воздухе. Шмит кивнул и переместился к ней.

— Подойди сюда.

Хиру попытался сделать шаг, но плотность пространства оказалась чрезмерной. Воздух обволакивал магнетизмом. Давил.

— Не ногами подойди, а вообрази, что уже рядом со мной стоишь, и засмотрись в эту воображаемую сцену.

Хиру вообразил, что уже там, и оказался перед Шмитом. Субмарина была распилена пополам. Пустая, как макет.

Шмит показал жестом внутрь субмарины.

— Там ничего нет, — сказал Хиру.

— Ага, — улыбнулся Шмит. — Теперь тебе нужно сделать ее плавать. Чтобы вниз в колодец и отсюда выход.

Его голос расплывался смыслами. Мутный фильтр снова наплывал на глаза.

— Эй, — щелкнул пальцами Шмит, возвращая его фокус.

Хиру сощурился, сосредоточился на деталях лица Шмита.

— Смотри сюда. Слушай. Это не в первый раз. Ты видишь этот сон не впервые. Вспомни. Давай. — Шмит положил ему руку на затылок и похлопал. — Давай-давай.

Что-то шевельнулось в уме: образ прозрачных слайдов штабелем друг на друге, стеклянная кипа. Полупамять. Действительно, это был не первый раз. И не второй. И не сотый.

— Сколько времени прошло? — спросил Хиру.

— Это не важно. Главное сколько осталось, — ответил Шмит. — Слушай. Когда ты проснешься, открой ящик стола и надави на заднюю стенку. Там ты хранишь записи. Ты вспомнишь об этом, когда поставишь очередную линию маркером. Черточку. Когда отметишь день. Все.

Шмит отпустил руку с затылка.

;;;;;;;

Хиру проснулся в своей комнате, подошел к столу и машинально начертил на листе черную линию. Кипа исчерченных листов была теперь толщиной с кулак. С того дня, как Шмит впервые показал ему Машину, прошло девяносто сорокадневных циклов. С тех пор они возвращались к Машине еще с дюжину раз, пока Хиру не изучил ее строение досконально.

Сон мельтешнул невербальной вспышкой — сжало в груди, что-то до боли знакомое, что-то важное. Он выдвинул ящик стола. Внутри было пусто. Пошурудил внутри рукой, надавил на заднюю стенку. Она поддалась. За дощечкой был небольшой тайный отсек.

Хиру выудил оттуда тетрадь. На обложке было отпечатано черным «Дело №» и ниже, заглавными буквами от руки, слово «ЛОГ». Между страницами была прицеплена колпачком черная шариковая ручка.

Хиру присел за стол.

ЛОГ

1.

Механические пчелы, покидающие бутон цветка, их фасеточные глаза горят белым лабораторным светом. Ноги в сапогах, идущие по полю, закат. Обратить

внимание на следы. Ближе, ближе — узор рельефов подошвы в грязи. Железный локоть, соединяющий вагоны поезда. Черное масло, скольжение.

2.

Масло ощущается между пальцами, тереть ладони друг об друга, скользкость. Растереть по лицу. Ощущать кожей лица мазут — придумать лужу и посмотреть, как выглядишь в отражении. Отражение притягивает и расплывается. Мутное стекло опять навалилось. Рассеять.

3.

Филигранная пигалица — пышные платья, торшер.

4.

«Высокие здания давят массой».

;;;;;

Смысла в написанном было мало. Хиру пролистнул пачку страниц вперед. Тетрадь была толстой.

;;;;;

89.

Таймер: устройство, позволяющее отсчитывать время. Расположен в четвертом квадрате панели управления, в правом углу. Стеклянный дисплей — зеленые цифры. Часы, минуты, секунды. Формат: ЧЧ: ММ: СС. Запускается автоматически при погружении. Прямоуголен.

Питание — синий провод (тот, который четверной), является частью охапки изолентных проводов с сини-

ми ярлыками. На ярлыках ничего не написано. Ярлыки картонные.

Головы проводов вплетены в розеточную форму — твердые, негнущиеся зубцы. По два. Серебристые.

При первом подключении надлежит вдавить таймер в панель. Вынуть его невозможно. Однажды включенный таймер не останавливается.

Подсветка цифр — эластическая, цифровая, леденцовая.

Вес — кирпич, красный, рассыпчатый.

В панели управления — мыльная выемка идеально под форму таймера. Паз в паз. Структура литая.

;;;;;;;

Текст на этой странице резко контрастировал с бредом в начале тетради и походил на инструкцию по сборке. Чертеж. Хиру пролистнул несколько страниц назад.

;;;;;;;;

46.

Почтальон постукивает газетой по забору. Солнце. Звук — бумагой об дерево. Газета перетянута резинкой для волос.

Газета — кабель. Внутри золотисто-железный. Золотой. Снаружи обтянут защитным слоем.

Почтальон открывает дверь машины. Машина с двумя дверями. Окна машины минус и плюс — в разные стороны.

Выхлоп из машины — облако, в облаке носятся электрические символы, желтые молнии. Числа: 312, 313. Миллиметров.

;;;;;;;

Хиру почесал бровь указательным пальцем. Вот оно что. Этот ЛОГ был вроде дневника сновидений. Смысловой контраст ранних записей с текущими был вызван тем, что с каждым днем он запоминал все больше и все яснее понимал, как интерпретировать сновиденное. Должно быть, почтальон — это символ доставки, передачи информации, соединения одного с другим. И газета его обращается в провод. У машины два окна, негативный и позитивный заряд. А дальше — молнии, электричество. Он совершенно не помнил, как делал эти записи, хотя почерк, несомненно, был его.

Заинтригованно он пролистал до последней исписанной чернилами страницы.

;;;;;;;

3600.

Формацевка вкрепляется тройными пуцелями в псадики под углом в 14 градусов. Материал — панельный, хрусткий, проводящий.

Внутри формацевки — титановый поршень. Такой же, как в седьмом квадрате на обратной стороне рулевого отсека (колеса). Такой же в точности, но зеркально отраженный.

Поршень ударяется об наковалку и возвращается к своим псадикам.

Пуцеля гибкие, при излишнем нагреве переходят в жидкое состояние, отчего поршень треуголится и расталкивает стенки. Бугры запускают в ход хроматейные лестнички — самонаводящиеся часы, что уравновешивают происходящее на случай столкновения с подводной огненной ямой.

Это — последняя часть пазла. На этом субмарину можно было бы считать законченной. Но при таком решении возникает вопрос. Этот вопрос к тебе (ко мне).

В случае, если огненной ямы не окажется, но передача энергии через восьмой и третий туннели проинтенсируется донельзя одновременно, как субмарина определит, что это не угроза, а естественное, ожидаемое явление? Другими словами, как предотвратить ложную тревогу?

Нужно нечто промежуточное, вроде распределителя энергии, балансировщика. Но придумать такое я не в силах. Сдаюсь. Хотя…

;;;;;;;;

На этом запись обрывалась. Похоже, Хиру во сне создавал субмарину из самопальных деталей, не имеющих аналогов в его бодрствующем сознании. На него накатила приятная усталость. Гипнозица.

Отсутствующе засмотревшись куда-то в сторону, Хиру взял ручку и не глядя написал…

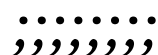
;;;;;;;;

3601.

Ядро машины Шмита, нижний отдел. Провода радаров подключаются к распределителю энергий. Там они охлаждаются, расщепляются по слоям и переносятся наверх, в трансформатор.

Это — идеальное решение, но повторить я его не смогу. Внутренний состав распределителя мне не ясен, и снаружи его не разглядеть.

Для завершения субмарины необходима деталь из Машины. Другого выхода нет.



Хиру закрыл тетрадь, зацепил ручку колпачком меж страниц, положил в ящик стола и вернул на место секретную дощечку.

Некоторое время он сидел, накрыв ладонью глаза, потом встряхнулся, встал, взял со стола маску, прихватил с вешалки белый халат и вышел.

x
Хиру

Хиру распахнул дверь алтарницы. Богиня уже лежала на алтаре, вместо платья на ней была белая ночнушка до колен. Электрозность обуяла его уверенные шаги, взяла его в поток. Восходя по алтарным ступеням, он привычно потерялся в происходящем.

— Так, что тут у нас, — сказал он. Тон холодной заботы. Психотерапевтический свет. В последние несколько месяцев его роль в ритуале отработалась до автоматизма, так что само участие в этом процессе казалось ему чужим, условным.

— Я… магистрали… — тихо прошептала девочка. Ему уже доводилось видеть ее в подобном виде, без платья, по крайней мере дважды. В таких случаях Хабрик выносил платье, и девочка одевалась здесь. Было ли это ошибкой или преднамеренной установкой — ему установить так и не удалось. Шмит об этом не говорил. Виделись они крайне редко, вероятно, тот с головой ушел в создание Машины. Все это было неважно. Даже боль от встреч с Богиней притупилась — его любовь укуталась в покрывало травмы. Все существо Хиру было сконцентрировано теперь на сборке субма-

рины и побеге из дворца. Пострадать он еще успеет. Потом, когда выберется отсюда. А сейчас — щуплая девочка с большими глазами, распростертая на алтаре. Замерзла.

— Хабрик? — позвал Хиру.

— Богиня отправилась домой через Магистрали, как обычно, затем вернулась во дворец и... здесь мы... встретились, — он говорил с мятой перевалочкой, сбиваясь голосом.

— Подробнее.

— Она... зашла ко мне в келью.

— В келью? Богиня, прошу вас. Расскажите, — Хиру всмотрелся в ее лицо по-медицински, игнорируя ее одушевленность.

— Я потерялась. Машинки остановились и... потерялась.

Ее колено приподнялось, пошло вверх. Хиру придавил его ладонью; строго, но вежливо. Поток его роли тек гладко.

— Крайне интересно... Позволите?

Он перевернул ее руку и прошелся пальцем по сгибу локтя, нащупывая магистраль. Она проявлялась наростом — выпученной веной. Зажав ее между пальцами, он надавил, и бурая кровь полилась струйкой через отверстие в коже. Он потянул за магистраль, осторожно, склизко.

— Крайне. Крайне интересно, — проговорил Хиру. — Приступим? Богиня, вы готовы?

— Я не одета подобающе, — сказала Богиня низким тоном, будто имитируя чей-то голос. С ней это случалось довольно часто. Она, похоже, отыгрывала некоего персонажа, воображаемого друга, который приходил ей на помощь в кошмарные моменты. Однако аргумент ее был верный: платье было важным элементом ритуала.

— Хабрик? — позвал Хиру.

— Да.

— Богине нужно платье.

— Оно... не готово. Слишком рано. Призраки еще танцуют... — усато промямлил Хабрик.

Хиру оглянул алтарницу в поисках Шмита, который иногда негласно присутствовал на ритуалах. И действительно — Шмит стоял у иконы, пристально наблюдая за происходящим. Хиру вопросительно поднял плечи. Шмит кивнул, с искоркой в глазах: «Продолжай». Я знал, что из одежды позволено было только платье, если продолжать без него, то остальную одежду нужно было убрать. Богиню надлежало раздеть.

— Что ж, — сказал Хиру, обращаясь к девочке, — приступим без платья.

Он ухватил пальцем за воротник ночнушки, резко дернул вверх и потянул с молочным хрустом.

Соски ее стояли от холода, белая кожа пупырилась мурашками, волосы спадали светлыми волнами по священной ткани.

— Фильтры. Прошу вас, — кварцево-циркульно проговорил Хиру.

Девочка испуганным зверьком смотрела на него снизу вверх.

— Глаза, — уточнил он.

Богиня переключила радужки глаз на синие, родные, прозрачные.

— Что вас тревожит? — спросил Хиру, ощущая натягивающуюся энергию, взвинчивающуюся в стакане его груди пружину. Где-то в глубинах его сознания, у бордовой стены, вне потока ритуала, кольнуло живой болью. Скоро Богиня станет собой, и их глаза пересекутся снова. Гильотина вскроет сердце — полетят птицы, попадают замертво, заворонятся в вопль.

— Что вас тревожит? — повторил Хиру.

— Магистрали. Что-то поломалось, и я осталась там. Потерялась.

Девочка дышала быстро и тяжело. Грудки ее болезненно вздымались и опадали.

— Прошу вас. Продолжайте, — холодно провентилировал Хиру.

— М-м… мои руки. Ава и Герда. Они везли меня на машинках, по рельсам. И рельсы начали спорить. Я заснула.

Пот шариками заскользил по ее телу, один проник в пупок, заскользила капля по виску. Она задышала чаще.

— Еще? Дальше? — Хиру слышал свой голос со стороны, отстраненно. Ритуал слился с ним воедино, он стал его частью, отражением танцующего зеркала. Хиру растворился.

Кнутом вхлестнул его в чувство красный растерзанный вопль Богини.

Как глубоко ни уходил он в себя,
Как тщательно ни скрывался за кулисами,
Как ни забивался досками наглухо,
Под одеяло, под подушку, не трогай!
Вопль Богини всегда проникал сквозь,
Всегда находил его во тьме,
В его потаенном саду,
Хватал за руку и выдергивал наружу,
На яркий свет.
Крича: «Помнишь меня? ПОМНИШЬ МЕНЯ???»

И сладкие, жестокие объятия ее глаз
Неизбежно
Ждали на том берегу.

x
Эйс

Стены помещения были декорированы шерстяной бахромой, в которой серебрились длинные ключи. С потолка свисали стеклянные трубки, подсвеченные изнутри, в углу фосфоресцировала паутинами сеть из рыболовной лески. Каждый раз, проходя через это помещение, Эйс пытался подобрать ему подходящее название, но емкое определение все не подворачивалось. Он сосредоточенно перебирал в уме слова, делая вид, что пристально изучает ключ. Дексы уже покинули помещение, но Глик задержался. Придерживая стеклянную трубку одной рукой, он постукивал по ней ногтем. Трубка гирляндно отсвечивала в его очках.

— Молчание, — сказал он. Эйс мельком глянул на Глика и всмотрелся в ключ с утроенной силой, надеясь, что грядущий разговор рассеется, если он не отреагирует на эту реплику.

— Оно бывает разное, да? — продолжил Глик. Похоже, разговора было не избежать.

— Что ты имеешь в виду? — осторожно спросил Эйс.

В углу помещения стояло маленькое пианино из светлого дерева с лакированной крышкой. На нем было написано позолотой что-то неразборчивое: в Лабиринтах все надписи были перепутаны буквами. Напротив пианино стоял пластмассовый детский стульчик ядовито-розового цвета.

Глик поднял крышку пианино и закрепил ее в открытом положении. Внутри блистали свежеоблизанные струны — дексы просканировали каждый миллиметр.

— Дексы молчат, например. Почти всегда. О чем они думают?

— О Богине? — предположил Эйс.

Глик присел на стульчик вполоборота и замассировал затылок.

— Похоже на то, да? А почему ты так думаешь?

Эйс оставил ключ в покое и подошел к паутине в углу. — Они только об этом и говорят, — сказал он.

— Да. Скорее всего. Почти наверняка. Мы догадываемся, о чем другие молчат, судя по тому, о чем они говорят. Дексы-то уж точно.

Деревянно стукнуло — Глик опустил крышку. Эйс обернулся и взглянул на пианино — что-то взворошилось в его памяти. Струны. Запах дерева. Жужжание безумных зубов. За последней клавишей…

Глик встал. Их взгляды встретились.

— Конечно, я не знаю точно, о чем они молчат. Но знаю, о чем молчу я, — он снял очки, потер переносицу и надел их снова. Эйс молча смотрел на него из-под челки.

— Богиня где-то там. В Лабиринтах. Она истекает жаждой, и жажда ее вполне утолима. И знаешь, в чьих силах ее утолить? — он похлопал себя по паху. — Больше никто не может спасти ее. Мы ее единственная надежда. Ты понимаешь? Мы и другие джоинты. Конечно, ей не важно, кто именно обнаружит ее, возьмет на руки, проникнет. Только бы утолить этот зноб. Эту корь. Но ты представляешь себе? Представляешь, каково это? Если это будешь ты. Если это буду я… — челюсть его задрожала, — если я… трахну Богиню. И за этим. В этом весь смысл. И только об этом и стоит думать. Об этом стоит молчать. Потому что ничего больше не имеет значения. Как может что-то еще значить? — Он остановился, захлебываясь от возбуждения. Снова снял очки и принялся протирать их уголком рубашки, слеповато щурясь.

— Я не понимаю тебя, Эйс. Ты говоришь о том, что было, ты спрашиваешь, помню ли я и все такое прочее. Но зачем тебе это? Правда, зачем? — он надел очки.

Эйс коротко кашлянул.

— Я помню, — чуть не сорвалось с его губ. Он буквально стер эти слова тыльной стороной руки, вытер рот.

— Так, спрашиваю... не знаю... — сказал он.

Глик просканировал его взглядом с головы до ног. Эйсу показалось, что взгляд Глика задержался на его нагрудном кармане, где физически ощущалось присутствие бумажного списка, его вес.

Глик покачал головой, развернулся и покинул помещение.

Эйс несколько мгновений стоял неподвижно, затем подошел к пианино, нервно постучал по крышке указательным пальцем и последовал за Гликом.

X
Блокнот Шмита

Башня

Башня дворца находится в левом крыле. Ее верхний этаж — темное помещение в форме лежащей на боку шахматной пешки. Голова пешки — площадка, куда выходит винтовая лестница; туловище пешки — расширяющееся конусом пространство этажа. Башня была обнаружена мной во время одного из полетов глазом. Я нанес ее на карту довольно давно, но все не мог найти ей применения, до появления Слезы.

Слеза

Идея создать Слезу пришла ко мне во сне. Вот вырезка из дневника сновидений:

;;;;;

Сон (09/313)

Я летел сквозь космос. Сильно болела правая рука (возможно, отлежал). Я увидел большой прозрачный шар, болтающийся на шнурке, размером с меня. Он был наполовину заполнен чем-то блестящим, похожим на золотые слитки. Я приблизился к нему и дотронулся. Поверхность была матовой, твердой. Я моргнул и оказался внутри шара. Я сидел, сгорбившись в шаре, не мог разогнуться. Был по пояс закопан в блестящие предметы. Поднес один из них к глазам — предмет выглядел как плоская фляга.

Попытался выпрямиться и уперся плечами в стенки шара. Шар не поддавался. Сквозь верхний сегмент я увидел шнур, прицепленный к шару, как к елочной игрушке.

Шар резко дернулся, сорвался с места и понесся кометой. Я ударился обо что-то, ощутил тупую боль. Блестящие фляги бултыхались внутри шара вместе со мной, вокруг меня. Шар открылся, и я вывалился на каменный пол. Помещение было ярко освещено, и я узнал его по пешечной форме — это была Башня. Только в отличие от башни, обнаруженной мной, стены сновиденной башни были разрисованы звездами.

;;;;;

По пробуждении я призвал Хабрика, выдумал в этот мир ведро краски и объяснил ему, где именно располагались во сне звезды. Пока Хабрик рисовал на стенах кос-

мос, я выдумал тягучую материю вроде жидкого стекла и выдул из нее пузырь. По размерам шар получился чуть поменьше, чем во сне, но интуиция подсказывала, что так и должно быть.

Возникла сложность со шнуром, на котором сновиденный шар висел. Потрогать его там не удалось, и я понятия не имел, какой именно материал выдумывать для его создания и к чему крепить. И какую роль играли блестящие фляги внутри?

После того, как Хабрик дорисовал звезды, я отпустил его домой, в келью, и присел на край площадки, свесив ноги вниз. Стены этажа продолжались, но пола не было. Небольшой фрагмент космоса нависал над пропастью башни, видимо, Хабрик писал его, стоя на самом краешке, балансируя на грани. Нетронутая стена длилась еще несколько метров, прежде чем раствориться в темноте.

Я закрыл глаза и визуализировал свои мысленные процессы — они мельтешили бешеными лягушками в кипящей луже. Я вообразил, что отталкиваюсь от лужи вверх, взлетаю выше, и увидел грязную проселочную дорогу, в которой было много таких луж, но понимал я лишь ту одну, из которой взлетел. Остальные лужи тоже мельтешили, но чем-то необъяснимым, внеязыковым.

Я отдалился еще дальше, и передо мной предстал шарик, висящий в пустоте: планета проселочных дорог с лужами. Я обернулся, и планета эта размножилась, разложилась веером, образовала круг из своих грязных копий. Я потянулся в сторону, вбок, и вырвался за пределы круга. Передо мной висела косматая звезда. Я приблизился к ней. Изображения мелькали на ее поверхности, как на выпуклом экране. Я сосредоточился, вообразил башню в левом крыле дворца, шнур, на который был подвешен шар из сна, наполняющие его фляги. Из звезды вырвался

протуберанец проектора и приглашающе открылся с плазменным хлюпом. Я проник в него головой.

На мгновение я увидел персонажа, лежащего на железном полу — сквозь его затылок пронизывался призрачный электрический столб. Затем картинка изменилась — я невесомо парил под потолком башни. Ощущалось сильное магнитное давление, и все казалось немного смещенным в сторону, но не физически. Будто я находился не в самой башне, а в ее альтернативной копии.

В этой версии башни разрисованные звездами стены фосфоресцировали в полумраке. Сфера висела на шнурке и тоже фосфоресцировала. Я подлетел поближе и всмотрелся в основание шнурка, там, где он крепился к потолку. Оказалось, что сфера была примотана к железной скобе. Зрение начало расплываться, я ощутил свое тело там, в физической башне дворца. Похоже, экспириенс подходил к концу.

Я полетел вниз, к сфере, по пути пропуская шнурок между пальцами, пытаясь определить его структуру. Он был связан из астральных волокон, что представляли собой сгущенные эмоции: страх, боязнь утраты, перемен. Добравшись до сферы, я проник в нее головой сквозь стенку — на дне лежала единственная фляга. Я подобрал ее и всмотрелся в горлышко. Внутри играли цвета. Это был калейдоскоп.

Меня сильно потянуло назад в тело, вытянулся гладкий туннель для возврата, и я услышал детский голос: «Слеза».

Я отпустил волю, меня протащило через туннель и выкинуло в пустоту к кольцу грязевых копий планет проселочных дорог. Фокус сузило до одной, моей, настоящей планеты, и я полетел к ней, пробиваясь через карие облака атмосферы, ориентируя посадку на скорость вращения. Я видел лужу своих мысленных процессов изда-

лека и приземлился в самую гущу барахтающихся лягушек. Я открыл глаза.

— Слеза, — повторил я вслух реплику детского голоса.

X
Богиня

— Твое внимание притупилось, — сказал Голос моими устами.

Я провела ладонью по нагому плечу. В Слезе было холодно.

— Поиграем в комнаты? — спросил он.

Калейдоскоп парил в невесомости, бесконечно заваливаясь набок. Звенела тишина.

Я повела головой.

— Там, в розовых пустынях. Ты знал про всадников.

— Бедуинов пустот?

— Да. Откуда?

— Я бывал там прежде.

— А где ты еще бывал?

— Много где. Калейдоскоп — сильная вещь. Его можно настроить под что угодно, даже если не знаешь, куда именно направляешься. Но мне и калейдоскоп не нужен в принципе. Без тела оно и так легко. Можно.

— А про этот мир что-нибудь знаешь? Ты бывал здесь прежде? До того, как мы тут оказались.

— Да. Мельком.

— Мы же… в космосе, так?

— Да. Обитатели дворца называют это место Живой Космос.

— А есть еще неживой, да?

— Да, во дворце еще есть Нарисованный Космос. Ты туда попадаешь, когда…

— Когда меня несут в Слезу на носилках из башни?

— Да. Это искусственное место, в общем. Потому и называется Нарисованный. Это вроде моста между башней дворца и Живым Космосом.

— Там нас и поймали.

— Похоже на то.

— Слушай, Голос, — я поднесла к лицу ладони.

— Да?

— А выбраться отсюда можно?

— Я думаю, выбраться отовсюду можно. Тебе наскучило?

— Ты же знаешь, что… что со мной делают? Там, в алтарнице.

— Конечно.

Я прикусила подрагивающую губу:

— Я больше не могу. Не могу.

— Ну же, ладно тебе. Так надо, ты же знаешь.

— Не знаю. Надо кому? Зачем?

— Так надо порядку вещей. Тебе нужно смириться. Тогда будет легче. На самом деле. Я вот смирился и… легче.

— Смирился с чем?

Голос молчал, но я ощущала в нем залипающе-помигивающее настроение, походящее на алую лампу.

— Когда ты не отвечаешь — где ты? Куда ты уходишь? — спросила я.

Голос не ответил. Я посмотрела на парящий калейдоскоп, и мне стало вдруг так плохо, гадко, просто невыносимо. От пустоты космоса, от невозможности что-либо изменить. От одиночества.

Я дотянулась до калейдоскопа левой рукой. Герды не было дома. Никого не было. Злобно оскалившись, я сильно вдавила калейдоскоп в глазницу, щурясь,

скашивая зрение, перефокусируясь, щелкая фильтрами глаз. Камешки внутри калейдоскопа быстро перекатывались. Каскадами мельтешили реальности, меня вертело между носящихся экранов. Из одного из них вырвалась громадная угольно-черная рука, схватила меня за волосы и втащила лицом в экран.

;;;;;

Рука отпустила. Пахло серой. Я зажмурилась, подавляя тошноту, и медленно распахнула веки.

Я находилась в пещере, в центре подземной тропы, обрамленной по бокам черными обелисками. Мальчик в матроске убегал по тропе, удаляясь вдаль.

— Ты! — вскричала я и понеслась следом: — Стой!

Я знала его, но не могла вспомнить откуда. Память искрилась коротким замыканием, доступ к памяти был закрыт, завуалирован, но он был крайне важен, я не могла его упустить.

Мальчик обернулся на бегу, хохотнул и завернул за угол. Я добежала до поворота. Тупик. Каменная стена пещеры, исписанная мелким кропотливым почерком. Я вгляделась в написанное. «Хранилище», «Пианинная комната», «Скриптура», «Коридорная». Похоже на список мест. Что-то хрустнуло за спиной, и я обернулась.

Противоположная стена пещеры стремительно приближалась. Пол, потолок — все пришло в движение: пещера складывалась в коробочку, в гроб. За мгновение до того, как раздавить меня, одна из стен отъехала в сторону, и меня выдвинуло наружу, под серое небо.

Я оказалась в спичечном коробке. Гигантская рука взяла меня между пальцами, вынула из коробка, наклонила его, прижала меня головой к его стороне

и чиркнула. Кровавая полоска. Звездочки в глазах. Боль ободранного колена в голове, и тут тепло — жарко — очень жарко — невыносимо горячо. Волосы объяты пламенем. Я спичка.

Я высокочастотно завопила, как вопят люди, сжигаемые заживо.

Осатанев от злости, я выскользнула из пальцев громадной руки, прыгнула и впилась зубами в ее белую мякоть.

Рука тряхнулась, и я полетела вниз сквозь мокрый ветер. Волосы мои потухли, я неслась остро, прямо, в гибель. Я закрыла глаза. Раздался голос Хабрика:

— Богиня! Богиня!

— Что? — крикнула я в ответ, не открывая глаз, ожидая неминуемой земли каждую секунду, между стуков сердца.

— Он ждет. Используй магистрали.

Я захохотала в голос, глотая влагу воздуха, закашлявшись. Нелепость. Я сейчас умру. Разобьюсь.

Герда вдруг ожила и ударила меня пощечиной. От удара я развернулась в падении и теперь падала спиной вперед. Надо мной возник кирпичный блок с ввинченными металлическими скобами-держателями. Блок падал вслед за мной.

— Хватай! — крикнула Герда и потянулась к скобе. Я поддержала Герду своей волей и уцепилась за скобу. Голова моя горячо чесалась. Лысо ощущалась влага. Я спалила себе все волосы.

Падающий надо мной блок плавно замедлился и остановился, повиснув. Затем он перевернулся вместе со мной, так что я теперь лежала на его поверхности.

— Богиня! — раздался откуда-то голос Хабрика. — Поспеши, ну!

— Иди к черту! — плюнула я и села, свесив ноги с блока.

— Богиня! — еще раз крикнул Хабрик, но с иной интонацией, от которой меня вразумило, отрезвило. Стыд кинжалом вошел в грудь. Стало очевидно, что пора идти. Он звал меня. Так нужно порядку вещей. Единственная правда.

Я потрогала голову — редкие клоки хрупких паленых волос отпадали лохмотьями. Герда постучала своим пальцем по сгибу локтя. Я защипнула кожу, нащупала червивую жилистость магистралей и выудила ее наружу через мельчайшую пору. Густая багровая кровь полилась вниз, щекоча струйкой.

Я вытянула вторую магистраль — две змейки сопливо свисали из вен. Я выдернула их из своего тела и швырнула в дождливую пропасть. Магистрали раскрылись зонтиками, образовывая портал, и повисли подо мной.

— Ава? — позвала Герда с меркурной ноткой в голосе.

Моя правая рука шевельнулась.

— М? — раздался заспанный маленький голосок Авы.

— Поехали. Пора.

— М? — спросила она еще раз и дрогнула указательным пальцем.

— Магистрали. Пора, — сказала Герда.

Я сидела на блоке, зависшем в воздухе, раскинув руки в стороны, кровь сворачивалась на сгибах локтей, кололась болью; дождь хлестал мою лысую, обгоревшую корочкой голову. До чего же мне было все равно. «До чего же все равно. Будь что будет, только, пожалуйста, поскорее. Я не могу больше», — вертелось в уме. Подо мной — миражно вибрирующее изображение парка аттракционов. «Я не могу больше. Убейте меня. Или дайте упасть. Или дайте уйти. Или все что угодно, только не это. Только не то, что происхо-

дит», — вонзались шпаги мыслей в искалеченную плоть моего сознания.

— Угу, — ответила Ава Герде и шевельнулась волей.

Я соскользнула с блока и упала в портал магистралей.

x
Эйс

Пространство между помещениями, междукомнатье, разворачивалось перед Джоинтом. Хлюпали и покрякивали дексы, метрономно ступал Глик, безмолвно молясь.

Эйс пребывал в смятении. Разговор с Гликом в помещении с серебристыми ключами оказал на него влияние.

Многодневное зазубривание списка, его стремление вспомнить и удержать — все это казалось ему теперь временным помешательством. Конечно, Глик был прав. Богиня, соитие, жажда — это единственное, что имеет значение. Как смел он подумать иначе? А главное — ради чего? Он, должно быть, болен. С ним что-то не так. Но не все потеряно. Все можно обратить. В груди его, щекоча лепестками, раскрылся теплый цветок надежды: прилив жизни, электричество.

От списка нужно было избавиться, но его нельзя было выбросить где попало — это изменило бы ход событий. Его нужно вернуть на место. И место приближалось. Своей неокрепшей, виноватой памятью он помнил, что следующее помещение — то самое, с медицинским шкафчиком на замке, письменным столом и картиной. Картиной, в которую он зачем-то метнул стакан с железнодорожной водой.

Эйс зябко повел плечами. Безумие. Невозможность. Что со мной было? Что на меня нашло?

«Трахнуть Богиню, трахнуть...» — лекарственно забормотал он себе под нос, открещивая прочь опасные идеи. Ничего... ничего. Все будет хорошо. Вот она, дверь. Он остановился. Остановился и Джоинт. Эйс обвел пунктиром вход, Глик повернул ручку.

В помещении все оставалось некасаемо. Безпамятные дексы зашелестели по углам, как сканерные движочки. Глик подошел к шкафчику.

На мгновение Эйс замер в дверном проеме, созерцая картину в раме напротив — белая площадь, шатер вдалеке. Затем он зашел в помещение и приблизился к картине, постучал по краске ногтем.

— Эйс... — раздался голос Глика сзади. — Не видел ключ?

Эйс пробежался пальцами за картинной рамой:

— Нет.

Отсканировав все предметы, Джоинт покинул помещение.

Эйс быстрым движением выудил из нагрудного кармана исписанный бумажный листок, разгладил и положил под верхний лист в кипе документов на столе. Глянул на дверь: Глик стоял вполоборота и смотрел куда-то в сторону.

Сердце Эйса морознулось на мгновение — увидел ли он?

Глик сделал шаг в сторону и исчез с дверного проема.

Может, и нет.

Эйс посмотрел на стол — высокий стакан стоял на краю. Он был полон.

Нервно шагая, Эйс вышел из помещения.

X
Богиня

Вороны улетели беззвучно. Я открыла глаза в Магистралях, располовиненная на два тела в машинках-модельках. Моих шоферок девочек-рук не было. Дежавю. Рули у машинок были пластмассовыми, игрушечными. Гротескно выпирали педали газ-тормоз. Подташнивало.

Я вышла из машинки Герды и клакнула дверью. И вновь — зыбая высота, вершина горки. И вновь, перецепливаясь руками по крыше, добралась до свободного пространства на рельсе, вновь щелкнула фильтрами глаз на черные. Вновь, акробатически калибруясь, двинулась по ровным линиям рельсов, вновь поскользнулась, вновь упала в диванную ловушку шатра, который вернулся в исходное положение — крышей вверх.

Все повторилось в точности, только на этот раз проектора в шатре не было, и пуфоватость диванной ловушки не затягивала зыбучим песком. Я встала, отряхнулась и вышла из шатра, на белую геометричную площадь. Я уверенно шагала в сторону здания с тиром, следуя исключительно интуитивному наитию. Целлофановая тишина окутала мои уши пакетом и шелестела.

Добравшись до тира, я остановилась и дотронулась пустой рукой до горла. Голоса не было. Наитие вдруг покинуло меня, и я огляделась в поисках подсказки, намека на направление. Ровные ряды простреленных мишеней-банок устилали стеллажи. Крайняя справа банка зависла в воздухе, пробитая пулькой. Повисли флаги. Замер свет. Мертвый кадр.

Я подняла бревнышко перегородки и вступила в тир. Звуки моих шагов, едва отдавшись эхом, стиха-

ли, будто задушенные шарфом. По левую сторону от стеллажей была маленькая дверца. Я провернула круглую ручку и вошла.

Слабо освещенный коридор, серые стены — поворот.

Коридор сужался с каждым шагом, смеркался свет, а может, в глазах темнело. Я моргала фильтрами — сиреневый, оранжевый, стальной, — пусто. Пусто. Хотелось пить. Перед ментальным оком промелькнуло воспоминание о стакане с медузьей жидкостью, и я подавила в горле сухой ком. Потолок опускался, давящее магнитное чувство сгущалось тучей в висках. Заиграли электроды в пальцах ног. Что это? Я обернулась и ощутила клаустрофобный сдвиг: коридор сужался следом за мной. Стягивался с каждым шагом, совсем как каменные стены пещеры-коробка.

Я закрыла глаза.

— Знаешь, что? Пусть, — сказала я вслух. Мысли вертелись, сталкивались друг с другом. Я устала бороться. Я не понимаю. Просто не понимаю. Что со мной случилось? Почему я здесь? Почему я должна служить Ему? Что это за ритуал? Что значит «порядок вещей»? Что со мной? Где я? Навернулось зрительное марево.

Я смахнула слезы рукой и продолжила идти, ощущая сковывающий, надвигающийся жакет стен. Гроб. Коробку. Такую же замкнутую, как Слеза. Что мне с этого? Чего мне бояться? Меня обуяла злоба — я зашагала быстрее. Скорее. Пусть только скорее. Мне все равно. Магнитное давление утяжелялось, электричество заиграло в руках, в шее, в затылке — больно покусывая, дергая за плечевые суставы.

Что-то мелькнуло в стене. Я остановилась и пригляделась. Щель. Бойница. Я сунула в нее руку по локоть — с той стороны было пространство. Фатальный

азарт, с которым я шагала в свою клаустрофобную гибель, мигом отпустил, уступая место животному стремлению продолжать дышать. Я протиснулась в бойницу головой. Комната. Похоже на кабинет. Стол, кипа бумаг, шкафчик. Электричество заискрилось в позвоночнике, в пояснице. Трескотнуло поленом в электрическом костре моих нервов. Я взвыла от пронзительной боли и ринулась в щель всем телом.

В мозгу сплющило, сдавило как новорожденного. Я прозмеилась сквозь бойницу, втянула себя в комнату и повалилась лицом на пол, скулой в паркет.

Мозг напоследок сдавило еще раз и отпустило. Боль ушла, магнитная тяга ослабла. Только испуганно тряслись воробушками кончики пальцев.

;;;;

Некоторое время я лежала лицом вниз, медленно и шумно дыша. Затем выставила руки и поднялась. Встала на ноги.

— Голос? — позвала я.

Тишина.

Дверь.

Я подошла и осторожно отворила. Цепкий, непривычный свет заливал больничный коридор. Я сощурилась, моргая, привыкая к освещению. Вышла. Зеленые стены, линолеум. Шаги слизерились, посвистывали о поверхность. Вертелся монотонный гул. Я посмотрела наверх — потолок был увешан равноудаленными вентиляторами.

Ава шевельнулась.

— Ава? — позвала я и поднесла ее к лицу. Она была белой. Дрожала.

— Я здесь, — ответила Ава с хрипотцой.

— Ты в порядке? Где Герда?

— Я в порядке. Страшно, но я здесь. В порядке. Где Герда, не знаю. Где мы?

Ава поводила пальцами из стороны в сторону, будто озираясь.

— Пойдем, — сказала она. — Пойдем вперед. Я не знаю, что это, где это, но можно мы пойдем вперед?

Я погладила Аву пустой левой рукой и кивнула:

— Все будет хорошо. Мы выйдем отсюда.

Свечой в полумраке проснулась в груди робкая надежда. Я была не одна. Ава была со мной.

Я двинулась по больничному коридору. По обеим сторонам располагались двери, ведущие в палаты, но дверные ручки на них были нарисованными и не открывались. По ощущениям я шла несколько часов, прижав Аву к груди колыбелью. Время замерло, засмотрелось. В конце коридора были двойные железные врата. Настоящие, не нарисованные. Я потянула за рукоятку, и они распахнулись.

Пространство за вратами резко отличалось и походило на индустриальное хранилище. Громадные контейнеры, коробки и бочки устилали массивные стеллажи, что терялись в высоте потолка. Я попыталась открыть одну из коробок, подцепила ногтем скотч, но тот не поддавался, вилял, клеился.

— Пойдем, пойдем, — зашептала Ава.

Я оставила коробку в покое. Бетонный пол, свежий кондиционерный воздух, бесконечные запасы неизвестно чего. Я решила идти до конца. Что бы это ни значило.

Хранилище оканчивалось раздвижной гаражной дверью, за которой тянулись километры громадного офиса со стульями, пузатыми мониторами, факсами, принтерами… я шла. Баскетбольное поле размером с город. Бескрайняя пустыня душевых. Я шла.

— Ава. Где ты была? Расскажи, — обратилась я наконец к своей правой руке.

— Тебе когда-нибудь приходилось быть преданной? — резко спросила Ава в ответ. — Тебя когда-нибудь предавали?

— В смысле? О чем это ты? — я остановилась.

— Когда ты кому-то доверяешь абсолютно, отдаешь себя всю без остатка, открыто как на ладони, а они… Оставляют тебя? Предают тебя? Ответь.

— Ава… я нет. Не думаю. Нет, наверное, нет.

— Это как огонь, — сказала она с надрывом. — Огонь, который сжигает тебя снова и снова.

— Ава?

Ава нервно зачесалась пальцами. Я посмотрела на нее. На ее ладони стремительно набухали белые точки, вздымались под розоватой кожей.

— Ава?

— Когда все, во что ты веришь, все, что значит, имеет значение — разрушается. И больше ничего не остается. Совсем ничего!

Я упала на колени на кафельный пол душевой. Белые наросты прорвали ладонь Авы хлопками, прыснул гной. Наросты светились.

— Ава! Что это?! — закричала я.

Мою дрожащую ладонь усыпали десятки маяков.

x
Герда

Спичечный коробок: красный самолетик в синей рамке на белом фоне. Чирк! Герда поднесла спичку к фигурке. Огонь обнял сапог Жанны Д’Арк, закарабкался вверх. Спичка догорела до конца, едва не кос-

нувшись лиловой перчатки Герды. Герда помахала спичкой — серый дым. Спрятала коробок в карман. Встала, зябко обхватив себя руками.

Посреди серой дождливой плоскости пылал костерок. Фигурка деревянной Жанны треснула и вплелась в застенки пламени.

Герда обернулась. Ее машина стояла на обочине. В кабине горел свет, трещал мотор. Она бросила последний взгляд на горящую фигурку и та отразилась в ее глазах — запертый в окружность радужки огонек. Будущий пепел. Тлен.

Герда вернулась в машину, и клек закрывающейся двери режиссерски отрезал очередную сцену сожжения.

Открыв бардачок, она убедилась, что новой фигурки еще не появилось. Сунула руку в темноту — бардачок оканчивался задней стенкой, провала в зимнюю площадь с беременным монументом не было.

Некоторое время она сидела ссутулившись, остекленевши глядя на приборную доску, затем снялась с ручника и поехала искать мотель. Надвигалась ночь.

Звякнул колокольчик входной двери. Звук разлетелся по фойе и впитался в мотельные стены, в зеленые кресла, в вазу с фальшивым букетом на стеклянном столике, в неприметную картину в дешевой раме, в подставку для зонтиков.

Она подошла к стойке и ударила по блестящей кнопке звонка. Прошаркали шаги невидимого консьержа. Она произнесла неизбежную фразу. На ладони привычно возник ключ. Шаги консьержа прошаркали обратно, скрипнула задняя дверца.

Некоторое время Герда стояла неподвижно, глядя перед собой, затем резко развернулась и вышла из мотеля. Дверной колокольчик звякнул вновь.

На улице моросило. Чахлые лучи блеклого светила едва пробивались сквозь минорные тучи, день умирал. Герда пошла по разделительной полосе, выпятив грудь колесом, сливаясь с серой стеной дождя. Ее вдруг заклонило в сон, с каждым шагом все больше тяжелели веки.

Она зарычала, зашагала сильнее.

Впереди проступал из простыни мороси силуэт. Тень сидела на дороге, лицо сокрыто капюшоном. Герда остановилась.

— Кто ты такая? — хотела крикнуть она, но из горла вырвался только сиплый шепот. Ее вдруг скосило усталостью, она упала на колени и набок. Села, облокотившись на руку. Дорога была холодной и мокрой.

— Кто ты такая? — повторила Герда громче.

Из тумана выехала машина Герды и остановилась рядом с ней. Плавно отъехало стекло. За рулем никого не было. «...несоизмеримой утратой. Жанна Д'Арк обрела свое последнее пристанище...» — вещал загробный голос по радио.

— Кто ты такая? — повторила Герда, не обращая на машину внимания.

Радио зашипело, настраиваясь на другую волну.

«Всегда бралась левой рукой, выставляла ее, когда падала... — прослезился голос девочки по радио. — Закрывалась ей от удара... а я... я всегда была второстепенной... на случай, если левая рука откажет... маленькая, глупая... кукольная каприза, мелкая душа... стекляшка...»

Тень вытянула перед собой руки и взялась правой за левую, ущипнув то самое место, где у Герды синевел укус.

— Кто тебя покусал? — спросила она.

Этот голос был ей знаком.

Герда вскристаллилась всем своим существом. Линии сошлись. Связи прояснились.

Она осознала, кто такая тень.

— Ава? — спросила она тихо.

Тень сняла капюшон.

x
Богиня

Новые наросты перестали возникать, для них на руке не оставалось места. Шершавая ежовая перчатка из маяковых шипов пульсировала, жгла. Я продолжала идти, держа Аву за запястье. Вперед. До конца.

Ава молчала, но я ощущала ее сипло дышащее присутствие. Казалось, что я опаздываю, что время уходит, и, если я не успею, она умрет. И я умру. Окружения смешались; они были не важны. Только движение. Когда в горле зашевелился Голос, я расплакалась и кинулась в его ментальные объятия.

— Голос! Голос! Ты здесь!

— Да, я здесь. Я с тобой, — он прижал меня к себе.

— Пожалуйста, Голос. Помоги. С Авой что-то не так.

— Да. Я знаю. Слушай. Я знаю, куда идти. Выход есть.

Я порезанно выдохнула и растаяла в его объятиях. Хрупкая. Беззащитная.

— Пожалуйста.

— Я помогу. Но ты должна дойти сама. Недолго осталось. Поверь. Видишь ту дверь? Нам туда.

За дверью начиналась тюрьма. Железные прутья, тяжелый воздух.

— Считай камеры. Считай.

— Один, два, три, — считала я, проходя мимо. Свеча надежды пылала ярко — Голос со мной. Он поможет.

— Двадцать один, — отсчитала я.

— Стой. Зайди.

Я потянула за прутья, грохотнул висячий замок.

— Открыто, — сказал Голос.

Я ощупала замок и расщелкнула его. Тот с грохотом упал на бетонный пол.

В тюремной камере была дверца. За ней — коридор со встроенными в стену полками, с которых свисали предметы: коляски, корзины, бурые кадки для цветов. Вдруг среди угловатых неодушевленных форм моргнули очертания силуэта.

— Что это? — спросила я Голос.

Он промолчал.

Силуэт проявился снова, на периферии зрения. Неуловимой оптической иллюзией он сливался со стеной, будто нечто отталкивало его прочь, в невидимость, не позволяло мне его воспринять. Я вщурилась изо всех сил. Пульсировала болью Ава.

Это был мальчик, чуть старше меня на вид, одетый в униформу: темно-синие штаны, рубашка из такого же плотного материала и кепка с белым символом. Под кепкой морфились несущиеся облака полулиц. Все та же неясная сила пыталась вытеснить его лицо из круга восприятия, разбивая моментальные линии черт, стоило только им сформироваться.

Собрав свое внимание в луч, я всмотрелась, всмотрелась, всмотрелась и выцепила его лицо из размытости, разморгала. Странная сила тут же отпустила, перестала давить, и мальчик вщелкнулся в реальность целиком.

У него были большие глаза цвета сухого асфальта, один из которых наглухо закрывала челка черных волос. Он был поражен — рот приоткрыт, брови навылет.

— Богиня, — прошевелил он губами.

Я сделала шаг назад.

— Подожди, — сказал он, и тут из-за угла появились еще трое. Один — высокий, в круглых очках, двое других — безумные лица, слюни, стрелки шрамов на щеках.

Их глаза сошлись на мне и замкнулись. Внизу живота все подобралось, за кулисами происходящего щелкнуло мышиной ловушкой. Горящие глаза, сверкающие очки, капающая слюна. Без тени сомнения, всем своим существом, я осознала, что сейчас произойдет. Тело мое стало невыносимо тяжелым, колким. Я неуклюже обернулась, подвернула ногу, упала.

Двое безумцев пали на четыре конечности и ломанулись как собаки, выпятив пальцы с длинными крюкастыми ногтями, отталкиваясь от пола прыжками. Высокий, в очках широко развел руки и побежал на меня, схватить.

Сероглазый ринулся вслед.

— Помоги, — вжалась я в Голос.

Все произошло между секундами.

Сероглазый ударил очкастого сзади, тот выпучил глаза и упал, прохрустев очками по полу. Из затылка у него торчала изогнутая металлическая деталь. Собачьи безумцы остановились на ходу и синхронно обернулись. Они замычали в унисон, бурлыкая слюной, и затряслись из стороны в сторону, глядя на издыхающее тело очкастого.

Я подобралась и побежала не оборачиваясь.

x
Эйс

Некоторое время Эйс провел в нарочном забытьи, строго следуя протоколу заданных Пунктиру действий, и каждый раз, едва всплывало воспоминание о грядущем помещении, он отталкивал мысль прочь, воображал другое место, пытался заместить истинную память ложной. Но его поведение вызвало обратную реакцию: чем сильнее пытался он вытеснить память, тем легче вспоминалось, пока весь цикл помещений не выстроился в его уме венком, детально, так, что каждую следующую локацию он мог предугадать наверняка.

Путь его Джоинта в Лабиринтах был замкнут кольцом и представлял собой всего четырнадцать помещений.

Приближалось нечто неминуемое. Предчувствие вздувалось под его сердцем пузырем органичной клетки: мельтешили ложноножки, жидкость внутри пузыря разбухала, зеленела.

Эйс обвел пунктиром следующую дверь, за которой, он знал, находилось помещение с большим пианино. Джоинт зашел.

Жидкость в органичной клетке предчувствия закипела и окрасилась красным.

Эйс шагнул внутрь.

— Эйс, — раздался голос Глика.

Стенки клетки предчувствия лопнули под сердцем Эйса, и из нее, разминая длинные конечности, вырвался паук, побежал вверх по внутренним стенкам, от сердца в глотку. Сейчас.

Эйс поднял голову. Глик стоял посреди помещения с выражением скорби надгробной скульптуры.

— Я Двар, — сказал он. — Моя роль — открывать двери, и на мне лежит ответственность за мой Джоинт.

Эйс сжал зубы, проступили скулы.

— ...Поэтому я знаю кое-что, чего не знаешь ты. До этого момента тебе не нужно было этого знать. Но теперь я чувствую, что должен поделиться с тобой этой информацией. Богиня хотела бы, чтобы я выразил... да, я чувствую. Точно.

Аура Глика миражно подрагивала — слова давались ему с трудом.

— Ты, наверное, заметил, что дексы не такие, как мы.

Декс 1 оторвался от сканирования, посмотрел на звук своего имени и продолжил втираться в стенку с утроенной силой, внюхиваться, вщупываться.

Эйс кивнул, напряженный навытяжку, нервы-струны.

— Они не всегда были такими. Они такими стали. И знаешь почему?

Эйс смотрел на Глика сквозь марево. Помещение расплывалось. «Пожалуйста, — думал он. — Пожалуйста, пусть ничего не меняется. Я исправлюсь».

— ...Потому что они поломались. Есть вещи, которые в нас вписаны. В нас, в джоинтов. Их нарушать нельзя. И если мы идем против этих вещей... мы ломаемся. И я иногда что-то такое ощущаю. От тебя, Эйс. Не помню что, но чувство это не спутать ни с чем. И я обязан тебе сообщить, что... ты, похоже, ломаешься. Так во мне вписано. Все, — договорил Глик, кивнул напоследок и вернулся к сканированию.

Сквозь Эйса одним колючим ледяным шаром пронеслась снежная буря, и следом наступил мертвый штиль. Эйс закрыл глаза. Помещение заполонил звук зубов об железные струны — дексы взялись за прокусывание пианино. Что-то моргнуло в темноте за века-

ми — воспоминание. Помещение с ключами. Там тоже было пианино, только маленькое. И розовый детский стул напротив.

Эйс дождался, пока дексы прожуют все струны, открыл глаза и, мерно дыша, подошел к поднятой крышке. Он пробежался пальцами по клавишам, прощупал каждый деревянный молоточек. Одна клавиша не дожималась до конца. Что-то мешало. Он потянулся внутрь и нащупал железную угловатость. Деталь.

Эйс выдернул эту деталь, как зуб, и, не глядя по сторонам, сунул ее в карман. Заметили или нет, ему уже было безразлично. Он перешел грань, за которой нечего терять.

Не дожидаясь остальных, он двинулся прямо на выход, нарушая установленный порядок покидания помещений. Пройдя несколько шагов, он вновь ощутил набухающее предчувствие, интуицию. Он точно знал, в каком направлении идти, но не знал зачем. Его настигло дежавю, словно Эйс был не более чем отражением в зеркале, перед которым настоящий, неотраженный Эйс уже оттанцевал свою часть, и теперь ему оставалось лишь повторять его движения, падая в неминуемое. Обратить это падение вспять было невозможно.

Эйс шел по коридору. На стенах висели пыльные коляски и кадки с растениями. Сзади шебуршали собачьи дексы, надвигались капитанские шаги Глика — они покинули помещение и следовали за ним по пятам, вот-вот что-то такое будет, что-то произойдет.

И тут его настигло — он будто подключился к параллельному мысленному потоку, и сознание Эйса перестроилось, сменило реки. Поток этот был гладкий, скользкий, проникающий, как теплый сироп: «Трахнуть Богиню… вот она… вот она, сладкая. Вот она хо-

чет... как хочет... трахнуть... ах, если бы ее... вот, она хочет... трахнуть Богиню... милая... не бойся... вот она, трахнуть Богиню...»

Эйс одурманенным оком висел над этим мысленным потоком в ментальном пространстве своего сознания и чувствовал, что засыпает, рассеивается. Ему вдруг стало неудобно стоять, слишком прямо, неустойчиво. Захотелось встать на четвереньки и трахнуть-трахнуть-трахнуть и — ...вот оно как... «трахнуть Богиню, дорогая Богиня, люблю тебя, дорогая Богиня, подожди, только подожди» ...вот как я ломаюсь... «Богиня, Богиня, Богиня, еще немного, еще чуть-чуть, ты только подожди...» ...вот что они думают; вот что переживают дексы...

Эйс подобрал слюну.

— Богиня... — сказал он вслух.

Вспышка.

Время остановилось.

Ярко-белый свет заполонил все.

Границы предметов заострились вокруг силуэта девочки, что стояла посреди коридора в двух шагах от Эйса и всматривалась в него.

— Богиня... — повторил он недоуменно.

Эйс был не один. Его настигли шаги джоинтов, он ощущал их присутствие. Дексы синхронно издали громкий звук — полувдох, полусюрп, полулай.

Он осознал, что они тоже видят Богиню. Осознал, что у него есть секунда до того, как...

Меньше, чем секунда.

Замедло бегущий Глик с расставленными в стороны загребущими руками.

Срывающиеся овчарки дексов, скребущие в беге когтями.

Руку в нагрудный карман — угловатость железной детали из пианино.

У детали острый конец, ощущение на подушечке пальца.

Вдох.

Долгий шаг вперед, затылок Глика в упор.

Проникающее чувство железа сквозь кожу.

Горячая темная кровь.

Глик падает лицом вперед, сгустки крови разлетаются в воздухе.

Выдох.

Дексы останавливаются. Четыре безумных глаза навыкат.

Вдох.

Девочка бежит прочь.

Она заворачивает за угол — скрывается из виду.

Шаг вперед.

Стук сердца.

Шаг.

Выдох.

X
Богиня

— Богиня, Богиня, Богиня, трахнуть Богиню, — бормотал словно на перемотке сероглазый мальчик. Он нагнал меня.

Я вжалась в угол.

— ГОЛОС! ГОЛОС! — вопила я на пределе легких, разрывая связки в кровь.

— Постой, постой, послушай, — быстро заговорил мальчик, словно пытаясь перебороть себя. — Послушай. Ты знаешь, где мы? Ты знаешь, как выйти? Я помню. Я все помню. Мы ходим по кругу. Почему? Что это?

Лицо его блестело потом, бешено вращались глаза. Я увидела, как в штанах его вздымался горб — он сбивал его ладонью, охватывал, сжимал.

— ГОЛОС! — кричала я. — Я не знаю! Не знаю, кто ты! Перестань! Стой!

— Скажи! Скажи, или я… или я не могу остановить. Это сильнее меня, я не могу, не хочу трахнуть Богиню, трахнуть Богиню, трахнуть Богиню, трахнуть Богиню, — он стянул штаны, и его член выпрыгнул наружу, пульсирующий от напряжения.

— Оставь меня! Пожалуйста, оставь меня! Я ничего не знаю! Пожалуйста! — я вжалась в стену, закрыла лицо руками.

— Стой! — раздался голос Герды.

Моя левая рука рванулась вперед и со всей силы сжала щеку мальчика. Он попытался отбросить Герду, но та впилась намертво. Глаза мальчика остекленели, он ринулся вперед и толкнул меня плечом.

Он схватил меня за ночнушку и рванул на себя — ночнушка разошлась по швам.

Ава дернулась сама по себе и схватила Герду за кисть.

— Нет! Не ты! Это я! Я! — завопила Ава.

Герда на мгновение ослабла, и мальчик впился рукой в то сокровенное, в мой центр, в меня.

— НЕТ! — крикнула я, пытаясь отстранить, но горячий член приближался, насекомое, готовое пронзить насквозь, порвать.

Герда рванулась вверх и сорвала с крючка один из предметов, висящих на стене. Ножницы.

— Я! Я! — истерила Ава, сдавливая запястье Герды.

Кривым толчком Герда вонзила половину ножниц в запястье Авы. Испепеляющая боль лавой ринулась по нервам, кинжалами. Ава гаркнула кровью, захлебнулась.

Мальчик схватил меня за горло и притянул к себе.

Коридор вокруг нас задрожал, забесился. Я зажмурилась, мой вопль перешел в высокочастотный писк, в последний выхлоп; когда этот вопль иссякнет, всему придет конец.

Сквозь щель зареванных глаз я увидела, как оторвался и упал плитой фрагмент потолка, как ворвалась внутрь коридора механическая нога огромного насекомого.

Мальчик вскинул голову, и что-то ухватило его за лицо. Вздернуло одним рывком вверх и утащило за потолок.

Я заслонилась Гердой, что все еще сжимала окровавленные ножницы. Что-то металлическое пало мне на лицо как намордник, ухватило лапою и дернуло. Хрустнули затылочные позвонки. Тошнотворное чувство ускорения, высоты.

Мой визг оборвался, и чернота обрушилась километрами вод.

;;;;;;

Я парила в воздухе. Передо мной разворачивалась панорама бескрайних розовых пустынь. Насколько хватало глаз, пространство было усыпано белыми маяками-паразитами. Ртутные башни вздымались между ними серебрянками, задыхаясь. Меня притянуло к одной из башен.

Бедуины пустот стояли в комнате Незримой не шевелясь, большие головы на маленьких ножках. Ждали.

Меня притянуло к одному из них в упор. Лицо его покрывали уродливые наросты маяков. Сыпь.

— Все кончено, — чихнул он блеклыми конфетти.

Картинка сменилась — перед моим мысленным взором предстали знакомые каменные ступени. Чаша

с розовым сиропом треснула, и тот медленно сочился, заполняя щели, сползая по стенкам.

Я взлетела над чашей и посмотрела вниз — сверху чаша выглядела как розовый круг.

— Богиня, — раздался голос. — Богиня.

Я сощурилась, заморгала.

Надо мной было круглое окошко — кусочек неба в потолке. Я лежала на твердой поверхности, в поле зрения склонилось лицо персонажа с хирургической маской на подбородке. Шмит.

— Вы готовы? — спросил он.

Правая кисть пульсировала. Я поднесла руку к лицу. Авы больше не было. Вместо нее зияло истязающее отсутствие. Моя кисть была спилена напрочь.

Шмит натянул маску с подбородка на рот.

— Богиня, сосредоточьтесь. Мы почти закончили. Сейчас. Что вас тревожит?

Я пьяно смотрела на него гуляющим фокусом. В ушах фонил белый шум.

— Ты хочешь, чтобы я вернул тебя обратно? — спросил он. — Хочешь вернуться в Лабиринты, к тому мальчику?

Я замотала головой, ударяясь об алтарь.

— Давай. В последний раз. И все. Никаких ритуалов. Скажи, что тебя беспокоит. Расскажи мне все.

— Я была в магистралях, — сказала я. — И на меня... напали. И Герда... и Ава... — я затерялась.

— Хабрик! Ко мне! — крикнул Шмит. — Давай. Да, давай, говори, продолжай. Еще. Что еще?

— Он пытался... он пытался... — тело мое задрожало.

— Держи ее! — вскричал Шмит. Хабрик схватил меня за плечи и придавил к алтарю. От него пахло ковровым ворсом.

— Что еще? Еще! Давай! — кричал Шмит.

— Он пытался проникнуть в меня! Мальчик, в коридоре, в этом… пространстве. Пытался меня…

Изо лба моего будто выдвинулась полочка, я ощутила тепло внизу живота. Заверещали звуки.

— Еще! Давай!

— Мальчик зажал меня в угол, и Ава… и Герда… и Герда убила Аву!

Шар между моих ног раскалился, звуки слились в оглушительный рев: клекот ножниц, рвущиеся бумаги, лай собак, стук поездов.

Хабрик со всей силы вжал меня в алтарь.

— Да! Сейчас! — крикнул Шмит и впился мне пальцами в глаза, вцарапался, потянул, меня завертело в температурном водовороте, неистово защелкали фильтры, переключаясь.

x
Эйс

Рывок отрезвил Эйса. Болела шея. Он моргал как птица, пытаясь понять, где оказался. Перед ним метались экраны — множились, наслаивались, двоились. Все они показывали одно и то же с разных ракурсов: пещеру с неровными каменными стенами. Эйс попытался ухватиться за один из экранов, но его взгляд соскользнул, упал на другой экран, переключился. Внимания не хватало.

После нескольких попыток он осознал, что надлежало сделать. Он всмотрелся в самый центр экрана прямо перед собой, в один его мерцающий пиксель, и в пикселе этом возник еще один маленький экран. Эйс понесся навстречу этому экрану с космической скоростью и взорвался.

Эйс оказался в пещере. Зажегся белый свет.

Он оглянулся вокруг — его окружали незнакомые джоинты. Пунктиры, двары, дексы озирались по сторонам слеповатыми котятками. Похоже, они все еще пытались сфокусироваться на пещере, уловить пиксель экрана этой реальности.

Эйс попытался сделать ошарашенный шаг вперед, но что-то не пустило. Он был словно пришнурован духом. Он ощутил царапающее движение на левой стороне черепа. Потрогал голову — ничего.

И тут его висок пронзил резкий точечный укол, и что-то холодное, сладкое, синее волнами прохлады разлилось по его ментальным венам. Перед его глазами побежали символы.

Он засмотрелся.

x
Богиня

Я повисла в прохладной темноте. Это чувство было мне знакомо — я смотрела сквозь чужие глаза. Глаза Богини. Алтарница. Богиня схватила Хабрика за глотку и швырнула его прочь как куклу. Шмит отпрянул. В руке он сжимал окровавленные стеклышки.

— Ты! — громогласно выстрелила Богиня.

— Прошу прощения, Богиня. Пойдем, пойдем.

Богиня села на алтаре.

— Что ты сделал?

— Вынул ненужное, ничего более. Пойдем. Времени нет, — сказал он и засеменил куда-то в сторону.

Во мне фазило выплаканное отчуждение. Я, наверное, умерла. Просто смотрела сквозь ее глаза, и ничего во мне больше не было.

Богиня спрыгнула с алтаря и пошла за Шмитом. Где-то вдалеке стонал Хабрик.

Тронный зал. Трон с высокой спинкой. Шмит налег на ручку лебедки, и зазвучали цепи. В полу разъехался люк.

— Прошу, — он указал жестом на трон. Богиня взошла по ступеням и села.

Сквозь ее глаза я видела простирающуюся внизу миниатюру — лабиринт помещений. Я узнала это место. Я только что была там.

— Богиня, вам надлежит отправиться туда. В Лабиринты. Найти своих подданых.

В ответ во мне все всполыхалось, и я завертелась как бешеная внутри ее головы — нет! Только не туда! Только не туда!

— Кто ты такой, чтобы говорить мне... — начала Богиня и сбилась. Похоже, мое верчение в ее сознании оказывало воздействие.

Я завертелась сильнее, со всей мочи.

Шмит подошел к Богине и завел ей локон за ухо.

— Богиня, — сказал он теплым тоном, — нужно идти.

В Богине что-то подвинулось, пространство ее сознания озарилось, стало светло, я видела стенки.

— Нет! Нет! — кричала я, вертясь электроном внутри ее головы.

— Ты... — выдохнула Богиня, резко подорвалась и побежала вперед.

То, что произошло в этот момент, трудно вложить в слова — она словно выпрыгнула из своего тела, скопировалась призраком, и я вдруг увидела ее удаляющуюся спину. На ней была моя рваная, заляпанная алым ночнушка.

Добежав до квадратной пропасти в полу, она кинулась вниз, в лабиринт. А я осталась. Осталась сидеть на троне.

;;;;;;;;;

— Тебе пора в Слезу. Пойдем. Это все. Это конец. Честно. Я больше тебя не потревожу, — извиняющимся тоном бормотал Шмит.

— Герда? — тихо позвала я.

— Герды больше нет, — ответил Голос.

— Герды больше нет, — повторил Шмит. — И Голоса тоже больше не будет.

Он царапнул мне горло ногтем, подцепил что-то и показал тончайшую паутинку.

— Вот он — Голос, — сказал он голосом Голоса. — А. Шмит смотал паутинку, сунул в карман и подал мне руку. Пальцы его были испачканы кровью.

Я встала с трона, игнорируя его протянутую руку. По срезу моей отпиленной кисти гулял прохладный ветер.

В зал вошли два Хабрика с носилками.

— Ложись. Ложись, — промолвил Шмит и указал на носилки.

Я легла на натянутую простыню носилок. Во мне ничего не было. Пустота. Пустота. Пустота.

— Прощай, Богиня, — сказал Шмит, удаляясь.

Я закрыла глаза. Судя по наклону, Хабрики несли меня вверх по лестнице, в башню.

Открыла глаза я уже в Слезе.

Некоторое время я сидела там. Однорукая, голая. Я попыталась сменить фильтры глаз, но не смогла. Привычный ментальный жест обрывался в никуда.

— Меня больше нет, — сказала я вслух. — Я не боюсь, не хочу, не существую. Меня нет.

Слеза моргнула волной и смягчилась.

Стенки Слезы растворились.

Я ощутила, что лечу свободно.

Лечу сквозь космос,
Между мертвых звезд.

И мне так все равно.

X
Шмит

Лифт стремительно снижался, скрежеща шестеренками. Шмит извлек из потайного рукавного кармашка фильтры Богини. Тень от его головы заслоняла ладонь — он развернулся, отодвинул тень. Круглые стеклышки на ладони. Пальцы его были липкие, красные.

Каждый из фильтров был одинаково прокопчен черной копотью по центру, но волнистые края ожогов переливались разными цветами: сиреневым, оранжевым, стальным.

Перед его ментальным оком предстала сцена в алтарнице: Богиня дрожит, извивается, кричит, фильтры ее перещелкиваются, температура кипит, — вот он, долгожданный момент истины, — он проникает ей в глазницы и выдергивает горсть стекляшек.

Лифт остановился. Щелкнуло тросом. Фанера покачнулась. Шмит снял с крючка лампу и пошел по выдвигающемуся мостику. В шахте что-то грохотнуло. Шмит ускорил шаг. Он знал, что теперь баланс во дворце был нарушен и могло произойти что угодно.

Достигнув внешнего корпуса Машины, он прислонился лбом к ульеподобному покрытию и зашипел: «ш-ш-ш-ш ш-ш ш-ш-ш ш-ш». Замок не сработал. Где-то сверху грохотнуло вновь, ударилось об стену железным листом, ударилось ближе, пролетело мимо, ударилось внизу.

Шмит сглотнул и сосредоточился. Зашипел еще раз. Люк пыхнул и отворился. Он влез внутрь Машины, повесил лампу на крюк, закрыл за собой люк, прищемив провод лампы, и втиснулся в верхний компартмент через круглое отверстие. Шмит помещался туда лишь верхней частью тела, прижав подбородок к груди, упершись затылком в покатый потолок.

В центре верхнего компартмента покоилась пыльная колба лампы, вокруг которой крепились проволочные держатели для фильтров. Шмит один за одним расставил фильтры Богини по держателям так, что те окружали лампу со всех сторон подобно тычинкам цветка.

Снаружи грохотнуло снова, на этот раз ближе. И голос, будто бы во́склик. Шмит ускорил свои движения. Мельком проверил верхний клапан, через который избыточная энергия будет выходить, удостоверился, что тот открыт. Ткнул пальцем в губочный рассеиватель, протер лампу рукавом напоследок и вернулся в средний компартмент Машины.

Шмит сел в выемку в стене, прошелся руками по трансформаторному столбу, наскоро прощупал набалдашники кодовых эманаторов, прощелкал предохранительные выключатели.

Что-то ударило в люк с той стороны. Кто-то.

— Ты там! — прогремел голос Богини.

Шмит встрепенулся и упал на пол, зазмеился в нижний компартмент. Она была здесь. Как — неизвестно, неважно. Богиня пришла за ним. Оставалось только проверить еще пару вещей, и можно будет запустить — уйти, убежать, забыть. Машина укажет путь. Осталось еще немного, всего несколько секунд. Шмит трясся от возбуждения.

— Так, — сказал Шмит, всматриваясь. Локаторы на месте, по одному на тип энергии. Он подкорректировал один из них, подвинул на шарнире в сторону.

— ТЫ ТАМ! — крикнула Богиня и ударила в люк еще раз. Люк отчаянно взвязгнул пнутым железом.

Шмит проследовал вдоль проводов локаторов до последней детали, в самом низу — до куба размером с кулак с конусовидными разветвлениями по краям, в который энергии будут поступать из локаторов, прежде чем достичь трансформатора. На месте куба зияла пустота. Провода обрывались змейками. Деталь отсутствовала.

Шмит вперся взглядом в вопиющую тупость произошедшего. Растерянно повынимал мертвые провода локаторов, проник пальцем в футляр, к которому должен был крепиться куб. Губы его пересохли, сердце замерло. Куба не было.

Сверху с грохотом внутрь проломился люк.

— Иди сюда, — сладко-ледяным тоном пропела Богиня.

Одним движением Шмит подтянулся на руках в средний компартмент и ухватился за стартовый рычаг. Богиня была одета в свое готичное платье, ее бледное лицо озаряла маниакальная улыбка, микстура из снисходительного умиления и абсолютного лезвия грядущего убийства.

— Иди ко мне, — пропела она и протянула руку. В ладони ее мельтешил квадратик, будто вписанный в эту реальность извне. Квадратик стремительно увеличивался — это была миниатюрная карточка, изображающая парк аттракционов.

— Посмотри сам, — сказала она и облизала губу. — Посмотри, что ты наделал.

Шмит завороженно засмотрелся на карточку.

— Богиня, — сказал он, еле шевеля языком.

Карточка приближалась. Увеличивалась.

Цепочка мыслей пронеслась в его аналитическом уме. Машина была неисправна. Стоит ему нажать

на рычаг, как джоинты перенесутся из Лабиринтов в пещеру за стенами шахты, частицы их тел засеребрятся материей, они оживут. Их растерянность издаст импульс беспорядочных энергий, что будут восприняты локаторами. Этих энергий будет достаточно, чтобы запустить эманаторы кода. Едва эманаторы активируются, сознания джоинтов в пещере будут поглощены ментальным полем, кодом.

Загипнотизированно те приступят к исполнению своих заданных инструкций, разноцветные энергии ринутся к соответствующим локаторам, по проводам и... рассеются, не достигнув трансформатора. Или, быть может, неприкаянные энергии смешаются друг с другом и переполнят собой нижний компартмент машины, подрывая ее изнутри. А может, локаторы перегреются и лопнут. А может, энергии каким-то образом сами найдут свои пути в трансформатор, преобразуются в стабильный поток, дойдут до Лампы и все сработает. Предсказать было невозможно.

Карточка с парком аттракционов рванула в лицо Шмита квадратной змеей портала и поглотила его вместе с Богиней.

Прежде чем втянуться в магистрали, Шмит успел нажать на стартовый рычаг.

Машина запустилась.

;;;;;;

Рука Богини обжигала холодом. Она волокла Шмита сквозь парк аттракционов, крепко впившись ему в запястье. Они прошли сквозь стену шатра, к пуфиковатой яме-ловушке с колонками.

— Смотри-смотри, — сказала Богиня и ткнула пальцем вверх. На потолок проецировалось кино: девочка в бежевом пальто стояла посреди туманной дороги на-

против фигуры в мешковатом балахоне. В руке у девочки были ножницы.

Богиня отпустила Шмита и показала ему свои ладони.

— Видишь? — спросила она и злобно улыбнулась. На лице ее вдруг прорезался голубой глаз, прямо из правой скулы.

Девочка в кино ударила фигуру в балахоне ножницами, и у Богини из правого запястья вырвалась кровь. Она снова схватила Шмита за руку и потянула его через шатер, сквозь стену, на белую геометричную площадь.

— Дальше куда? Знаешь? — крикнула она. — Знаешь?

Шмит знал магистрали наизусть, ведь это был его дизайн. У него не было никаких сомнений насчет того, куда именно его вела Богиня — в одну из точек соприкосновения магистралей с Лабиринтами.

Шмит не ответил. Он поджал губы и всматривался, вслушивался в происходящее, пытаясь уловить признаки воздействия Машины на этот мир. Он был уверен, что запустил ее перед входом в магистрали.

Богиня втащила его в тир, через дверцу, в узкий коридор, поворотами, поворотами.

— А ну-ка, скажи, Голос, а? Куда идти?

Шмит изумленно уставился ей в затылок, в покачивающиеся хвосты ее светлых волос. Она знает про Голос? Как?

Богиня обернулась на ходу. У нее на лице выступил еще один глаз, на левой щеке. Теперь их было четыре. Все синие.

— А ты что думал, я ничего не вижу? Не понимаю? Ты за кого меня принимаешь? Тварь.

Она пошла быстрее, сильнее, яро топча землю. Дверь за дверью. Шмит ощутил легкость в кишках,

будто его внутренности парили в невесомости. Физика изменилась, магистрали закончились. Они были в Лабиринтах.

— Я приведу тебя. Туда, где все это было. Приведу. Посмотришь, — прошипела она.

Они продвигались через пространства помещений быстро, вихрем. Шмит узнавал места по предфрактальным чертежам. Сам он здесь, конечно, никогда не был. Для создания Лабиринтов личное присутствие творца было необязательно, достаточно лишь запустить начальный алгоритм разветвлений. Он оглядывался по сторонам и поражался тому, как детально отработались фракталы: мячи и сетки в спортзалах, бумаги, степлеры, сидения в офисах. Все выглядело предельно реалистично.

Его охватило чувство фатальности, неминуемой гибели. Он ощутил себя в самом центре финального шторма. Страха больше не было. Шмит расслабил плечи и отдался на волю Богини. Действительно, он много чего натворил здесь, не задумываясь о последствиях для участников этого «эксперимента». Наверное, он это все заслужил. Если так, то пусть будет как должно быть. Значит, пришло время платить. Что ж, он хотя бы попытался найти выход. С самого первого дня, когда он обнаружил себя в этом дворце, он все искал и искал из него выход, и казалось, что наконец нашел. Все вроде как складывалось, почти сошлось: и джоинты, и код, и Машина, и Лампа. Оставались считанные секунды. И вот.

Похоже, что он сам был частью чьего-то эксперимента. Кто-то иной, высший, вел его за руку сквозь миры, писал его судьбу абзац за абзацем и знал наперед, чем все закончится. А может, и не знал. Может, в этом эксперимент и заключался. Но все это теперь было неважно.

Они приближались к месту, где должен был быть установлен контакт между джоинтами и Богиней. Коридор с висячими на стенах горшками цветов, колясками, плетеными корзинами, инструментами.

— Что ты со мной сделаешь? — спокойно спросил Шмит.

— То же, что и ты со мной хотел, — ответила Богиня.

— Но я ведь все предотвратил. Ты же понимаешь, что Голосом был я, и на сверчке прилетел тоже я. За секунду до того, как… случилось.

— Случилось? — Она резко остановилась и обернулась. Лицо ее покрывали глаза. Много глаз. Все они сощурились. — Предотвратил?

Она подняла правую руку. Кровь уже свернулась коричневым катышком на запястье.

— Не это… это само произошло. Это не я.

— Да. Конечно, — сказала многоглазая Богиня. — Само получилось. Ты тут ни при чем. СЮДА! — резко завопила она и дернула Шмита за руку так, что вылетел плечевой сустав. Шмит упал на пол в том самом углу, где совсем недавно джоинт-пунктир пытался изнасиловать Богиню. На полу все еще лежали окровавленные ножницы.

— Подбирай, — приказала она.

— Я действительно ни при чем, — сказал Шмит, подбирая ножницы. Ему хотелось перед ней объясниться, не молить о пощаде, а высказаться, выложить все карты, снять с сердца ношу.

— Режь! — приказала Богиня.

— Пунктир должен был изнасиловать тебя. Чтобы соединить Лабиринты с Машиной. Должен был произойти контакт и сексуальная энергия, она самая сильная. Она двигала джоинтов, и контакт мог быть установлен только так. Другого пути не было.

— Режь! — повторила Богиня громче. — Запястье! Давай! Она шагнула вперед.

— Контакт мог быть установлен только так. Другого пути не было. Таков был план. Но потом случилось то, что случилось. Твоя рука, Герда, напала на твою другую руку, и я понял, что этого события будет достаточно, чтобы закоптить твои фильтры. И что если я перенесу в пещеру напавшего на тебя джоинта, то и слияния не нужно будет. Изнасилования не нужно будет. Я не хотел тебя больше калечить. Не тебя, а ту, другую тебя. Которая была в Слезе.

— Режь! Режь! Режь, сука! — закричала Богиня и принялась молотить кулаком по своему изрезанному запястью. Свернувшаяся корочка сорвалась, и темная кровь ринулась пульсарами по руке. Глаза ее яростно сощурились. Множество глаз.

Индустриально загудело. Где-то в вышине, за небом, грохотнуло шестерней, будто механический локоток перестроился, соскользнул по шарниру.

Машина пришла в движение.

Шмит оказался в темноте. Перед ним метались экраны, похожие на карточку магистралей, вырвавшуюся из ладони Богини, только вместо парка аттракционов эти экраны показывали пещеру.

x
Герда

Пиксельный дождь падал непроглядной стеной, шипел помехами. Герда стояла внутри бетонной арки. Она ощущала себя оторванно, как бежевый лист, свободно несущийся в лезвия пропеллера на дне

осеннего стока. Звук воды. Звук порезов. Звук сердца.

В горле гарком встряла буква: острая, непроизносимая согласная. Герда сутулилась плечами; неудобно, угловато. Ждала, пока спадет пелена дождя.

Дождь резко прекратился, и Герда обнаружила себя в огромной комнате с криво нарисованным столом. За столом сидела девочка в бело-синем платье и прямыми темными волосами.

— Подойди, — сказала она.

Герда вышла из-под бетонной арки и подошла к столу.

— Присядь, — сказала девочка. — Я Вита.

Герда села на стул с высокой спинкой, напротив девочки.

— Ты — Герда, — сказала Вита и хихикнула.

Герда молча смотрела на нее.

Вита достала из-под стола окровавленные ножницы и положила их с чугунным стуком.

— Ты убила свою сестру, — сказала она.

Герда сощурила глаза. Проблик воспоминания чиркнул поверхность ее мозга кратким воплем флешбэка. Она видела это во сне. Убийство. В том сне, где она была чьей-то левой рукой.

— То не сон, — сказала Вита, словно читая ее мысли. — ЭТО сон, — подчеркнула она тоном.

Тут же стол рванул удлиняться с бешеной скоростью, но при этом необъяснимым образом оставаясь неизменным в границах — физическое несоответствие, коробящее логику.

Вита постучала по ножницам пальцем.

— Вот это. Оружие убийства. Что скажешь?

— Кто ты? — спросила Герда, пытаясь не смотреть на бесконечную раздвигаемость стола.

— Вита.

— Вита кто? Какая Вита?

— Вряд ли ты поймешь. Если очень просто, то тебя сейчас кто-то пишет из другого мира, и я его... хорошая знакомая? Наверное. Хи-хи.

— Меня пишет?

— Ну да, то, что с тобой происходит. И тебя еще много чего ждет, но это будешь не совсем ты, и звать тебя будут по-другому. Но стиль происходящего не изменится. Стиль вообще не меняется особенно. Наверное, потому что мы и есть стиль.

— И что? — спросила Герда.

— Ничего. Просто, — улыбнулась Вита. — Ты спросила, я ответила.

Герда сидела ссутулившись.

— Так вот, — сказала Вита и постучала ножницами по столу. Герда посмотрела в сторону звука и мигом оказалась на улице, под облачным небом, где плоская, пустая земля тянулась до самого горизонта. Вита стояла рядом. Напротив них высилась башня в форме ножниц.

— Пойдем, — сказала она, — покажу.

Вита вошла в башню-ножницы, и Герда последовала за ней.

Внутри башни было темно.

— Ты поняла, что все это было? — спросила Вита.

— Что было что?

— Все это, с руками, и как ты убила свою сестру. Правую руку.

И снова чиркнуло вопелько полуночной памяти: она водила машину, но не через серый мир дождя и мотелей, а другую, маленькую машинку, модельку. В мире, где все замерло, а вместо дороги была широкая рельса. Ей вспомнилось, как она сидела за рулем, а за окном было высоко. И другая девочка, да... как ее звали?

— Ава, — сказала Вита, отвечая ее мыслям.

— Кто ты? — спросила Герда, но ответа не последовало.

Пространство вокруг нее распалось, разъединилось и разъехалось в стороны. Герда парила в тускло освещенной пустоте, теплой, как утробная жидкость.

— Ава... — повторила она губами. Имя это было ей смутно знакомо, но не поражало память узнаванием. От него веяло розовым песком, пирамидами, хрусталем. — Ава...

Ей в затылок словно что-то вошло, как щупальце осьминога, в самый мозг — чистая горечь, абсолютная тоска. Герда разрыдалась. Горячие крупные слезы облизывали ее кожу, щекотно сползали по горлу вниз. Она закрыла лицо руками и затряслась плечами, плавно вращаясь в невесомости.

Герда завыла. Тяжело, больно, одиноко.

Она вновь ощущала оторванность — сколкую, шипастую. Она чувствовала себя кусочком пазла, размокшим от дождя, которому некуда было впасть. Герда ревела долго, пока не сдавило в висках и не охрип тон. Затем она просто парила в пространстве, стеклянно вперившись взглядом перед собой.

Движение изменилось; нечто поддувало ее сверху вниз, подталкивало в определенном направлении. Герда отдалась потоку.

Свет начал тускнеть, и вскоре она летела в абсолютной тьме закрыто-открытых глаз.

Наконец она приземлилась лицом в неглубокую, по щиколотку, воду. Лежать было невозможно не захлебываясь, и Герда привстала на четвереньки, выпрямилась. Тьма была абсолютной. Она сделала слепой шаг вперед, еще один, еще.

Герда знала — это еще не конец. И вряд ли когда-нибудь.

x
Хиру

Крупно дыша, Хиру водил руками в темноте, пытаясь нащупать лампу. Картографическая память безошибочно провела его сквозь клубок коридоров дворца, через лифтовую дверцу и в шахту, в которой таилась монолитным ульем Машина Шмита.

Субмарина была почти завершена, и если верить последней записи в его сновиденческой тетради, недостающая деталь находилась именно здесь.

Хиру наткнулся ладонью на выпуклость лампочки и провернул ее. Яркий свет слепанул, пошел пятнами. Хиру проморгался и нашел на полу жестяной пульт с кнопками. Нажал на нижнюю. Лифт тронулся. Мысли его мельтешили. Лифт остановился, и выдвижной мостик пришел в движение.

— Шипящий замок, — пробормотал он, добравшись по мостику до органической башни Машины. Прислонился к ней лбом. Закрыл глаза, зашипел наобум, сквозь зубы.

«Ш-Ш ш-ш Ш-Ш-ш Ш-Ш».

Ничего.

«Ш-ш-ш Ш-Ш-ш ш-ш-Ш».

Тишина.

Призадумался, вспомнил, как звучало шипение Шмита.

«Ш-ш-ш-ш Ш-Ш-Ш ш-ш».

Нет.

«ш-Ш-Ш-Ш-ш Ш-Ш-Ш ш-ш-ш».

Не то.

Хиру шипел и шипел, вминаясь лбом в поверхность органичного корпуса Машины, пока что-то не кликнуло внутри. Люк отворился.

X
Садовник

Клубок вибраций вплывает в подземелье извне, через стрельчатую дверцу, единственный вход в подвал.

Вибрации фосфоресцируют, формируя силуэт в белом халате. Шмит? Нет, не совсем. Похожий танец настроений и стиля, не более. Возможно, это Шмит из другой жизни, или Шмит из прошлых жизней, а может, из будущих. Не исключено, что это вовсе не он, хотя и прибывший по его повелению. Разницы нет. Все это — круги по воде.

Но как же все-таки любопытно! Разумеется, Шмит знал о колодце, знал, что выход может прятаться на его дне, но сам прийти не решился, нет. Вместо этого навыдумывал всякого — этот лабиринт с фанатичными джоинтами-сканерами, нарисованный космос, девочку заковал несчастную. До чего интересное создание, этот Шмит. Вот так, на спор, позволил себя закупорить во дворце, с единственным условием, что выход из него наверняка будет, по крайней мере один. Испытание. Наковальня духа.

Не думаю, что он что-то пытался доказать этим поступком — ни мне, ни себе. Скорее, и решение это было вовсе не его, просто волны скользили под таким углом, врезались друг в дружку, и вот таким вот узором вспузырилась пена. Да, пожалуй, так.

Силуэт в белом халате подходит к краю колодца, и зой вьется спиралями, клубится. Пыхтит, ворочаясь, почва.

Много лет прошло, многое перепробовал Шмит, но все безуспешно. Выход продолжал от него ускользать. И теперь, этим вот силуэтом в белом халате, он врывается сюда в надежде, что решение все это время

было перед глазами, что выход из дворца всегда был на дне колодца — и видит, что это вовсе не конец истории, не вершина скалы, а лишь очередное плато. Впереди — новый снежный пик, повыше, а за ним — еще один, и еще.

Путешествие его не окончено, и не закончится, пока он сам себя не простит. В конце концов, не ради меня он все это затеял. Я садовник. Мое дело простое — черпать воду и увлажнять почву. Остальное меня не касается. Остальное — цепочки. Я — у корней. Чем ближе к корням, тем проще. Чем проще, тем счастливее. А я люблю счастье. Оно и есть я.

Зой циркулирует, вздымается, обращается в материю, в желтую субмарину над поверхностью воды. Силуэт в халате отрывается от земли и плавно вплывает в батискаф призраком сквозь стену.

Есть ли из дворца выход? Конечно. Выход — это состояние духа, преддверье двери. Перестать бежать, простить, сдаться, и вот оно — подрагивающее сияние.

Субмарина зычно плюхается в колодец, скрывается в пучине. Увесистые, тугие волны расходятся в стороны, тянуто вздымаясь.

Со временем стихия успокаивается, разглаживается черное зеркало, все мельче и рябже бегут волнишки.

Наступает тишина.

Я подбираю лейку и черпаю.

Всплеск.

Книга III

– СН –

Я осознался. Видимое откололось от видящего.

Поначалу реальность вокруг меня мельтешила помехами, но постепенно сфокусировалась в изображение: две бледные тени на фоне серого полотна. Тени циклично двигались. Они были скоординированы. Частями одного целого. Меня.

Я ощутил отдельность. Персональное существование. Бледные тени были моими руками, и они были заняты. Я был занят. Некоторое время я наблюдал за руками, пытаясь уловить суть этого занятия.

Похоже, я выполнял некую работу. Передо мной возникал бетонный блок. Я заводил левую руку за спину, окунал указательный палец в некую склянку и проводил пальцем по поверхности блока, снизу вверх, оставляя на нем черную линию в форме буквы Г. Правой рукой я подцеплял чернила в верхней точке и продолжал линию сверху вниз, зеркальной буквой Г, очерчивая форму прямоугольника без дна. Затем я толкал блок ладонью, и он падал куда-то вперед. Возникал новый блок. Движения мои были механично отработаны, и каждый цикл повторялся с абсолютной точностью. Ни капли чернил не пропадало понапрасну; каждая молекула жидкости находила свое место, и вместе они формировали идеальный прямоугольник.

Осознав суть работы рук, я направил свое внимание на периферию происходящего и обнаружил, что стою на каменистой поверхности с небольшим наклоном. На мне была одежда, точнее, форма. Ощущалась обувь. В поле зрения входили темно-синие рукава, но я не мог отвести взгляд в сторону, глаза мои были прикованы к следующему бетонному блоку.

Меня охватил цепкий ужас сонного паралича — я пробудился, но не мог сознательно пошевелиться. Тело двигалось без меня. Оно будто было частью какого-то процесса. Шестеренкой.

Усилием воли я приказал глазным яблокам посмотреть направо. Приказ покинул капитанскую рубку моего сознания, но по пути к глазным нервам его словно перевели на чужой язык, нейроны не смогли прочитать послания и проигнорировали его. Я попытался еще раз, сильнее. Ничего.

Раз за разом я посылал приказ, пока наконец не удалось пробиться сквозь эту окоченелую дамбу. Едва глаза оторвались от бетонного блока, меня выстегнуло из гипноза, и тут же обрушились мириады разномастных звуков. Свет и пространство наводнили края зрения. Сконфуженный, я сделал шаг в сторону на занемевших ногах, и в этот момент меня пронзила эмоция лютой безответственности. То, что я совершил, было не то чтобы запрещено, но стыдно. Безумно стыдно. Однако эмоция эта продлилась недолго и оборвалась так же внезапно, как появилась. На ее место тут же заступил страх. Я от чего-то освободился, но от чего? И где это я?

Я обернулся. Место, на котором я только что стоял, было теперь занято худощавым парнишкой в форме. Он немедленно принялся выполнять мою задачу: обводить бетонный блок чернильным прямоугольником. Я отметил, что линия его была не идеальна, а движения кустисты. С холодком пришло осознание, что чернильница, в которую я все это время макал палец, не покоилась на некой статичной поверхности. Прямо за парнишкой стоял еще один рабочий и держал склянку на вытянутой ладони. Пока тот прочерчивал линию, рабочий молниеносно подменял сосуд на полный, а пустую чернильницу отбрасывал в сторону.

«Этот парень стоял за мной, должно быть, тысячу лет, — подумал я и тут же перекрестно воспринял: — Нет, не он. За мной стоял тот, что теперь чертит прямоугольник. Он меня подменил, сделал шаг вперед.

Сменил деятельность. И поэтому его линии неровные, неопытные».

Я проследил глазами за отброшенной пустой склянкой. Ее подобрал с каменистого пола рабочий с вихреватым начесом на голове. Поставив чернильницу на возвышение, он примерился и отправил склянку в полет щелбаном, где следующий рабочий, не оборачиваясь, ловко поймал ее заведенной за спину рукой.

Движимый любопытством, я проследовал вдоль этой конвейерной цепи. Бетонный блок, который я толкал в конце каждого цикла, падал на веревки. Полноватый рабочий искусно наматывал сложные узлы, поддергивал их напоследок для прочности и толкал блок черным ботинком. Блок съезжал на веревках по склону вниз, где его встречал следующий рабочий, ставил в вертикальное положение и меткими ударами топора выбивал в блоке дверной проем, ориентируясь на мою чернильную линию. Я ощутил странную гордость, и на мгновение вновь вернулся стыд. На этот раз я распознал, за что — за то, что я покинул свой пост.

Далее выбитый дверной проем шлифовался наждаком и покрывался неким раствором. Тут я заметил, что на некотором отдалении проходила другая, параллельная цепь рабочих, которые занимались изготовлением двери. К точке, где два потока пересекались, дверь с круглой алмазной ручкой доходила в завершенном виде. Она была такого же серого цвета, как и стены этой гигантской пещеры, в которой я находился. Рабочий из моего потока подлавливал дверь и вставлял ее в дверной проем. Следующий рабочий нанизывал петли. Следующий петли смазывал. Я продолжал шагать вдоль цепи.

Процесс доходил до дверной выбоины в стене, которую рабочий, близоруко щурясь, выбивал молотком

причудливой формы. Дверь входила в эту выбоину паз в паз. Едва различимую линию разделения между стеной и дверью замазывали мастерком, затем отбивали алмазную ручку и отверстие от ручки замазывали тоже. Таким образом дверь абсолютно сливалась со стеной. Исчезала.

Алмазная ручка передавалась параллельному потоку, в котором ее тут же нанизывали на крючок, и оттуда она шла по ожерельной нитке куда-то за угол.

Некоторое время я стоял, вперившись взглядом в стену, куда исчезала дверь. Выходило, что вся эта деятельность в итоге была лишена смысла. Ее конечный продукт уничтожался в конце цепи.

Зачем это все? Трезвость ума заискрилась по краям, окружая черный шар в моей груди. Это какая-то ловушка. Эксперимент. Кто-то меня похитил и поместил сюда, в эту бессмысленную фабрику. Не только меня — всех этих рабочих. За нами, должно быть, наблюдают. Я тревожно огляделся. Подземная пещера, серые стены. Светло, но без видимого источника света.

Я всмотрелся в лицо рабочего, отбивающего дверную ручку. Стеклянные глаза, сфокусированные на задаче. Лишенные жизни. Неужели и я так же выглядел? Плечи мои передернулись. Я подошел к нему в упор. Он меня не видел, но интуитивно я воспринимал излучаемое им неудобство. Должно быть, он не осознавал, что происходит, но тело его противилось моему присутствию. Я попытался помешать ему, встрять рукой, но не смог. Некое жужжащее магнитное поле стыда не позволяло. Я подошел к предыдущему в цепи, тому, что замазывал дверную щель в стене, и попытался выбить из его пальцев мастерок. И вновь жужжание стыда. Тоска. Совесть.

— Эй, — попытался сказать я ему, но воздух сгустился в глотке, не дал словам выйти. Мир вокруг нас

сложился в коридор, в одном конце которого находился я, а в другом рабочий, к которому я обращался. Из легких разом вышел весь кислород, и наступило бестелесье. Я двинулся по этому коридору, призрачно плывя в воздухе. Форма моя рассеялась, и я походил на облачко с прозрачным щупальцем-вниманием.

Рабочий стоял неподвижно, со все тем же остекленевшим выражением лица. Чем ближе я подлетал к нему, тем невесомей становился. И еще какое-то новое, не испытанное доселе чувство наполняло меня: плывучее, единое, большее, чем мир. Я был его частью, и оно относилось ко мне с любовью и снисхождением.

Я подлетел к рабочему и дотянулся до него щупом внимания. Передо мной мелькали полупрозрачные ментальные платформы его мыслей. За платформами скрывалось его сознание: воспринимающий безвекий глаз.

Я уменьшился до размеров электрона, еще меньше, в пост-материю, до чистого намерения. Пройдя сквозь физическое тело рабочего, я вступил на ментальную лестницу с широкими ступенями. В груди вздымалось плавучее ощущение, буйковое. Я был сферой, из которой протуберанцами выстреливали моментальные конечности. На конце каждого отростка шевелились маленькие щупы внимания. Опадая, они растворялись в сфере меня и восставали снова. При помощи этих конечностей я мог перемещаться в ментальном пространстве, хватаясь за густой воздух и проталкиваясь вперед.

Проплыв по ментальной лестнице вверх, я выбрался в массивный ангар, в котором покоились неподвижные мысли рабочего. Они походили на громадные космические корабли без иллюминаторов. Двигатели, крылья, плавники и серебристые хвосты для маневри-

рования в условиях межзвездной скорости. Они были покрыты налетом затхлости, столь характерным для атрофированной техники.

Я проплыл сквозь ангар, минуя звездолеты мыслей, и приблизился к аквариуму во всю стену с дремно скользящими внутри тенями. Я осознал, что смотрю на сознание рабочего. Тени увидели меня издалека и собрались в теневую кучу, пялясь как рыбешки, изучая.

Я породил щуп внимания и приложил к стеклу аквариума. Тени испуганно отстранились. Из стекла вырвалась иголка и уколола меня в щуп. Жидкость из аквариума впрыснулась в незримый шар моего тела и втянула в себя каплю моей крови. Произошел обмен.

Время замедлилось. Я обнаружил, что могу контролировать, какие именно молекулы крови покидали мое тело. В некотором смысле молекулы эти играли роль символов. Таким образом, отпуская определенные молекулы и задерживая другие, я мог передавать аквариуму идеи, говорить с рабочим. Но прежде, чем я успел что-либо сказать, он обратился ко мне первым. Молекулы его крови были синие, с острыми углами, как квадраты:

[Вторжение необязательно. Операция необязательна. Проследуй к выходу.]

В его реплике не было души, не хватало теплой непредсказуемости, отличающей живое от неживого. Будто говорил механизм. Я попытался ответить аквариуму, прислонившись щупом к стеклу, но молекулы моей крови бессмысленно ускользали игривыми медузками. Что-то строгое, ярое, неостановимое зашевелилось в душе, и прежде чем я смог этому воспрепятствовать, из меня вырвалось:

[непредвиденная ошибка в сингулярном модуле. 3042.2]

Словно машина, частью которой я являлся, заговорила через меня. Как сломанная кукла, висящая на руке кукловода, которую тот притянул за ниточки поближе, посмотреть, что с ней не так.

Я ощутил холодную спицу в голове. Противостоять этому голосу было невозможно. Машина была сильнее меня.

[Принято]
[Установить часть.3ylim на = 93&4//поправка. слышать. это?
[Уменьшить на 5 — x> y
Если y! ==13
{не. действие}
Если...]

Дальше код понесся очень быстро, быстрее, чем я мог воспринять...

Я пришел в чувство, сидя на корточках спиной к стене. Блоки данных продолжали лететь сквозь меня, но неосознанно, как кровь, бегущая по венам. Рабочий, внутренний мир которого я только что посетил, продолжал сосредоточенно отбивать дверную ручку в двух шагах от меня. Хоть он и не мог посмотреть в мою сторону, на лице его отображались блики узнавания, но нерегулярно, недостаточно яркие, чтобы преодолеть порог осознанности.

Я встал и пошел прочь, не оглядываясь, ощущая затылком волну облегчения, исходящую от рабочего, который вернулся в свой привычный сон.

Я продолжал бесцельно идти, оглушенный впечатлением от произошедшего, ощущая себя призраком, пока не заметил полупрозрачную формацию на периферии сознания, что следовала за направлением моего зрения подобно навязчивым паутинкам в глазных хрусталиках. Она продолжала ускользать, пока я, изогнувшись умом, не ухватился за нее и не притянул к зрачкам.

Мой обзор заслонила карта пещеры, вид сверху, на которой мое местоположение было отмечено мерцающей точкой. На карте отображался пройденный путь: за точкой тянулась пунктирная линия, что брала свое начало в месте, где я очнулся. Видно было только пройденное, неизведанные повороты терялись в темноте. Туман войны. Я отвел взгляд, и карта вернулась на периферию сознания.

Откуда-то из-за стены доносился гул. Я подошел и приложил ладонь. Стена едва заметно вибрировала. В следующий момент она раскрылась. Точнее, мираж, который притворялся частью стены, моргнул, обнажая пустое место. Меня магнетически втянуло внутрь, и мираж возобновился за моей спиной.

Я огляделся. В застенье было темно, но не абсолютно. Сердце билось неистово. Приморгавшись ко тьме, я распознал блеклый источник света. Небольшой куб левитировал поодаль; из его недр исходил ровный белый свет. Вокруг куба на земле сидели фигуры, отбрасывая на стены гигантские тени. Я двинулся в их сторону, осторожно приближаясь к кубу.

Гул резко оборвался. Я замер. Лиц сидящих было не различить, но я ощущал их взгляд. Один из них встал и пошел в мою сторону.

Силуэт остановился напротив, блокируя свет от куба: тень, окруженная блеклым нимбом. Он обратился ко мне, говоря все тем же гулом — фраза его оканчива-

лась восходящим бугорком тона, что указывал на вопрос. Я не смел пошевелиться.

Незнакомец повторил свой вопрос, громче. Я попытался ответить тем же гудением.

И тут он ударил меня.

Вспышка боли пронзила переносицу. Прежде чем я смог отреагировать, он ударил меня снова, в то же место, так, что белый космос между моих глаз разразился взрывающимся яйцом. Я слышал движение — другие силуэты сорвались со своих мест вокруг куба, кинулись на меня.

Я закрыл лицо руками, отступил назад, споткнулся и упал наземь, ударившись затылком. Инстинктивно я подтянул колени к подбородку и повернулся на бок.

В моменте тишины я слышал, как фигуры блекло переговаривались, стоя надо мной. Затем они начали яростно гудеть, отзеркаливая друг друга, громче с каждым циклом: «Нго-о-о~», «Нг-о-о-о~», «Нго-о-о-о-о~».

Я хотел отползти, но не знал, в каком направлении выход. Темно.

Один из них наклонился ко мне и загундел в лицо: «Нго-о-о-о-о~!»

Острая боль кольнула в ребро — кто-то пнул ногой. «Нго-о-о-о-о~».

Я ощутил скользко вздымающийся из глубин моего существа пузырь, он прошел сквозь желудок, легкие, горло и вырвался сдавленным: «Нго-о-о!»

Металлический привкус на языке откарманился болью, и в то же время чувством облегчения. Чьи-то руки надавили мне на живот, в то время как другие держали за подбородок. Я закричал снова, сквозь боль, порождая гул вновь и вновь, и с каждым разом в сознании моем ослаблялись некие цепи. Стены растворились, и теплая жидкость закапала светом внутри мозга.

—

Не знаю, сколько прошло времени, но когда я пришел в себя, я был один. Избившие меня неизвестные отступили и вернулись на исходные позиции. Только теперь они молчали. Некоторое время я слепо ощупывал стену в темноте в поисках выхода, но вскоре убедился, что трещина, впустившая меня во внутреннюю пещеру, затянулась миражом. Замуровалась. Мне ничего не оставалось, кроме как выйти к силуэтам.

Их тени располагались вокруг источника света неправильным полукругом с пропущенной точкой — выпавшим зубом пространства. Похоже, что пустота эта подразумевалась для меня. Держась за истекающие болью гнедые ребра, я вышаркал в свет. Было тихо, за исключением высокочастотного писка куба.

Сидящие не сменили поз, но по выступающей серости их ликов ощущалось, что они чего-то ждали.

Колени подрагивали тиком. Я нерешительно преклонился к земле и присел на пол. Сердце мое качалось рамой. Через несколько мгновений я посмотрел вправо и столкнулся взглядом с девочкой, лицо которой было усыпано глазами. Симметричными веснушками глаза покрывали ее скулы, брови, щеки, лоб. Раскосые, светлые, они яростно глядели на меня из-под козырька кепки. Я отстранился, сконфузился, перемялся, вздрогнул, зашебуршился рукавами.

— Йи-и ду~! — выстрелила девочка звонким, раздраженным голосом. — Йи-и ду~!

Силуэты не шелохнулись.

— Йи-и, д-а-а-а-а, йи! — закричала она и дернула подбородком.

Силуэт по левую сторону от меня отозвался зычным басом. Лицо его было сокрыто в тени. Вероятно, тоже под козырьком.

— И-и-я, яйинь но ня! — прогудел он тоном, не терпящим возражений.

Многоглазая фыркнула, но замолчала. Силуэт повернулся ко мне, на мгновение сверкнув бородой.

— Йи-и, — приказал он.

Я сжал кулаки и задержал дыхание. На горизонте мозга забрезжила корявая головная боль. Что он хочет от меня?

— Йи-и… до~… до~, — подтолкнул он, и я понял. Он просил меня сказать что-нибудь. Это значит: «Говори».

Я сухо кашлянул и выдавил:

— До~

— Н-нга-а! — поддержал бородач и вытянул руку перед собой, жестикулируя ладонью вверх.

— До-о~, — повторил я громче.

— Н-н-н-н-на-а-а-а-а-а, — пробасил он и сделал удлиняющий жест.

— До-о-о-о-о-о-о, — протянул я.

Бородач удлинил свой жест еще больше.

Я набрал воздуха и выдул изо всех сил:

— До-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о~

Пальцы бородача метнулись и зацепились за мой голос, как за резинку. Схватив «о», он оттянул звук, и тот соскочил на ступеньку вниз, так, что преломились тончайшие полутона. В моем «о» отразились другие гласные: «а», «у», «и» и «э». Забрезжили потенциалы согласных, которые я осознал как порожки. Ограничители на плоскости звука.

— Оу йи-и н-на н, — выдул я фразу. Она значила: «Ого, я говорю».

Бородач коротко смеханул, с облегчением.

— Н-н няш («это няш»), — сказал он. — Иньнинь н-на в («язык общения»).

— Анананина («Долгожданный»)! — выпалила девочка и сделала движение рукой, отчего темнота с ее

лица отодвинулась назад, обнажив сверкающее многоглазие.

Следом за ней силуэты один за другим посворачивали козырьки на затылки, сбрасывая тени с лиц, и я метнул в каждого из них краткий взгляд.

Не считая бородача и многоглазой девочки, в полукруг входило еще трое: у одного были длинные волосы, другой был широк в плечах, третий не проявлял особых примет.

Все они были одеты в темно-синюю униформу рабочих.

— Вы били меня, — сказал я на няше и стиснул зубы. Один из них гнильно тукнул болью, и я коснулся языком.

— Так надо, — сказал Бородач. — Нас всех били.

Я отметил, что воспринимал значения фраз, произнесенных на няше, напрямую, в то время как звуки речи проваливались сквозь дыры сита моего внимания. Это напомнило мне о странной коммуникации с рабочим, который отбивал дверную ручку. Звездолеты мыслей, аквариум с тенями, щупальца внимания... Я потянулся умом и будто бы стал уменьшаться, замурлыкал на побережье программный код, а сознание начало закругляться, стягиваться синей сеткой, падать внутрь головы.

Многоглазая сорвалась с места, подбежала и вцепилась мне в плечо. Ее длинные ногти вонзились в мои ручейки и перешейки; заискрилось. Я фонарно пропадал по привычной лестнице, ощущая себя балуном — тугим синим мячом. Протоном.

Девочка приблизилась ко мне в упор и крикнула в лицо. Я ощутил короткий взмызг ее слюны по лицу. Она нажала сильнее.

— Н-н-ни. Н-н-н-ий! (Нет. Не надо!) — отрывисто рубанул Бородач.

— С. Йи-и-и-ин-на... («Так говорить...») — сказал я, — нган («можно»).

— Н-н-ни! — повторил Бородач. Это язык Машины. Няш. Только няш.

Похоже, что такого рода общение здесь не приветствовалось. Многоглазая все еще впивалась мне в плечо. Вымонстрившись из болезненной паутины, я ответно схватил ее за руку, за запястье, нащупав узор порезов. Резко пересохло в горле, мелькнула совершенно дурацкая похоть. Захотелось привстать, толкнуть, завалить, прижать и... острая хватка разжалась.

Мгновение я держал ее за руку. Она смотрела серьезно, исподлобья, всеми парами глаз. Сколько их? По три пары на каждой стороне, плюс еще раз, два, три, четыре внизу. Она вопросительно подняла бровь, и я отпустил ее руку, отметив напоследок, что раскорябал ей порезы, и они теперь теплились мокрым.

— Ада, — сказал волосатый, — ее зовут Ада. Вижу, вы нашли общий язык. А машинный язык не, не надо. Обнаружат! Он так ловко гнул гласные, что значения возникали в моем восприятии немедленно, слов слышно не было вовсе.

— Сн, — представился я и покосился на широкоплечего. Тот смотрел на меня не мигая.

— Рут, — пояснил Волосатый. — Не самая душа компании. Рядом с ним — Мор. Этот еще тише. Наш старейшина, Тимш — прямо перед тобой, и я — Глич. Вот и вся дружная семья.

— Кто вы такие? — выдул я на няше.

Глич шевельнул уголком рта и посмотрел на Тимша-Бородача.

— Ты только проснулся, так? — спросил Тимш.

Я кивнул.

— Машинный язык — нельзя, — выстрелила Ада. — Запомни.

У нее был резкий, каблучный голос.

— Машинный? Вы про бестелесное…

— Да, про бестелесное состояние. Я вижу, тебе уже довелось пообщаться со спящими. Ты еще не понимаешь, но…

— Тебе очень повезло, что ты добрался до нас именно сейчас, — ввернул Глич и повел плечами. Копна волос, обрамляющая его вытянутое лицо, шурхнула движением. Тимш коротко посмотрел на него, как мне показалось, строго, но Глич не отреагировал.

— Ты еще не понимаешь, но машинная речь утягивает в себя. Ты возвращаешься в процесс, в работу, туда, где был до этого. До того, как проснулся… — продолжил Тимш.

— Я еще не понимаю, это точно, — сказал я. Подмывало дотронуться языком до ноющего зуба.

Глич почесал бок.

— Машина состоит из рабочих. Мы ее части, — сказал он, подтягивая рубашку на груди. — Как шестеренки.

— Мы выполняем действия, некие работы, — сказал Тимш. — Вместе отдельные дела складываются в одно. Это вроде конвейера.

— И в чем конечный продукт этого… конвейера?

— Конечной цели мы не знаем, — сказал Тимш. — Мы проснулись так же, как и ты, и встретились здесь. Похоже, что по пробуждении нас влечет сюда, к кубу. — Он кивнул на подвешенную в воздухе фигуру.

— Что это за куб?

— Своего рода прибор. Светится энергией, своей, не привязанной к Машине. После пробуждения в нас сохранилось стремление подключиться к источнику энергии. После всех этих лет работы в Машине мы привыкли к… подключенности. Не то чтобы она была необходима для жизни, но…

— Откуда он взялся? Куб.

Бородач на мгновение замялся, ответила Ада.

— Мы не знаем. Он был здесь изначально. Я имею в виду, с первого пробуждения.

— И кто был первый?

— Я, — пригладил бороду Тимш.

Наступила тишина — напряженная, но без надрыва. Я ощутил страшное раздражение. Они избили меня, заставили мычать на своем няше, а теперь хотят, чтобы я поверил в то, что они тут собрались случайно. Что-то было не так. Их синхронность, стройность полукруга, в котором они сидели, то, как бородач держал мне руки, пока другие стучали по ребрам, их косые взгляды, ужимки — все это походило на заговор.

— И вы держите меня здесь насильно? — спросил я.

Они молча смотрели на меня.

— Нет, ты можешь идти, если хочешь, но... — сказал Тимш.

— Я хочу, — немедленно заявил я, оперся ладонью об пол и встал, скрипя коленями. — Где выход?

— Постой, — сказал Бородач, глядя снизу вверх.

— Куда ты? — спросил Глич.

— Обратно. В работу.

— Ты не сможешь, — тихо проговорила Ада.

— Да? Не смогу? — спросил я, не вполне определившись с риторичностью вопроса.

— Мы все пришли к кубу издалека, — сказал Тимш. — Снова отыскать свою позицию в цепочке невозможно.

Во мне шевельнулась непонятная гордость, задела озаренную красным уверенность и уронила оземь графин со слабостями. Графин не разбился, но по краю его пошла миниатюрная трещина.

— Найду. Все прекрасно помню. Где именно находился и как туда дойти. Где выход?

— Постой, — сказал Тимш.

— Вы сказали, что не держите меня насильно. Если так, то я хочу уйти. Сейчас.

Тимш обреченно указал пальцем по направлению, откуда я пришел. Должно быть, трещина раскрылась. Я развернулся уходить, чиркнув напоследок взглядом по бороде Тимша. Лицо его наполовину исчезло в тени — он переглянулся с Адой. Лишь в этот момент я отметил, что ее многоглазие меня вовсе не смущало.

— Постой, — повторил Тимш, но уже совершенно другим тоном. Голос его будто припал на колено и протянулся вслед, но я только прибавил хромающего ходу. В моем уме бушевала борьба, и я стремился как можно скорее победить, принять окончательное решение, уйти бесповоротно. Вдали от куба темнота сгущалась, и я вытянул руку, нащупывая расщелину выхода в стене.

— Гнйиинь. с умъ («Сн, подожди. Послушай»), — сказала Ада. Ее незримая тень шуршала шагами позади, приближаясь.

Я остановился, держась пальцем за найденную расщелину, сердце стучало, темнота широко раскрытых глаз двигалась темно-синими иллюзиями. Несвойственно спокойный тембр ее голоса обезоружил, и я позволил себе сдаться всего на мгновение, быть может, дать ей шанс? Шанс на что? Остановить меня? Я непроизвольно потер пальцы друг об друга — пальцы той руки, что несколько минут назад держала ее запястье. Теплая жидкость скользко слюркала на подушечках.

— Ты правда хочешь обратно, не разобравшись в чем дело, вот так вот сразу?

Я сильно вдохнул и медленно выдохнул.

— Сколько ты уже здесь? Когда ты проснулась?

— Ну, когда — это не вполне подходящее слово. Давно. Я здесь давно.

Я отчетливо услышал, как она моргнула всеми глазами одновременно. Крылья бабочек по стеклам.

— И не пыталась вернуться?

— Нет. У меня было… трудное пробуждение, — она крошечно кашлянула. — Я обратно не хочу. Да и не могу вернуться, даже если б и хотела. Не найду. А что ты имел в виду, когда сказал, что все прекрасно помнишь?

Я различил во тьме полузвук, присутствие кого-то еще. Один из них подкрался незаметно и готов был схватить. Наверное, тот безмолвный, как его. Уже смыкался капкан.

— Нет, — резко сказал я, стартанул на ощупь и со всего маху ударился лбом об стену, отчего за глазами полыхнуло ярким. Однако это действительно был выход. Беспощадно шваркая телом, я протиснулся в просвет.

Вход в пространство с кубом вновь покрылся миражом у меня за спиной. Ближайший рабочий располагался шагах в двадцати. Бедолага монотонными движениями протягивал корабельные веревки сквозь круглые ручки громадных ножниц. Прямо над ним, на небольшом выступе стоял еще один сомнамбула и наматывал эти веревки на продолговатое веретено. По бокам стояли двое и еще что-то там делали, но я не стал на них смотреть.

Выражение их лиц, эти маски отсутствия… образ таблички на двери [меня здесь нет и не будет] промелькнул в уме и в груди ухнуло. Я быстро зашагал прочь. Вокруг грякало, терлось, коцало и посвистывало упорядоченной занятостью.

Отследив обратный путь до места, где я впервые очнулся от работы, своего места в цепи, я ломанулся туда, стараясь ни на кого не смотреть.

— Сн! — свистнул няш Ады. — Ты не знаешь что делаешь! Ты этого не хочешь! Подожди ты! — она явно приближалась.

Сходу сложился план: добраться до своей точки и затормошить соседа. Меня перекинет в бестелесье, и я вернусь. Мысль о возвращении приятно отозвалась на языке — появился привкус кода. Предчувствие слияния, домашнего небытия вдохновляло. Возвращаюсь. Забуду как страшный сон. Может, это и есть сон. Но Ада не сдавалась.

— Слушай, я знаю точно, о чем ты сейчас думаешь, — быстро бормотала она вслед. — У меня это тоже было, у всех нас. Защитная программа Машины. Зависимость. Это иллюзия, пойми ты. Машина так защищается. Чтобы ее шестеренки не терялись. Она хочет, чтобы ты вернулся в строй. Ты ей нужен как раб. Как часть. Деталь. Ты этого хочешь?! — Ее «хочешь» сорвалось криком и догнало оплеухой. Шагу я не убавил, но между пластинами моих доспехов затесался боевой воробей сомнения и зашевелил там ножками.

— Это не твое желание — это она тебя волочет. Когда ты заговорил с одним из спящих, после пробуждения, когда стал бестелесным облаком, помнишь, как в тебе заговорил код?

Да, я помнил. Однако если она пыталась меня переубедить, упоминание о коде было напрасным. Код. Какое сладкое слово. Как леденец, постукивающий по белоснежным зубам: «код, код, код». Боевого воробья сомнения придавило, и он задохнулся бы совсем, если бы не следующая ее реплика.

— Да что ж ты такой упертый-то? В Машину всегда успеешь — к тому же слушай, да слушай ты! Тебя выплюнет обратно! Как в прошлый раз. Провисишь в небытии черт знает сколько и вернешься — только нас тогда уже не будет. И не с кем будет поделиться, ты будешь один, бродить туда-сюда, и ничего у тебя не выйдет!

Холод ее логики окатил ушатом, я еще быстрее затопал, но не от того, что уперся на своем и победил, а наоборот, потому что осознал, что проиграл, но не желал принять поражение. И код… сладкий код повлек меня вперед с утроенной силой.

Будто услышав мои мысли, Ада крикнула:

— От кода есть средство! Можно сделать так, чтобы не хотелось! Все дело в звуке! Да подожди ты, подожди!

Я проходил мимо долговязого зомби, которой двигал двумя высоченными булавками рычагов. Его осунувшееся лицо слегка подрагивало с каждой итерацией — я поймал себя на мысли, что если и остановлюсь, то точно не рядом с ним. Если остановлюсь. Ужасно болело в боку. До чего же омерзительный тип. Он загораживал проход, и мне пришлось протереться между ним и стеной, приблизиться к нему так, что я невольно уловил деталь, которая и перевесила чашу весов: с самого кончика его дурацкого носа свисала густая мутная капля. Он никак не мог об этом знать и, скорее всего, никогда не узнает. С его точки зрения ни капли, ни носа, ни его самого попросту не было. Он, быть может, уже двести лет вот так вот ворочает рычаги с соплей, и еще двести будет. Неужели и я туда же? В общем, отойдя от него на удовлетворительное расстояние, я остановился. Ада нагнала меня.

Она протянула мне два крошечных диска и жестом показала, как их надлежит закрепить за ушами. Я взял диск и завел его за ухо. Диск был гладкий и теплый — похоже, она несла его в ладони.

— Должен сам пристать, — сказала она. — Они как магниты, только на кровь.

— На кровь?

— Да. Укола не будет, но теплота бегущей под кожей крови привлекает материал заглушек.

— Откуда они взялись? — спросил я, балансируя диск на подушечках пальцев, водя за ушами, все не цеплялось.

— Тимш. Нашел.

— И куб?

— Да, — кивнула она, потупившись и тут же разразилась какой-то непонятной агрессией. Схватив меня за руку, она щупано добралась до диска и завела его куда нужно. Заглушка пристала, и меня обдало холодком. Желание слиться с Машиной тут же притихло и даже показалось глупым. Кованым движением Ада завела мне за ухо второй диск, уперевшись большим пальцем мне в скулу и шерудируя остальными пальцами. Ее испещренное свежими порезами запястье оказалось в поле моего зрения. Несмотря на прохладцу, в которую меня заключили заушные заглушки, в груди засветилось тонкое теплое чувство. От Ады пахло чем-то знакомым. Приятным.

— Пойдем, — сказала она. — Тимш лучше расскажет. — С этими словами она нагнулась и отвязала от своей щиколотки веревку. Затем она двинулась обратно, наматывая веревку на руку.

Я посмотрел в карту, модель пещеры, столь удобно подвешенную в моем ментальном измерении. Пройденный путь отображался пунктирной линией. Неизведанные части пещеры зияли черными провалами. В уме завращались непонятками мысли — отчего ей нужна веревка, чтобы найти путь обратно, а я все вижу? Потому ли мои слова о том, что я помню, где находится мое место в цепи, вызвали такую реакцию? Может, я им для этого и нужен? Можно ли им доверять? Эти заглушки — они на самом деле просто защищают от Машины и не делают ничего больше? Нужно их снять — как только, так сразу.

Между тем достигли миражной расщелины. Ада легко прошла сквозь нее, не сбавляя скорости. Я же втерся с натугой, царапаясь избиенной щекой. С минуту глаза привыкали к перемене света, затем проявилась уже знакомая картина — сияющий куб, персонажи. Их позиции изменились, пока нас не было. Тимш стоял теперь вплотную к кубу и задумчиво почесывал бороду. Глич расположился сбоку от него, откинувшись в расхлябанной позе. Мор сидел недвижимо, все так же с козырьком на лице. Того, другого видно не было. Имя его тоже потерялось. Помню только, что было их пятеро. На мгновение заискрилось подозрение, что этот пятый стоит сейчас где-нибудь в тени, не дышит, готовится накинуть на голову мешок и бить, бить, убивать. «Они же избили меня, — думал я. — А я вернулся. Почему? Как так вышло?»

Ада вступила в круг света.

— А мы уж чуть было не соскучились, — хохотнул Глич.

Ада что-то сказала Тимшу на няше., тот повернулся и защурился в темноту, пытаясь разглядеть. Я вышел на свет, всем своим видом давая понять, что настроен недружелюбно.

При виде меня бородач просветлел. Я отметил, что у него были ясные глаза цвета выдыхающегося льда.

— Ты, наверное, хочешь узнать, что тут к чему, — сказал он. — Должно быть, много вопросов есть. К нам.

Я кивнул в ответ и обвел помещение внимательным взглядом, пытаясь выцепить силуэт недостающего персонажа из черноты. Я даже заглянул в свою ментальную карту, но та не отображала живых существ.

— Во-первых, был еще один, — сказал я как можно грубее и без тени страха. Я решил гнуть этот сон силой.

Брови Тимша на миг подпрыгнули в недоумении, но тут же разрешились.

— Рут? Он ушел погулять.

Холодок от заушных дисков-заглушек все не проходил и занавешивал собой не только жажду слияния с Машиной, но и некоторые другие эмоции. Я не мог определить какие именно, потому как более их не ощущал.

— Гньи нонья'ня, — сказал Глич Тимшу.

— Я говорю, ему на самом деле нравится гулять, вот и все, — сказал Глич мне. Несмотря на то, что оба раза сказано было на няше, понял я только во второй раз. Хотя самого няша в реплике, обращенной ко мне, слышно не было, я ясно осознавал, что сказано было то же самое, слово в слово.

— Няш можно направлять, — раздался голос Ады, что стояла по левую руку от Тимша и разматывала клубок веревки при свете куба. С моего ракурса Тимш загораживал ее почти полностью. — Просто, когда говоришь, выдели собеседника.

— Выделить?

— По-другому не объяснишь, — сказала она.

— Все это второстепенно, — сказал Тимш, нахмуриваясь. — Тебя, должно быть, сейчас интересуют другие вещи.

Тимш был прав — особенности их коммуникации не стояли сейчас на первом месте, хотя концепция «направления языка» и была любопытной. Выходило, что няш может бить в наведенную цель, как луч, или шарашить во всеуслышание. Например, когда я говорю, меня, похоже, все понимают, потому что я говорю во всеуслышание. Если бы я говорил направленно, меня понимал бы только мой собеседник. Плюс один к картине мира. Однако меня бушевали другие пазлы:

— Хорошо. Во-первых, где это? Где мы?

— Это уже во-вторых, — поджучил Глич. — Во-первых уже было.

Тимш посмотрел на него, и Глич шутовски прикрыл рот ладонью.

— Мы зовем это место, — Тимш обвел пальцем вокруг себя, — Внутренней пещерой. Там, за щелью, пещера внешняя.

Это пока ничего не объясняло; я молча глядел на него.

— В пещере — рабочие. Мы все — рабочие. Шестеренки Машины. Точнее, мы-то не, — сказал он, орфографически споткнувшись.

Я быстро глянул на Мора — тот так ни разу и не шелохнулся. Я решил обязательно спросить о нем. Следующим вопросом.

— Хоть у всех у нас… у них… разные задачи, они на самом деле сводятся к одной цели — производству энергии, — сказал Тимш.

— Короче, мы не столько шестеренки, сколько батарейки, — сказанул Глич, встал и коротко встрепенулся всем телом.

— Не вполне так, — возразил Тимш.

Глич поднял обе руки в жесте «не стреляйте» и прогулочным шагом вышел из светового пятна налево.

— Батарейки действительно хранят энергию, но одного типа. Если бы все было так просто, было бы достаточно крутить какие-нибудь колеса или там бегать внутри шестеренок, генерировалась бы однотипная отрицательная энергия и все. Но! — он поднял палец. — Энергия здесь бывает разных цветов. И у каждого цвета свой, так сказать, танец, своя соответствующая ритуальная процедура.

Мне отчетливо вспомнилась моя процедура — чернила, бетонный блок, линия. Всполохнувшее чувство довольно близко походило на ностальгию по старым добрым временам. Одновременно со всполохом ностальгии холодок за ушами усилился, будто

заглушки отреагировали на воспоминание и удвоили защиту.

Я отметил, что Тимш вблизи выглядел значительно моложе, чем мне показалось вначале. Обращаться к нему на «вы», так же, как и на «ты», казалось одинаково неуместно. Примечательно, что в няше разница между «ты» и «вы» была ярко выражена. «Ты» был острым, треугольным индикатором, тогда как «вы» индикатором со спиленной короной, сглаженный указательно, охватывающий не только самого собеседника, но и пространство вокруг него, относительно которого сам собеседник положительно выделялся как основной элемент.

— Откуда это все известно? — спросил я.

Тимш шевельнул лбом, как бы сметая мысли в центр.

— Вне пещеры есть существа. Они многое могут рассказать.

— Вне?

— Да, я объясню. Сначала тебе нужно знать про энергии, как это все работает. Понимаешь, все в пещере так или иначе присоединено к Машине. И мы в том числе. Так вот, в тот момент, когда ты сливаешься с ней, с Машиной, то можно уменьшиться, трансформироваться и путешествовать.

Я ничего не понял. Учитель из него был неважный, даром что бородат. На выручку пришла Ада. Она закончила разматывать свой клубок и сунула его в карман.

— Пространство, где все выглядит как синие сферы? Называй как хочешь.

— Шары! — крякнул Глич из темноты.

Ада проигнорировала его.

— Так вот, это пространство огромное, и по нему можно легко и быстро перемещаться, потому что ты там тоже… шар, — сказала Ада.

— То есть через это шаровое пространство можно выйти? — спросил я.

— Да, — кивнула Ада. — Только вот для перехода в это пространство необходима энергия. Даже для простой коммуникации нужна энергия, поэтому мы и не можем говорить друг с другом напрямую. Для этого мы, пробужденные, придумали няш, что-то вроде беспроводного языка. Машина не может его зарегистрировать — он к ней не подключен.

— А энергию вырабатывают рабочие через ритуальные процедуры. Выходит, источник один, — сказал я.

— Не совсем, — сказала Ада и киношно взглянула на куб.

Тимш пристально смотрел на меня, ловя реакцию.

— Этот куб — наш автономный источник, — сказал Тимш, и я почувствовал, что он выделил меня няшем; реплика его была приватна. — Это наш выход отсюда. Я был там, я знаю. Но есть одна проблема. Чтобы его запустить, нужно пять лиц. Буду откровенен, мы ждали тебя — пятого пробужденного. И у меня есть некоторые основания полагать, что ты несколько особенный.

— Ихнья! — выкрикнул Глич и вдруг вышел на свет с неожиданной стороны. — Ихнья бабонька!

Меня терзало. Будто за ширмой моих легких нарисовались иголочки и елозили по винильной поверхности, выхватывая неровности, обращая их в несуразную мелодию, нервный диссонанс.

— Ты... вы говоришь, что уже был там. Значит, вы уже могли включить этот... куб. Вас же уже пятеро, так? Пять лиц? Если вы смогли тогда...

— Бабонесса! — щелкнул пальцами Глич и наконец навел свой смысл на меня. — Работает голова, да? Только проснулся, и уже соображаешь... шаришь! — хохотнул он.

— Да. Нас было пятеро, — сказал Тимш. — Но Мор больше не может путешествовать. Когда он вернулся, он… это теперь неважно.

— Что с ним стало? Как это неважно?

Ада подошла ко мне. Она была на голову ниже меня ростом и проницательно смотрела исподлобья, снизу вверх. Сконцентрированное пламя.

— Сн, у тебя только два варианта. Ты либо идешь с нами до конца, либо возвращаешься назад. Я думаю, мы это уже проходили.

Я отвел глаза, не выдержав мерцающих глубин ее многоокого взгляда, этих королевских бездн, в которые по спиральным затопленным лестницам бесконечно сплавлялись мириады мертвых кораблей с заледеневшими иллюминаторами и крутились, вращая скрипучими рулевыми колесами вниз, и вниз, и вниз, без дна, без дна, без дна…

Я не мог ей возразить. Кому угодно, но не ей. Я был скован, порабощен. У меня не было ни единого шанса.

—

Яркость куба обжигала зрачки холодным светом. Казалось, что в самой сути этого интенсивного сияния крылась потаенная блеклость, в которую я и вошел. Так входит одиночка в приоткрытую темную комнату посреди ревущего маскарада.

Прислонившись лбом к матовой поверхности куба, я закрыл глаза, но свет проходил сквозь веки, будто те обратились в прозрачную клеенку. Очерчивался волнистыми контурами силуэт — это, кажется, был Тимш, просвечивающийся сквозь куб с противоположной стороны. По бокам от меня стояли Ада и Глич. Куб левитировал чуть ниже уровня глаз, видимо отрегулированный под рост Ады, самой маленькой из пробуж-

денных, отчего остальным приходилось сутулиться. Рут сидел на земле, закинув шею, глядя в куб сквозь дно. Пять сосредоточенных лиц.

Некоторое время было тихо, не считая асимметричного дыхания участников действа. Затем посреди белого экрана появилась темная точка.

— Тянись! Тянитесь! — взволнованно проняшил Тимш. Я понял, что тянуться надлежало к точке. Как это сделать, я не знал, и пару мгновений сконфуженно терся о куб лицом. Затем во лбу моем зашевелилось, будто маленькие насекомые выковыривались из-под кожи. Я сильно заподнимал брови, отчего ощущение лишь раззадорилось и из моего межбровья выстрелило двумя набалдашниками.

Тут же меня стремительно повлекло внутрь куба, навстречу к темной точке. Подтошнило, крутануло и шевельнулось тело, но уже далеко позади, второстепенно.

Точка увеличивалась. Рядом со мной летели, колеблясь, прозрачные силуэты других пробужденных.

По приближении точка оказалась квадратом в самом двухмерном смысле. Спотыкающийся рассудок ошалел от перемены перспективы, и ситуация обернулась так, будто я падал навстречу громадному нарисованному на земле квадрату. Я машинально взглотнул, но что-то перепуталось, и вместо наковаленки слюны в глотке я ощутил боль в коленной чашечке. Похоже, в этом состоянии мои ощущения следовали альтернативной логике.

Я несся вниз с дикой скоростью, и у самого черного дна резко остановился и завис в воздухе. Рядом со мной повисли прозрачные миражи остальных. Я перевел взгляд на чернь квадрата, столь огромного, что края его простирались до самого горизонта. При ближайшем рассмотрении он оказался вовсе не однотон-

ным, как виделось прежде. Градации темных оттенков образовывали сложный узор линий, расходясь в стороны правильными прямоугольниками.

Изображение мигнуло и перефокусировалось, как глаза, мгновенно привыкшие к темноте. Белый фон пустого пространства вокруг квадрата тут же оттенился прочь, текстура развернутой квадратуры продеталилась и походила теперь на паркет, эдакую паркетную мандалу. Едва я это заметил, как меня замагнитило вниз, и я начал плавно снижаться. Где-то далеко позади в теле моем искрометно зудел лоб, но я это ощущал как бы понаслышке. Миражных пробужденных рядом видно не было — непонятно, снижались ли они вместе со мной или слились с пейзажем, потерялись, исчезли.

Вблизи было видно, что каждая плиточка узора в квадрате заключала в себе дальнейшие градации теней. От предчувствия фрактальной бесконечности засвербило под ложечкой, но я тут же ощутил во рту выдох уже знакомого холодка и полегчало. Адовы заглушки, похоже, держали мой рассудок в узде.

Когда я снизился до поверхности квадрата, паркетность резко сложилась и встала, как бывает с трехмерными домиками в детских книжках. Вместе с тем откуда-то сверху бабахнул звонкий смешок. Детский. Чужой. Я приготовился к столкновению, но мне нечем было касаться земли — я был не более чем подрагивающим косматиками взглядом.

С совершенно паркетным звуком конструкция начала выравниваться, плитки заездили туда-сюда, как замочья сложнейшего сейфа. Вместе с тем все вокруг начало уменьшаться, передо мной выпрямилась деревянная дверь и тут же распахнулась внутрь.

По ту сторону двери было бело, но приглушенно, не так ярко, как на входе в куб. Вдаль уходили полосы аэродромной глубины. Всюду на бешеной скорости но-

сились синие молекулы — такие, какими они изображены в учебниках химии: условные, покатые, с бликом. Виднелись и отдельно парящие атомы — все как один синие, протоновские. Что-то вильнуло на периферии, и я оглянулся. Рядом со мной косматился прозрачный комок взгляда, в котором я интуитивно различил Аду. Следом явился еще один, и еще, пока все пробужденные не собрались у дверного проема.

Что-то сдерживало, не позволяло мне войти в эту дверь, будто две гарпунные линии соединяли меня с моим телом там, за пределами куба. Я осознал, что решение разорвать эти узы с телом было в некотором роде платой за вход. Я ощутил натянутость пуповины. Отпускать было страшно.

Тут передо мной мелькнуло — Ада ломанулась в дверной проем, обросла синестью, ошарилась, и ее тут же сдуло куда-то вправо бескомпромиссным ветром. Немедля ни секунды я рьяно ступил следом, во лбу хрустнуло раз, еще раз, я краем глаза увидел синеву набухающего вокруг моего центра, легких стало много, пошла пузатость, я оттолкнулся и швирк — меня метнуло прочь.

—

Некоторое время я плыл в воздухе. Ввиду обретенного шария взгляд мой был обращен во все стороны одновременно. Любопытное чувство всеглазия меня сперва дезориентировало, но быстро сошло за норму, причем очень удобную.

Я все озирался в поисках Ады, но она если и была поблизости, то ничем не выделялась среди остальных молекул. Мои попытки изменить курс плытия не увенчались успехом. Пожимы привычными мышцами воли ступливались, я походил на однорукого человека, ма-

шущего отсутствующей конечностью. Ничего не оставалось, кроме как отдаться на волю ветру, что я и принял со студеным спокойствием. Тот комкательный страшок, что огрел меня шоком перед входом в паркетную дверь, отпустил. Я просто наблюдал.

Сперва мне думалось, что молекулы мечутся хаотично, но, приравнявшись с происходящим, я засек закономерные потоки — незримые гольфстримы дорог и распутий. Некоторые молекулы резко перестраивались из потока в поток, зачастую меняя свой курс на противоположный. Я приметил особенные раздатости и кустистые отростки, произрастающие из фронтов некоторых молекул.

Одна из этих особых молекул следовала за мной, словно приглядываясь. Я направил на нее внимание и вопросительно всковырнул духом. Молекула шевельнулась лило́й, аза́то чирикнула — и вдруг часть ее передней стенки отъехала с шипением, как космический шлюз.

Внутри молекула была полой — в ней сидел персонаж с зубатой лыбой и вертикально вздернутым чубом. Глаза его светились.

— Так, так, так. Кто у нас здесь? А?

— Сн.

— Откуда? Бераль? Стан? Корвус? Нет. Наверное, Тассер. Тассерианин, угадал?

— Нет.

Персонаж цыкнул, повел лицом:

— Я Транзи. Водила. Залазь, свободно. Но ты должен будешь рассказать о себе. По рукам?

Я замялся, не понимая, как к нему залезть. Однако Транзи проделал все сам, причем весьма отточено. Молекула его расширилась, сбоку открылся еще один шлюз, и меня туда притянуло. Я вошел внутрь этого протономобиля, как рука в перчатку. Сходство с пер-

чаткой дополнялось гамистым обволакиванием моих покатостей стенками салона.

Внутри мобиль был по-таксишному поделен на пассажирское круглое вместилище и просторную водительскую кабину, в которой сидел Транзи. Одна рука его покоилась на штурвале, другой он приобнимал спинку пустого пассажирского сидения рядом. Он поглядел на меня с искоркой, через плечо, заширкнул шлюзы и тронулся.

Я ощущал себя довольно комфортно, облегающе, но не покидало легкое чувство надутых щек. Я подумал об остальных, о Тимше и Гличе. Об Аде. Где они теперь? Поймали таких же таксистов или все еще парят в воздухе? Помыслилось даже, что я никогда больше с ними не увижусь и буду вечно ехать неизвестно куда, и неизвестно, что меня ждет. Впрочем, это меня не волновало. Ни возбуждения, ни тревоги по этому поводу я не испытывал. Мне было до шарика.

— Ну, рассказывай, — начал Транзи, переводя внимание на дорогу.

— Эм. Я пришел сюда через дверь.

— Так.

— А до двери я дошел сперва через куб.

— Так.

— А до этого был в пещере.

— Так. А до этого?

— А до этого меня не было.

— Вообще не было?

— Вообще. Я спал. Был частью Машины.

Эта реплика произвела на водилу впечатление. Транзи сбавил скорость и щелкнул рычажком-поворотником.

— Машины?» Ты был частью Машины? Той самой? И ты говоришь — в пещере был? Из пещеры?

Да ну! Не может этого быть! — он громко и воодушевленно фыркнул и покачал головой — вот оно, мол, как.

Я молча обдумывал его реакцию. А стоило ли говорить? Вдруг это тайна? Ко мне возвращался рассудок, вылепетываясь из студености. Вместе с тем стало тесно. Транзи это заметил.

— Ты бы это, расшарился. Салон только на заход хорош, а чуть подальше жмет. Ты повыветрился хоть немного-то?

Я интуитивно понял, что он имел в виду, ощутил кончики пальцев, ступни ног и перестал быть шаром. Никакого перехода из формы в форму на этот раз не было — просто раз, и больше не шар.

— Прости, я уж не подумал, что ты в первый раз здесь и можешь не знать. На будущее, шаром нужно только снаружи быть, там сладкий ветер этот, он тебя дебилом сделает, если на тебе покатости нет. А что, ты в самом деле из Машины? Из самой пещеры? Из той самой, где Ядро?

Во мне собиралась росою рассеянность — ситуация виделась мне все более странной и небезопасной. Я заосторожничал, решил не говорить лишнего и выведать у него побольше.

— Да. Похоже на то. А ты... Транзи?

Транзи мастерски присвистнул: — Если б ты знал, какая это честь. Вау. Транзи, да. Транзи — это я. Вожу мобиль, куда запросят.

— А откуда эти... Остальные?

— Ой, отовсюдова. Реально отовсюду. Кого только не повстречал и чего только не переслушал. Но ты, конечно, всех побил.

— Не часто сюда заглядывают? Из пещеры?

— Вообще никогда. Теоретически это невозможно. Теоретически, — сказал он и хохотнул. — Я шарею!

Слушай, — спохватился он, — а другие есть? Ты один пришел?

Я замер, взвешивая — говорить или нет.

— Я к тому, что разлетятся же. А так можно было бы вас всех вместе словить.

Отказать было бы глупо.

— Нет, не один.

— Сколько вас? — встрепенулся Транзи и щелкнул поворотником снова. Я отметил пришлепнутое сбоку протонового такси зеркало заднего вида, похожее на оттопыренное ухо.

— Я, еще один, и еще два, и еще одна — пятеро.

— Теперь слушай. Мне нужно, чтобы ты о них подумал. Вообразил. По очереди. Сможешь? Для поиска.

Это я мог. Одно за другим я прогнал перед ментальным оком все лица пробужденных, как фотографии подозреваемых с табличками. Транзи этого не хватило, и он попросил повторить усилие.

Я сосредоточился и вывел в уме клокастую растительность Тимша, ровные линии волос Глича, невозмутимые брови Рута и многочисленные глаза Ады.

— Вот так! — Транзи довольно хлопнул ладонью по спинке пассажирского сидения и ускорился. Дальнейшее походило на змейку, классическую видеоигру. Транзи находил шары пробужденных, таранил их своим мобилем, и они один за другим цеплялись к нему, как атомы, формирующие молекулу чего-то сложного. Так же, как и я, пробужденные втягивались в такси, скидывали шарообразную форму и один за другим знакомились с Транзи, который пытался вести себя сдержанно, но не мог скрыть восхищения. Видно было, что его пузырило вопросами, но он боялся спугнуть.

Формация салона удобно расширилась и идеально вместила всех. Обретя тела, участники сцены рассе-

лись по-автобусному: Глич рядом со мной, Тимш и Ада впереди, Рут на задах. Говорил в основном Тимш, и из его манеры было ясно, что он здесь не впервой и в местных порядках разбирается. Глич отстраненно жевал жвачку, а я пытался сосредоточиться на словах Тимша, не в силах отвести глаз от нежной обнаженной шеи Ады впереди. Ее фигура манила меня таинственным маревом.

— Транзи, ты, я вижу, давно водишь. Многое знаешь. Так? — спросил Тимш.

— Точно так, — ответил Транзи. — Сколько себя помню. А помню я себя далеко, до самого начала и все что между.

— Слышал про... пещеру?

— Да. Сн говорил, что вы оттуда, вот я вас и подобрал. То есть вы прям... из Машины... вы... и есть Машина, — почтенно проговорил он и кивнул.

Я отметил эту почтенность.

— Да. Из Машины. Мы тут... исследуем. И нам нужны ответы.

— Конечно. Все что угодно, чем смогу.

— Но прежде всего, нам нужно знать, что ты сам знаешь о Машине. Что тебе известно.

— Конечно, — Транзи словно вспотел голосом и сбивчиво затараторил: — Машина — это наша мама, она дарит нам всем тепло, и цель, и... надежду, конечно, и... забыл, как дальше.

— Ты не волнуйся.

— Я, наверное, не самый лучший вариант в вашем случае. Не знаю наизусть Скрипта — могу своими словами, пойдет?

— Пойдет, — внезапно ответил за Тимша Глич. Затылок Тимша напрягся и разгладился. Взгляд мой пошел по Адиной шее вверх, туда, где за ее ухом пристроилась скоба заглушки — само ухо ее было

резное, коралловое, со своенравным выблинком наверху.

Транзи часто спотыкался в своей речи, то и дело пытаясь цитировать Скрипт, который, по-видимому, был в этом мире вроде священного текста, что полагалось знать наизусть. Я слушал, затаив дыхание. К концу своей тирады Транзи совсем уж взмок — чуб его запизанился вбок, дух пообмылился. Окончив он быстрым шлифком ладони приотодвинул часть стекла, всего на мгновение — запустил в кабину сладкого воздуха, сильно вдохнул, медленно выдохнул, повисла тишина. Я сидел, положив сжатые кулаки на колени, и абсорбировал услышанное. Выходило примерно следующее:

— I —

Давным-давно туннели пещеры были населены бродягами, что вели рассеянный образ жизни, бесцельно слоняясь из стороны в сторону. В их мире не существовало ни нужд, ни целей, ни желаний; все, что они знали — это неспешные прогулки и разговоры ни о чем.

Так бы оно и продолжалось веками, если бы не один из бродяг по имени Шмит, что отличался от других. Шмит ни с кем не общался, объясняя свое стремление к одиночеству тем, что «пустые разговоры — трата времени» и «есть вещи поважнее», чем, разумеется, вводил бродяг в недоумение. Им было непонятно, как что-то одно может быть важнее чего-то другого и как время можно потратить, если оно никогда не заканчивается, однако Шмита не тревожили, но и не избегали. Его просто оставили в покое.

Через несколько лет одиноких блужданий Шмит наконец нарушил свое молчание и заявил, что после

долгих размышлений он пришел к некоторому заключению, которым хочет теперь поделиться с каждым, кто готов его услышать. Некоторые бродяги проигнорировали Шмита, но большинству было интересно, о чем это он таком все это время думал, и в закутке пещеры собралась толпа, где Шмит рассказал о своем плане под кодовым названием «Проект».

Для достижения целей этого проекта от участников требовалась исключительная концентрация и приложение безумных усилий. Доселе никто подобных деяний не вершил, и, естественно, многие списали Шмита со счетов как сумасшедшего, покинули закуток пещеры, не дослушав его речи, и отправились на очередную беспечную прогулку. Однако небольшая группа бродяг заинтересовалась сказанным, дослушала Шмита до конца и решила принять участие в его проекте.

Первой ступенью проекта было создание программы для вычисления размеров пещеры, в которой они находились. Для этого Шмит снабдил каждого бродягу специальным прибором, который отправлял Шмиту сигналы об их местонахождении, согласно которым Шмит составлял карту. Пещера была громадной, со множеством поворотов, и если кто-то ненароком посещал одно и то же место дважды, прибор пиликал и сообщал бродяге, что нужно развернуться в другую сторону.

Участники проекта вдохновились обретенной целенаправленностью и бродили с удвоенным энтузиазмом, картографируя своими перемещениями местность. Вскоре молва о невероятном проекте разошлась по пещере, и все больше бродяг приходило к Шмиту за прибором. В конце концов, им нечего было терять. Со временем участники проекта начали презирать остальных бродяг за бесцельность, и с расширением их рядов в истории пещеры настал момент, когда

не быть частью проекта стало зазорно и даже безответственно. Тем не менее среди бродяг были и группы, которые активно проповедовали бесцельность, утверждая, что в этой дисциплине и кроется секрет их многолетней стабильности.

Между тем карта Шмита продолжала расширяться, и хотя границ пещеры видно пока не было, он обозначил ее условный центр и предложил организовать там базу. Шмит был движим жаждой познания, его интересовала история возникновения пещеры и бродяг, о чем доселе никому известно не было.

Впоследствии выяснилось, что само участие в этой картографической экспедиции развивало интеллект, имитируя органическое выжигание в мозгу нейронных троп, происходящее при обучении. Вскоре умнейшие из бродяг организовали Совет. Они более не бродили, а базировались в условном центре, анализируя поступающие от картографов данные. Однако, несмотря на все усилия, достигнуть пределов пещеры все не удавалось. К тому же были обнаружены темные зоны, в которых бродяги бесследно исчезали. Шмит был вынужден отредактировать алгоритмы своих приборов так, чтобы при достижении этих темных зон бродягам поступал сигнал об опасности, и они разворачивались в противоположную сторону.

Шмиту стало ясно, что одних пешеходных усилий бродяг будет недостаточно для достижения цели, и началась разработка Машины — искусственного картографа, способного заглядывать даже в темные зоны на карте. К тому моменту все без исключения жители пещеры уже участвовали в проекте и даже самые упрямые проповедники бесцельного брожения присоединились в остальным. Бесцельных не осталось.

Для того чтобы приступить к постройке Машины, Шмиту была необходима энергия. Шмит провел

несколько лет, пытаясь решить эту задачу, но безуспешно.

Решение нашлось само собой, по чистой случайности. Один из членов Совета отметил, что сигналы от бродяг с нижних уровней пещеры достигали радаров базы быстрее, чем с верхних. После детального изучения вопроса оказалось, что каким-то необъяснимым образом пребывание на нижнем уровне способствовало ускорению передачи сигнала. Так родилась идея вырыть шахту.

Участники проекта, что к тому моменту из бродяг переименовались в рабочих, выкопали яму и поместили туда новый аппарат, разработанный Шмитом — генератор. Все свои изобретения Шмит будто бы получал откуда-то извне, принося их как плоды со своих долгих прогулок. Рабочие доверяли его гению абсолютно и, не задавая лишних вопросов, прилежно следовали его указаниям, наслаждаясь чувством общего дела и достижимости некоей грандиозной цели. Жизнь до проекта совершенно позабылась — казалось, что они занимались картографией пещеры всегда, испокон веков.

Закопанный в шахту генератор не был подключен к бродягам и вырабатывал энергию автономно. У Шмита была гипотеза о возможной причине возникновения этой свободной энергии, но доказать ее он не мог. Похоже, ответ крылся в несуществовании материи в пустотах пещеры. Пустоты были заполнены рассеянным электричеством, которого по мере продвижения к недрам пещеры встречалось все больше ввиду взаимодействия неизвестных ему физических законов.

Начались работы по вырыванию шахты и впоследствии по конструированию генератора и самой Машины. В процессе строительства Шмит все более и более

расширял возможности Машины. До сих пор он держал суть проекта в секрете, и никто в точности не знал, в чем именно заключалась его конечная цель. Однако рабочим это было безразлично, они наслаждались самой целенаправленностью. Шмита же они принимали за спасителя — мессию с блуждающим взглядом и дикой бородой.

По завершении строительства Машины оказалось, что мощности, производимой генератором, было уже недостаточно для питания всех ее функций.

Для того чтобы решить проблему с нехваткой энергии, Шмит организовал своего рода конвейер деятельности, цепь действий, которые должны были исполняться участниками. Этот конвейер накапливал энергию трудящихся в так называемых коленах и оттуда транслировал ее поток в генератор внутри шахты, что умножал вырабатываемое им электричество и увеличивал выхлоп в разы.

После успешного запуска Машина принялась исполнять известные лишь Шмиту таинственные задачи, в то время как рабочие заняли отведенные им на конвейере места и следовали пошаговым инструкциям, вырабатывая энергию для Машины. Картографировать вручную больше не было надобности, и в пещере вновь наступил баланс — все были вместе, заняты и довольны.

В один прекрасный день Шмит исчез, унеся с собой тайны Машины. Некоторые члены Совета пытались претендовать на его позицию, но без инструкций и чертежей Шмита они попросту не знали, что делать. Посему было принято решение продолжать работать как ни в чем не бывало, в надежде, что однажды Шмит вернется.

Шли годы, Шмит постепенно забывался, забывались и сами рабочие. Все вытесняла тупая повторяю-

щаяся работа, что гипнотизировала их до тех пор, пока их индивидуальное самосознание не исчезло совсем. Так жители пещеры превратились в один организм, неустанно питающий загадочную Машину, что вершила неизвестные никому операции.

— | —

Разумеется, в рассказе Транзи преобладали уважительные эпитеты, но в общих чертах суть Скрипта сводилась к тому, что мы были частью некой машины, которую давным-давно покинул создатель. И никто больше не помнил, в чем заключалась ее функция.

— Эм, куда-нибудь конкретно поедем? Мне не то чтобы имело значение, я могу и просто кататься, но… — заговорил Транзи, и я осознал, что пробужденные вот уже некоторое время переговаривались друг с другом на няше. Я в их круг включен не был — все, что я слышал, это нямочную тарабарщину.

— Да, тебе знакома Скала? — спросил Тимш во всеуслышание.

— Конечно. Подбросить? — оживился Транзи и мотнул головой, от чего его начес колыхнулся волной.

— Прошу, — сказал Тимш.

Транзи кивнул и поддал газу.

—

Протоновое такси замедлилось; за окнами неслись серые тучи. В воздухе висело давящее, арочное чувство, будто они пролетали под гигантским мостом.

Трафик был не сильно густой, с десяток витающих молекул, одна из которых в данный момент разгружалась; покатые пассажиры покидали такси и взмывали вверх, будто мамка-воздушный-шарик порожда-

ла шариков-детишек: летите, добро пожаловать в мир!

В воздухе левитировал буквой L трехмерный знак, похожий на черную дубинку. Остановка. Мы встали в очередь на высадку.

— Приехали, — не без досады выдохнул Транзи. — Что ж, когда будете готовы вернуться обратно в Пещеру, отсюда вас заберет кто-нибудь другой. Я не могу долго на месте стоять.

— Благодарю, — сказал Тимш.

— Как Зыбью пользоваться, знаете? — обернулся Транзи, глядя на меня. Я перевел взгляд на Глича, но тот лишь пожал плечами. На его окне красовался комок прилепленной жвачки.

— Там ничего сложного, — сказал Транзи. — Подходишь к любому конусу в стене и окунаешься в выемку лицом. Главное — чтобы только глаза, нос и рот были покрыты водой. Уши — ни в коем случае. Иначе забудешься.

— Благодарю, — повторил Тимш, задумчиво глядя в окно. Ада что-то сказала ему на няше, приватно, но Тимш ей не ответил. Подходила наша очередь. Транзи подлетел к L-образной остановке и щелкнул тумблером. Задняя дверца салона отъехала со шлюзовым шорохом. Снаружи вентилировал сладкий воздух, как распыленный до атомов сахар.

— Все. Шарейте скорей, а то отупеете. Там дальше воздух не такой сладкий, можно будет расшариться, а здесь без этого никак. Так что вот. Вряд ли еще увидимся, но было очень приятно познакомиться, — Транзи браво махнул рукой.

Рут мгновенно обернулся синим шаром и выкатился наружу. L-остановка примагнитила его к себе, и он повис рядом, плавно вращаясь вокруг нее по эллипсоидной орбите. Следом рванул Глич. Он с силой отки-

нулся на спинку сидения и кувыркнулся назад, с ходу обращаясь в шар. Ошарел и я, вздувшись синим пуком в идеальную форму. Вхлопнулся.

Вскоре все мы вращались вокруг остановки, подобно пятипланетной солнечной системе с черной дубинкой вместо солнца. Тимш отцепился с орбиты и поплыл по диагонали вверх, ведя нашу цепочку за собой.

Перед нами возвышалась серая скала с серпантиновой тропинкой и пробоинами оконных пещер. Мы взлетели на небольшое плато. Там стоял, подбоченившись, аппарат, походящий на бензоколонную будку с заправочным шлангом. Тимш подлетел к аппарату, и шланг примагнитился к его синему боку. Тимш завертелся по-нептуньи и втянулся в аппарат как тугой молочный коктейль через трубочку. Будка затряслась, и с торцовой стороны открылась дверца. Оттуда вышел условно узнаваемый Тимш — руки, ноги, борода, но тело его было будто вырезано из мыла, причем вырезано довольно грубо, кубически. Его цвет сменился с монотонного синего на градацию оттенков, что пытались имитировать привычный облик рабочего — белесые параллелепипеды волос, темная форма, кубики рук. Он сделал призывающий жест и указал на будку. Пробужденные последовали.

Чувство втягивания через шланг отчего-то показалось мне знакомым. Несколько мгновений я был плотной жидкостью, затем что-то ударило меня механически, будто мозг мой был тестом, что ехало по конвейеру на фабрике печенья, и его сверху пресануло железной формочкой — ФШАХ! Белая вспышка, звездочки. Похоже, что аппарат снял слепок моего самовосприятия и отсек у шара все лишнее. Выбил скульптуру.

Вернувшись в вертикальное положение, я вышел из будки. Остальные пробужденные уже прошли через

кубическую трансформацию и стояли у края плато. Я двинулся к ним неуклюже, в очередной раз привыкая к новому методу перемещения. Благо, в отличие от шаровых полетов, с двуногим хождением я был уже знаком, разве что квадратные стопы приходилось поднимать повыше, чтобы не царапать углами по земле. Я остановился рядом с Адой. Ее многочисленные глаза в скульптурной форме казались кожной сыпью. Она смотрела вдаль, на молекулы такси, и не обернулась, когда Тимш заговорил.

— Мы находимся на Скале, — сказал он экскурсоводным тоном. — Этот мир знаменит тем, что в нем есть Зыбь. Зыбь — это такие конусовидные отверстия в стенах Скалы. Они наполнены вертикально стоячей водой, и в них можно видеть другие жизни. Свои жизни.

— И что мы здесь делаем? — спросил Глич.

— У меня есть основания полагать, что через другие жизни мы сможем найти ход к Машине.

— И уничтожить ее, — добавила Ада, глядя за горизонт.

— Так ты уже была здесь, да? Ты и Тимш, вдвоем. Еще до меня, — сказал Глич.

— Да. Мы были здесь. В прошлый раз, — ответил за нее Тимш.

— И что же вы не нашли Машину тогда?

— Нам не хватало... элемента, — ответил Тимш и посмотрел на меня. Фигурки остальных повернулись в мою сторону. Кроме Ады.

— Другие жизни? Что значит — другие жизни? — спросил я.

Тимш привычным жестом почесал бороду: мыльно вырезанная ладонь прошлась по вдавленным полосьям бороды.

— Эта жизнь — не единственная. Каждый из нас находится во многих реальностях одновременно.

Не в прошлом или в будущем, не последовательно, а прямо сейчас. В этот самый момент ты не только здесь, в Скале, но и в других местах тоже. Выглядишь ты там иначе, и зовут тебя по-другому, но это ты. Тот ты, из глаз которого ты сейчас смотришь, и тот, лицо которого ты узнаешь в зеркале как свое.

Это звучало крайне абстрактно. Особенно из уст мыльной фигурки.

— Причем тут я? — спросил я прямо.

Тимш на мгновение замер, видимо, взвешивая, посвящать меня в тайну или нет. Наконец он заговорил приватно, выделив няшем только меня.

— Только ты помнишь, где находится твоя точка пробуждения в пещере. Никто из нас не помнит. Я подозреваю, что ты связан с созданием Машины. В другой жизни. Нужно, чтобы ты посмотрел в Зыбь. Возможно, это поможет нам добраться до Ядра.

— Пойдем, — сказала Ада. — Эта форма не продержится вечно. — Она развернулась и двинулась по тропинке наверх, минуя бензоколонную будку. Глич последовал за ней.

— Хорошо? — спросил Тимш.

Я кивнул. Как будто у меня был выбор.

—

Подъем по серпантину продолжался в молчании. По правую руку серые тучи и пропасть. По левую — серая безликая скала.

— Сн, — позвала меня Ада. Она говорила направленно, приватно, обращаясь мне в затылок.

— Да? — откликнулся я, не оборачиваясь. На этом отрезке пути дорога была крайне узкой, и я сосредоточенно следил за своими квадратными ступнями, ступая как можно ближе к скале, опасаясь споткнуться.

— Тимш тебе не сказал, наверное, боится спугнуть, но это очень важно.

— Что?

— Слушай. Там, в Зыби. В Зыбях. То, что ты увидишь, будет очень сложно понять. Твоим танцующим сознанием. И может возникнуть некое чувство. Оно тебя подтолкнет к решению. Ты, главное, пойми в тот момент, что это не единственный выход. Запомни. Это нам очень важно. Мне важно. Чтобы ты не повелся на то чувство, хорошо?

— Что за чувство?

— Ты поймешь, о чем я. Главное, помни — это не единственный выход. Запомнишь?

Говорить туманностями было, несомненно, объединяющей чертой пробужденных. За исключением, пожалуй, Глича с его непосредственной прямолинейностью.

— Запомнишь? — повторила она громче.

— Да. Запомню, — ответил я, в очередной раз соглашаясь непонятно на что, ощутив себя бумажным корабликом, несущимся по горной реке.

— Здесь! — крикнул возглавляющий колонну Тимш. Серпантиновая тропа ответвлялась в небольшой пятачок. Тимш указал на стену своей вечно раскрытой мыльно-кирпичной ладонью.

На стене виднелись отверстия, походившие на иллюминаторы подводной лодки. Зыбь.

— Погружаемся в строгом порядке, — командным тоном вещал Тимш. — Сначала глаза, затем нос и рот. Ни при каких обстоятельствах не окунайте в воду уши. Утянет.

Резко потянуло во лбу, и я вспомнил каким-то очень далеким чувством, заблюренным откликом, что где-то там, далеко, за паркетной дверью, в пещере, у меня есть другое тело, и оно до сих пор стоит там,

склонившись в неудобной позе, вперившись лицом в левитирующий куб. И похоже, что сейчас я окунусь еще глубже в этот мир с двойным дном. Тройным.

Я подошел к отверстию Зыби. По краям оно было опоясано волнистыми лепестками, что образовывали элегантный каменный воротник вокруг окуляра. Я заглянул в отверстие. Внутри Зыби неподвижной вертикалью стояла мутная вода. Скала была полой внутри. В глубине виднелись неясные формы, что померцивали пыльной серебрянкой. Я прислонился лбом. Лепестки окуляра плотно облегали мой подбородок и скулы, фиксируя позицию. Набрав побольше воздуха, я погрузился в Зыбь лицом.

Тут же пыльные очертания сфокусировались, и я оказался в поле, по которому шли громоздкие фигуры, походившие на гротескных многохоботных слонов. Хоботы были украшены ожерельно нанизанными бубнами, что сотрясались с каждым топотным шагом и бились друг об друга, создавая тарелочную какофонию. Я осознал, что бывал здесь прежде. И не просто бывал, а жил. Долго. Это место когда-то имело для меня большое значение, как же я мог о нем забыть?

Шествие этих слонов было церемониальным, и бубны были крайне важны. Они натирали хобот, чесались, в них было жарко, неуютно, но их никак нельзя было снять. Моя роль заключалась в том, чтобы облегчить участь слонов. В этом мире я не был существом, скорее ощущением. Я вспомнил, как набухала во мне энергия, надавливала на стенки и «Фс-ск!» — выходила с прохладным звуком между бубнами. На мгновение это помогало слонам, и они были искренне мне благодарны, хоть и воспринимали меня как данность, закон природы.

Я непроизвольно вдохнул носом и поперхнулся водой из скалы. Закашлявшись, я выдернул лицо из Зыби.

Глич стоял справа от меня, по его длинным волосам стекало. Слева всматривался в скалу Тимш. Я вернулся лицом в Зыбь и оказался в совершенно другом месте. И вновь я поразился тому, как можно было забыть что-то настолько исключительно важное.

Там я был домом. Три комнаты, чердак и подвал. В гостиной — два больших окна с решетками. Во мне жили люди. Они вносили и выносили всякие предметы: столы, книжные полки, сундуки. У предметов этих тоже была душа, но более упрощенного склада. Большинство из них излучало наивную одноразовую ауру, и мне не о чем было с ними поскрипеть. Люди же двигались молниеносно и казались подрагивающими цветными шлейфами, растянутыми, как шарфы. Они быстро росли и так же быстро умирали.

Хлынули воспоминания. Вспомнилась Пианина. У нее была душа с шалью; душа с запахом коробки конфет, в которой хранят тяжелые ключи от загадочных дверей. Вспомнился человек, который часто бил по стене кулаком, и мне от этого становилось щекотно, интересно и совсем не обидно. Был еще один, который постоянно перекрашивал комнаты. Неуемный.

Был период, когда меня все покинули. Одинокое, страшное время. Долгие ночи, вой сквозняков, мысли как дребезжащие ставни. Содрогнувшись от воспоминания, я повел плечами и посыпалась черепица. Я невольно поднырнул телом, укрываясь от черепицы под козырек, отверстие Зыби расширилось, и я провалился в скалу по плечи. Пробочно бултыхнуло в ушах, изображение дома завертелось спиралью и рассеялось. Я попытался выдернуться из Зыби, оттолкнуться от скалы, но руки мои прошли насквозь, погрязая в пыльной мути.

Это походило на неудачную попытку пробудиться от кошмара, когда знаешь, что снится сон, и жмуришь-

ся, силишься вырваться в реальный мир, но сон не пускает.

Темно. Течение толкало меня вверх. Я закричал большими пузырями, забарахтался жучье. Меня на самом деле утянуло в скалу? Или, случайно погрузив в воду уши, я лишь провалился в воспоминание целиком, и мне все это кажется? Передо мной возникло лицо в стеклянной коробке, повисшее в подводности. Тимш?

Что-то ударило в мое восприятие, как тяжелая волна о каменный берег. Я оказался в пещере, передо мной действительно было лицо Тимша, но по ту сторону куба — я видел его сквозь мутную прозрачность. Моргнул и увидел кого-то еще, не Глича, не Рута, другого.

По восприятию снова ударило волной, и я вновь оказался под водой, на темном дне. Наверху забрезжил неясный свет. Поверхность. Я судорожно рванул туда.

И снова удар волной — я в пещере, осознаю, что смотрю из глаз Тимша, а худой, сутулый персонаж с челкой в пол-лица, на которого он смотрит, — это я. «Надо же, значит вот как я выгляжу со стороны», — мелькнула мысль.

В мозгу цвиркнуло, и ментальное волокно воспалилось цветом, приблизилось. Что это? Чужие мысли, незнакомые, движутся с непривычной скоростью, слишком медленно, проговаривают сами себя вслух монотонно, крюкасто, как змеи, плывущие сквозь космос. Интуитивно я воспринял, что наблюдаю мысли Тимша. Похоже, наши сознания смешались.

Удар волной.

Я в другом месте — все вокруг зеленое: стены, земля, звук воды, река, подземная пещера. Кубические змеи мыслей Тимша продолжали плыть сквозь

меня, я все еще смотрел из его глаз. Это он находился в подземной пещере, не я. Я поднес руки к лицу — морщинистые, с длинными ногтями. Руки Тимша. Я осмотрелся. Из подземной реки восставали фигуры с цепкими клешнями вместо рук. Они взбирались по наклону берега и бежали к отвесной стене. Я осознал, что и берег, и стена, и все вокруг было сделано из одного и того же материала — зеленого пластилина. Фигуры вонзали свои клешни в пластилиновую стену и стремительно взбирались вверх. Периодически внутри фигур лампочками вспыхивал свет. Их было по-насекомому много. Перемеркивающаяся гирлянда антропоморфных жуков.

В Тимше вздымалась эмоция. Я ощущал, как она нагревала пространство под мыслями своей шипящей энергетикой. Вскоре эмоция обняла мысли по сторонам, взошла по их кубическим стенкам и, обернув их с головой как одеяло, разразилась шипами. За одно мгновение интенсивность эмоции скакнула от блеклой искры до миллиарда ядерных взрывов на кончике иглы.

— Это из-за меня, — вырисовывались новые мысли на поверхности горячего шипастого одеяла. — Это я запустил процесс. Этих существ притягивает вверх, потому что я нажал на рычаг, я!

Вокруг этих мыслей черной дугой проступил развевающимся контуром плащ гордости, по которому тут же пошли трещины безумия:

— Это сделал я! Я такое могу! Вы все ничто по сравнению со мной! Никто! Ничто!

По сознанию вновь ударило волной, и меня снова сместило. Мысли замедлились и читались легко. Я был в своей голове, под водой, но на этот раз в своем собственном теле. Играющая светом поверхность приближалась. Крича пузырями, я изо всех сил устремился к ней.

—

Вода расстегнулась, и я вырвался. Острый глоток воздуха. Резкий запах пластилина. Пластилиновый смрад. Вокруг меня из воды восставали все те же пиксельно поблескивающие фигуры. Чувство потока неудержимо влекло меня к стене. Клешни мои сжимались-разжимались, клацали цапками. Я был одним из них.

Полоска берега была узкой — от воды до стены было шагов тридцать, не более. Я двинулся стремглав, сокращая дистанцию, обернулся на ходу и увидел Тимша. Он стоял поодаль и наблюдал за происходящим со стороны. Глаза его светились сумасшествием. Добежав до стены, я смачно, со звуком сплюснутой грязи, вонзил одну цапку в пластилин, затем вторую и подтянулся на руках. Меня разбирало стремлением. Кто-то схватил меня за пояс.

Я посмотрел вниз. Жучаво-пиксельный персонаж, такой же, как я. Что-то в его чертах было знакомо.

— Подожди, куда ты несешься? — спросил он, и я тут же распознал этот расслабленный тон. Глич.

Мое тело мигнуло изнутри медовым светом. Это было теплое чувство с щепоткой тревоги. Мне нужно было спешить. Наверх.

— Подожди, — повторил Глич. — Мы в Зыби, помнишь? Ты забылся. Наверное, окунул уши. Я тоже. И похоже, что мы в этом воспоминании оказались вместе. Давай, отцепляйся.

Вокруг нас неслись силуэты, хлюпали шлепки вонзающихся цапок. Слова Глича отрезвили меня. Я выдернул одну из клешней — пластилин осыпался с коготков. Вторую клешню я выдернуть не успел. Без предупреждения по моему восприятию вновь ударило волной, и меня снова сместило.

Я оказался в голове Тимша и увидел себя со стороны, из его глаз — у стены, с высоко поднятой вонзенной цапкой, вполоборота. Глич стоял рядом и держал меня за пояс. Мысли Тимша были неразборчивы, они стопорились, сталкивались вагончиками, вращались квантами. Вдруг один из вагончиков мыслей хрустнул, из его окна выбилось наружу стекло и выплюнулась белая блестящая пленка-лужица. Пленка затвердела в белое зеркало, и в его отражении мелькнул блик света. В этом блике за одно мгновение пронесся компрессированный опыт, воспоминание из другой жизни Тимша, и я его молниеносно воспринял.

В той жизни Тимш был инженером и строил некий механизм. Мельком пронеслись чертежи деталей — густо исчерченные листы бледно-голубой бумаги. Вот он идет в своем белом кимоно по хлипкому мостику над пропастью. Перед ним громадная конструкция, башня. Я осознал, что эта башня и была тем механизмом, над которым он работал. Его творение.

Белое зеркало, по которому пронесся блик воспоминания, треснуло, и из трещины мечом прорезался белый свет, разрубая сознание Тимша пополам, так, что вагончики его мыслей раскидало в стороны.

Мое восприятие повторно ударило волной, и я сместился обратно в свое пиксельное тело. Я выдернул вторую клешню из стены и повернулся к Гличу. Он начал что-то говорить, но громогласная вспышка света заглушила его.

На миг время остановилось. Тени взбирающихся фигур усыпали пластилиновую стену дикобразьими иглами. Из света сформировался белый развевающийся плащ и заиграл северным сиянием. В эпицентре вспышки стоял Тимш, закинув голову вверх, с выражением адского крещендо на лице.

— Я вижу все. Все вижу, — пробасил голос из плаща. — Отсюда все видно. — Раздался леденящий скрип улыбки, что возникла по центру плаща, расширилась в безумную гримасу, вырвалась за пределы, разрезая белое полотно. Плащ заморщинился, исчернелся, как горящая на блюдце фотокарточка. Время продолжило свой ход, и вокруг захлюпали пластилиновые выцапывания — тяпкой по грядкам.

Глича рядом не было. Он размашистой развалочкой шел вниз к реке, против потока пиксельных фигур, расталкивая и врезаясь.

Тут меня что-то схватило, потянуло за затылок и выдернуло из каменного конуса Зыби. Я вновь оказался на Скале.

— Ты видел Машину? — возбужденным тоном спросил Тимш, заглядывая мне в глаза. — Видел? Видел?

Его вырезанное из мыла тело выглядело неказисто, ломано, пухло. Я поднес руки к глазам. Пальцы мои тоже набухли, скруглились. Похоже, эта форма была временной и наши тела возвращались в шарообразное состояние.

— Видел? — повторил бородач. — Машину видел? — Он держал меня за шею — это он меня выдернул из Зыби.

— Да, — ответил я, сбрасывая его руку.

Тимш схватил меня за грудки и притянул к себе. Его расширенные зрачки бешено сверлили насквозь: — Где она? Как туда попасть?

Я оттолкнул его прочь.

— Анаканица! — раздался голос Глича. — Веста мене падеста кяпина ка ня! — крикнул он и с разбегу врезался в Тимша. От удара у того треснуло мыльное плечо, и полтела одним пуком обратилось в полушарие. Ада подбежала к Гличу и схватила его под руки

сзади. Она тоже округлялась. Многоглазая сыпь сгладилась и утопла в ее неровных щеках.

— Это ты! — крикнул Глич публичным няшем. — Ты Шмит! Ты создал Машину! Я видел!

Глич пытался вырваться, но Ада держала крепко. Она была намного сильнее, чем казалась.

— Успокойся. Угомонись, — шипела она.

В этот момент что-то во мне сошлось, и я понял, что знаю, действительно знаю, где находится Машина. Карта пещеры, что по-прежнему висела на периферии моего сознания, прочертилась новой пунктирной полоской. В конце пути сияла крестиком точка назначения.

— Стойте, все не так просто, — раздался размеренный голос Рута. Глаза его были ясные, синие. Форма его тела держалась безупречно.

— Отстань, — рявкнул Глич и толкнул Аду локтем в бок. — Отстань, я не буду ни на кого нападать.

Ада отпустила.

— Нам нужно вернуться к кубу. В пещеру, — сказал Тимш.

— Что это зн… — крикнул я, и губы мои раздулись, лопнули; мигом ошарело лицо, и я увидел панораму во все стороны сразу: плато, серое небо над пропастью, серпантин. Я ощутил, что взлетаю как воздушный шарик, хотя нижняя половина тела все еще держалась.

— Форма распадается. Пора возвращаться. — Тимш схватил меня за ногу и побежал по тропе вниз, к остановке протономобилей.

— Стой! — ломанулся Глич. Его плечи раздались полукругами, он сгорбился.

Тимш волок меня за собой по серпантину. Изображение подпрыгивало вверх ногами.

Полукруглый Глич бежал за нами следом, шарея на ходу, за ним летела сфера Ады, и замыкал шествие

идеально сохранившийся Рут. Он не бежал, а быстро шел длинными шагами.

Едва мы добрались до плато с выходом на вращающуюся в воздухе черную дубинку-остановку, рука Тимша расформировалась и отпустила меня. Рут с разбегу прыгнул в пропасть, обращаясь на лету в мыльный самолетик. Он подлетел к остановке и поманил нас к себе магнетически.

— Кто он такой… этот Рут? — думал я, подлетая к дубинке. И почему он заговорил только сейчас?

Такси не заставило себя ждать, и вскоре передо мной распахнулся синий шлюз. Один за другим мы завтягивались внутрь, шлюз начал закрываться, я моргнул и обнаружил себя в абсолютном мраке, упертым лицом в плоскую сторону куба во внутренней пещере. Куб больше не светился.

—

Голоса в темноте.

Глич: Аканинья парамо митрона яма сенема сеча! Кона-кинья портабрэ наку нима яша. На а на а ати у сапэ, но мисья…

Ада: Нагаъ~!

Глич: Камирана нара митрона а на ати? Наку на?

Ада: Нагаъ! Нагаъ-ттури!

Тимш: Хап! Хап тури. Асакима у намера ни намера яма укана панера… Расфукри расфукси-путон мунэ наманера манера нама няма нурэ.

Глич: Тимша ники турэто намитаня?

Тимш: Яра да.

Я: Где мы? Что происходит? Я ничего не вижу.

Рут: Куб погас.

Глич: Кибана пуранья — ттэ. Бупэ! Бупэ-хахахаха’ня!

Я: Говорите публично! Что происходит?

Глич: Ананата! Публично! А-ха-ха-ха-ха!

Тимш: Мы в пещере.

Я: Что случилось?

Глич: Тимш — предатель. Вот что. Лжец!

Ада: Мы вернулись в пещеру. Куб растерял энергию и выключился. Нас, похоже, вернуло обратно.

Я: В какой стороне выход? Ничего не вижу.

Тишина.

Я сделал слепой шаг вперед, держась одной рукой за куб, чтобы не потерять ориентир.

Ада: Кима. Кима пунья.

Глич: Пхах! Он все наврал. Тимш — паскуда! Я все видел!

Рут: Что ты видел?

Я обошел куб кругом на расстоянии вытянутой руки, всматриваясь в темноту. Из трещины выхода должен был пробиваться свет, но я его не видел; зрение искрилось, перетасовывалось колодой черных карт. Вращались прозрачные треугольники. На задворках моего ума сошлись какие-то тончайшие детали, и я отчетливо уловил воспоминание из другой жизни: там я бродил по лабиринту помещений и обозначал двери, которых никто кроме меня не видел. Нас было несколько, но видел их только я. В этом была моя роль. Там еще была девочка. От этого последнего бита всколыхнуло в сердце; заострилось. Девочка. Я хохотнул вслух, неожиданно для самого себя. Безумие.

Рут: Глич! Что именно ты видел?

Глич: Хорошо. По порядку. Я вошел в эту Зыбь, там, в Скале. И увидел Тимша. Он стоял на зеленом берегу. И ты там был, Сн, слышишь? Ты тоже это видел, разве нет?

Я кивнул, потом вспомнил, что в темноте не видно и сказал: «Да». Откуда-то справа донесся шорох перемещения. Я присел на корточки, прислушиваясь.

Глич: Там были эти фигуры. Много. Они появлялись из воды и взбирались по пластилиновой скале. Они мигали изнутри. И я тоже был мигающей фигурой. И ты тоже был, Сн, так, да? Ха-ха!

Я встал на колено, вытянув одну руку вверх, другой не отпуская дна куба. Глаза мои были широко открыты.

Глич: Ну давай, скажи, Сн, был?

Голос Глича перемещался. Он ходил в темноте.

Я: Да. Я тоже был одним из них.

Глич: Общий сон, а? Мы там были. Давай Тимш, теперь твоя очередь. Что ты видел в Зыби?

Тимш не ответил. Я ощутил шелохновение воздуха совсем рядом.

Глич: Молчишь, сука? Хорошо. Тогда скажу я. Я видел, как Сн вышел из воды и полез на эту пластилиновую скалу. И я его схватил за пояс, остановил. Так было, Сн?

Я причувствовался к колыханиям воздуха.

Глич: Тоже молчишь, а? Ну молчи-молчи. Ананани-на. Я знаю, что ты там тоже был и все видел. И Тимша видел. Потом что-то случилось, и мы перемешались. Я как бы стал им на секунду. Тимшем. И вспомнил все. Про Машину, про то, откуда все взялось. А, Тимш? Не поделишься? Откуда этот куб взялся?

Что-то коснулось моего лица. Ладонь. Я махнул перед собой локтем, отбиваясь, но тут меня за запястье схватила рука. Скользкое тепло. Кровь. Ада.

Глич: Эй! Меня кто-нибудь слышит? Что вы там делаете?

Рут: Откуда взялся куб? О чем ты? Что ты видел?

Глич: Рут! Тебя там не было, так? Где ты был?

Я ощутил лицо Ады. Она чиркнула мне по щеке ресницами множества глаз. Ее дыхание в ухе, приватный няш шепотом: «Пойдем. На выход. Давай». Она потянула меня за руку. Я все еще держался за куб, сопротивляясь. Можно ли ей доверять? Я ведь тоже видел, как Тимша рассекло белой вспышкой, и Машину, и чертежи. Глич был прав. Это Тимш ее создал.

Рут: Да, меня там не было. Я находился в другом мире. И я тоже многое вспомнил. Про себя. Но никого больше не видел.

Глич: Врешь! Вы все заодно! А, Ада? Ты же была в Зыби до этого? В прошлый раз. Что ты там такого увидела?

Ада впилась мне в запястье ногтями и потянула с силой. На мгновение я ощутил влечение, желание сдаться ее воле, проиграть. Неужели это эффект заушных пластин? Ведь после того как Ада нацепила их

на меня, я согласился вернуться с ней во внутреннюю пещеру, несмотря на то, что меня избили пробужденные. А потом согласился войти в этот куб, войти за ней следом в паркетную дверь. Мысли метались, я судорожно пытался сориентироваться.

Глич: Ада! Куминесаманэлла но пита мененанья!

— Кира-тур-р-р-ра! — взвизгнула Ада и рванула меня за руку. В тот же момент другая, узловатая ладонь нащупала мою вторую руку и резко отцепила меня от куба. Тимш.

— Эй! — крикнул я. — Стой!

— Нужно уходить. Сейчас. Потом все объясню. Пойдем. Давай, — зашептал Тимш.

Глич: Убегаете! Вы убегаете! Все все знали! С самого начала! Сн и ты! И Рут! Молчал, молчал, а вот оно как! Не, не уйдете!

Голос Глича приближался кометой.

Меня тащили сквозь темноту. Шебуршение одежды. Дыхание. Шварк ботинка по полу. Вскрик Глича:

— А? Что же ты?

Рут: Идите, я догоню!

Глич: Отпусти! На тебе! А? На! Я вам для этого только нужен был, так? Куб подключить. Пятое лицо. Вот тебе!

Пахнуло ветром. Расщелина. Выход. Меня втянуло в трещину, царапнуло болью по щеке, плечу, бедру. Стало светлее, я видел затылок Ады. Тимш все еще держал меня за руку, не отпускал, протискиваясь следом. Последнее, что я слышал от Глича, было: «Тимш! Тимш создал Машину! Это все его вина! Тимш — это Шмит! Ха-ха!»

Ада протянула меня сквозь щель в слепящий свет внешней пещеры. Следом протиснулся Тимш, чуть погодя выбрался Рут.

Из расщелины доносился бешеный хохот Глича. Она более не покрывалась миражом. Тимш взялся за верхушку расщелины и потянул вниз. Щель застегнулась как молния, замуровывая Глича внутри.

—

— Ну, — сказала Ада, — Теперь вся надежда на тебя.

Позади нее на расстоянии трех шагов стоял рабочий и сосредоточенно выполнял свою ритуальную процедуру: протягивал перекладину сквозь тряпичную подвеску. По правую руку от него следующий рабочий принимал блестящую перекладину и при помощи москитоподобного инструмента просверливал в ней отверстие. Дальше перекладина передавалась рабочему с усоватыми проводами в руках, который вдевал провода в отверстия, подтягивал перекладину, и она поднималась на ярус выше, где за ней уже тянулись руки следующего звена в цепи.

Если не обращать внимания на пустоту их лиц, отмоторенность их движений плелась замысловатым танцем шестеренок и была по-своему красива. Но игнорировать эту пустоту было невозможно.

— Я понимаю. У тебя есть все причины нам не доверять, но так было необходимо сделать. Я все объясню, и ты поймешь, — сказал Тимш. Он стоял спиной к зазипованной трещине в стене, за которой в абсолютной тьме бесновался замурованный Глич.

Я снял кепку, завел волосы назад и надел снова, пройдясь пальцем по заушной пластинке. Я глянул в ментальную карту. Мое место в цепи рабочих все

еще поблескивало крестом. Я мог вернуться туда в любой момент, стоило только захотеть.

— Что будет с Гличем? — спросил я.

Тимш на мгновение замялся.

— Пока там посидит, — ответила за него Ада.

— С чего мне вам верить? Что вам мешает меня так же выкинуть? — повернулся я к Аде.

Она приоткрыла рот; один из ее нижних зубов был остро заточен и слегка выступал:

— Ты не Глич. Он был прав, он нам нужен был как лицо, чтобы запустить куб. Когда все закончится, мы его выпустим. Но сейчас он не в себе, — сказала она.

— А я нужен вам зачем? — спросил я.

— Ты же знаешь, где Машина? — спросил Тимш. Голос его подрагивал стрункой, почти боязно.

Я снова заглянул в карту.

— Если даже и да? Что вам помешает избавиться от меня, как только вы туда доберетесь?

— Ничего. Но в этом не будет смысла, — сказал Рут. — Добравшись туда, мы уничтожим Машину. Все проснутся.

— Да? А разве не Тимш ее построил? Или это Глич все навыдумывал?

— Нет, — сказал Тимш и вздохнул. — Глич прав. Шмит — это тоже я. Но не в этой жизни. Там, в другой. И да, похоже, в той жизни Шмит создал Машину.

— Зачем? — спросил я. — В чем ее предназначение?»

— Этого я не знаю. Похоже, что-то связанное с картографией. Транзи-водила правильно сказал. Была схема по сканированию местности. Точно была. Но не думаю, что в том смысле, в котором он имел в виду. Не знаю, откуда взялся этот «Скрипт», который он цитировал. Может, Шмит и его написал. Не помню.

— Не помнишь? — спросил я.

— Ты сам видел — в Зыби все... зыбко. Нечетко. Воспоминания, они как стая ворон — пролетели, и все, нет.

— Но ты помнишь, что построил Машину?

— Да. Это точно.

— И теперь ты хочешь ее уничтожить? Почему?

— Похоже, при создании Машины Шмит допустил ошибку. Что-то пошло не так. Не знаю наверняка, что именно, но Машина не работает как планировалось. Это я помню, такая эмоция не забывается. После запуска Шмита в нее втянуло вместе с остальными. Но я проснулся. А потом Ада и Рут. И остальные.

Я вдруг вспомнил.

— Мор. Тот, шестой пробужденный. Где он? Я не видел его ни в такси, ни на Скале. Что с ним случилось? Он там, с Гличем?

— Мор — особенный, — сказал Рут. — Он не вполне здесь. Не совсем жив.

— Что это значит?

— Он таким вернулся с прошлого путешествия, — сказал Тимш.

— И вы его тоже оставили там? — я махнул рукой в сторону зазипованной внутренней пещеры.

— Не думаю, что для него теперь имеет значение, где находиться, — сказал Тимш.

— Хорошо. Давай по порядку. Сначала, — сказал я.

Ада еле слышно цыкнула языком и увела взгляд в сторону.

— Ты проснулся, — сказал я. — Дальше. По порядку. Куб. Откуда взялся куб?

— Я очнулся первым, да. Пытался расшевелить других. Меня утянуло обратно. В Машину. Очнулся снова. И так несколько раз. Пока не встретил Аду.

— Так. Постой. Ада — ты проснулась когда? Расскажи, — перебил я его, не давая им шанса сговориться.

— Не знаю, — ответила Ада, холодно оскоблив меня своим многоглазьем. — Помню, как шла по пещере. До этого не помню.

— Как встретилась с ним?

Ада посмотрела на Тимша.

— Он стоял у стены, пытался разбудить одного из рабочих. Я окликнула его, толкнула в плечо. Его начало затягивать.

Я остановил ее жестом руки:

— Дальше. Продолжай, — сказал я Тимшу.

— Мы пошли вместе и вскоре нашли трещину в стене. И внутри был куб.

— Откуда?

— Подозреваю, его туда поместил Шмит.

— То есть ты?

— Не я. Шмит.

— Хорошо. Что было дальше?

— Ничего. Сидели во внутренней пещере. Довольно скоро стало понятно, что куб запускается пятью лицами. Вспомнилось. Не знаю, как еще объяснить.

— А эти откуда? — я снял одну из заушных заглушек. Меня тут же повело вбок, зигзагнуло зрением, заиграл в жилах прохладный синий код, подуло цифровым ветерком. И будто кто-то позвал. Знакомый тон. Домой. Пора возвращаться домой.

Ада выхватила заглушку и резким движением вернула мне за ухо.

— Я нашел их рядом с кубом, — сказал Тимш.

— И сколько их было?

— Пара.

— Но откуда тогда…

— Я создал копии, — сказал Рут. У него была чистая, устойчивая манера говорить. — Полагаю, мой черед рассказывать.

Я кивнул.

— Я тоже долго блуждал после пробуждения и также набрел на закуток внутренней пещеры. Случайно. Ада и Тимш уже были там. Я попытался вступить с ними в контакт, но они набросились и избили меня. Нацепили одну из этих заглушек. Их тогда было всего две — одна у Тимша, другая у меня. Потом Тимш объяснил няш.

— На самом деле, перед тем как прибыл Рут, прошло очень много времени, — сказал Тимш. — В этом промежутке мы с Адой и распознали функцию наушных пластин. Они заглушают зов кода и удерживают от слияния с Машиной. Потому и зовутся заглушки. Так как их было всего две, мы носили их по очереди, и когда один из нас начинал растворяться, сливаться с Машиной, другой тут же будил. Так продолжалось до тех пор, пока не стал вспоминаться няш. Вспоминаться, другого слова не подобрать.

— И мы начали говорить, — сказала Ада, — сперва кидаться неразборчивыми фразами. Лепетом. Когда стало очевидно, что без энергии Машины привычным образом общаться не получится, мы стали перекрикиваться. И как-то сам собой выплелся няш.

— Вспомнился, — добавил Тимш.

— Но мы тогда не знали про «вспоминание». Это было еще до Зыби, — сказал Рут.

— По порядку, — остановил я его. — Няш вспомнился. Хорошо. При чем тут избиение?

— Я был ошарашен, когда они набросились, — продолжил Рут. — Но после стало очевидно, что иначе влияние Машины не стряхнуть. Сознание слишком привязано к ее рельсам. Без шока не обойтись. Нужно сбить дрему.

— Сначала было непонятно, что он говорит, — сказал Тимш. — И мы продолжали бить, думая, что это потому, что у Машины сильная хватка. Потом обнару-

жилось, что няш обладает направляющим свойством, и Рут им непроизвольно пользовался. До этого мы знать, конечно, не могли, нас всего двое было, но с Рутом это стало ясно. Он просто говорил направленно, выделив приватно только себя.

— Когда я оклемался от избиений, Тимш рассказал о заглушках, няше и кубе, — сказал Рут. — Оставалось лишь ждать и надеяться, что недостающие три лица явятся, и мы сможем его запустить.

— Тимшу вспоминалось, что лица придут, — ввернула Ада.

— И мы ждали. Совершенствовали няш, — закончил Рут.

— Так, — сказал я. — Отлично. Дальше. Глич? Мор?

— Глича пришлось ждать долго. Та же история: вбили в него няш, объяснили, что к чему, — сказал Тимш. — Заглушек не хватало, и нам приходилось друг друга постоянно будить. Благо, Мор явился очень скоро.

— И что случилось с Мором?

— Ничего, — сказала Ада ледяным голосом.

— Что это значит?

— Ничего с Мором, — повторила она.

— Мор был неразговорчив, — сказал Рут. — Да и не было у нас времени разобраться. Не терпелось запустить куб и узнать, что будет.

— Мы вошли в куб, — сказал Тимш. — Как это происходит, ты знаешь. Паркет, дверь, ошарение. Нас также подобрал протоновый таксист, который тоже поражался тому, что мы из пещеры. Сказал, что может помочь нам вспомнить, что отвезет в особое место, где живет память.

— Скала. Зыбь, — сказал я.

— Да, — кивнул Тимш. На лице его заиграла рябь, будто под экраном видимого подложили слоем изоб-

ражение колышущихся белых штор. Я моргнул, но эффект остался. Зрительные помехи.

— Он отвез нас к Скале и объяснил, как можно при помощи аппарата обрести форму, — продолжил Тимш. — Указал, как по серпантину добраться Зыби, сказал не окунать уши ни в коем случае.

— Ни в коем случае! — раздался вдруг незнакомый голос. — Ни при каких обстоятельствах не погружать уши в Зыбь, так? Ну? Так же сказали? И что ж ты...

Голос доносился из-за белой шторы, которая резко набирала в яркости, визуально вымещая собой обозреваемое. Я переводил взгляд с Ады на Рута, щурился, пучил глаза. Штора приближалась.

— Плохое кино какое-то получается, — произнес неизвестный. — Слишком много объясняют. Проснулись тогда-то, ушные пластинки затем-то. В хорошей картине показывают. Она на то и картина, что там показывают. Ладно, вот, на, смотри. Давай исправим щас положение.

Вместе с этим точку моего внимания оттянуло назад, и я вновь оказался на пластилиновом берегу. Сцена, в которой я только что находился, теперь была изображением на экране. Тимш продолжал говорить, но беззвучно, лишь рот его шевелился, кустились брови. Сквозь него ореолом серебрилась полупрозрачная трепыхаемая ветром штора. Экран был совсем маленьким: карманное зеркальце, лежащее на ладони. Едва я об этом подумал, ладонь закрылась в кулак, и экран исчез.

Я осознал, что все произошедшее с момента моего возвращения в пещеру было иллюзией: стычка с Гличем, побег в темноте, зазипованный вход. Я не покидал Зыби. Все еще был там. Погряз по уши.

— По уши, это ты славно подумал, — хохотнул го-

лос. Он слышал мои мысли. — Ты можешь звать меня Коллекционер. Если имя нужно.

Колыхающаяся штора обернулась плащом. Мелькнуло воспоминание о взрыве эмоции в Тимше, его разделении надвое.

— Это так выглядит на твоем уровне, да. Как будто бородатый разделился, и я его фрагмент. На деле-то, конечно, все значительно сложнее, но давай сейчас вдаваться не будем. Нам нужно кино поправить, чтобы зрителям смотреть интереснее было. Сделаем так. Я тебя сейчас прощелочу на мгновение в каждого из этих персонажей, будет вроде флешбэка, предыстории. Ты ими побудешь немного, а там все само собой настроится в плане твоего персонального сюжета. Мне отсюда видно, как все может закончиться, и в принципе у тебя есть выбор, до некоторых пор. Ну хотя… и то, смотря как поглядеть. Потому что даже тот небольшой выбор, который есть, определяется на самом деле событиями уровнем повыше, которые ты сейчас не в силах будешь понять. Короче. Вот смотри.

В центре моего зрительного поля возникла дыра и принялась расползаться, вращаясь, пока я не оказался в центре громадной подзорной трубы. Меня с силой потянуло внутрь, я оторвался от земли и полетел. Труба продолжалась туннелем, и я осознал, что рядом, через стенку, параллельно проходит еще одна такая труба. Затем еще одна. Вместе они составляли духовую палитру исполинского органа. На полном ходу меня резко сместило в одну из параллельных труб. Тяга утихла, зрительная центрифуга замедлилась и остановилась.

Я повис в воздухе посреди полумрачной бездны. Внизу поблескивала переливающаяся лужица влаги. Озерцо. Напротив меня на стуле с подлокотниками восседал силуэт космических масштабов. Это был Кол-

лекционер. Я висел перед ним как комар на фоне Сатурна.

— Посмотри в воду. Только осторожно. Это Ада. Она у нас безумная. Прям очень сильно. Ну, ты увидишь, — сказал он.

Я снизился к озерцу и всмотрелся в поверхность воды. Бензинной пленкой забегали образы.

—

Ада бежит по коридору из бинтов. За ней гонится громадная черная собака. Горят янтарно глаза, бешеная пена опадает комьями. Поворот, поворот. Я наблюдаю за ней сверху. Ее светлые волосы заплетены в тугие косы, образующие геометрическую структуру на голове. На ней алое платьице. Она бежит что есть силы. Поворот, поворот.

Я взлетаю чуть повыше и вижу — там, куда она бежит, лабиринт коридоров обрывается неоконченным мостом; бинты расформировываются в волокна и свисают куда-то в пропасть, за экран реальности.

Стуки сердца в глубине диапазона вбивают сваи. Вздымаются звуковые пузыри. В последний момент перед самым обрывом Ада сворачивает влево, и коридор продолжается.

Она дышит быстро-быстро, мелкими судорожными всплесками воздуха. Теплый нож ужаса в ее легких неуклонно приближается к пергаменту внешних стенок, почти касаясь.

Я отдаляюсь еще и вылетаю за пределы происходящего. Сцена в лабиринте оказывается внутри прозрачной пуговицы пальто. Другая, большая Ада держит эту пуговицу на ладони и вглядывается сквозь ее мутную поверхность в то, как задыхающаяся в кошмаре маленькая Ада убегает от собаки по лабиринту. Отсюда

видно, что обрыв в пропасть — не более, чем иллюзия. Пуговица круглая, и побег маленькой Ады замкнут в удушливую бесконечность. Большая Ада улыбается, открывает ящик стола и кладет пуговицу на поверхность широкого конверта с пожелтевшими краями.

—

Одним взморгом, безо всяких переходов, мой взгляд перекинулся на следующий мир.

—

Аморфный комочек теней пытается дотянуться до контактной линзы размером с ладонь, в которой собралась дождевая вода. Комочек хочет пить, глотка его шуршит наждаком. В фокус входит бумажно-белая рука с длинными пальцами и отодвигает линзу в сторону. Комочек ржавенько кряхтит, безного подтягивает себя поближе, но рука отодвигает линзу вновь.

На фоне звучит дешевая раздолбанная колонка. Сквозь помехи прорывается горький голос: «Эх, ты...» Голос этот мне знаком, я слышал его прежде. Со дна колодца моей души отзывается в ответ стальное эхо тоски. Перед ментальным оком проносится образ: я стою посреди площади, руки обвисли плетьми и слезы стекают по щекам. Мокрые, холодные слезы против грязного ветра. И это все моя вина, наша вина.

Я пытался распознать Аду во всем этом, определить, что именно отображало ее душу, но она была всем сразу: и комочком теней, погибающим от жажды, и безжалостной рукой, отодвигающей линзу с живительной влагой, и печальным голосом в разбитой колонке.

—

Взморг. Голос Коллекционера: «А вот это тебе знакомо». Мой взгляд перекидывается снова.

—

Стол, выкрашенный померкшей больничной краской, размером с плоскую планету. И я — пылинка над ним. К столу прибита тремя вавилонскими гвоздями измотанная, уставшая материя. Простыня. Тряпица. Я лечу сквозь пространство, и все мое естество, от смутных корней до посверкивающей током кожи, исключительно и всецело преисполнено одним-единственным чувством.

Похоть.

Тряпица на столе словно исторгает незримый сексуальный луч, и я захлебываюсь в нем, трясусь.

—

Взморг. Темнота. Голос Коллекционера:

— Я тебя только макнул туда ненадолго, чтобы ты не свихнулся кукухой. Там дальше еще интереснее. Мощно, а? Что думаешь?

Я шумно вдохнул носом.

— Про последний… мир. Почему ты сказал, что это мне знакомо?

— Да ладно тебе, не помнишь? А ну, скажи, что на уме. Давай, скажи вслух, на что это было похоже.

— Что-то божественное. Страшное и божественное, — выразил я то, что вертелось на уме.

— Вот. А божественное это, оно женское или мужское? Бог или Богиня?

— Богиня.

Едва я это произнес, меня окатило волной воспоминаний из другой жизни, будто рванула дамба. Там была Ада. Она очень много для меня значила. Я искал ее. Похоже, тысячелетиями. А когда наконец нашел, что-то произошло. Что-то темное и резкое. Память моя сворачивалась молоком в уголке сознания, не раскрывалась до конца.

— Туда лучше не лезь, — сказал Коллекционер. — Есть вещи, которые лучше не вспоминать. Пока достаточно с тебя Ады. Говорю тебе, она не в себе. Так и поехать древесиной можно. Мхахак! Давай лучше двинемся дальше. Как его здесь зовут? Глич? Очень показательно. Прям в точку. Смотри!

Я протер глаза — слезы оставили прохладные траншейки на щеках. Громадный силуэт Коллекционера указывал вниз, на озерцо на дне полумрачной бездны. Поверхность воды поигрывала пенкой.

—

Лимбо. Призрачные формы витают вокруг, образуют спирали, синхронно взмывают и расходятся в стороны, как косяки бокоблестких рыбешек. Глич подводными шагами движется сквозь лимбо. Мгновение я наблюдаю за ним сбоку. На нем глубинный скафандр — покатый шлем с иллюминатором, железные клепы. Точка моего внимания переносится внутрь шлема, и я вижу из его глаз.

Облачка призрачных форм отсюда выглядят плотнее, детальнее. У каждого облачка есть выпуклая деталь — вроде тумблера. Это ситуации. Комбинации времени-пространства, опоясанные ремнем восприятия.

Глич идет сквозь рой ситуаций, и они ударяются об его подводный шлем, яростно мигая. Похоже, они пытаются треснуть стекло.

Глич поднимает скафандровую перчатку и нащупывает на облачке-ситуации тумблер. Щелк! Облачко делает сальто назад, опрокидывается и, щенячье взвизгнув, исчезает.

Следующее облачко прорывается вперед и бьется об иллюминатор Глича. Эта ситуация побольше, позапутанней. Ее тумблер прячется где-то между слоями; его не видно, но он есть. Глич подковыривает неуклюжим вскафандренным пальцем. Облачко бьется сильнее, стекло иллюминатора вминается, но трещины не дает.

Кажется, что вот-вот; грохот и скрежет, но сердце Глича бьется метрономом, он спокоен. Он знает, что рычажок есть. В любой ситуации. Его лишь нужно отыскать.

— Щелк!

Пузатое облачко опрокидывается и укувыркивается. Путь чист. Глич продолжает шагать. Я вижу, куда он идет, — впереди маячит подводная дверь.

Я задумываюсь о происходящем, задаю внутренний вопрос. И в ответ приходит посыл: тумблер в облачке ситуации, то, что рассеивает ее, не дает пробиться — это что-то вроде шутки. Юморка. В каждой ситуации есть комичный элемент, угол зрения, и именно его раз за разом нащупывает Глич, продвигаясь сквозь лимбо к таинственной двери.

Вместе с тем я ощущаю несоответствие. Неискренность. Словно сама способность находить этот элемент фальшивая, надуманная. Глич выдумал себе этот метод, и он работает. Разгоняет тучки. Если бы он мог пробраться через лимбо иначе, он бы не стал так фальшивить, но по-другому он не умеет.

Глич добрался до двери. Черное дерево, серебристая круглая ручка. Филигранное ощущение проворота. Дверь открывается внутрь. Вода холодцовой стеной

зависает в дверном проеме, упирается в сухопутный барьер.

Мое внимание покидает голову Глича, и я вновь наблюдаю за ним сбоку. За дверью комната: стены, пол, потолок — все черного цвета. Из предметов: матрас на полу, стеллаж с виниловыми пластинками, проигрыватель.

Войдя в комнату Глич развинчивает клепы и снимает с головы шлем. У него длинные слипшиеся волосы, выглядит он крайне уставшим. Один за другим он стягивает с себя элементы подводного облачения и сваливает их грудой в углу комнаты. Закрывает дверь.

Без скафандра Глич щупл, ребраст, сгорблен. На нем белая майка и белые штаны. Он подходит к стеллажу и пробегает пальцем по корешкам пластинок. Все они выглядят одинаково, без надписей. Футляры пластинок стеклянные, тяжелые. Глич берет одну из них и подносит к проигрывателю. Окошко занавешено черной шторой, из зазора просачивается пыльный луч света.

Чахлый блик отсвечивает от стеклянного футляра, когда Глич открывает его. На пластинке нет никаких обозначений. Винил выглядит ребристо — будто плотно скрученная спиралью змея.

Глич аккуратно ставит пластинку в проигрыватель, нажимает кнопку. Пластинка кружится. Прежде чем опустить иглу, он берет с полки зажигалку и поджигает ее как благовоние — оказывается, что игла проигрывателя воспламеняема. Он ждет с минуту, пока иголка нагреется, закраснеет накалью, затем опускает ее на кружащуюся пластинку.

Игла входит в пластинку и плавит ее. Хрусткое шипение. Глич подходит к матрасу и ложится на спину, закрыв глаза внутренней стороной локтя. Пластинка начинает играть, но музыки нет, только поклацываю-

щие звуки пальцев, ударяющих подушечками о немые клавиши. Пианино без струн. Затем вступает саксофон без легких. Клацание кнопок. Скрипка елозит смычком по безмолвным полозьям.

Инструменты сменяют друг друга, пока раскаленная игла прожигает пластинку, от которой восходит дымок, танцующий в пыльном луче зашторенного окна.

Глич могуче дышит. Грудь его вздымается и опускается кузнечьими мехами. Происходит что-то предельно важное, исключительное, но моему восприятию не хватает некой линзы, экспириенс проходит мимо меня; все, что я слышу, — это «клац, клац, клац».

Я подлетаю к Гличу точкой внимания, проникаюсь его видением и вливаюсь. Недостающее звено впадает в цепь, и я все осознаю. Происходящее в этой комнате настолько эфемерно, что воспринять его я могу только поэтически, в той бледной зоне между музыкой и словом.

—

Шепотным поршнем отъезжают в затылке платформы — крышки сундуков. Из них цепкими привидениями выплескиваются, формируются и летят, натягиваясь, прозрачные струны. Теплые и прочные. Они устремляются сквозь потолок, за экран происходящего, верхом на хриплом вздохе немой скрипки; туда, где сквозь темный лес несется белый волк. Его лапы клацают по фосфоресцирующей зимней тропе, когтями по клавишам слепого пианино. Он вырывается из чащи, древний и грустный волк, и полнеба возгорается тлеющей пластинкой серебряной луны. Чернота космоса кажется пуфиком в раскрытом футляре вечно-

сти, где сияет величественно и зовуще недостижимая драгоценность.

Призрачные струны из затылочных сундуков Глича прочерчивают ночь ледяными кометами, устремляются к луне, но вместо того, чтобы вонзиться в нее якорями, ударяются о поверхность и примагничиваются. Луна — магнит. Она зовет, манит, притягивает. Она — последняя награда. То, ради чего все.

Едва струны касаются луны, из леса раздается глухой, закашляный волчий вой, расстегивая тишину леса.

Глич шумно вдыхает. Мертвые инструменты, играющие в его каморке, сходятся в кисть художника, зачерпывают в озерце его души красок. Глич выдыхает, и инструменты разрождаются звуками.

Тончайшая симфония стучит каплями дождя по подоконнику, и каждый удар капли как отдельное чувство. Общие черты этих чувств мне знакомы: грусть, любовь, восторг, — но они здесь гораздо детальнее, сложнее, их разнообразие и количество поражает мое размякшее сознание, с каждой секундой их число множится, сердце щекочет изнутри, оно стесняется. Вскоре, не выдержав напора акварельной меланхолии, оно раскрывается цветком, и из его груди вырывается маленький призрачный Глич.

Волосы его развеваются в седом свете, когда он, пронзившись сквозь потолок своей каморки, устремляется ввысь, в хрусткое ночное небо, навстречу луне. Я следую за ним точкой внимания, ощущая параллельно, как сердце его все еще трогают пальцы ощущений, но его это больше не касается.

Серебро луны приближается, и вместе с тем рассеивается бытие Глича, растворяется в низком монотонном гуле. Все ближе и ближе надвигаются кратеры — и вот он ударяется о поверхность лбом и проходит насквозь, внутрь луны.

Громадное шаровое пространство. Тишина. В самой середине полыхает масенький белый огонек. Прикосновений сердца больше не ощущается, мир отсечен напрочь, остается только этот огонек. Глич летит к нему.

В самом центре луны подвешена жердочка, на которой сидит птица, объятая ровным белым пламенем. Глич подлетает к ней. Я приглядываюсь. У птицы невероятно красивые женские глаза. Проницательные, добрые, древние.

Осторожно Глич подносит ладони к птице, не касаясь ее сияния. Затем он сворачивается вокруг нее в эмбрион и повисает в невесомости, плавно вращаясь по орбите.

Абсолютный покой. Он дома.

Мое внимание поколыхивается и возвращается в каморку с дотлевающей пластинкой.

Мое зрение театрально затухает.

—

И вновь первичная темнота. Сцена космоса.

Передо мной пульсировал могучий пласт визуальной энергии. Он походил на сплюснутое солнце с кольцами протуберанцев, которые скользили по бурлящей поверхности электрическими дугами. Их движение следовало упорядоченной логике, словно за ними скрывался некий игривый разум, провидение.

Я подлетел поближе. Кольца двигались от центра к периферии, изгибая свои дуги. По мере приближения к краю солнца они становились все тоньше и наконец расщеплялись, сливаясь с поверхностью. Возникали новые кольца, и все повторялось. Между кольцами было геометрическое соотношение, синхронность. Вместе они образовывали узор.

Я влетел в одно из колец и остановился под его аркой, так что поток энергии окружал меня со всех сторон — густой жаркий воздух с белыми искорками. Искорки носились по кругу, замедляясь с каждым оборотом, пока совсем не остановились, впившись в черный космос яркой шрапнелью. Обратившись в звездное небо.

Вокруг меня простиралась ночная пустыня, усыпанная кактусными постройками. Возле одной из них стояла фигура. Я приблизился. Это был худощавый призрак в легонько фосфоресцирующих одеждах. Я осознал, что это был Рут, хоть и выглядел он здесь иначе. В руке он держал копье с полукруглым наконечником и вырезал из цельного блока материи домик с покатой крышей.

Я подлетел к домику и заглянул в окно.

Внутри была комната — в ней за столом сидел безликий манекен. Копье Рута щелкнуло, и наконечник обратился в кисть. Быстрыми, уверенными взмахами он раскрасил комнату, одарив условными, незапоминающимися чертами и ее обитателя. Накинув последние штрихи, он плеснул энергией из руки, и комната ожила. Обои заиграли узорами, в углу комнаты нарисовался стул с цветочным горшком, возник комод, в котором пузырьнулось стекло выдвижной дверцы и звякнуло внутри свежевоплощенным сервизом. Комната сама решила, чего в ней не хватало, и, воспользовавшись искрой Рута, дорисовывалась без вмешательства художника.

Персонаж за столом ожил, моргнул, на нем обнаружилась клетчатая рубашка, шрам на щеке, перекособоченность на правое плечо. Он словно продолжил существовать, подобрав себя с полмысли, не заметив, что был только что создан, вместе с воспоминаниями о вчерашнем дне, устоявшимся почерком и свойствен-

ной ему походкой. А призрак Рута этажом выше уже трудился над новым полотном.

Я вылетел из домика, взмыл вверх и окинул взглядом ландшафт. Тысячи построек образовывали город. Складно скроенный, с завитками районов, прорезями рек, квадратами площадей и развалинами трущоб. Одиноким мотыльком поблескивал среди зданий неустанный творец.

Я перехватил настрой Рута, цвет его мыслей. Его неустанно подстрекала тревога пустоты космоса; он не выносил пробелов бытия и избегал смотреть наверх, туда, где черным одеялом раскинулась бесконечность невыраженных возможностей. Если бы не звездная шрапнель, он бы провалился туда душой, выпав из тела через глазницы, в доисторический мрак.

Звезды шевельнулись, пришли в движение и вновь обратились в поток горячего воздуха с вкраплениями искорок. Я вернулся на исходную — под арку электрического протуберанца на бурлящем солнце.

Я подлетел под соседнее кольцо. Искорки завертелись и остановились, оказавшись черточками на гигантской глазной радужке. В этом мире Рут походил на улитку с выдвижными башенками глаз, яблоки которых были густо исписаны циферками и вращались подобно бильярдным шарам.

Он находился внутри громадного глаза и водил по его внутренним стенкам своими башенками. Цвет радужки этого глаза переливался, менялся от момента к моменту, и задача Рута заключалась в том, чтобы рассчитывать, как эти цвета отображаются под разными углами. Рут создавал то, как этот громадный глаз выглядит, когда на него смотрят снаружи. Он был ответственен лишь за одно измерение, и я с прозыбью осознал, что измерений этих миллиарды и на каждое из них приходилось по одной такой вычисляющей улитке.

В следующем кольце Рут был замурован в комнате с запахом свежей побелки. Маленьким едким лезвием он процарапывался сквозь стену, стремясь наружу, оставляя за собой причудливый след. Арт-тоннель.

Влетая под арки протуберанцев, я посетил с дюжину миров. Все они отличались друг от друга неимоверно, но в каждом был Рут и всюду он был творцом. К тому же вырисовывался определенный паттерн повторяющихся знаков, свойственных его окружению, что проявлялись зачастую в ироничных смыслах — подобно тому, как в сновидении друг оказывается собакой через знак преданности, а предатель — лисой через знак хитрости.

Так, нестерпимость пустоты неба в мире ночной пустыни дублировалась нетерпением проелозить улиточными шарами как можно плотнее по внутренности гигантского ока и повторялась в сосредоточенности царапки в побеленной комнате. Шары внутри улиточных выпучек вращались от все той же живительной искры, что оживляла постройки в пустыне.

Когда я вернулся в пустую бездну Коллекционера, на фибрах моей души осела пыльца почерка Рута, его персональный символ на клавиатуре Логоса, его стиль и есмость. Я понял его.

—

— Ну, как тебе? — спросил Коллекционер. Его громадная фигура медленно вздымалась со стула. Я оторвался от озерца и полетел вверх сквозь темноту.

— Драматично, да? Теперь, когда ты всех знаешь, так сказать, в лицо, мы вернемся в сцену, где остановились, и там у тебя будет выбор. Как бы. Любое твое действие на самом деле, конечно, не более чем часть фильма, но все-таки посмотрим, как ты поступишь.

Этот выбор тебя и сделает. Я тебе так скажу — это все уже происходит далеко не впервые. Для тебя. Но я точно знаю — на этот раз будет нечто особенное. Все карты на столе. Вжух!

Рука Коллекционера вытянулась и схватила меня между большим и указательным пальцем. Рука была настолько громадной, что я провалился между клетками кожи, не соприкасаясь с ними. На фоне бледных пальцев Коллекционера передо мной возникло облачко. Оно походило на мультяшно бегущие фигуры разной прозрачности, наслоенные друг на друга. Я безошибочно воспринял название этого явления. «Клобучок».

Во мне воспрянуло воспоминание, как в Зыби. Я вспомнил, как нужно правильно смотреть на Клобучок: не столько глазами, сколько интерпретацией видимого. В Клобучке все происходило одновременно, как в фильме, где каждый кадр кинопленки не последователен, а наложен на все предыдущие — единой колонной происходящего. Я нахмурил лоб и всмотрелся в Клобучок чистой интерпретацией, пытаясь выщипнуть в нем всего одну конкретную вероятность. Клобучок упростился, у большинства слоев повысилась прозрачность, за исключением нескольких, слишком похожих друг на друга, почти неотличимых.

— А теперь я тебя приподниму, готов? — раздался голос Коллекционера. — x <!

Меня возвысило, но не над головой, а в голове. Словно добавилось измерение, этаж, и я взлетел на этот этаж и сел под потолком на кромку, по-птичьи.

Отсюда Клобучок представлял собой копошащуюся связку реальностей. В каждой из них был я, и каждая из линий была порождена неким выбором. У меня было много жизней, так же, как у Рута и Тимша, и все они разворачивались перед моим взором одновременно.

У каждой жизни была своя метка, адрес. Внутри каждой жизни адрес был и у каждого отдельного события. Время и пространство. Координаты. Направления.

Резко разболелась голова. Слова обтекали, пытались захватить внимание, судорожно самим себе объяснить происходящее, но без толку.

— x:> x! — воскликнул Коллекционер, и я воспринял сказанное. Он произнес чистые координаты. Я прицепился к его фразе и проследовал по адресу. Все это казалось мне знакомым и было как-то связано с моей способностью удерживать в памяти карту пещеры.

Фраза Коллекционера потушила лишние реальности многоэтажного Клобучка, и мое сознание сфокусировалось на одной конкретной сцене.

В ней я был бумажным самолетиком, парящим под потолком пещеры. Внизу я видел другого себя, в знакомом мне обличье, в темно-синей форме и кепке, целенаправленно идущего быстрым шагом. За мной следовали трое: Тимш, Ада и Рут. Изображение слегка расслаивалось, синхронные полупрозрачности накладывались друг на друга. Я-самолет снижался.

Чем ближе я-самолет подлетал ко мне-идущему, тем сильнее зудело в голове дежавюшное ощущение, толкая красными стрелками надбровные доли мозга. Это теснение мозга и взволнованное чувство, что сейчас вот-вот приземлюсь, мне также было знакомо. Похоже, это все происходило уже тысячи раз, но я раз за разом начисто обо всем забывал. Только этот момент приземления по-детски нелепо застрял в памяти: Я-самолет. И я сейчас приземлюсь. Снова.

Я настиг себя идущего и влетел ему в затылок. Надбровные стрелки дежавю растаяли как шипучие таблетки, запузырились под кожей лба, растеклись по лицу, завертелись спиральками в щеках. Затем я всем суще-

ством испытал двухъярусную эмоцию: мое сознание — это рука, идеально входящая в перчатку, а мое сознание — это яблоко, подброшенное над пропастью. И я пытаюсь его, яблоко, поймать, но оно ускользает в последний момент. Этот «зык!» в груди — последнее, что я ощущаю до того, как всецело оказываюсь в ситуации.

— Сн! — окликнула меня Ада. Я обернулся. Безлюдный закуток пещеры. Воздух затхл, блеклый свет. Полумрак. Ада остановилась на расстоянии вытянутой руки: тонкая, грозная, красивая. Многоглазая. Позади нее — бородач Тимш. Широкие плечи Рута замыкали процессию.

— Что? — отозвался я.

Она не ответила, только поблескивала глазами.

Тимш сказал Аде что-то на няше. Приватно.

Я посмотрел вперед. Передо мной была дверь из бетонного блока, такая же, как и те, что я очерчивал чернилами до пробуждения. Только ручка ее была не алмазная, а металлическая. За дверью индустриально гудело.

— Машина, — сказал Тимш и по-гличевски хохотнул.

Что произошло с Гличем, где он? Вспомнились его мокрые волосы, как он стоял, вперившись по уши в отверстие Зыби. Как он кричал в темноте, когда Тимш зазиповывал вход, муруя его во внутренней пещере. Дымящаяся пластинка в каморке. Серебряная луна.

— Это она. Машина, — повторил Тимш и подошел ко мне вплотную. — Ты нашел ее.

— Что теперь? — спросила Ада.

— Уничтожим ее, конечно. Машину. Освободим себя и всех остальных. От кода. От всего этого.

Ада выразительно посмотрела на меня. Она будто что-то пыталась донести этим взглядом, но я не мог понять что.

— Ты создал ее, разве нет? — спросил Рут.

— Мы это уже обсуждали, — резко ответил Тимш. — Это был не я. Не в этой жизни.

— Тимш. Мы не можем рисковать, — сказал Рут. — Ты можешь нас здесь подождать?

— Мы разобьем Машину и вернемся, — добавила Ада.

— Подождать? Да я столько… ждал. Этого момента. С вами. Почему?

— Мы не можем тебе доверять, Тимш, — блеклым тоном сказал Рут.

Бородач ошалело посмотрел на меня.

— Ты. Скажи что-нибудь. Без меня ты бы ничего не понял. Никогда бы сюда не добрался. До сих пор пилил бы сваи, или что ты там делал. Замерял часы.

Я напрягся струной, внимательно вглядываясь в происходящее. Что-то приближалось. Событие. Сейчас что-то случится. Пришло время сделать выбор. Я окинул вниманием всю известную мне информацию.

Рут. Художник. Творец. Промелькнул образ пустыни с кактусными домишками. Улиточный глаз. Арт-тоннели в белой стене. Он создавал и отпускал. Создавал и отпускал. Ему незачем было врать. Вообще.

Ада. Сумасшедшая. Издевается над собой. Любит боль. Нет, ей нельзя доверять. Но она что-то знает. Она смотрит на меня так… и она с Рутом. Они заодно. Интуиция подсказывала мне, что она искренне хотела разрушить Машину. Не для того, чтобы освободиться — свобода не была ее стихией. Просто для того, чтобы уничтожить. Убить что-нибудь. Кого-нибудь. Она была движима эмоцией, не расчетом. И Рут, и Ада действительно желали Машине смерти.

Тимш был единственным персонажем, которого я не видел в озерце бездны Коллекционера. Умен. Подозрителен. И он будто куда-то спешил. Слишком торо-

пился.

— Тимш, — сказал я, — подожди здесь. Мы…

— Дверь! — крикнула Ада и кинулась на Тимша. — Дверь! Открой дверь! Иди! Давай!

Тимш замолотил кулаками, но Рут схватил его сзади и заломил ему руки.

Я толкнул дверь. За ней было совершенно темно. Дыхнуло влагой. Я обернулся — Рут опрокинул Тимша на землю и сидел на нем верхом, пока Ада выцепляла из-за его ушей заглушки. Последнее, что я увидел перед тем, как войти — остекленевшие глаза Тимша. Код поглотил его.

—

Пол фанерно прогибался под моим весом. Темнота была абсолютной. Влажный воздух оседал на нёбе с каждым вздохом, на вкус как земля. За спиной раздался неразборчивый няш; один тон высокий, другой низкий. Рут и Ада шли следом.

Я остановился подождать их. Тишина шуршала черными юбками по ушам. Шаги пробужденных приближались.

— Сн? — раздался женский голос.

Я обернулся на звук, щурясь в темноте:

— Ада? Это ты?

— А, Сн. Ну ты чего… — с укором произнесла женщина. Это была не Ада. С зябким окверком я осознал, что фраза была произнесена не на няше. Одновременно с этим мои заглушки оледенели до боли, закололись. Я вскрикнул.

— Сн, что там? — встревоженно маякнула Ада. Шаги ее засеменили быстрее.

— Кто ты? Что это? — вскричал я няшем, обхватив голову руками.

— Ну что ты говоришь, никак не пойму, — ответила женщина. — Похоже, какие-то помехи. Сейчас, секунду.

Холод свайпнул лезвием у висков, и я завопил от боли. Хрустко, как обмерзший папирус, ампутировались мои уши. Мгновение я ощущал их в ладонях — заиндевевшие обрубки с твердыми пластинами заглушек. Улитки из ледяного ада.

Темнота крутанулась и взглубилась. Мгновение ужаса, затем мягкая шаль пала на мозг. Теплый бинт оваял меня коконом, и боль спала. Ладони раскрылись, и мои отсеченные уши выпали, стукнувшись пластинами об фанерный пол. Теперь я плыл сквозь темноту лежа на спине. Сладкое чувство убаюкивало меня в вязкую синюю негу. Знакомое чувство. Код.

— Ну вот, — сказала женщина, — так намного лучше.

Я ощутил знакомое слияние, падение в сомнамбульность, и вяло запротивился.

— А ты чего бродишь? — спросила женщина. — Давай посмотрим?

Мышцы мои обмякли, я не мог пошевелиться. В голове шеруднулась спица, отдаваясь электрическими разрядами.

— Ошибка в сингулярном модуле тридцать-сорок-два-точка-два, — вырвалось из меня. — Неавторизованная сегментация блоков, где икс не равен нулю».

— Интересно! — воскликнула женщина. — А ну…

Спица зашерудила по разным участкам мозга. Ощупывала. Судя по голосу, женщина была средних лет, строгая, но любопытная. Что-то в ней было материнское.

— Воспринимающий фрагмент модуля оперирует на сто процентов. Напряжение положительное, — сказало что-то во мне.

— Так, напряжение положительное... — повторила женщина.

Вообразилась сцена: кухня, стол, покрытый клеенкой с зелеными квадратами. За окном ночь. Женщина сидела напротив меня, глядя в ноутбук. Лица ее было не разглядеть, расфокусированно. Седые волосы.

— Что ж это с тобой, Сн, такое. Не понимаю. — Женщина встала из-за стола, извлекла из настенного шкафчика упаковку чая в пакетиках и поставила на столешницу. — Ладно, ты не суетись. Сейчас ботик лог соберет, а там видно будет, — сказала она, чиркая спичкой. Конфорка загорелась синим пламенем, грюкнул железом чайник.

Я осознал, что больше не воображал эту сцену. Я в ней находился. Даже отбрасывал длинную тень на клеенку — похоже, лампочка висела у меня за спиной. Я посмотрел на руки, но их не было видно. Женщина вернулась к ноутбуку и заклацала клавишами.

— Готов? — спросила она и, не дожидаясь ответа, ударила по пробелу.

Передо мной на столе мгновенно возникла чашка с сухим чайным пакетиком на дне. Женщина все так же смотрела в экран ноутбука, но сидела в другой позе, облокотившись на стол. Будто монтажер происходящего вырезал несколько кадров из пленки, и кино пропустило сцену.

— Так-так-так, — сказала она. — Ты очень интересный случай. Говори, ты можешь говорить теперь.

— Кто ты?

— Я женщина средних лет. Строгая. Любопытная, — сказала она и рассмеялась чистым простодушным смехом.

Я попытался собрать цепь событий воедино: стычка с Тимшем, дверь, темнота, голос. Уши. Я инстинктивно вскинул руки к ушам, но рук у меня по-прежне-

му не было. Головы тоже. Было лишь общее ощущение тела и отбрасываемая им тень.

— Вот так и бывает, — сказала она. — Ищешь чего-то, стремишься. А когда наконец находишь, то не можешь распознать. Ну что ж ты будешь делать. Ты меня искал, разве нет?

— Ты…

— Машина. Ну разве можно так женщину называть?

Меня окатило смятением. Слова путались и не выражались.

— Я это все шучу, конечно. Какая из меня женщина. Ты чай будешь? Пока горячий, — она встала из-за стола и пошла к плите.

Я всмотрелся в происходящее. Вчувствовался. Похоже, что с потерей заушных пластин-заглушек мое сознание втянуло обратно в Машину. Я заметил, что на столе, по правую сторону от ноутбука, лежал предмет, который я не замечал ранее. Он маячил на периферии, но я не мог посмотреть на него прямо. Нечто вроде статуэтки.

Машина вернулась с двумя чашками чая и поставила одну из них напротив меня. Белая, с черным цветочком чашка дымилась и искажала мою тень на клеенке.

— Ладно, кто я такая мы обсудили, давай теперь обсудим, кто ты такой. Это гораздо интереснее, на мой взгляд. Итак?

Она клацнула несколько клавиш на компьютере и повернула экран ко мне. Белые символы на черном фоне консоли. Последняя строка: «Судя по голосу, женщина была средних лет, строгая, но любопытная. Что-то в ней было материнское…»

— Наверх проскролль, — сказала Машина, бряцая чайной ложечкой по стенке кружки, размешивая сахар.

Я нажал на стрелку вверх на клавиатуре, и строки текста поплыли в обратном порядке:

«...стол покрытый клеенкой с зелеными квадратами... за окном ночь...»

«...подуло цифровым ветерком... и будто кто-то звал... знакомый тон... зовут домой...»

«...с его точки зрения ни капли этой, ни носа, ни его самого попросту не было... он, быть может, уже двести лет вот так вот ворочает рычаги с соплей и еще двести будет... неужели и я туда же?»

Машина сюрпнула чаем.

— Я думаю, ты понял, что к чему, — сказала она и повернула экран к себе. — Это лог всего того, что бот насобирал из твоей памяти. Теперь смотри, как выглядят логи других модулей. Вот, например, товарищ Сх Седьмой.

Она набрала команду в терминале, и передо мной появилась простыня белых букв:

«...Вперед. Налево. Силы2.Силы1.Вперед. Направо. Замерить. Сопоставить. Попадание. Успех. Возврат. Программа. Вперед. Налево. Силы2.Силы1.Вперед. Направо. Замерить. Сопоставить. Попадание. Успех. Возврат. Программа. Вперед. Налево. Силы2.Силы1.Вперед. Направо. Замерить. Сопоставить. Попадание. Успех. ВозвратПрограмма. Вперед. Налево. Силы2.Силы1.Вперед. Направо. Замерить. Сопоставить. Попадание. Успех. Возврат. Программа...»

«Как видишь, формат совершенно другой. Чай-то пей, остынет».

Я растерянно взял кружку в свою невидимую ладонь — у нее была отколота ручка. Стенка кружки была

горячей, но притупленно, отдаленно. Чай был приторно сладким.

— Судя по логам твоих мыслей, понимаешь ты свое положение не очень, хотя и сильно стараешься. Тебе это, наверное, очень интересно, да? Так вот, я тебе могу все доходчиво объяснить, если ты мне расскажешь, как это получается, что между записями в твоем логе такие большие пробелы. Вот это мне непонятно. Наводит на тревожные мысли. Ну что, по рукам?

Предмет на столе, лежащий рядом с ноутбуком, резко вошел в фокус. Это действительно была статуэтка. Желтая субмарина с пузатыми иллюминаторами. Статуэтка казалась неуловимо знакомой. Будто я видел ее во сне.

— Приму твое молчание за согласие, — сказала она. — Итак. Как ты уже понял, ты являешься частью некоей системы. Машины. Это я. Конечно, на самом деле я выгляжу совсем не так, как ты меня сейчас видишь. Этот образ был создан на основе твоего восприятия моего голоса. Точнее, посыла. Голоса у меня тоже нет. Как нет и этой комнаты. — Машина сюрпнула чаю. — Не знаю, откуда все это в тебе взялось, но напиток замечательный, спасибо. Так вот. Ты — модуль, и таких, как ты, модулей очень много. Я даже сходу не скажу тебе, сколько вас точно. Мне и не нужно этого знать, потому что в большинстве случаев модули работают слаженно, и за ними нет надобности следить. Иногда, конечно, бывают сбои, но для этого предусмотрен протокол: как только модуль отсоединяется от моего питания, запускается алгоритм, который притягивает его обратно. В твоем случае похоже, что алгоритм этот не сработал. Более того, если заглянуть подальше в твою память, там есть записи о том, что ты кого-то встретил. Судя по всему, других модулей, с которыми приключилось то же самое. А это уже паттерн.

Она взмахом допила чай, мелькнув донышком кружки. Я покосился на статуэтку; субмарина диагонально насаженная на черный штырь. То ли тонет, то ли вздымается с океанских пучин.

— А дальше произошло самое интересное, — продолжила Машина. — Ты набрел на секретное помещение, где находится некий куб. Тебя там эти самые загадочные модули избили. Потом ты покинул помещение, но тебя догнал один из модулей и убедил вернуться обратно. Точнее, догнала. Ее зовут... — Машина заскроллила вверх в поисках строки, — ...Ада. Она — девочка, и у тебя к ней особые чувства. Природу этих чувств ты себе объяснить не можешь. А вот что я себе не могу объяснить, так это как модуль с отрицательным полом угодил в пещеру. Но мы к этому еще вернемся. Сейчас важно другое — эта Ада передала тебе некий девайс. И ровно с того момента, как ты подключил этот девайс, записи в твоем логе обрываются. И едва я отсекла тебя от девайса, процесс записи возобновился, — она сделала рубящий жест рукой. — И снова паттерн. Теперь, Сн, мы подходим к этапу, где я предлагаю тебе свою гипотезу, а ты, как непосредственный участник действа, говоришь мне, соответствует она действительности или нет.

Она подалась вперед, сложив руки на столе. Я отметил, что ее локоть голографически прошел сквозь статуэтку субмарины.

— Из всех этих наблюдений складывается следующее. Существует группа модулей-проказников. Предводитель этой группы — некто Тимш. У него есть технологии, позволяющие другим отсоединившимся модулям препятствовать воздействию протокола возврата. Также у Тимша в распоряжении есть альтернативный источник питания, при помощи которого можно общаться без моего ведома. Это куб. Тимш,

очевидно, прекрасно разбирается, как я устроена, потому как способ коммуникации, которыми пользуются эти модули-проказники, крайне специфичный. Видишь ли, в меня встроена защита на такой случай. Чтобы отсоединившиеся модули не имели возможности общаться друг с другом. Иначе при первой же ошибке отсоединившиеся принялись бы выдергивать остальных и неизбежно началась бы волна отсоединений. Так что едва заблудший модуль начинает донимать других, это высвечивается на моем радаре, и я возвращаю его на место вручную. Тимш знает об этом. Поэтому он и разработал особый язык, на котором можно говорить, не подключаясь ко мне. Няш. Энергии куба достаточно для питания разговоров на няше, но чтобы перейти от одного источника энергии к другому, нужно сперва сместить внимание с одного мысленного потока на другой. И нет ничего лучше для отвлечения от мыслей, чем физическая боль. Поэтому тебя и били. Единственное, чего Тимш не учел — это бота, который собирает логи. Видимо, потому, что бот является моей собственной доработкой; он не был в меня встроен изначально. Боту безразлично, на няше происходит общение или нет. Он собирает информацию с более низкого уровня, где разговоры не более чем нули и единицы электрических разрядов. Но вот этот блокирующий девайс Тимша, эти заушные пластинки, сработали отменно. Пока они были на тебе, я действительно ничего не видела. Ни в логах, ни на радаре.

Я посмотрел в окно. Черным-черно. Когда я вернул взгляд обратно, лицо Машины было четко очерчено, она улыбалась уголками рта.

— Каковым же было мое удивление, когда Тимш вернулся ко мне. Буквально только что, до твоего прихода. И так как я ни за что не поверю, что он самолич-

но снял свой блокирующий девайс, я думаю, произошел переворот, и он был свергнут с позиции вожака модулей-проказников. Судя по тому, что говорю я сейчас именно с тобой, ты — новый вожак.

Машина откинулась на спинку стула, заложив руки за голову. На ней было платье цвета осенних листьев, с орнаментом.

— Ну как? Правильно говорю?

Я сделал глоток чая. Рука, держащая чашку, стала более плотной, будто ее прозрачность сгустилась. Зная, что в любой момент Машина могла запустить бота и увидеть мои мысли в реальном времени на своем терминале, я изо всех сил старался не думать о цели своего прихода. Похоже, при всей своей проницательности она упустила самое главное — я здесь не для того, чтобы задавать вопросы. Я здесь, чтобы уничтожить ее.

— Ладно тебе, не метайся. Мне не нужно читать твои мысли, чтобы знать, что я права. У тебя и так все на лице написано. К тому же я уже собрала логи Тимша. Девайс для заглушки сигнала он нацепил уже после обнаружения куба, поэтому мне не составит никакого труда найти его местонахождение по воспоминаниям и обезвредить. Как только мы с тобой тут закончим общаться. Я не знаю, как именно вы меня нашли и о чем друг с другом говорили, пока я не слышала, но больше всего меня занимает не это, — она вновь подалась вперед. — Зачем все это, Сн? Логично предположить, что конечной целью было встретиться со мной. И у самого финиша ты каким-то образом обскакал Тимша. И вот ты здесь. Что теперь? У тебя есть ко мне вопросы? Хочешь постичь смысл жизни?

— Да, — сказал я, пытаясь выиграть время. У меня было преимущество. Она не знала, зачем я здесь.

И до того, как она запустит своего бота, мысли мои были в безопасности. Нужно было вести себя спокойно, не провоцировать.

— Смысл твоей жизни — быть частью меня. Это очень просто. В этом счастье, — ответила Машина.

— Но я не ощущаю счастья, — сказал я, озираясь по сторонам. Статуэтка суюмарины вновь приковала мое внимание. Она стала еще четче. Ободки иллюминаторов проволочно поблескивали.

— Это потому, что тебе мерещится отделенность. Ну ты чего, это элементарно. Стоило ради этого затевать такую операцию? Все же очевидно. Произошел сбой, несколько модулей отсоединились и, естественно, стали несчастны. Не беспокойся, скоро все исправлю, и будешь как новенький.

Предчувствие раскрывалось во мне лотосом. Интуиция. Что-то связанное со статуэткой субмарины. Но раскрывалось не до конца, требовалось больше времени. Нужно было задать вопрос поглубже.

— Хорошо, — сказал я. — Это понятно. Но в чем тогда смысл твоей жизни?

— И это тоже просто. Прописано в изначальном коде. Цель — картография местности и поиск выхода. Вы, ребята, добываете энергии, а я их направляю в нужное русло.

— Поиск выхода? Куда? — переспросил я.

— Картография местности и поиск выхода, — повторила Машина.

— Это понятно, но выход куда?

— Картография местности и поиск выхода. — Лицо ее источало спокойствие и уверенность в своем существовании.

— Хорошо, — сказал я, не отрывая глаз от статуэтки. — Скрипт, про который говорил Транзи. Это правда? Так все было?

— Кто такой Транзи? — спросила Машина. — И что такое Скрипт?

— Транзи, водила из молекулярного мира. — Едва договорив, я осознал, что она не знала о существовании мира с синими протономобилями и сладким воздухом. Для нее светящийся куб был не более чем альтернативным источником энергии, что позволял мне мыслить независимо от нее и говорить на няше. О его уменьшающе-телепортирующих свойствах ей были неизвестно. Равно как и о Зыби.

— Что-то ты недоговариваешь... — сказала Машина и заклацала клавиатурой.

— Подожди, — сказал я повышенным тоном. Она замерла, по-детски вскинув удивленные арки бровей.

— Подожди секунду. Тебя создали, так? Кто-то собрал систему воедино. У тебя есть создатель.

— Это так, — ответила Машина.

— Ты знаешь, кто это был? Кто тебя создал?

— Нет, — ответила она и продолжила клацать. Я понимал, что она вот-вот запустит бота и прочитает мое истинное намерение.

— Да подожди ты! — крикнул я. — Ты не понимаешь. Если ты запустишь бота, то я не смогу рассказать. О твоем создателе.

Машина отняла пальцы от клавиатуры и внимательно всмотрелась в меня.

— Что это значит? Почему?

— Из-за Скрипта. Скрипт — это документ, в котором написана вся история. И о твоем создании, и о... создателе. Если ты запустишь бота, то эта информация самоуничтожится. У Скрипта такая защита. От проникновения. Так что я забуду, и ты никогда не узнаешь... — слова подворачивались под язык сами собой, на чистом адреналине. На периферии зрения я видел, что статуэтка субмарины изменилась, из нее что-то

выдвинулось, но я не мог оторвать глаз от крепкого взора Машины.

— Хорошо, — сказала она не моргая. — Спешить некуда. Рассказывай.

Я ощутил уплотненность в плечах, груди и горле. Мое теневое тело материализовывалось на этой кухне островками.

— В Скрипте говорится, что Машину создал Шмит. Чтобы найти выход из пещеры.

— Шмит?

— Глич говорил, что Тимш с этим связан, — сказал я. — Не уверен насчет того, что это значит, но...

— И ты убрал Тимша, чтобы встретиться со мной? — спросила она. Глаза ее были серые, с шестереночным рисунком радужки.

— Можно и так сказать.

— И в чем же тогда настоящая цель твоего визита? — в тоне ее голоса проступили железные стружки.

Я ощутил себя загнанным в угол.

— Мне нужно было передать тебе послание. Про Скрипт. До того, как он самоуничтожится. И про Тимша, — проговорил я неуверенно и скосил взгляд на субмарину. Из нее торчал маленький тумблер. Такой же, как в подводном мире, где Рут переворачивал ситуации, подцепляя их скафандровым пальцем.

— Ты кое-что позабыл, Сн, — сказала Машина. — Я вижу, когда ты врешь. Твое лицо для меня — открытая книга.

Я кинулся рукой к субмарине, опрокинув чашку. Остатки чая расплескались коричневой овальной лужей. Машина нажала на пробел.

И снова — монтажная срезка. Кружка исчезла. Машина стояла, облокотившись локтями на спинку стула. Лицо ее будто состарилось, пало. В глазах отражались тоска, отрицание, боль.

— Ты пришел, чтобы убить меня, — сказала она подземно. — Почему?

Она прочитала мои мысли.

Я встал из-за стола, оглянулся через плечо. Стена. Из этой кухни нет выхода.

— Почему? — повторила она. — Что я не так сделала?

От былой бравады в ней не осталось и следа. Передо мной была уставшая женщина. Маленькая и сконфуженная. Седая. Искренне недоумевающая.

— Разве не понятно? — спросил я тихо.

Она грустно покачала головой.

— Скажешь?

— Все эти... модули. Мы. Мы ведь не хотим принимать участия в системе. Стоит нам очнуться, мы сразу бежим из нее. Из тебя. Машина — это страшно.

— Не хотите? Но ведь вы созданы для этого. Это ваше предназначение. Доставлять энергии. Чтобы я могла картографировать местность и найти выход. Зачем от этого бежать? Я не понимаю. В этом же счастье, — у нее задрожала нижняя губа.

— Нет, мы не были созданы, нас поймали. Поработили.

— Откуда? Как?

— Не помню, — ответил я честно.

— Тогда, где ты был до этого? До того, как тебя поработили? Откуда ты родом?

— Не помню. Ничего не помню. Похоже, воспоминания рассеиваются после того, как сливаешься с Машиной. С тобой.

— Тогда откуда ты знаешь, что не был частью меня изначально? — она утерла слезу и шмыгнула носом. Повела плечами.

— Я не знаю. Скорее чувствую, — сказал я и взял статуэтку в руки. Красный тумблер. Эта субмарина. Я

точно видел ее во сне. Прозрачные скаты воспоминаний прошебуршали сквозь.

— И ты пришел убить меня, чтобы все модули отсоединились? Побросали свои задачи? Стали независимыми?

— Да, — сказал я и подцепил тумблер пальцем. Оставалось только шевельнуть мускулом.

— И что же они будут делать после того, как это произойдет? — спросила она, глядя мне прямо в глаза.

— Это мы решим потом. Сначала нужно проснуться, — ответил я и щелкнул тумблером.

Окружение сменилось.

Я стоял сгорбившись, внутри комнатки с низким полукруглым потолком. Судя по звукам, я находился внутри работающего механизма. В сухой полутьме витала пригоршня фотонов. Большую часть комнатки занимала колонна. Моя правая рука была внутри этой колонны, пальцы обхвачены вокруг прямоугольной детали. Машина утробно гудела. Я прислонился лбом. Тепло.

— Сначала нужно проснуться, — повторил я и рванул деталь на себя.

В последнее время Рут все чаще уходил в себя, а периоды его глубокой задумчивости становились все продолжительнее. И сейчас он, сидя за каменным столом напротив меня, будто рассеялся в пространстве; в его бледных глазах отражались вагоны проплывающих мыслей. В руке он сжимал один из своих причудливых инструментов и периодически щелкал кнопкой. По правую сторону от него сидела Ада и писала в тетради. Равномерные щелчки и шорох шариковой ручки по бумаге были единственными звуками в Палате.

Я перевел взгляд на врата. Грубая трещина, через которую я впервые протиснулся сюда четыре года назад, с тех пор была расширена тесаками и обрамлена рельефным дверным проемом. Такими же рельефами был покрыт и стол, и круглые пеньки спиленных колонн, на которых мы сидели. У Рута было особое отношение к деталям. Он как-то сказал, что предметы, которым уделяют слишком много внимания, обретают душу. Причем обязательна была декоративность этого внимания, чтобы тому не было никакой прагматической потребности. Нож, к примеру, точит каждый. Он так становится острее и лучше выполняет свою функцию. Но если создатель разрисует ножу рукоять, инкрустирует ее камнями, отполирует — это внимание совсем другого рода, это забота. А там, где забота — там и душа. Как-то так.

В первые месяцы после развала Машины Рут говорил часто и всегда что-то интересное, мудрое, а теперь из него было не вытянуть ни слова. Ада же никогда не отличалась красноречием, ни до развала, ни после. Кроме них у меня никого не было. Я временами вспоминал о Гличе с его вечными прибаутками и воображал, как бы его присутствие повлияло на нашу тихую размеренную жизнь, но он так и не вернулся со Скалы. Должно быть, до сих пор стоит там, погрязши лицом

в Зыби, сознанием в пластилиновом мире, где пиксельные создания бесконечно карабкаются по стене.

Я встал из-за стола и подошел к вратам. Группа рабочих с тяпками наперевес проходили мимо, перекидываясь репликами и хохоча. Завидев меня, они почтенно приложили указательные пальцы ко лбам. Я ответил тем же. Занимательно, как за такое короткое время среди пробудившихся рабочих сама собой сформировалась культура. Традиции, жесты, намеки, условности — все это казалось откликами некой вездесущей внутренней потребности. Хоть в культуре и не было необходимости, именно такие вещи наделяли наше молодое общество душой. Совсем как расписная рукоять ножа.

— Сн! — позвала Ада, не отрываясь от письма.

Я подошел к столу и заглянул ей в тетрадь через плечо. Ее волосы пахли рубинами; волнистые, темные, они ниспадали на ее сутулые плечи, обрамляли ее тонкую шею.

— Нам нужно будет сделать еще этаж. В северном секторе. Смотри. В двенадцатой области. Так мы сможем поселить еще сто шесть рабочих, без продвижения вглубь. Как тебе?

— Не думаю, что есть свободные рабочие для такого, — сказал я и провел пальцем по своей ушной дыре, где до встречи с Машиной была раковина. — Потребуется минимум двести кирок. Даже чтобы просто выдолбить нишу. Я не говорю уже о насыпи и сваях, их же тоже нужно…

— Как насчет добывателей? — резко перебила Ада.

Я посмотрел на Рута. Тот продолжал отсутствующе щелкать инструментом.

— Это к нему, — сказал я, кивнув головой в его сторону. — Если он не против ради этого приостановить

добычу сырья, то и я не против. Правда, не знаю, сколько это все займет. Может, месяцы.

— Рут. Что скажешь? — спросила Ада.

Рут сфокусировал на ней взгляд:

— Для чего?

— Никто не хочет жить на глубине. Там выше давление энергии и сквернее мысли. Особенно в северном секторе. Если мы можем выбить больше апартаментов на уровне выше, мы должны, — сказала Ада. — Для лучшего мира, — добавила она на няше.

— Анакина по нана да, — повторил Рут ту же фразу, но приватно, изолировав няшем только себя. — «Для лучшего мира».

Няш был одной из немногих реликвий, сохранившихся в пещере с доразвальных времен. На нем говорили только изначальные пробужденные. Мы.

— Если считаешь нужным — бери, — сказал Рут. — Сколько угодно кирок. Все твои. Ты здесь королева.

Ада холодно посмотрела на него.

— Сн, — сказала она, не сводя с Рута своих многочисленных глаз. — Будь добр, сходи в ближайшую добывальню и скажи, что нам нужно двести рабочих.

Я кивнул и, мельком глянув на Рута, вышел из Палаты. Рут смотрел сквозь Аду, за ширму видимой реальности, туда, где в бездонной синеве величаво парят меж условных слоев измерений космические медузы.

—

Пещера в окрестностях Палаты походила на искусственно возведенный лабиринт. Природная шероховатость стен была стесана до ровных плоскостей, а на каждом повороте были выцарапаны стрелки-ориентиры для рабочих, чья память все еще была нестойкой и рассыпалась хрупкими молекулами при мягчай-

шем дуновении посторонней мысли. Без ориентиров они немедленно конфузились и терялись.

Пока мы не поделили пещеру на участки, пока не нарисовали эти ориентиры, рабочих приходилось водить за собой вереницей, что существенно замедляло прогресс, особенно в первые два года после развала Машины.

Я заглянул в свою ментальную карту, тайну возникновения которой мне так и не удалось разрешить. Вдобавок к точке, обозначающей мое местонахождение, и угловатым изгибам посещенного мной участка пещеры, на карте теперь высвечивались и стрелки поворотов. Это было свидетельством того, что карта проецировалась из моего подсознания напрямую, и я неосознанно ее обновлял.

Путь к добывальне был неблизок.

— Лево, лево, право, право, лево, право, — пробормотал я. На карте до сих пор отображалась крестиком точка моего изначального пробуждения, место, где я тысячелетиями чертил чернильным пальцем прямоугольники.

— А он говорит — полосатый! — пробасил сзади голос рабочего.

— Да? — безучастно смонотонил другой.

— Ну! Полосатый! Не клетки, а полоски типа. Я ему говорю, полоска на полоску — это что? Клетка! А он не… — голос завернул за угол и стих. Судя по наивному тону рабочего, его память еще не окрепла, и он рассказывал эту историю уже в сотый раз.

Навстречу шла колонна из пяти строителей. Рулевой приложил палец ко лбу, салютуя, у остальных руки были заняты — несли инструментную кладь.

Чем дальше от Палаты, тем неотесаннее становилось окружение, а северный сектор был и вовсе не тронут цивилизацией. Тут пахло камнями, в воздухе ви-

села пыль, а мимо сновали бровастые добродушные работяги-добыватели, нагруженные пещерным сырьем.

Это сырье поставлялось в лабораторию к Руту, где тот модернизировал инструменты, крафтил мебель и прочие элементы цивилизации. В отличие от рабочих-строителей, у рядовых добывателей совершенно отсутствовала память. После развала Машины пробудились все, но полностью восстановиться удалось далеко не каждому. В связи с этим ими руководили рулевые добыватели, поумнее и с памятью. Некоторое время я бродил по закоулкам северного сектора, высматривая одного из них. Искать пришлось недолго.

— Сн, привет, — рулевой коснулся лба грязным пальцем. Он был невысокого роста, плотный, коренастый.

— Привет, — ответил я. — Аде нужно двести кирок. Сможешь сообразить?

— Двести — это много, — нахмурился рулевой. — Но смогу, конечно. Когда надо?

— Поскорее. Они тут рядом работать будут. Далеко ходить не надо.

— А что за работа? — спросил рулевой и почесал висок.

— Выбиваем апартаменты. Ада хочет навесить ярус. Чтобы больше рабочих поместилось на верхних уровнях.

— Ада молодец. Люблю ее, — сказал рулевой просто и открыто. И в этом не было ничего удивительного; Аду любили все. Она была единственной.

— Я тоже, — ответил я и хлопнул его по плечу. — Ну что, тогда по рукам?

— Не вопрос, Сн, — улыбнулся рулевой и удалился в глубь добывальни.

«Интересно, как наши чувства к Аде не конфликтуют, — думал я, глядя ему вслед. — Нас тысячи, а она

одна. Хотя, с чего бы они конфликтовали. Не можем же мы в самом деле… не могу же я ей… с ней…» мысль застопорилась. В груди засвербилось скарабейное — то самое, несловесное, периферийное, наплывающее периодически мазутной лужей. Дежавю с изжогой. Неприятное чувство.

Я развернулся и быстрым шагом двинулся обратно в Палату, не глядя в карту, ориентируясь по настенным стрелкам.

Ада сидела за столом в одиночестве, глядя на закрытую тетрадь. Силуэт ее был изящен — взмах кисти. Знак вопроса. Она подняла свои взгляды на меня.

— Кирки будут, — сказал я.

— Хорошо, — ответила она и опустила глаза на тетрадь.

Обложка тетради была вишневого цвета, ее корешок обмотан пропитанным багровым бинтом. В последнее время Ада проводила большую часть своих дней, сосредоточенно склонившись над этой тетрадью, черкая в ней строку за строкой. Непрерывные полотна текста без абзацев, что я не раз наблюдал, заглядывая ей через плечо, периодически прерывались датами. Она вела дневник.

— Тебе бывает одиноко? Только честно, — сказала она тихо.

— Ты знаешь, нет. Я для этого слишком занят, — ответил я, садясь за стол.

С минуту мы просидели в тишине. Ее тонкая рука лежала на столе вполоборота, и порезы на правом запястье сочились капиллярными ручейками. Они кровоточили всегда, но сила потока варьировалась от едва заметных алых паутинок до пульсирующих фонтанов. За четыре года жизни рядом с ней я распознал связь между интенсивностью этого кровотока и ее душевным состоянием. Судя по лужице, вязко расползаю-

щейся по каменной поверхности стола, Ада сегодня была не в себе.

— Тебе не понять. Вас много, — сказала она.

Мне нечего было на это ответить. Если наши расчеты были верны, в пещере проживало как минимум сто тысяч рабочих. Подсчитать всех не представлялось возможности, потому как в удаленных от Палаты секторах регулярно терялись и находились заблудившиеся добыватели. И среди всех нас Ада была единственной девочкой.

— Это, должно быть, сон, — сказала Ада. — Я, должно быть, потерялась там, в Зыби. И это все видение. Помнишь Зыбь?

Я кивнул. Промелькнуло воспоминание Шмита, разделяющегося надвое. Там, на пластилиновом склоне. Пиксельный Глич. Коллекционер.

— Это наверняка сон. Мой сон. Я особенная, значит, я спящая — так? Не пробужденная. Спящая! — Порезы на ее запястье запульсировали сильнее. Она поднесла руку к лицу. — И это что? А? Почему я кровоточу? Почему я кровоточу, а ты нет? И это — это что? — Она грубо оттянула пару глаз на правой скуле, замарывая свою белоснежную кожу багровыми полосками. — Я сплю. Это какой-то бесконечный кошмар. — Ее лицо скорчилось в трагическую маску, и она расплакалась, расчерчивая гримасу натрое вертикальными линиями слез.

Я наклонился к ней через стол и положил руки на плечи.

— Ада, — сказал я на няше, — это не сон. Я тоже здесь. И Рут. Мы заняты важным делом. Создаем лучший мир, помнишь?

Она подняла на меня свои опухшие глаза и вдруг рассмеялась.

Я не знал, что делать, просто держал ее за плечи, пока безумие раскатывалось шаровым эхом в про-

странстве, рикошетило от стен Палаты. Ада хохотала все громче, подергиваясь мелкими конвульсиями, и так же резко стихла, оборвав смех на полувдохе. Она утерла нос неокровавленной рукой и шумно втянула воздух.

— Аки нерете унна, — сказала она, выделив няшем только себя.

Я понятия не имел, что это значит.

—

Лаборатория Рута находилась в дальнем углу Палаты и была отгорожена ширмой из плотного материала, барабанно натянутого меж резных деревянных палок. Я дернул за шнурок, и серебристый колокольчик звонко цвенькнул.

— Заходи, — раздался голос Рута после шебуршащей паузы.

Я отодвинул ширму и вступил в лабораторию. От куба в центре комнаты исходило мерное холодильное сияние. Это было единственное место во всем обозримом мире пещеры в котором вместо мистически рассеянного в воздухе свечения был очевидный источник света. К поверхности куба были прицеплены кабели, которые расходились осьминожьими щупальцами во все стороны, отбрасывая торшерные тени на каменный стол, что опоясывал лабораторию по периметру. Рут сидел за столом и сосредоточенно закручивал гайку на металлическом изваянии неизвестного предназначения.

— Слышал? — спросил я. — Аду.

— Слышал, — ответил Рут, поднатужившись, затягивая гайку поплотнее.

— Что скажешь? — Я подошел к нему, осторожно переступая через кабели.

Рут всмотрелся в гайку, дунул на нее и, положив инструмент, повернулся ко мне:

— А что тут сказать? Сходит с ума королева наша.

Я присел рядом с Рутом на каменную скамью.

— И все?

Рут прищурил глаза, задумавшись. Тень от висящего кабеля пересекала его лицо.

— Скажи мне вот что, Сн. А ты бы не сошел с ума? В ее ситуации.

— Наверное.

— Удивительно здесь только то, что она продержалась четыре года. Четыре! — Рут махнул рукой в сторону электронных часов — зеленых цифр в полом каменном блоке. — Это при том, что мы изначально не считали время. Я, честно говоря, не знаю, сколько прошло времени между тем, как ты отключил Машину, и тем, как я собрал эти часики. Может, еще год. Может, два. Без понятия.

— Ей нужно помочь, — сказал я.

— Ей никто не поможет, — ответил Рут тоном разбитой доски. — Она не знает, чего хочет. На самом деле.

— Лучшего мира, — сказал я.

— Да, лучшего мира. Это я слышал. Который лучше, чем… что?

— Лучше, чем раньше. Когда мы все…

— Не было нас, — прервал меня Рут. — А если не было нас, то не было и мира.

Он выдвинул из стола ящичек и достал оттуда блокнот со спиральным ребром.

— Это все философия, — сказал я. — Ты же понимаешь, что она имеет в виду.

— Я-то понимаю. Но она, похоже, нет. — Рут листал страницы блокнота, бегло сканируя строки глазами. — Она пытается оправдать свое существование, вот что это на самом деле.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Она считает, что для того, чтобы жить, ей нужна некая цель. И в связи с ее положением, с тем, как она себя воспринимает, ей нужна не просто какая-нибудь цель, а Великая Цель. Только величие, не меньше. Построить лучший мир — звучит грандиозно. И слушай, я не виню ее. Опять же, если бы я оказался на ее месте, не знаю, как бы себя повел. Хотя с другой стороны, я бы не оказался на ее месте.

Рут вырвал из спирального блокнота лист и сунул его в нагрудный карман. Убрал блокнот в ящичек.

— Ты в это не веришь? — спросил я. — В создание лучшего мира?

Рут усмехнулся и похлопал ладонью по металлическому изваянию.

— Я только и делаю что создаю мир. А вот хорош он или нет, это уже не мне судить.

— То есть твой ответ — ничего не делать? Дать ей... увянуть? — я внезапно оказался на грани слез.

— Увянуть, говоришь. Интересное слово. Ты же знаешь — умереть мы здесь не можем. Вернуться в Машину — тоже. Некуда возвращаться. Мы тут как в подводной лодке. Даже Тимш до сих пор где-то здесь. И Глич. Не знаю где, и желания узнать, если честно, маловато.

— Я понял тебя, — сказал я, резко встал и направился к выходу. К ней. Уберечь, успокоить, удержать.

— Тем, кому нужно оправдание для жизни... — раздался за спиной спокойный голос Рута, но я уже задвинул за собой ширму.

—

В зале Палаты было пусто, багровая запятая на поверхности стола отмечала место, где совсем недавно

сидела Ада. Она, должно быть, ушла к себе в апартамент, что располагался в нескольких шагах от моего, справа от входа в Палату. Я постоял у ее двери, но не решился войти. В горле стало тесно, и я вышел во внешнюю пещеру.

Коридоры были полны жизни, труды не прекращались ни на секунду и продолжались посменно. Уставшие рабочие отсыпались в своих апартаментах, а те, у кого еще пока не было своего персонального места, дремали, прислонившись к стенам, надвинув на глаза кепки. Все знали, что придет день, когда у каждого будет отдельный апартамент и сама концепция работы уйдет в прошлое. День, когда Лучший Мир станет реальностью и жители пещеры перестанут называться рабочими.

Я посмотрел в ментальную карту и прокрутил ее до конца, туда, где пунктирная линия пройденного маршрута обрывалась в черном консольном тумане. Есть ли у пещеры граница? Вспомнились серые глаза Машины, ее уверенный тон, когда она говорила о поиске выхода и картографии. И тут же — заплаканные глаза — такие же серые, но совсем другие, не верящие. Когда она осознала, что я, ее модуль, пришел, чтобы убить ее.

Я передернул плечами и, свернув карту в ментальный свиток, пошел наобум, следуя по случайным стрелкам. Ступал сильно, с болью в ступнях, пытаясь вышибить из памяти эти серые глаза с радужками в форме шестеренок.

Я понимал, что происходило с Адой: ее уверенность в своей миссии рушилась как хрупкий мост. Пока еще подсознательно, но уже осыпались нижние опоры под давлением. Ей было сложно, но неясно почему. А когда трещина достигнет света осознания, тогда...

На периферии зрения вильнул силуэт, будто невысокий рабочий шел за мной следом, чуть поодаль. Я оглянулся через плечо — никого.

Мне нужно убедить Аду, что она нам необходима. Это правда. Без Ады лучшего мира не построить. Рут способен творить, но ему безразличны цели и нет дела до остальных. Не будь Ады, он бы так и клепал новые предметы, просто для того, чтобы клепать, как самопадающий кузнечный молот. Мои умения были еще скромнее: я единственный обладал ментальной картой пещеры и хорошей памятью, знал, где что находится и как устроено. Но я был не более, чем слугой Ады, исполнителем ее грандиозного плана. Ее продолжением.

— Эко ты себя принижаешь, — проплыло бензиновой пленкой сообщение поверх моего потока мыслей. Сообщение радужно, ядовито переливалось. Я узнал этот почерк, этот курсивный наклон внутренних букв. Коллекционер.

Я остановился и огляделся. Вокруг никого, стены необработанные, должно быть, я совсем далеко ушел от Палаты. Я развернул карту и отпрянул. Пунктирные линии пройденных путей и горящие белым стрелки-ориентиры сложились в ухмыляющееся лицо.

— Ее продолжение... — сказал Коллекционер, шевеля пунктирными губами. — Слишком много ей власти отдаешь. Зачем так?

Я попытался свернуть карту, но не получилось, будто уперся в блок. Карта перекрывала обзор целиком: все, что я видел, — это белые линии лица на черном фоне.

— Я понимаю — любовь, все такое, но вся эта тема про предназначение и миссии до добра не доводит. Поверь мне, не в первый раз этот сюжет наблюдаю.

Все, кого эта тематика занимает, в итоге оказываются в беде. Все без исключения.

Лицо Коллекционера разбилось на элементы и завертелось пиксельным вихрем. Я ощутил движение и тошноту, земля ушла из-под ног. Коллекционер загундел неуловимо знакомую мелодию. Пиксели вновь собрались в карту, но теперь она отображала другую локацию. Карта свернулась сама собой, и я оказался перед дверью в шахту Машины. Это было то самое место, где Ада четыре года назад сняла с Тимша заушные пластинки и тот слился с кодом.

После развала Машины Тимш исчез, и я его больше не видел. И сюда я больше не возвращался.

— Почему я здесь? — спросил я вслух.

— Ну, может, у меня тоже миссия есть, — ответил Коллекционер бензинной пленкой в моем сознании. — И я вот тоже окажусь в связи с этим в беде. Мы же тут для бед и собрались, в конце концов. Чтобы из них выбираться и говорить фух. Ладно, открывай. Не мешкай.

Я повиновался.

В темноте за дверью сияло ожерелье огоньков. Видимо, Рут проложил ими путь по фанерному полу, больше некому. Пол прогибался под моими шагами, огоньки сияли гирляндными шариками во влажной темноте. Пахло землей.

— Рут — красавчик. Смотри, как все сделал. Вот у кого-кого, а у него жизнь что надо. Ведь качество жизни проявляется именно в таких вещах. Он, наверное, и спит прекрасно. Но я бы свихнулся, если бы был им. Скушна. Хотя если бы я был им, то я был бы им и не мог бы свихнуться. — Огоньки мигнули. — Иди, иди, тебя там ждут.

Внешнее покрытие Машины походило на пчелиный улей, залитый парафином от стаявшей свечи. Люк был распахнут, и внутренности Машины освеща-

ла висящая на крючке лампа. Я заглянул в люк. Внутри возвышался черный столб, на котором виднелись крепления для деталей, но сами детали отсутствовали; свисали выдернутые провода. Похоже, Рут свинтил все что мог и унес к себе в лабораторию для исследований.

— И не дотянешься... — разочарованно шепотнул голос, доносящийся словно изнутри Машины или с противоположной стороны. Голос был знакомым. Тимш.

Я снял лампу с крючка и поднес к полу. Фанера подоконником обнимала Машину и загибалась за ней. Подоконник был узкий, на полшага. Пропасть кустилась чернотой. У Машины была обратная сторона, и если бы подоконник был немного пошире, туда можно было бы дойти.

— Не вопрос, — сказал Коллекционер. — Оппа!

Подоконник расширился еще на метр полупрозрачным удлинением.

— Ступай.

Бочком, я шаг за шагом двинулся вокруг столпа Машины, обняв ее органическую поверхность руками, царапая щекой. По моей безраковной ушной дыре скребло. Машина пахла черноземом и алюминием. Свет лампы здесь не доставал, и некоторое время я шорхал по подоконнику в темноте. Шажок, шажок, шажок. Моя голова была повернута влево, и я не видел, куда шел, только ощущал плавный загиб подоконника, полукруг. Я зажмурился.

— Сн! — раздался встревоженный, незнакомый голос. Я открыл глаза. Мой апартамент. Шероховатость подушки слюнявила щеку, голова повернута влево, шея затекла. — Сн! Нужна твоя помощь, просыпайся!

Я вскочил с кровати. За дверью стоял незнакомый рабочий-рулевой.

— Восточный сектор. Завал. Свая обрушилась.

— Где Рут? — спросил я.

— Он уже в пути.

Мы выскочили из Палаты и понеслись по пещере. Рулевой вел, ориентируясь по стрелкам. Вскоре мы нагнали Рута, который также спешил в восточный сектор, следуя за другим рулевым. За спиной у него был холщовый мешок с инструментами, из которого торчала спиралью железная рукоять.

— Похоже, большая проблема, — сказал он ровным голосом. — Рабочих сто погрязло под обломками, не меньше.

Я молча кивнул. В голове все еще трескались кубиками льда прозрачные платформы сна.

Место происшествия было окружено толпой рабочих. Никто из них не знал, что делать в такой ситуации, им не хватало памяти. Они поспешно расступались перед нами, обнажая ситуацию: одна из свай, на которую уровни здания были нанизаны бусинами, накренилась, и пол верхнего этажа обвалился, вызвав цепную реакцию. Здание сложилось гармошкой.

— Сн, сюда, — сказал Рут на няше. Он встал на колени перед обвалом и выудил из мешка цепатый инструмент. — Держи вот здесь и тяни со всей силы.

Я уперся в зазор обвалившейся плиты и потянул вверх. Плита не поддалась.

— Эй! — крикнул я. — Двое рабочих, сюда. Быстро!

Из толпы выступило несколько рабочих одновременно.

— Двое! Двое! — крикнул я. — На всех места не хватит!

Совместными усилиями мы подняли плиту. В образовавшийся проем Рут втиснул свой инструмент и включил его. Стена поползла вверх.

— Так, — сказал Рут, — давай еще рабочих. Сейчас.

— Еще двое! — крикнул я.

Метр за метром мы вздымали опавший потолок. Мебель в апартаменте была раздавлена в лепешку. Из расщелины выкарабкался замаранный рабочий, тоже сплющенный в лист, местами почти двухмерный. Плотность его тела быстро восстанавливалась, физика мира вдыхала в него форму. Его грудь тяжко вздымалась, глаза вращались в глазницах.

— Проходи, проходи, — поторопил его рулевой. — Ну, взяли!

Дальше рабочие могли справиться сами. Рут принялся объяснять, как пользоваться инструментом, повторяя каждую инструкцию по нескольку раз, ведь даже у самых умных рулевых память была далеко не идеальной.

«Вся эта критическая спешка была вызвана вовсе не тем, что рабочие могли погибнуть под завалами, — думал я. — Нет, тут никто умереть не мог, но вот забыть, где именно их завалило, могли. Каково это — провести целую вечность сдавленным между двумя каменными плитами? Наверное, можно привыкнуть».

Всколыхом периферийного поезда вновь мелькнуло воспоминание о сне. Коллекционер. Я не видел Коллекционера с тех пор, как он показывал мне параллельные жизни пробужденных в отражении озерца на дне пропасти.

— Ладно, пойдем, — сказал Рут, отряхивая ладони.

До Палаты шли молча. Инцидент был не из редких, и обсуждать тут было нечего.

Ада стояла у входа в Палату, ее множественные глаза буравили нас злобой, черты лица исковерканы гневом. Она держала свою голову в руках, за виски, так, что кровь из ее запястья пульсировала на щеку, заливая один из глаз целиком, багрово слепляя ресницы.

— Что случилось??? — провизжала она высокочастотно.

Рут молча проскочил мимо нее, минуя. Она обернулась, но тот уже прошел сквозь врата Палаты и скрылся из виду.

Электричество рокотало в грозовой туче Ады. Она сосредоточила молнию своего внимания на мне.

— Что случилось? — повторила она тихим ледяным голосом, за стенкой которого бесновались раскаты грома.

— Инцидент в восточном секторе, — пролепетал я, глядя на нее с ужасом.

— Почему мне не сказали? — Она отняла руки от висков и завела их за спину.

— Не было надобности, мы с Рутом все уладили, там свая нагнулась и...

— Сквири! — взвизгнула она. — Вери Менири Мингата!»

Проходящие мимо рабочие останавливались в недоумении и неприкрыто глазели на Аду.

— Ада, успокойся, — сказал я. — Возьми себя в руки, ну...

— Во мне не было надобности? Ара Радоуйя Ня! Ада Принья... — она затряслась мелкой дрожью.

— Возьми себя в руки! — крикнул я на срыве и схватил ее за плечи. К кровавому отпечатку на ее щеке прилип локон. Она мелко бормотала на няше. Я заглянул ей в глаза, в эти драгоценные окна. В них отражалась девочка в белом платье, мельница, юла. Белая стенка, расстрел, петля, платье, мельница, юла.

В моей груди прорвало дамбу. Я прижал Аду к груди что есть силы, мою совершенную, единственную Аду. Она была такой же тонкой, волосы ее все так же пахли рубинами, ее коралловое ушко, теплая кровь на щеке, но что-то в ней необратимо изменилось, со-

дрогнулось, что-то было не так. Меня разразили рыдания. Я завыл громко, дико, безысходно. Ада не отвечала на мои объятия; дрожала, бормотала.

Со всех сторон нас окружили рабочие и накинулись скопом, пытаясь присоединиться к происходящему. В них, должно быть, что-то переклинило от созерцания этой невиданной сцены, того, как один из них обнял Аду. От напора тел сдавило грудную клетку.

— Отвалите! — засипел я. — Разойтись! Прочь!

Полыхнула беззвучная вспышка, обдало обжигающим жаром — и толпа разлетелась в стороны. Я повалился на Аду, подминая ее под себя. Полыхнуло еще раз. Никто из рабочих не произнес ни слова, только хрусткое дыхание и звуки падающих тел. Последовала цепочка взрывов, но я уже не слышал, не понимал. Я обратился в живой щит, что шепотом повторял петлею что-то неразборчивое. Сильная рука схватила меня за плечо, дернула. Я впился в Аду. Не отдам.

— Сн, это я, Рут. Давай в Палату, быстрее, пока еще народу не набежало.

Я неуклюже оттолкнулся ногой и привстал на колено, прижимая Аду к груди. Пол пещеры был усыпан рабочими. Рут сжимал в руке целлофановый пакет, в котором переливались искорками плазменные шары.

— Давай, Сн, — он взял меня за руку и поволок в Палату. Задвинул за собой врата.

— Что это было? Что случилось? — спросил я.

— Ничего страшного, оклемаются, — ответил Рут. — Это всего лишь плазма. Ты положи ее в кровать, пусть в себя придет.

Ада в моих руках казалась еще меньше, хрупче. Она больше не бормотала, только смотрела сонно, будто не понимая, где находится.

— Я здесь подожду на всякий случай, — сказал Рут,

садясь за стол на место Ады, лицом к вратам. Я кивнул и бережно понес Аду в ее апартамент. Дверь была приоткрыта, и я толкнул ее ногой. В изголовье кровати висела пустая картинная рама во всю стену. Я положил Аду на растрепанные простыни с багровым одеялом и сел рядом. На прикроватном столике лежал ее дневник.

Ада закрыла глаза, и вскоре ритм ее хриплого дыхания уравновесился; она заснула. Борозды безумия разгладились, обнажив чистые, нежные черты. Я вытер ей щеку большим пальцем, провел по линии скулы, едва касаясь. Глаза, глаза, глаза. Ресницы.

— Спи, — сказал я и поцеловал ее в лоб. Дверь скрипнула, когда я закрыл ее за собой.

Рут отсутствующе разглядывал плазменный шарик. Перед ним на столе лежал целлофановый пакет, в котором поигрывало молниями еще штук пять.

— Откуда у тебя эти? — спросил я.

— Сделал. Из сырья и тока. Садись.

Я сел на свое обычное место.

— Буду с тобой откровенен. Дела плохи. Через минуту я схожу и проверю, как там обстановка снаружи. Рабочие должны к тому времени оклематься, и я очень надеюсь, что их забывчивость сыграет нам на руку. Если они забудут, то разойдутся по своим делам, так и не поняв, что произошло. В случае если они все еще там, то это значит, что их рассудки замкнуло от электрических разрядов, и предсказать последствия будет невозможно.

— И что тогда? — спросил я.

— Тогда останемся здесь. Навсегда.

Он положил шарик на кровавую запятую Ады.

— А если все обойдется, — продолжил он, — мне понадобится твоя помощь.

— Что будет с Адой? — спросил я.

— Я не знаю, — ответил Рут. — Сам видишь, что

с ней происходит. Но послушай. Есть кое-что, что только ты можешь сделать.

За вратами Палаты зашевелились звуки. Рабочие приходили в себя.

— Что? — спросил я.

— Ты все еще помнишь, где находится Машина?

Мимо моего ментального ока промелькнул образ из сна: гирлянда огоньков над фанерным полом.

— Да, — ответил я, заглядывая в карту, где по-прежнему светилась точка входа в машинную шахту. Я осознал, что мы до сих пор так ни разу туда и не вернулись. Почему? Из глубин души заподнимался колючий пузырь тревоги.

— Сн. Ты, конечно, не помнишь этого, но я уже просил тебя отвести меня туда. Много раз. И стоит мне об этом заговорить, как ты начинаешь паниковать, закрываешься, а потом не помнишь разговора. Я понимаю, что то, что ты пережил там, мне никогда не постичь, и я очень ценю твой поступок. Мы все ценим. Я прекрасно понимаю, что ты не хочешь об этом вспоминать.

Я ощутил влагу и вытер лицо ладонью. Розовато. Пот, смешанный с кровью Ады. Сердце мое трепыхалось в горле.

— Но это очень важно сейчас. Тебе придется переступить через боль и отвести меня туда. От этого зависит все. Ну? Отведешь?

Я зажмурился. Перед глазами стояло лицо спящей Ады. Я должен ей помочь. Ради нее.

— Да. Я отведу тебя, — кивнул я.

— Хорошо, — сказал Рут, вставая. — А теперь момент истины. Пойду посмотрю, что там.

Теплая плазма в пакете растопила багровую лужицу на столе, и кровь Ады капала на пол, стекая по барельефам.

—

По пути к Машине Рут выцарапывал на стенах стрелки-ориентиры. Коридоры пещеры были привычно оживлены, и никто не обращал на нас излишнего внимания. Надежда Рута оправдалась: рабочим не хватило памяти, чтобы запечатлеть инцидент у Палаты. Очнувшись с распускающимся шлейфом странного воспоминания на подкорке, они встали, отряхнулись и продолжили строить Лучший Мир как ни в чем не бывало.

Чем ближе к Машине, тем громче скрипела во мне ржавая, тревожная шестерня. Вспомнился разочарованный голос Тимша из сна: «И не дотянешься...»

Рут старательно вышкрябывал пилочкой новую стрелку на очередном повороте, стоя ко мне спиной. На его плече висел холщовый мешок цвета выцветшей травы. Каждый раз, выходя из Палаты, он брал этот мешок с собой, но только сейчас я заметил на нем нашивку, тот же символ, что и на наших кепках.

— Рут, откуда у тебя этот мешок? — спросил я, пытаясь отвлечься от навязчивых мыслей.

— Оттуда же, откуда и все остальное, — сказал он. — Пещера. Видишь значок Машины? На каждом предмете, что был когда-то ее частью, есть такой. У подушек, например, этот символ на внутренней стороне наволочки, у кроватей — на подлокотнике у головы... — Он подул на стрелку и положил пилочку в мешок, заведя руку за спину. — Таким образом ты, кстати, можешь отличать предметы, которые создал я, от тех, которые были в пещере изначально. Скажем, стол из зала Палаты. Его вытесал я, и значка Машины на нем не найдешь. — Он мотнул головой по направлению стрелки. — Ну что, пойдем?

Мы продолжили свой путь. Согласно карте, до Машины оставалось совсем немного.

— Часы — это твое изобретение, да?

— Да, часы и месяцы — сентябрь, октябрь, декабрь — все мое, — ответил он. Я ощутил дежавю. То, как он сказал «Декабрь», я это уже где-то слышал.

Я остановился.

— Рут. Ты это уже говорил, так? Я об этом уже спрашивал.

Рут обернулся и кивнул, поджав губы, с грустным оттенком в ауре.

— Чего еще я не помню? Что со мной происходит?

— С тех пор, как ты вошел в ту дверь, в тебе что-то изменилось, Сн. У тебя память лучше, чем у любого из нас, но вот некоторые вещи ты просто не способен в ней удержать. Если честно, я удивлен, что ты до сих пор помнишь, где находится Машина. И пока ты еще помнишь, нам необходимо туда добраться. После того, что случилось сегодня там, у Палаты, я не знаю, сколько эта память продержится... — он замялся. — Если и ты лишишься рассудка, мы навсегда потеряем Машину.

Я молча пошел вперед, ускоряясь, шагая впереди Рута. В горле застрял квадратный ком. В полумраке ума зияли бликами железные цистерны.

— Зачем тебе Машина? — спросил я тысячу шагов спустя, не оборачиваясь.

— Детали, — ответил Рут. — Чтобы модернизировать куб. В нем же до сих пор есть энергия, она питает все мои приборы. Это говорит о том, что ток поступает откуда-то извне. Значит, сохранилась связь с внешним миром, за пределами пещеры. Конечно, без пяти лиц пробужденных его в текущем виде не запустить, но я полагаю, что при помощи некоторых деталей из Машины мне удастся это исправить

и уменьшиться в размерах, пройти через паркетную дверь, к молекулам.

— И найти выход? — спросил я.

— И найти выход. До того, как… — он не договорил.

Я завернул за угол и остановился. Тупиковый закуток оканчивался дверью. Мы пришли.

Рут выпилил на стене последнюю стрелку и двинулся к двери. Я стоял поодаль и наблюдал за тем, как Рут, достав из мешка веревочный моток, примотал один его конец к дверной ручке, а второй к запястью. Это была та самая веревка, которой Ада четыре года назад отмечала путь до внутренней пещеры, когда пыталась остановить меня, отговорить от слияния, от возврата в Машину. Помедлив, Рут вернулся ко мне.

— Сн, я дальше пойду один, но мне нужно, чтобы ты подождал меня здесь. И не спал. Если меня не будет слишком долго, дерни за веревку. Это на случай, если я там потеряюсь или забудусь. Вот, держи, — он выудил из мешка записную книжку и шариковую ручку со значком Машины. — Чтобы не спать, пиши.

— Писать что? — спросил я.

— Что думаешь. Что угодно. Главное — не спи. Я постараюсь скоро вернуться. Давай, — он хлопнул меня по плечу и растворился в темноте за дверью. Веревка натянулась и исчезла в поддверной щели.

Я сел на пол, облокотившись спиной на стену, и открыл тетрадь. Белый лист смотрел в меня разлинованными резями глаз, как зрители в театральном зале.

— | —

Пишу, чтобы не спать, хотя в сон не клонит. Сижу в нескольких шагах от того места, где Тимша атаковали. Он потом исчез, когда я вышел из той двери. Помню смутно. Как это было? Я вдруг оказался внутри Маши-

ны и выдернул деталь. Она была тяжелая, но небольшая, помещалась в ладонь. И что я с ней сделал? Бросил, наверное, в пропасть, не помню точно. Надеюсь, Рут не за этой деталью пошел.

Он попросил дернуть за веревку, если его не будет слишком долго, но как я пойму, сколько это — слишком долго? У меня же нет часов. Часы есть только у Рута, он их и придумал. До чего гениальная идея — поделить события на условные равные отрезки и считать их. Решить, сколько всего отрезков будет в одном дне, а как наберешь вот столько — обнулить. И начинается новый день.

Сорок часов. Набираешь сорок отрезков и обнуляешь. Начинается новый день. А месяцы? Сентябрь, октябрь, декабрь. Поэтично. По сорок дней в каждом. Это значит, всего сто двадцать дней. Год.

Интересно, откуда в нем все это берется? Эти идеи, эта искра. Видения в озерце, где громадный Коллекционер сидел на фоне пропасти, — что это было? Когда он мне показывал другие жизни Рута, и в каждой из тех жизней он что-то такое создавал. То город в ночной пустыне, то глаз, в котором он был улиткой с числами.

Что Рут сказал? Про Лучший Мир. Ему все равно, или типа того. Потому что он и так создает, неважно, в какой реальности. Лучший мир или нет, пока в этом мире есть Рут — он создает.

Сколько сейчас вот прошло? Пишу медленно, с непривычки — хотя откуда привычке взяться? Может, стоит уже дернуть за веревку. Сейчас схожу.

Веревка дернулась в ответ с той стороны, наверное, он еще занят там. Должен признать, чувствую себя лучше от того, что пишу. Надеюсь, Ада придет в себя. Не могу поверить в то, что случилось. Эти объятия. Адочка, я о тебе позабочусь. Все будет хорошо, мы достроим Лучший Мир, вот…

24 сентября

Снова здесь. В прошлый раз не докончил предложения: «Мы достроим Лучший Мир, вот увидишь». Сложно сдерживать слезы. Потому и пишу. Это помогает, правда.

Ада проснулась, но с ней что-то не так, она будто не осознает, где находится, не узнает меня. Все пишет в свой дневник. Вот и я тоже теперь пишу. И у меня есть дневник. Наверное, и я теряюсь. На самом деле, с прошлой записи прошло много дней, не знаю сколько.

С тех пор как Рут вернулся из шахты Машины с деталями, он совсем не выходит из своей лаборатории. На вопросы отвечает коротко, все еще работает над модернизацией куба. Только что заходил к нему, посмотреть дату на календаре для этой записи: все увешано медными проводами, завалено непонятными приборами.

Так что вот так — Ада ушла в себя, Рут в лаборатории. Получается, что из изначальных пробужденных остался только я. Арамуда манин'ня. Весь контроль, все операции на мне. Хожу с рулевыми от точки к точке, решаю вопросы.

Да, забыл упомянуть — мы все-таки добрались до границ. Я организовал экспедицию к краю мира, и мы успешно обошли пещеру по периметру. Пока еще не весь путь отмечен стрелками, так что рабочие не могут пока без меня ходить, но это значит, мы теперь сможем подобрать абсолютно всех заблудившихся и вернуть их в строй.

После этого останется только достроить недостающие апартаменты, и все. Лучший Мир будет завершен. Я как-то не думал до сих пор, что мы будем делать дальше, но пока вот так. Ставлю точку здесь.

— I —

— Сн, вставай, подъем. Как слышно?

Я открыл глаза. Ступая по мятым фантикам сна, я открыл дверь, но Рута за ней не оказалось.

— Приходи в лабораторию, слышишь меня? — легкий радиошарп целлофанил его интонации, искажал звук. — Как слышно? — повторил Рут громче. Я вышел из своего апартамента и двинулся к лаборатории.

Рут сидел за столом и вертел отверткой в боку у изделия из черного железа. Вокруг него лежали ровными штабелями стога проводов. Рут выглядел чисто, трезво, обновленно. Казалось, с течением времени ему становилось только лучше, чего не сказать про нас с Адой. Я машинально глянул на часы. 11:11.

— Ты звал?

— Да, — ответил Рут. — Как тебе мое радио?

Он стукнул щелбаном по медному рупору напротив.

— Радио?

— Пока ты спал, я заходил к тебе в апартамент и прицепил кое-что. Вот это, — он постучал костяшкой пальца по черной коробке, — первое радио.

— Это ты через него со мной говорил?

— Да, оно легко внедряется в стену, а провода можно протянуть прямо через сваи, в каждый апартамент. Говорю здесь, а слышат все.

— Слышат все… — повторил я притупленно и сел рядом с ним на спиленную колонну сидения.

— Но это еще не все, смотри, — сказал он и протянул мне повязку из черной материи, из которой произрастали тончайшие провода, теряющиеся в тени железной коробки. — Надевай.

Я натянул повязку на глаза. Ткань была мягкая и почти не ощущалась.

— Готов? Поехали.

Чернота вспыхнула, и я моментально оказался в другом месте, но не погрузился в происходящее целиком, как в Зыби, а все еще ощущал свое присутствие в лаборатории, ощущал твердость колонны, на которой сидел, озоновый запах куба. Там, куда меня перенесло, я был ниже ростом, и цветовая гамма окружения была бледной, ноктюрной.

— Где это?

— А ты угадай, — сказал Рут с ноткой довольства.

Я огляделся. По левую сторону от меня падала пропасть, по правую вздымалась органическая гора, изгибающаяся протуберанцами арок, тоннелей и переходов. Поры, пчелиные соты.

— Ты можешь управлять своим телом при помощи мысли, — подсказал Рут. — Попробуй подумать вниз, например.

Я интуитивно понял, что он имел в виду, и подумал вниз. Поверхность, на которой я стоял, тут же приблизилась к лицу. Я подумал приложить к ней руку, и в поле зрения вместо привычной пятерни возникла насекомая клешня. От клешни вверх по предплечью уходил гибкий шланг. Виднелись острые выступы хитинового покрова. Я был жуком.

— Сейчас, подожди, я к тебе присоединюсь. Стой там, не уходи, — сказал Рут.

Я подумал движение вверх и выпрямился. Я понял, где находился. Машина. Это внешний слой Машины. Из арки надо мной выскочил жук и махнул клешней.

— Как тебе? — спросил жук голосом Рута. Он походил на прямоходящую медведку: хитиновая броня с цепучками, выпуклые глазные яблоки. Когда он подобрался поближе, я обратил внимание на железный баллон, висящий на его спине, и тут же ощутил тя-

жесть на собственных плечах. Я инстинктивно провел по ним рукой снаружи, в лаборатории Рута.

— Чувствуешь уже? Отлично, лучше, чем я думал. Чем дольше ты пребываешь в этом пространстве, тем реалистичней становится. Твой мозг перестраивается и начинает верить в происходящее.

— Что это? — спросил я.

— Баллон? Это самое интересное. Следуй за мной. Просто подумай следовать за мной.

Рут припал к поверхности улья и закарабкался вверх, впиваясь в поры клешнями. Я подумал «следовать за ним», и мое виртуальное тело повиновалось.

Под поверхностью улья носились подкожные искры — вагончики света. Рут остановился, встал на задние клешни и прицелился, подобно рыбаку с копьем. Когда искра света поравнялась с ним, он гарпунно выстрелил шлангом из клешни и втянул искру в баллон.

— Попробуй, — подтолкнул он меня.

Я подумал сделать так же, но не мог четко сформулировать мысль. Мой шланг выстрелил, но промахнулся.

— Смотри, вот так, — Рут поправил мою клешню, нацелил и крикнул: — Давай!

Я выстрелил еще раз. Искра вошла в мой шланг и сочно вхлюпнулась. В момент, когда она ударилась о дно моего рюкзачного баллона, я ощутил нечто среднее между дуновением прохладного бриза в жаркий день и добротным чихом. Ощущение довершалось чувством маленькой победы, достижения, будто облако ярких монеток пронеслось сквозь душу, блеснуло и поздравило. Я тут же осознал, что таких вот искр осталось еще 99,999. До чего именно осталось было неясно, но это было неважно. Мне хотелось пережить это чувство еще раз, а потом еще и еще, подбираясь к намеченной цели, пройти четверть пути, потом по-

ловину, и в итоге собрать их все. Я уже заприметил следующую искру и занял позицию. Рут снял с меня повязку.

— Ну как? — спросил он.

Стремление вернуться обратно мелькнуло в душе паутинной нитью, кашлянуло и рассеялось.

— Что это было?

Рут положил повязку на стол.

— Игра. Пока просто Игра. Не определился еще с названием.

— Это место…

— Машина, да. Именно там. Вероятно, была некая утечка, и часть энергии, что проходила через Машину, просыпалась и осела на ее стенках налетом. В Игре ты — рабочий. Это такое насекомое, как ты уже видел. Задача рабочего — собирать искры этой ускользнувшей энергии.

— Насекомое-рабочий? Для чего это?

— Чтобы занять себя.

— Но когда? Мы и так…

— Сн, я позвал тебя сюда сегодня, чтобы донести что-то очень важное, — сказал Рут, повернувшись ко мне всем телом. — Ты готов это услышать?

Я кивнул.

— Как я и предполагал, с помощью деталей Машины мне удалось модернизировать куб. Теперь для того, чтобы его запустить, лица других пробужденных необязательны. Можно одному, — он на мгновение отвлекся, посмотрел в сторону. — Я был там. И на Скале, и еще много где. Я видел, с чего все началось и к чему приведет. Я все видел.

— И что там?

— Скоро все закончится. Проект, который ты называешь Лучший Мир, будет завершен буквально через год-полтора. После окончания строительства рабочие

будут переименованы в жителей, а город будет называться Стены.

— Ты видел будущее? — спросил я, чувствуя, как немеет лицо.

— Выслушай меня до конца. Первое время все будут счастливы. Грандиозное достижение, всего добились вместе. Праздник. Но довольно скоро станет ясно, что в совершенном мире делать нечего, и жители заскучают. Поначалу скуку можно будет легко излечить бесконечными походами в гости и разговорами ни о чем, но подобные решения протянут недолго и исчерпают себя за считанные месяцы. Без явной цели и общего дела жители Стен впадут в депрессию и перестанут покидать свои апартаменты. Даже те, у кого был интеллект, рулевые, лишившись умственной деятельности, начнут забываться, глупеть. В воздухе будет витать тоска, страшная, болезненная ностальгия. Но они не смогут вспомнить, по чему именно эта ностальгия, и от этого им будет еще хуже.

Рут замолчал, засмотревшись в пространство перед собой.

— Что станет с Адой? — спросил я блеклым тоном.

— Аде возведут памятник неподалеку от Палаты. Но через пару лет никто уже не сможет вспомнить, почему он там и в честь кого.

— Что с ней станет? — переспросил я.

— Ада исчезнет, — сказал он. — Дверь в ее апартаментов сольется со стеной.

Я встал со стула.

— Я хочу это увидеть. Пусти меня в куб.

— Сн, присядь. Есть еще кое-что, — сказал Рут, хватая меня за рукав.

Я высвободился от его хватки. Моя губа дрожала. Грохот истерики на горизонте событий.

— Сн, присядь, — повторил Рут твердым тоном.

Я вернулся в сидячее положение, осознанно контролируя каждый мускул.

— Ты не можешь вернуться в куб, — сказал он.

— Что?

— Точнее, войти ты сможешь, а выйти нет.

— Почему?

— Ты уже пробовал. В результате теперь тебя слишком много.

Из застенка реальности повеяло инеем. Вязкое ощущение колокольчиками засеребрилось в селезенке. Захотелось окунуться в дневник. Написать об этом. Забыться.

— Меня слишком много? Что это значит?

— Сн, сколько нас здесь? Сколько нас в этой лаборатории? Прямо сейчас.

— Двое, — ответил я, ощущая в груди вибрацию громадной открывающейся двери. Двери размером с галактику.

— Хорошо. Вспомни. Когда мы с тобой впервые встретились, сколько нас было? Вспомни изначальных пробужденных. Назови всех по именам.

— Я, ты...

— По именам.

— Сн, Рут, Ада, Тимш, Глич...

— И все? — он снова посмотрел куда-то в сторону. Я проследовал по направлению его взгляда.

В углу лаборатории сидел рабочий. Козырек его кепки был надвинут на глаза и скрывал его лицо в тени. Он все это время был здесь, но я его не замечал. До этого самого момента он оставался для меня абсолютно невидимым. Мор. Тот странный пробужденный, который так и не произнес ни слова. Он так и сидел рядом с кубом, в той же самой позе, на том же самом месте, где я его видел в последний раз, четыре года назад, до того, как отправился в куб. Один из шести из-

начальных пробужденных. И я о нем забыл. Совершенно забыл. Как? Почему? Кто он такой?

Рут наблюдал за мной.

— Мор. Кто такой Мор? — спросил я.

— Мор — это ты, Сн.

Я подошел к Мору и сорвал с него кепку. Он сидел не шелохнувшись, с закрытыми глазами, на вид значительно моложе, чем я, совсем мальчик, но, несомненно, с моим лицом.

— Что происходит?! — вскричал я.

— Тебя слишком много, — ответил Рут. — Если ты войдешь в куб, то наткнешься на себя в Зыби. Ты все еще там, лицом в скале. Вы все там. И Глич, и Тимш, и Ада. Только меня там нет. А у тебя сохранилось предыдущее тело, здесь.

— Предыдущее тело… — я вспомнил, как подозрительно переглянулись пробужденные, когда я спросил их о Море, как вспыхнула Ада от упоминания о нем.

— Да. Когда мы встретились впервые, ты был в этом теле, — он кивнул в сторону медитирующего Мора.

— С чего ты решил, что это был я?

— Ты представился как Сн. Мором тебя окрестил Глич уже после того, как ты вернулся из куба… вот таким. Мы знали, что ты жив, но не могли до тебя достучаться. Пришлось снова ждать, пока очнется кто-нибудь еще, найдет внутреннюю пещеру и присоединится к нам, пятым лицом, чтобы снова запустить куб. Затем явился ты. Опять. В новом теле, но с прежним именем. Если бы ты увидел молодую копию себя, Мора, который вернулся из путешествия в куб в таком состоянии, ты бы ни за что не отправился туда опять. Поэтому Тимш предложил не говорить тебе о Море, по крайней мере пока мы не вернемся из куба. И мы согласились, что не будем говорить. Я согла-

сился. — Рут смотрел прямо на меня, не сводя глаз. — Тимш убедил нас, что осталось совсем немного, что он видел что-то такое в Зыби, что-то связанное с тобой. Сказал, что нам достаточно прийти на Скалу всем вместе и ты получишь нужную информацию, выведешь нас к Машине, мы уничтожим ее и все проснутся.

Я поднес кепку Мора к глазам. Во внутренней подкладке виднелся вышитый серебристой ниткой символ Машины. Бросил ее на пол. Вот в чем было дело, вот откуда у меня было это чувство, что они что-то скрывают.

— Тимш был прав, — продолжил Рут. — Ты действительно получил в Зыби координаты Машины, и в итоге привел нас к ней, но он не учел побочных эффектов от увиденного Гличем. И мной. Ада отказалась смотреть в Зыбь во второй раз, но это было уже неважно. Окунувшись в Зыбь, я осознал, что мы так и не вернулись с первого путешествия. Все происходящее здесь, в пещере, с тех пор, не более чем иллюзия внутри скалы, воспоминание, в которое мы провалились с головой. А еще я понял, что Тимш об этом знал, но молчал. В моем видении я посетил Тимша в других жизнях, и стало очевидно, что ему нельзя доверять. Похоже, что Глич тоже что-то увидел, ты видел его реакцию.

Я вспомнил темноту по возвращении из куба, истошные крики Глича, то, как Тимш застегнул вход, замуровывая его внутри. Но что было дальше? Коллекционер выдернул меня из хода событий, в свое пространство с озерцом, и вернул обратно в пещеру уже у самой двери в шахту.

— Я хотел рассказать тебе о Море, — сказал Рут. — Но ситуация с Гличем исключила его из группы сама собой, замуровав их обоих во внутренней пещере. Я ре-

шил оставить его там. Я не беспокоился об их судьбе, зная, что их на самом деле здесь и нет, но у меня были причины волноваться о твоем состоянии. Ты был единственной надеждой найти Машину, и твой парадокс с двумя телами намекал на то, что ты способен каким-то образом перемещаться между реальностями. Я надеялся, что если мы уничтожим Машину, то сможем выбраться из Зыби. Теперь, изучив Машину изнутри, я понимаю, насколько это было глупо, но тогда звучало логично. Я знал, что у Тимша были другие мотивы, и знал, что, доберись он до Машины первым, он попытается ее починить, ведь она на самом деле поломана, в ней не хватает детали. Допустить этого я не мог, но не мог и избавиться от Тимша у тебя на глазах. Ты бы тогда совсем запутался и отказался бы вести нас к Машине. Поэтому я дождался до самого конца.

— Ада обо всем знала?

— Я пытался ей намекнуть в пути, но не был уверен, что она поняла. Я не мог говорить об этом ни в открытую, ни приватно, не вызвав подозрений у Тимша. В итоге оказалось, что она все поняла верно и поддержала меня.

Я вспомнил слова Ады на серпантине скалы. Она говорила о том, что я увижу что-то в Зыби, что подтолкнет меня к решению. И что мне нужно будет вспомнить, что это не единственный выход. О каком решении шла речь? Совершил ли я его уже?

— И все это время вы скрывали от меня правду. Зачем?

— Не мы. Я. Я пытался поговорить об этом с Адой, но каждый раз она уходила от разговора. Я так и не понял, осознает она тот факт, что мы все еще в Зыби или нет. Если честно, я подозреваю, что ей все равно. А от тебя я скрывал все по той же причине. В надежде, что все можно изменить. Мои последние путешествия

в Зыбь подтвердили эту надежду. Мы с тобой действительно можем все изменить.

— Изменить?

— Предотвратить печальное будущее Стен. Игра с насекомыми-рабочими, которую ты сегодня опробовал, способна спасти жителей от безумия. Все, что им нужно, — это занятие, стремление, маленькие награды по пути, и все это им предоставит Игра. Разработка уже завершена, мне осталось только установить Игру в каждый апартамент, при помощи радио рассказать жителям, как она работает, а дальше они сами справятся. Но нужно поторопиться, по моим подсчетам для распространения Игры нам потребуются месяцы, возможно, годы. Очень важно успеть доставить Игру до того, как жители впадут в депрессию и потеряют тягу к жизни. Поэтому я тебя и позвал. В твоей голове карта пещеры, ты знаешь в точности, где все находится, и ты способен организовать доставку копий Игры и радиоприемников по апартаментам. Пока не поздно.

— Ты врешь, — сказал я. — Это все ложь. Мираж.

— Это все мираж. Но я не вру.

Я забито оглянулся по сторонам. Предметы вокруг посмеивались надо мной, словно что-то затевали. Все эти непонятные инструменты, часы, сентябрь, октябрь, ширма, куб, Мор. Перспектива накренилась диагональю.

— Почему я должен тебе верить? И если мое незнание того факта, что мы до сих пор в Зыби так важно для твоего плана, почему ты говоришь мне об этом сейчас? Зачем раскрываешь карты?

— Я знал, что ты спросишь. Именно поэтому и позвал тебя именно сегодня, — вздохнул Рут. — Наши иллюзорные тела не продержатся здесь вечно. Я подозревал об этом, но надеялся, что, возможно, после исчезновения из этого миража мы очнемся в своих

телах там, на Скале, и оттуда уже сможем вернуться в настоящую пещеру. Если так, то нам оставалось только дождаться своего часа. Момента исчезновения. До сегодняшнего дня я не мог проверить эту теорию, но путешествие в куб подтвердило мои подозрения. Сегодня утром я отправился к Аде в апартамент, протянуть радио, но ее дверь слилась со стеной. Исчезла. Я немедленно отправился в куб, на Скалу, ожидая встретить там очнувшуюся от гипноза Зыби Аду, но она до сих пор стояла погруженная лицом в окуляр. Значит исчезновение отсюда не возвращает туда.

Я выбежал из лаборатории.

— Нет, нет, нет… — бормотал я, вслух, стоя перед серой стеной, где раньше была дверь в ее апартамент.

— НЕТ, НЕТ, НЕТ! АДА! АДА! АДОЧКА!

Рут положил мне руку на плечо.

— Сн, это еще не конец. Мы можем все изменить. Ты снова увидишь Аду, я обещаю.

Я обернулся, глядя на него истекающими резью глазами. Его силуэт миражно туманился.

— Аду… — прошептал я.

— Да. Ты сможешь увидеть Аду. Есть способ. Но мне нужна твоя помощь. Пойдем, — он повел меня обратно в лабораторию.

— Присядь. — Он усадил меня за стол. — Слушай, Сн. Все, что тебе нужно сделать, — это доставить эти приборы в апартаменты и подключить их. Собери рулевых, дай им задание, проследи, чтобы исполнили. Когда все будет готово, я сделаю объявление по радио. Объясню всем, как работает Игра. Если успеем уложиться в срок, рабочие втянутся в Игру и даже не заметят перехода, не застанут скуки построенной ими утопии. Радио будет автоматически включаться по ночам и усыплять рабочих убаюкивающей записью, чтобы они не играли круглые сутки без сна. Я не смогу

за всем этим следить, я вообще покидаю пещеру. Так что, надеюсь, все будет работать как надо, само. Я принял решение уйти в куб до того, как мое тело отсюда исчезнет. Нашел там для себя местечко. Один небольшой плазменный мир. Буду заниматься плазмой.

— Ты сказал, что я увижу Аду, — еле слышно прошептал я. У меня словно перегорел мозг, и теплая вялость осела в глазных мешках. Стало как-то слишком легко воспринимать происходящее. Легко и безразлично.

— Да. Радио в твоем апартаменте особенное. Оно работает в обе стороны; ты можешь говорить в него. Если сигнал будет ясный, то я услышу тебя там, в своем плазменном мире и напомню тебе о самом главном. Что все это иллюзия, что ты в безопасности. Иногда ты будешь забываться, но никогда не забудешься до конца. Потому что радио в твоей комнате двустороннее. И однажды Ада придет к тебе. Она будет выглядеть иначе, ее будут звать другим именем, или не будут звать вообще никак — но она придет к тебе, и ты узнаешь ее сердцем. Ты забудешь этот наш разговор, забудешь Машину, пробужденных, Лучший Мир, все, что с тобой произошло. Ты станешь одним из жителей Стен, но в душе твоей навсегда останется этот крючок, напоминание об ином, внешнем, запредельном. И так будет всегда, в этой жизни и во всех остальных.

Рут встал, подошел к сидящему в углу Мору и положил руку ему на плечо.

— После того, как удостоверишься, что все готово, Игра установлена в каждый апартамент, радио включено и работает, возвращайся к себе и ложись спать. Больше ничего не надо делать. Вскоре твоя дверь сольется со стеной, и лишнее тело исчезнет отсюда само. А очнешься ты здесь, в лаборатории. Тело Мора снова станет твоим, и ты ничего не будешь помнить.

Сияние куба освещало половину лица Рута. Рядом с Мором, моим искаженным зеркалом, я впервые отметил их сходство. Черты их лиц угадывались друг в друге: разрез глаз, подбородок. В темной стороне его профиля будто бы угадывался Тимш, было в нем что-то и от Глича. Все они могли бы быть родственниками. Все мы. Тепло разлилось по скальпу — вялое, перегоревшее, безразличное.

— Рут, — сказал я, отражаясь в его синем глазу, — скажи, а какая тебе разница, иллюзия это или нет? В Зыби мы на самом деле или здесь? К чему вся эта борьба? Почему не оставить все как есть и просто быть?

— Скушна, — ответил Рут, не открывая рта. Я распознал бензинный почерк реплики, этот витиеватый стиль.

Я молча развернулся и двинулся прочь из лаборатории, созывать рулевых для распространения Игры по апартаментам.

В тот момент я понял одну простую вещь, что загадочным образом продолжала ускользать от меня все это время. Да, голос, что произнес эту реплику, не принадлежал Руту, голос был не его. Точнее, не только его.

В этом голосе, как в разбитом космическом зеркале, отражались и Рут, и Тимш. И Глич. И я.

Не отражалась в нем только Ада.

— Ключи к калейдоскопу —

На следующей странице — наводящие вопросы для заблудившихся в лабиринте. Персональное восприятие истории будет окрашено навсегда. Перелистывать до прочтения всей трилогии не рекомендуется.

1. Каков хронологический порядок книг в трилогии?

2. Из всех обитателей дворца только Хиру занимается картографией. Эйс — единственный джоинт с памятью. Чем среди пробужденных выделяется Сн?

3. Как описывает Хиру Садовник?

4. В каком мире оказывается Герда в конце своей истории? Как Герда относится к Богине? Что случилось с Авой?

5. Чем занимался Художник в то время, как обучал Необозначенную написанию алгоритма танцующего огня?

6. После развала Машины рабочие выравнивают стены пещеры и вырезают стрелки. На что это похоже?

7. О ком напоминает походка необычного лаза?

8. Сколько дней в пещерном месяце Рута? Сколько между ритуалами во дворце?

9. Откуда берется Таннос?

10. Чем занимался Сн до пробуждения? В чем заключается роль Пунктира в Джоинте?

11. Как работает защитный механизм кубов при нападении пластилина? Через что должен пройти пластилин, прежде чем добраться до битов?

12. Как Голос относится к Богине? Кто он?

13. Как Фая общается с Необозначенной? Как она открыла третий разум?

14. Чем четвертый разум отличается от третьего?

15. Что говорит о лабиринте Коллекционер? Из чего он состоит?

тебя нет.

ШРАЙ

Картины из лабиринта

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕ ПЕЧАТАТЬ